

БАКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
BAKU INTERNATIONAL MULTICULTURALISM CENTRE

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

№ 4

БАКУ 2023

Этнокультурное наследие Кавказской Албании (сборник статей), № 4.

Баку, 2023, 232 стр.

Главный редактор:

Камал Абдуллаев *Председатель Попечительного Совета Бакинского Международного Центра Мультикультурализма, ректор Азербайджанского университета языков, Народный писатель, академик*

Ответственный за проект:

Раван Гасанов *Исполнительный директор Бакинского Международного Центра Мультикультурализма*

Научные редакторы:

Керим Шукуров *Генеральный директор Института истории им. А.А.Бакиханова НАНА, доктор исторических наук, профессор*

Наджаф Мусеибли *Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, заведующий отделом, доктор исторических наук, профессор*

Ульвия Гаджиева *Институт археологии, этнографии и антропологии НАНА, ведущий научный сотрудник, доктор философии по истории*

Редакционная коллегия:

Ричард Данакари *Профессор Волгоградского Государственного Аграрного университета, доктор философских наук, Российская Федерация*

Роман Лолуа *Профессор Института языкознания им. Арн. Чикобава ТГУ, доктор филологических наук, Грузия*

Гюльчохра Сеидова *Заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала ДГУ в г.Дербент, Российская Федерация*

Кямаля Имранлы-Лоу *Приглашенный исследователь Центра Низами Гянджеви Факультета азиатских и ближневосточных исследований Оксфордского университета, д.и.н., Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии*

Раса Чепайтене *Профессор Европейского Гуманитарного университета в Вильнюсе, старший научный сотрудник Института истории Литвы, Литва*

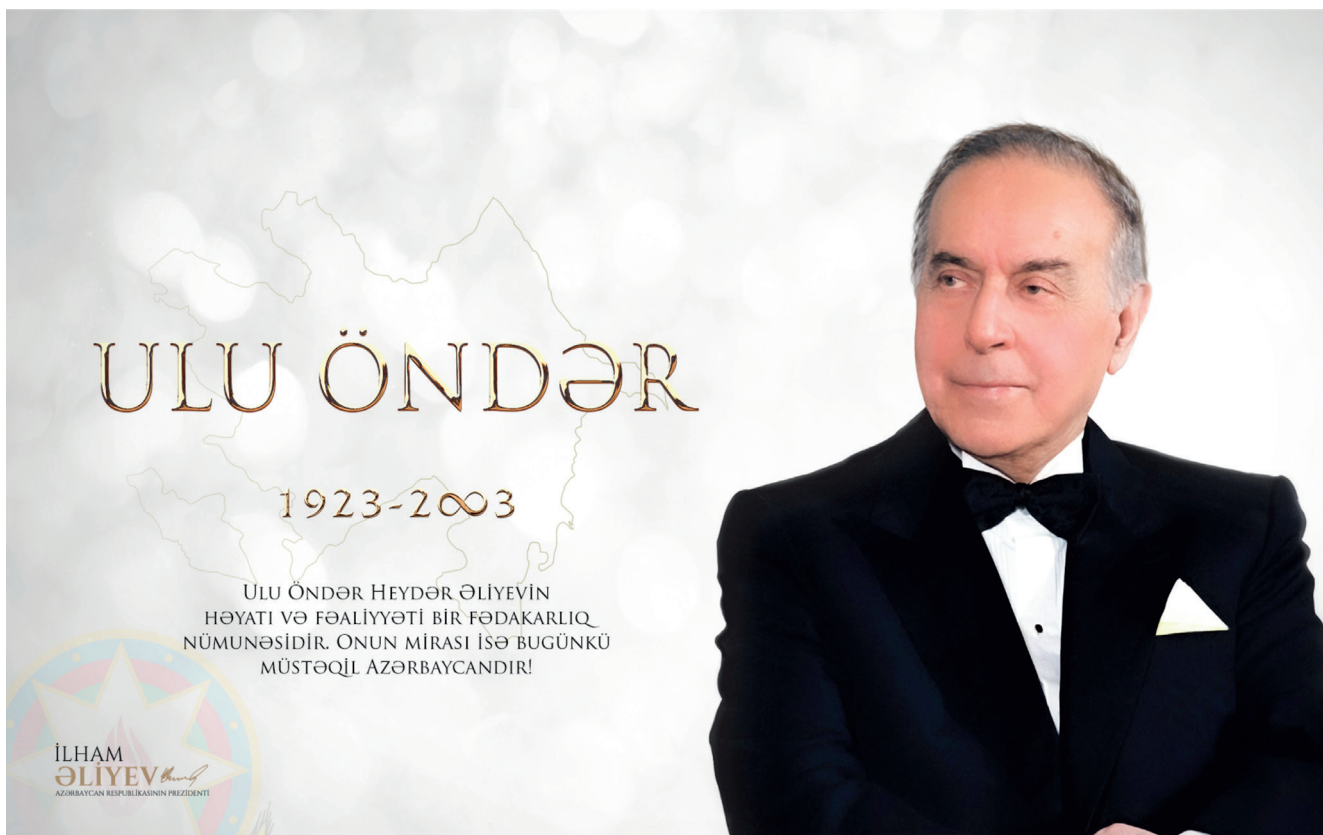
Ким Джонгил *Профессор кафедры археологии и истории искусств Сеульского Национального университета, Республика Корея*

Зураб Кананчев *Редактор журнала «Транскавказика. Южный Кавказ: история, религия, общество», Российская Федерация*

Четвертый номер сборника статей «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» посвящается 100-летию ГЕЙДАРА АЛИЕВА, основателя независимого Азербайджанского государства, Общенационального Лидера азербайджанского народа, гениального политика и выдающегося государственного деятеля и включает в себя материалы X Международной конференции на тему «Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь», организованной 14 апреля 2023 года в Баку.

ISBN 978-9952-28-676-2

© Бакинский Международный Центр Мультикультурализма, 2023

ПОСВЯЩАЕТСЯ 100-летию ГЕЙДАРА АЛИЕВА

основателя независимого Азербайджанского государства,
Общенационального Лидера азербайджанского народа,
гениального политика и выдающегося государственного деятеля

**МАТЕРИАЛЫ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ:
РЕЛИГИОЗНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ**

Баку, 14 апреля 2023 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
-------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

ГАДЖИЕВА У. Главные аспекты исторической географии Кавказской Албании	11
---	----

АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА

МУСЕИБЛИ Н., АХУНДОВА Г. Исторические корни дохристианских религиозных верований древних албанцев	22
---	----

КИМ ДЖОНГИЛ, КВОН ОЮНГ, СЕОНГ ДЖЕОНГЁНГ, СОН ДЖАЕХЬЮН. Абсолютная хронология территории Сельбир города Габала – столицы Кавказской Албании	37
---	----

АЛИЕВ Т. Гробница Сонасар позднего эллинизма в Восточном Зангезуре	48
--	----

АЛИЕВ Т. Албанские погребения античного периода в Кыпчактере	56
--	----

АЛИЕВА Г. Античная керамика Наргизтепе	66
--	----

ГАДЖИЕВ М. Аран и Адурбадаган в VI в.	72
--	----

МУСТАФАЕВ Л. Новые археологические памятники Губа–Хачмазского региона	81
---	----

НАДЖАФОВ Ш., ФАРМАНОВ Ф. О клеймах, знаках и узорах на группе албанских хачдашей (на основании материалов Газахского, Кедабекского, Дашкесанского и Шамкирского районов)	91
--	----

РАДЖАБЛИ А., НАДЖАФОВА И.М., МАМЕДОВА А. О монетах императоров Гальбы, Отона и Вителлия в Национальном Музее Истории Азербайджана	102
---	-----

ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ЭТНОЛОГИЯ, ЭПИГРАФИКА, ЛИНГВИСТИКА

АСАДОВ Ф. Тюркское население Кавказской Албании накануне и в ходе исламизации страны (VII–X вв.)	112
БЕККЕР М. Евреи в Кавказской Албании. Пути миграции	119
ГОШГАРЛЫ Г. Поход Помпея и вопрос о южной границе Кавказской Албании	123
ДАНАКАРИ Р. Социально-историческое бытие удин и современность: опыт философской реконструкции	126
ИСМАИЛОВ Ф. Некоторые сведения о верованиях и поверьях, архитектуре и топонимике Карабахского региона	135
КУРАНОВ А. Некоторые заметки об удинах Кавказской Албании	141
ЛОЛУА Р. Парадигматика кавказско-албанского алфавита	146
МЕЛИКОВ Р. Древние верования и христианство в Албании (до конца V в.)	155
ПАШАЕВА М. Деятельность первых христианских миссионеров в Кавказской Албании	164
САФАРОВ Р. Положение Албанской церкви во времена иноземного посягательства	171
СЕИДОВА Г. Кавказская Албания и древний Дербент	180
ШАЛБУЗОВА Н. Примеры из классических албанских традиций: историко–этнографические показатели кризов/грызов и удин	189
ЧЕПАЙТЕНЕ Р. Роль местных сообществ в процессах сохранения культурного наследия	195

АРХИТЕКТУРА

АДГЁЗАЛОВА А. О крестовых и трехзальных христианских храмах в Кавказской Албании (в северо–западном регионе)	204
ГАРАБАГЛЫ Р. Зангезурская ветвь Карабахской архитектурной школы	211
РАГИМОВ К., МОБИЛИ Р. Аналитическое исследование строительных материалов и кладочных растворов древних албанских памятников на освобожденных территориях Карабаха	219
ХАЛИЛОВ М., ДЖАФАРОВА Э. Килварский храм	225

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной сложной геополитической ситуации Азербайджанская Республика является надежным мостом между восточной и западной цивилизациями, одной из динамично развивающихся стран мира. Международный престиж Азербайджана возрастает благодаря правильной, взвешенной международной политике и внутренней стратегии просвещенного программированного управления, фундамент которых был сформирован Общенациональным Лидером азербайджанского народа, выдающимся государственным деятелем и уникальным дальновидным политиком – **Гейдаром Алиевым**. В связи со 100-летним юбилеем со дня его рождения (10 мая 1923 года) по Распоряжению Президента Азербайджанской Республики **Ильхама Алиева** 2023 год в Азербайджане был объявлен «Годом Гейдара Алиева».

Гейдар Алиев возглавил независимый Азербайджан в непростой период и стал настоящим лидером своей страны, консолидировал азербайджанское общество. Он провел ряд реформ, которые способствовали социально-экономическому подъему Республики, формированию военно-политического и научно-технического потенциала, культурной сферы (науки, искусства). Его национальная политика способствовала совершенствованию мультикультуральных ценностей, высокого патриотизма, взаимному уважению между различными этносами, субэтносами и конфессиями, а также сплочению всех азербайджанцев мира в единую диаспору. Ценность политики Общенационального Лидера была продемонстрирована мировому сообществу во время Отечественной войны 2020 года.

Следуя заветам Гейдара Алиева, Президент Азербайджана и Доблестный Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Ильхам Алиев во главе с победоносной Азербайджанской армией в течение 44 дней (27 сентября – 10 ноября) освободил от 30-летней армянской оккупации исторические земли Азербайджана и **за период 2020–2023 годов полностью восстановил территориальную целостность Нашей страны**.

После подписания трёхстороннего заявления между Азербайджаном, Россией и Арменией от **10 ноября 2020 года** военные провокации армян в Карабахе продолжались. В 2022 году подразделениями Азербайджанской армии была проведена антитеррористическая операция «Мечь»: освобождены высоты Гырхгыз, Сарыбаба и гора Бухдуз; армяне из Сирии и Ливии выселены из г.Лачина, сёл Забух и Сус.

Разрушенные в результате агрессивной политики армян города (Шуша, Лачин, Агдам, Джебраил, Физули) и сёла Карабаха стали восстанавливаться по проектам, основанным на самых высоких технологиях. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев и Президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган приняли участие в церемониях открытия Физулинского (26 октября 2021 года) и Зангиланского (20 октября 2022 года) международных аэропортов. Осуществление проекта «Умное село», включающее в себя 1-е, 2-е и 3-е села Агалы Зангиланского района по инициативе Президента Азербайджана Ильхама Алиева приводит к важным результатам в выполнении программы «Великого возвращения» вынужденных переселенцев в Карабах. При участии Президента Азербайджана Ильхама Алиева и Первой леди Мехрибан Алиевой состоялись церемонии открытия и был осуществлен первый этап по возвращению исконных жителей: 27 мая 2022 года в село 1-е Агалы Зангиланского района (41 семья) и 25 августа 2023 года в село Забух Лачинского района, освобожденное от армянских оккупантов (26 августа 2022 года) и заново отстроенное (20 семей из 88 человек). В Лачинский уже район вернулось 245 семьи (992 человека).

Непрекращающиеся террористические провокации армян, наращивание незаконного вооружения в Карабахе, проведение незаконных выборов привели к проведению антитеррористической операции военнослужащими Министерства обороны и МВД 19 сентября 2023 года в Карабахе. Эта операция положила конец армянскому военному сепаратизму, полному разоружению армянских военных банд и восстановлению полного контроля Азербайджана над всей территорией Карабаха.

Вечная память всем Шехидам: в Первую Карабахскую войну погибло 156 шехидов и 4 тыс. пропали без вести; в Отечественной войне (Второй Карабахской) 2020 г. – 2900 шехидов и 14 пропали без вести; в ходе операции «Мечь» в 2022 г. – 71 шехид, в 2023 г. – 192 шехида (и одно гражданское лицо), ранено 511 военнослужащих (и одно гражданское лицо).

За 2020–2023 гг. на минах взорвалось – 141 гражданских (44 погибло) и 161 военнослужащих (13 погибло).

2023 год – «Год Гейдара Алиева» ознаменован полным восстановлением территориальной целостности Азербайджанской Республики. Центральные проспекты, улицы, многочисленные объекты в разных уголках страны названы в честь **Гейдара Алиева**. По официальным данным, насчитывается около 60-ти музеев и центров в его честь. В культурной столице Азербайджана – в г. Шуше 10 мая 2023 г. одна из улиц была названа именем Гейдара Алиева, а вторая – «8 ноября» в честь Победы.

С 9 по 11 мая 2023 г. в Шуше на Джыдыр дюзю был проведён Международный музыкальный фольклорный фестиваль «Хары бюльбюль», организованный Фондом Гейдара Алиева и Министерством культуры. В связи с тем, что г. Шуша на заседании Постоянного совета Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) была объявлена культурной столицей тюркского мира 2023 года, на фестивале участвовали музыкальные и творческие коллективы из тюркоязычных стран (Казахстан, Кыргызстан, Венгрия, Автономное территориальное образование Гагаузия Республики Молдова (Гагаузская Земля), Узбекистан и Автономная Республика Каракалпакстан Узбекистана, республики Алтай, Хакасия, Саха (Якутия), Татарстан и Тыва Российской Федерации, Турецкая Республика Северного Кипра, Турция, Туркменистан). Все команды презентовали свои постановки, образцы творчества и национальную кухню. Этот фестиваль является ярким примером воплощения идей мультикультурализма в Азербайджане, позитивного взаимовлияния различных культур и этнических традиций.

Азербайджан играет важную роль в систематическом изучении истории и этнокультурного наследия Кавказской Албании, одного из древнейших государств Южного Кавказа и первого государства на территории исторического Азербайджана, сыгравшего на протяжении тысячи лет (IV в. до н. э. – начало VIII в. н. э.) важную историческую роль в этом регионе.

В результате всестороннего изучения албанского наследия на протяжении второй половины XX – начале XXI вв. было создано и развито научное направление – албановедение.

Бакинский Международный Центр Мультикультурализма успешно осуществляет реализацию государственной политики толерантности, поддерживает работу культурно-просветительских и общественных организаций всех этносов Азербайджана, организывает разносторонние конференции, презентации, «круглые столы», встречи и диалоги, осуществляет публикации серьезных научных трудов, сборников статей и журналов, а также научно-популярной и художественной литературы.

Одним из научных направлений Бакинского Международного Центра Мультикультурализма является развитие албановедения. С целью донесения результатов научных исследований, посвященных Кавказской Албании и албанскому этнокультурному наследию в области археологии, истории, этнологии, лингвистики, антропологии, нумизматики, архитектуры и искусства до широкой научной аудитории и общественности были проведены международные конференции в Италии (Рим, 2015 г.) и в Азербайджане (п. Нидж, 2019 г.), а также издан ряд ценных публикаций.

При совместной организационной поддержке Бакинского Международного Центра Мультикультурализма, Института истории имени Аббасгулу Ага Бакиханова НАНА, Фонда пропаганды духовных ценностей и Албано-удинской христианской общины 14-го апреля 2023 года в Баку состоялась X Международная конференция на тему «Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь». Целью проведения конференции была организация эффективных научных дискуссий с участием видных ученых из 10-ти стран мира – Турции (митрополит Салиба Озмен), Республики Корея (Ким Джонгил), Российской Федерации (Муртузали Гаджиев, Гюльчохра Сеидова, Ричард Данакари, Артем Куранов), Грузии (Роман Лолуа), Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии (Кямал Имранлы-Лоу), Италии (Франческо Маззола), Германии (Джост Гипперт), Норвегии (Бьерн А. Вегге), США (Грегори Н. Уильямс) и Литвы (Раса Чепайтене). На секциях конференции («Историческая география. Население и социальная жизнь», «Кавказская Албания до и во время христианства», «Кавказская Албания: географические параллели, экономическая и культурная жизнь», «Кавказская Албания: храмы и памятники») были затронуты различные вопросы, связанные с проблемами исторической географии, дохристианских верований, христианства, исламской цивилизации, общественной жизни Кавказской Албании.

Издаваемые Бакинским Международным Центром Мультикультурализма сборники статей «Этнокультурное наследие Кавказской Албании» включают в себя исследования азербайджанских и зарубежных ученых, изучающих отдельные проблемные вопросы албановедения и предназначены для представителей научной общественности, а также всех, интересующихся Кавказской Албанией и албанским этнокультурным наследием в прошлом и настоящем.

Академик Камал Абдуллаев

ВВЕДЕНИЕ

Гаджиева Ульвия

Научный редактор сборника статей «Этнокультурное наследие Кавказской Албании», ведущий научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории
<https://orcid.org/0000-0003-3548-5717>

ГЛАВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Аннотация. В данной статье исследуются главные аспекты исторической географии Кавказской Албании, которые включают в себя прежде всего вопрос о границах страны с IV в. до н.э. до начала VIII в. н.э. Ее территория простиралась от Дербента (Чола) на севере до р.Аракс – на юге, от Каспийского моря – на востоке и на западе до границ Иберии, до верховьев рек Иори и Алазани (крепости Хунаракерт/Хнаракерт) и до р.Дзорагет (включая Тавушскую область современной Армении).

Понятие «Восток» относилось к Албании и Каспийскому морю в обозначении восточного предела стран и народов, считающихся потомками библейского Иафета, сына Ноя. В I в. н.э. в апостольский период распространения христианства Албания также считалась «Востоком» по отношению к Иерусалиму, Иерусалимскому патриархату.

Возникновение Албанской государственности относится к IV в. до н.э., когда страна находилась под управлением царей из династии Араншакидов (до I в.). В период I–VI вв. здесь правили 10 царей из династии Аршакидов и в VII–начале VIII вв. – великие князья Михраниды. Следовательно, в рамках единой страны насчитывается 1000-летняя история государственности. Албанская государственность с IX до начала XIX вв. возникла в пределах отдельных удельных феодальных владений на разных её территориях и является составной частью истории Азербайджанской государственности.

Гандзасарский католикос Есаи Хасан-Джалалян в своем труде «Краткая история страны Албанской (1702–1722 гг.)» указывает на тот факт, что **Карабах в XVIII в. назывался Албанией**.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Албанская государственность, границы, письменные источники, понятие «Восток»

Keywords: Caucasian Albania, Albanian statehood, the borders, written sources, the term “East”

Главными в исследовании исторической географии Кавказской Албании являются – Албанская государственность и вопрос о границах Албании.

1. «Албания», «Агвания», «Албанское царство», «Албанская страна» упоминаются в античных, албанских, грузинских, армянских, сирийских, персидских, арабских, византийских письменных источниках, российских документах, заметках европейских путешественников с античности до конца XIX в. для обозначения одного из древних государств, существовавших на Южном Кавказе с IV в. до н.э. до начала VIII в. н.э.

Албанский летописец Моисей Каланкатуйский (Кагангатвази) (VIII в.) именует Албанию **«Востоком»** и **«Восточным краем»** в двух аспектах.

Во-первых, по его сведениям согласно библейской традиции, «пределы Иафета те, которые отделил ему Ной, от маров (мидян) до северной страны Гигерон и реки Дглата, которая отделяет Вавилон от Маров». «От Маров до Спарииона, который тянется до Океана и лежит к Северу – Атрпатакан, **Агвания**, Амазония... до островов британских». «Иафет взял страны западные и северные, где находится **Агвания** и **Каспийское море**, концы земли на Востоке» [Каганкатвацци, 1861, I, 2, с.1-3]. Таким образом, из слов албанского летописца явствует, что понятие «Восток» относилось к Албании и Каспийскому морю в обозначении **восточного предела** стран и народов, считающихся потомками библейского Иафета, сына Ноя [Игумен Алексей (Никоноров), 2021, с.41].

Во-вторых, в I в. н.э. в апостольский период распространения христианства Албания считалась «Востоком» по отношению к Иерусалиму, Иерусалимскому патриархату. Каланкатуйский отмечал, что «в удел нам, жителям Востока, достался св. апостол Фаддей, который, прибыв в Армению, в область Артаз, получил там кончину мученичества от армянского царя Санатрука. Ученик его, св.Елисей возвращается в Иерусалим и остальным соапостолам его рассказывает о его мученичестве. Там Елисей рукополагается рукой св.Иакова, брата Господня, бывшего первым патриархом Иерусалима. Елисей, получив себе в удел **восток**, направив путь из Иерусалима в Персию, избегая Армении, начинает проповедовать в Чога» [Каганкатвацци, 1861, I, 6, с.6]. Условной датой миссионерской деятельности св.Елисея в Чога/Чола, Лпинии, Албании предположительно считается промежуток времени между 51–62 гг. н.э. В с.Гис на языческом капище он «принес бескровную жертву» и «построил там церковь ранее, чем в Армении», ставшей культовым местом «матерью всех **церквей восточных**, т.е. метрополией» христианского просвещения Албании [Каганкатвацци, 1861, I, 6, с.7, II, 48, с.220; Мамедова, 2005, с.254-255, 532; Marcigliano, Messa, Visintainer, Zammattéo, 2014, s.62; Гаджиева, Мамедова, 2018, с.112-113].

Относительно многообразия названий Каспийского моря следует отметить, что оно возникло от наименований племён, которые на протяжении веков проживали у той или иной части его побережья: Албанское, Гирканское, Хазарское, Джурджанское и множество других [Дорн, 1875, с.ХХVIII, ХХIX, 65, 156-159, 235, 257, 292, 317, 536, 543, 553, 559, 569; Каспийское море (ЭСБЭ), 1895, с.667-672; Гиркания (НЭСБЕ), 1913, с.593-594; О названиях и географических картах Каспийского моря, 1892, с.3].

Так, название «**Албанское море**» (Mare Albanum) было связано с этнонимом албаны и наименованием страны – Албания [Дорн, 1875, с.ХХVIII, ХХIX, 65; О названиях и географических картах Каспийского моря, 1892, с.3; Алиев, 1987, с.4]. Еще античные авторы упоминали о построенных с давних времен Албанских воротах («*Pylae albanicae*») в самом узком месте прохода на западном берегу моря, именуемых также Гуннским проходом, вратами Джора, Чога/ Чола, Дербентскими воротами [Караулов, 1901, с.61; см. труды Муртазали Гаджиева].

Наименование «**Каспийское**» (Mare Caspium) или «**Гирканское**» море упоминалось в античных трудах: «Землеописание» Гекатея/Екатэа Милетского (VI–V вв. до н.э.), «История» Геродота (V в. до н.э.), «География» Страбона (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.), «Всеобщая история» Полибия (ок. 205–123 гг. до н.э.), «Землеописание» Помпоний Мела (15–60 гг. н.э.), «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (ок. 46–120 гг. н.э.), «Из описания племен» Стефана Византийского (VI в. н.э.), «Приложение VI: Латинские эксцерпты Барбара, после Скалигера» Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской (ум. в 340 г.)¹. Вышеуказанные античные авторы указывали, что название «**Каспийское море**» произошло от этнонима племени каспий, живущих в Албании на юго-западном побережье: *Гекатей Милетский* (фр. 169)²; *Геродот* (I, 201-203; III, 92; IV, 40; VII, 67)³; *Страбон* (XI, 1, 5-6; 2, 15; 3, 2; 4, 1, 8; 6, 1; 7, 1; 8, 8; 14, 1, 3-4)⁴; *Помпоний Мела* (I, 2, 9, 13, 19, 109; III, 6, 58)⁵; *Плутарх* (Помпей, ХХХIV, ХХХVI, Александр, XLIV)⁶; *Евсевий Памфила* (Р.182, 188, 190)⁷. Страбон писал: «к области албанцев принадлежит и область Каспиана, названная по

¹ Латышев, 1947, №1-4; 1948, №3, с.220-321; 1949, №1; №3, с.220-291; №4, с.230-244; Прилож. к ВДИ, 1950, №4.

² Ган, 1884, вып.4, с.8; Латышев, 1890, ч.I, с.2; Алиев, 1987, с.13, 107.

³ Геродот, 1972, с.75-76, 168, 196, 333; Ган, 1884, вып.4, с.13, 15, 21; Алиев, 1987, с.13-15, 107.

⁴ Страбон, 1964, с.467, 472, 474-475, 477, 480-481, 485-486, 496-497; Ган, 1884, вып.4, с.58-59, 63, 67-68, 72, 76-78; Алиев, 1987, с.17-19, 23-26, 30, 109.

⁵ Ган, 1884, вып.4, с.97-98; Алиев, 1987, с.86-88, 120.

⁶ Плутарх, 1987, т.2, с.311-312, 406-407; Ган, 1884, вып.4, с.124-127; Латышев, 1890, с.486, 491, 493; Алиев, 1987, с.51-52, 61.

⁷ Латышев, 1890, с.667; Алиев, 1987, с.100.

исчезнувшему теперь племени каспиев, именем которого названо и море» (Страбон, XI, 4, 5)¹. Помпоний Мела отмечал, что «Каспийское море... разделяется на три залива: против самого устья – Гирканский, влево – Скифский, направо – тот, к которому прилагается название всего моря – Каспийский» (Помпоний Мела, III, 5, 38-39)². Античные авторы отмечали, что «Каспийское море также называется **Гирканским**» от этнонима племени гирканов, проживающих на юго-восточном побережье моря: *Гекатей Милетский* (фр.172)³; *Полибий* (V, 55)⁴; *Страбон* (II, 1,14, 5, 31; XI, 6, 1, 7, 1-3; 8, 6, 8; 13, 6)⁵; *Плутарх* (Помпей, XXXVIII, Александр, XLIV, XLV)⁶; *Стефан Византийский* (фр.15-25)⁷.

В арабских источниках данное море также называлось **аль-Хазар/Хазарское море и Джурджанское** [Дорн, 1875, с.VIII, XII, XXIX, XXIX, 559, 608; Буниятов, Велиханова, 1988, с.114-126].

Как известно, в VI–IV вв. до н.э. юго-восточнее Каспийского моря небольшая территория, именуемая Парфией, являющаяся одной из сатрапий Ахеменидского государства, была завоевана Александром Македонским и затем вошла в состав государства Селевкидов до 250 г. до н.э. Распространив свою власть на востоке до Индии и вытеснив Селевкидов на западе за Евфрат, Аршак I Храбрый (248–216 гг. до н.э.) основал Парфянское царство, создав парфянскую правящую династию Аршакидов. Эта династия правила до 226 г. н.э., когда Парфянская держава была завоевана Ардаширом I (226–241), основавшем правящую династию Сасанидов в Персидском государстве.

Как сообщают Моисей Хоренский (V в.) и Иованнес Драсханакертци (IX–X вв.) в своих трудах под одинаковым названием «История Армении», «парфянский царь Аршак Великий назначил своего брата Валаршака царем Армении» [Хоренский, 1853, кн.II, гл.1-3, с.77-79; Драсханакертци, 1986, гл.IV, с.54-55; Хасан-Джалалян, 1989, с.13-14; Игумен Алексей (Никоноров), 2021, с.42-43]. Это указывает на то, что Парфия включила территорию Армении в состав своего государства, назначив её правителем брата парфянского царя, который здесь осуществил ряд различных преобразований.

Что касается Албании то, вероятно, в этот период страна также оказалась в зависимом положении от Парфянского царства, в связи с чем, как сообщают Моисей Хоренский, «парфянин Валаршак назначает Арана, мужа именитого, первого в деле мудрости и ума, наместником страны северной, **великой, славной** и населенной, у большой реки, называемой Куром [Курой.–Г.У.], которая прорезает великую равнину. Должен сказать тебе, что я забыл упомянуть об этом великом и именитом племени в Первой Книге, т.е. о племени Сисака, которому выпало в наследство **Алованская [Албанская.–Г.У.] равнина и горная часть той же равнины, начиная от реки Ерасха [Аракса.–Г.У.] до крепости Хенаракер (Хнаракерт)** [История Армении, 1853, кн.II, гл. 8, с.84].

Таким образом, из этих слов Моисея Хоренского следует, что Армения и Албания, которую он считает **великой и славной страной**, в указанный период были два различных государства, подвластных Парфии.

Как известно, Каланкатуйский очертил границы Албании I в., V в., VII–VIII в., сведения же об исторической географии раннесредневекового и средневекового периодов сохранились в трудах персидских и арабских авторов [Мамедова, 1986, с.87; Мамедова, 2005, с.245].

Античный автор Страбон отмечал, что «р.Кура протекает по Албании», что указывало на наличие двух её берегов [Страбон, XI, 4, 2].

Каланкатуйский, повторяя сведения М.Хоренского об основателе местной династии царей Албании – Араншакидов, сообщает, что «главою всех их был поставлен некто из рода Сисакан из потомков Иафета (Аран), который унаследовал поля и горы Албании от **реки Ерасха [Аракса.– Г.У.] до крепости Хнаракерт**» [Каланкатвази, 1861, I, 2, с.1-3]. Эти сведения указывают, что южной границей Албании в указанный период была р.Аракс.

¹ Страбон, 1964, с.476; Ган, 1884, вып.4, с.70; О названиях и географических картах Каспийского моря, 1892, с.4-7; Шопен, 1866, с.178, 362; Алиев, 1987, с.20-21.

² Алиев, 1987, с.87, 120.

³ Латышев, 1890, ч.I, с.2; Алиев, 1987, с.13, 107.

⁴ Латышев, 1890, ч.I, с.443; Алиев, 1987, с.15-16.

⁵ Страбон, 1964, с.78-79, 129, 480-482, 485, 494; Алиев, 1987, с.17-19, 23, 25, 28.

⁶ Плутарх, 1987, т.2, с.314, 406-407; Алиев, 1987, с.51-52, 63.

⁷ Латышев, 1890, ч.I, с.261; Алиев, 1987, с.97.

В административно-территориальном отношении Албания делилась на области (гавары) и провинции (наханги). Левобережная Албания делилась на гавары:

Кабалу (южнее Лпинии, севернее исторической области Эджери, между областями Шаки и Чола, здесь находилась столица Кабала);

Шаки (на северо-западе Албании, в предгорьях Кавказа, северо-западнее области Кабала, на западе и юго-западе граничила с областью Камбисеной, на северо-востоке с Лпинией, на юго-востоке с Кабалой);

Камбисену (на северо-западе Албании, от среднего течения рек Алазани и Иори на северо-западе до р.Куры на юге и до слияния рек Алазани, Иори, Куры на востоке);

Эджери (южнее области Кабалы, между реками Карасу и Гирдыманчай, на юге упиралась в р.Куру).

Три области Кабала, Шаки, Камбисена являлись также епископствами, главы которых присутствовали на всех албанских соборах.

Также следует назвать **Чолу** (прикаспийская полоса от прохода Чола (*Чор, Дербент*, к югу до г.Бешбармак) и Лпинию (северо-западнее Чолы, между Чолой и Шаки), которые не всегда входили в состав Албанского государства, будучи периферийными областями, сохранявшими временами свою автономию.

Правобережная Албания делилась на провинции (наханги):

Ути (*Утик, Отена*, простиралась в пределах от р.Куры на севере до Арцаха на юге, от границ Иберии на западе до Пайтакарана на востоке, здесь находились столица Партав (Барда) и города Айниана, Хани, Анариака, Халхал, Согарн и др.); область Гардман (Гирдман) входила в провинцию Ути на северо-западе. Севернее Ути располагалась область Сакасена;

Арцах (*Орхистена*, горная часть Карабаха и часть Мильской степи): как отмечал М.Бархударянец, «Наибольшая из гор – Арцахская горная цепь [Карабахская горная цепь. – Г.У.], расположенная между **Араксом и Дзорагетом** [река в Лорийской области соврем. Армении.–Г.У.]. Наивысшие вершины этой цепи – гора Арутюн (по-тюрски – Коч-Карадаг) в верхней части Гардманской области [в междуречье рек Шамкир-чай и Зайам-чай.–Г.У.]; западная и восточная вершины горы Мрав [Муров-даг.–Г.У.] к северо-западу Атерка [область на территории Кельбаджарского района.–Г.У.] и против южной стороны Гюлистана; горы Кит (Кети)¹ – 11284 футов, Кут – 9000 футов, находящиеся выше Цар(Тцар)ского округа; Кир² – в верхней части Дизакского округа» [Бархударянец, Арцах, 1949, I, с.11-12; 2009, с.24-25];

Пайтакаран (*Каспиана, Баласакан* располагалась в юго-восточной части Албании, занимала части Мильской и Муганской степей ниже р.Куры, примыкая к Каспийскому морю на востоке; временами область охватывала юго-восточную часть Ширвана по побережью Каспийского моря и на юге северо-восточные земли Атропотены);

Сюник (*Сюния, Сисакан, позднее Зангезур*, на крайнем юге Албании, на севере от провинции Арцах до р.Аракс на юге, включал Нахчыван и Гохтан (Ордубуд), на западе доходил до границ с Арменией) [Бархударянец, Арцах, 1948, с.11-12, 388-391; 2009, с.321-326; Мамедова, 1986, с.89-115; Мамедова, 2005, с.248-273; Safarov, 2022, p.145-151].

О границах Албании в VII в. свидетельствуют слова Каланкатуйского о великом князе Дживаншире Михраниде (630–684), который «самодержавно и с великолепием он господствовал **от пределов Иберии до ворот гуннов и до р.Аракс**» [Каганкатвацци, II, 21, с.146; Мамедова, 2005, с.368-372; Гаджиева, 2014, с.38-42].

В конце XIX в. епископ М.Бархударянец написал ряд трудов – «Агвания», «Агвания и её соседи», «Арцах», в которых указал, что границы Албании простирались от Дербента (Чола) до р.Аракса. Ссылаясь на сведения Киракоса, он отмечал, что «во времена агванских царей и князей по их приказу из р.Аракса был проведен большой канал, водами которого орошалась Пианк, Муханк и другие округа», т.е. Джебраильский район, наибольшая часть Муганской степи [Бархударянец, Арцах, 1949, I, с.27, 394; 2009, с.39, 43]. Это еще раз доказывает, что **южной границей Албании была р.Аракс**, раз албанские правители могли широко использовать реку для орошения земель провинций страны.

¹ Кетидаг/Keyti (3399 м) – расположена на западе территории Кельбаджарского района.

² Самая высокая вершина Карабахского хребта, расположенная в южной части Шушинского плато на стыке Лачинского, Ходжавендского и Шушинского районов (вершина 2725 м.).

Относительно Арцаха (Карабаха) и Сюнии (Сюник, Сисакан) Бархударянец указывал, что «**границы простирались от р.Дзорагет, включая Мургузский хребет, до р.Аракс**». Епископ пишет, что XIX округ провинции Арцах по названию Кайен был расположен от р.Дзорагет на восток и в XIX веке входил в состав Казахского уезда [Бархударянец, Арцах, 1949, I, с.11-12; 2009, с.24-25], т.е. речь идет о Тавушской области в современной Армении, которая являлась территорией Албании.

Следует отметить, что историк Киракос Гандзакеци (родом из г.Гянджа) отмечал, что Мхитар Гош (1130–1213), тоже родом из Гянджи, «поселился в монастыре, называемом Гетик, в Кайенском гаваре, на большой реке, называемой Ахстев [Агстафа-чай.–Г.У.], на правом её берегу». В этой области протекает река Гетик с притоком Гош. В конце XII в. в результате сильного землетрясения церковь разрушилась. В 1188 г. Мхитар Гош с помощью хаченского князя Вахтанга и знати возводит новую церковь, названную Нор Гетик/Новый Гетик и начинает преподавать в ней. Именно в «Албанской летописи» Мхитара Гоша впервые названо имя первого албанского летописца Моисея Каланкатуйского, автора «Истории албан», и дан дополненный список албанских католикосов. «Албанская летопись» по словам автора должна была быть продолжением «Истории албан», но осталась незаконченной, осветив лишь события 1130–1162 гг. [Гош Мхитар, 1960, с.5-8]. Следовательно, эти летописцы оставили труды о своей родине – **Албании**.

2. Возникновение Албанской государственности относится к IV в. до н.э., когда страна находилась под управлением царей из династии Араншакидов (до I в.). В период I–VI вв. здесь правили 10 царей из династии Аршакидов и в VII–начале VIII вв. – великие князья Михраниды. Следовательно, в рамках единой страны насчитывается 1000-летняя история государственности [Мамедова, 2005, с.330-376; Игумен Алексей (Никоноров), 2021, с.41-50, 58-60, 87, 118, 127, 186-203].

Начиная с IX в., потомки албанских княжеских родов создали ряд феодальных владений, княжеств-царств на отдельных территориях в Карабахе и Зангезуре: Атрнерсех в Хачене, Кетритч в Гардмане, Степан Клиа в Утике, Есаи абу Муса в Арране (Миль-Мугань, Байлакан до р.Аракс), Сахл ибн Сунбат в Шеки, Арране, Сюнике [Мамедова, 2005, с.391].

Как отмечает албанский автор, в IX в. сын владельца Хачена Атрнерсеха, Григор-Хамама Благочестивый, князь «Малого Сюника и Агванка», «благочестивый государь **Агванский**», «сделавшись албанским царём, возобновил разгромленное **царство Агванское**» [Каганкатваци, 1861, III, 21, с.273-273; Мамедова, 1986, с.105].

В IX–XII вв. было создано Сюникское царство [Мамедова, 2005, с.395-396; Safarov, 2022, p.145-151].

В XII–XIII вв. в Карабахе возникло Хаченское княжество-царство, которое в XIII в., возглавил Хасан Джалал, названный «великим князем Хачена», «царем **Албании**», «великим окраинодержателем **Албании**» [Гандзакеци, 1946, с.117-120, 132-135, 196-198; Гандзакеци, 1976, гл.20-21, 30, 39,44, 55, 57, 63; Тер-Григорян, 1989, с.6; Мамедова, 1986, с.105].

В городке Аветаранок (ныне с.Чанахчи в Ходжалинском районе Карабаха, расположенном на возвышенности левобережья ущелья Кендалан), являющего центром меликства Варанда, согласно епископу М.Бархударянцу к востоку в нескольких шагах ниже старого кладбища находилось кладбище, на котором хоронили членов рода Мелик-Шахназарянов. «На северном краю кладбища находился надгробный камень: «верхняя часть которого круглой формы, а на правой его стороне вырезано изображение некоего царя, который восседает на коне и едет вперед, вздымая в руке крест. Огромный дракон с развернутой пастью преследует царя. Другая сторона надгробья разукрашена крестом и имеет высеченную посередине очень неразборчивую надпись: «В году 690 (**1241**) почил **царь Агванка...**». Вблизи этого надгробного камня находилось другое надгробье «с портретом некоей **царицы** верхом на лошади, но без всякой надписи» [Бархударянец, Арцах, 1949, I, с.83; 2009, с.96].

Вышеуказанные сведения доказывают, что еще в **XIII в.** в Карабахе сохранялся титул «**царь Агванка**».

К XIII в. также относятся сведения армянской анонимной «Хроники», в которой отмечалось, что: «в году 684 (1235) ...под водительством Чармаган-нуина появились татары, они разрушили множество **стран** – Армению, Грузию, **Агванию**» [Армянские источники о монголах, 1962, с.78], т.е. Агвания/Албания названа наряду с Арменией и Грузией как **отдельная страна**.

В XV–начале XIX вв. в Карабахе существовало пять меликств (Гюлистанское, Джрабердское, Хаченское, Варандское и Дизакское) [Раффи, 2009].

О военно-политической обстановке в Азербайджане и сопредельных областях в первой четверти XVIII в. ценные сведения сохранил гандзасарский католикос Есаи Хасан-Джалалян в труде «Краткая история **страны Албанской**» (1702–1722 гг.).

Как название самого труда, I–II глав, так и сведения II главы ценны тем, что Есаи Хасан-Джалалян именует **Албанской страной** и левобережье, и правобережье Куры до р.Аракса, что свидетельствует о сохранении **до XVIII в.** албанского самосознания и исторической памяти об Албании и ее территории.

В главе II, повествуя о событиях XVII в., он указывает на то, что «в царство Абаса младшего Сефи были отстроены все разоренные селения и города, повсеместно утвердились церкви, монастыри и обители, и особенно св.Эчмиадзин при патриархе Филлипосе [1633–1655] и св.Гандзасар в **Албании** и агванском католикосе Петросе», т.е. Петре IV Хондзаском (1653–1675)[Иеромонах Алексей, 2005, с.182], упомянутом в надписи на колокольне Чарекского монастыря (в Кедабекском районе) в 1659 г. [Хасан-Джалалян, 1989, с.17-18, 43].

Эти сведения Есаи Хасан-Джалаляна указывают на равнозначность статуса Эчмиадзинского и Гандзасарского католикосатов в XVII в. и на то, что в **XVII в. Карабах** называется **Албанией**.

В главе V под названием «О том, что учинило племя хонов **во всей стране Агванской**» повествуется о нападениях, разорениях и опустошениях хонов/лезгин в период 1711–1721 гг. «на том и на этом берегу Куры: Шемахинскую область до г.Шемахи, области Казаха (г.Агстафа, страну Амир-Шамшадилла), Закамы [Дзегам, Шамхорский район], долины четырех рек Ганджапасана [долины рек Гянджачай и Шамхорчай], Восканапата [с.Зурнабад Гянджинского района], Кюрокпасана [долина р.Кюрекчай] и много сел в районе Партава [Барда]. Уцелевшие жители других селений спасались бегством и укрывались в горах Арцаха». Далее повествуется о нападении лезгин на Гянджу (1721), Шемаху (1721–1722). В 1722 г. они «через Железные ворота дошли до Шемахи, затем прибыли через Муганскую равнину до Баргушата на берегу Аракса, из Дизака прошли в область Варандинскую, затем в область Хачена, где все разорили и разграбили, затем двинулись в области Чараберд и Партава, напали на Гянджу. Богачи г.Гянджи обратились за помощью к иберскому царю Вахтангу [Вахтанг VI (1703–1724)], который с войском (40 тыс.) встал лагерем на южной окраине г.Гянджи. В связи с этим лезгины ушли еще до его прихода» [Хасан-Джалалян, 1989, с.23, 27, 29-31, 44-45].

Начало XVIII в. характеризуется также возникновением освободительного движения против гнета сефевидского Ирана в феодальной среде карабахских и зангезурских меликов, поддерживаемых гандзасарским католикосом Есаи Хасан-Джалаляном, которые направили письмо о помощи русскому императору Петру I. Было решено, что русское войско во главе с Петром I соединится с грузинским и карабахским войсками у Шемахи. После первого похода Вахтанга VI и ослабления персидской власти карабахские мелики «объединив всех храбрых и мужественных юношей **Агванской страны**, организовали большое войско более 12 000 человек и укрепились в неприступных местах Арцаха». «Собрав до 10 000 вооруженных мужей с великой пышностью и торжеством, считая **Агванское государство** восстановленным, через три дня остановились близ Гянджи в местности Чолак, т.к. Вахтанг тоже стоял лагерем в этом районе» [Хасан-Джалалян, 1989, с.33-36, 43-45]. Однако этот поход не имел никакого успеха, т.к. Петр I вернулся из Дербента в Россию.

К XVIII в. относятся проект и письмо князя Г.А.Потемкина-Таврического, в которых было сказано: «воспользуясь персидскими неурядицами, занять Баку и Дербент и присоединить Гилян, захваченную территорию назвать **Албанией**, как было ранее – будущего наследия великого князя Константина Павловича»; «устроить край Армянский и ту часть, которая должна составить **Албанию**, также и царство Ираклиева» [Мамедова, 2005, с.597].

Как было отмечено выше, в конце XIX в. епископ М.Бархударянц в своих трудах – «Агвания», «Агвания и её соседи», «Арцах» оставил сведения об албанской государственности.

Повествуя о меликах Карабаха, М.Бархударянц сообщает интересные сведения о правителях Дизакского меликства, в частности о Мелик Егане (1737–1744), которого, по словам Раффи, Надир-шах называл «своим духовным отцом, пожаловал ему титул хана, сделал главой всех пяти меликств» [Раффи, 2009].

Надпись на надгробном камне Мелика Егана гласила: «властвовал в **области Агванской**. Был почтен народом Персии больше, чем ишханы Армянской» [Бархударянц, Арцах, 1949, I, с.73; Гаджиева, 2021, с.98], т.е. в XVIII в. **Дизакское меликство именуется Албанской областью и указана антитеза – правитель Агванской области и ишханы Армянской**.

Таким образом, резюмируя всё сказанное, следует констатировать, что границы Албании простирались от Дербента (Чола) на севере до р.Аракс – на юге, от Каспийского моря – на востоке до границ Иберии, до верховьев рек Иори и Алазани (крепости Хунаракерт/Хнаракерт) и до р.Дзорагет на западе. Тавушская область современной Армении является округом Арцахской провинции Албании и, следовательно, исторической территорией Азербайджана, как правопреемника албанского этнокультурного наследия в указанном регионе.

В изданном в 2023 г. сборнике статей «Caucasian Albania. An International Handbook» (Berlin/Boston, 2023, 735 p.), под редакторством Ж.Гипперта и Ж.Дум-Трагут (Jost Gippert and Jasmine Dum-Tragut), подготовленном в течение трёх лет (2020–2023), о чем свидетельствует аннотация, освещаются источниковедческие, исторические, этнические, религиозные и социальные проблемы Кавказской Албании с поздней античности до наших дней. Редакторы этого сборника в предисловии заверяют, что данный сборник представляет собой современные сведения об исторических реалиях Кавказской Албании на основе исследований, имеющих текстовые и археологические источники [Caucasian Albania, 2023, p.vi]. Однако уже с первых страниц видна направленность данного издания доказать, что Албания существовала территориально до р.Куры в античности, албанское наследие правобережья Куры, т.е. Карабаха и Западного Азербайджана, является исторически, этнически и культурно наследием армянского этноса и Армянского государства с глубокой древности до сегодняшнего дня.

В предисловии Ж.Гипперт и Ж.Дум-Трагут противоречат сами себе. Вначале они утверждают, что «в поздней античности и раннем средневековье Южный Кавказ делился на три страны: Великую Армению, Иберию (Восточную Грузию, Картли) и так называемую Кавказскую «Албанию» (*In Late Antiquity and the Early Middle Ages, the Southern Caucasus was divided into three countries, Greater Armenia, Iberia (Eastern Georgia, Kartli) and the so-called Caucasian “Albania”*) [Caucasian Albania, 2023, p.v].

Ставя название страны – Албания и исчезновение ее истории и культуры в кавычках в обозначении нереальности их существования, неверно утверждается малая изученность данной темы.

Далее редакторы признают, что Армения, Грузия и Албания – «Эти три страны образовали этнический, языковой и религиозный конгломерат, граничащий как географически, так и культурно с Юго-Восточной Европой и Западной Азией» (*These three countries formed an ethnic, linguistic and religious conglomeration which bordered both geographically and culturally with South-Eastern Europe and Western Asia*); «армяне, грузины и множество кавказских и других народов проживало вместе на территории древней и средневековой Кавказской Албании, начиная с античности, оставив свой след в истории, культуре и языке Кавказской Албании как одного из древнейших государств Южного Кавказа (*Armenians, Georgians, and a multitude of Caucasian and other peoples have lived together on the territory of ancient and medieval Caucasian Albania since Antiquity, leaving their traces in the history, culture and language of Caucasian Albania as one of the ancient states of the Southern Caucasus*) [Caucasian Albania, 2023, p.v, vii].

В предисловии сборника указано, что после окончания Второй Карабахской войны в ноябре 2020 года правительство Азербайджана, возвращаясь к теории «албанизации», выдвинутой З.Буниятовым, «быстро начало классифицировать средневековые армянские памятники в Карабахе как албанские, даже демонстративно удалив армянские надписи. Армения, в свою очередь, ссылается на свои прочные церковные связи с Кавказской Албанией, которые, как считается, очень сблизили страну с армянской культурой» (*has quickly started to classify medieval Armenian sites in Karabakh as Albanian, even demonstrably removing Armenian inscriptions. Armenia, in turn, refers to its strong ecclesiastical links with Caucasian Albania which are believed to have brought the country very close to the Armenian culture*)[Caucasian Albania, 2023, p.vi].

Этим утверждением редакторы сборника отрицают всю ту доказательную историографию, которая на протяжении второй половины XX и начале XXI веков опровергла все армянские концепции относитель-

но принадлежности албанского наследия и территории Карабаха и Западного Азербайджана в частности, к истории Армении.

Статья «Главные аспекты исторической географии Кавказской Албании» также является обоснованным ответом на ряд высказываний некоторых авторов вышеуказанного сборника статей «Caucasian Albania», а также на книгу Г.Г.Айвазяна «Удины: Историко-этнографический очерк» (Ер., 2023), в которой даны 2 карты (по Клавдию Птоlemeю) и вновь выдвинула та же концепция, согласно которой южной границей Кавказской Албании была р.Кура, а все правобережье Куры входило в состав Армении.

Как было отмечено выше, согласно сведениям гандзасарского католикаса Есаи Хасан-Джалаляна и епископа Макара Бархударянца (уроженцев Карабаха) даже в XVIII веке Карабах всё еще назывался Албанской страной.

История Албанской государственности, возникшей в IV в. до н.э. и просуществовавшей до начала VIII в. в пределах единой страны (от Дербента на севере до р.Аракс на юге), а затем на протяжении веков до начала XIX в. в рамках отдельных удельных феодальных владений на разных её территориях, является составной частью истории Азербайджанской государственности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиев К.Г. Античные источники по истории Азербайджана. Баку: Элм, 1987, 132 с.
2. Айвазян Г.Г. Историко-этнографический очерк / Ред.: А.А.Акопян. Ер.: Изд-во ИАЭ, 2023, 296 с.
3. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и прим. А.Г.Галстяна. М.: Изд-во восточной литературы, 1962, 141 с.
4. Бархударянц М. Арцах. Баку, 1895, 461 с. Часть I–II (на арм. яз) / Перевод Яргуляна, 1949-НАИИАНА инд. №1622.2010, 415 с.
5. Бархударян М. Арцах. Историко-географическая характеристика. Баку, 1895, 461 с. (на арм. яз.)
6. Бархударян М. История Албании. Т.I. Вагаршапад, 1902, 224 с; Т.II, Тифлис, 1907, 176 с. (на арм. яз.).
7. Бархударян М. История албанцев. Тифлис, 1901, 213 с. (на арм. яз.).
8. Бархударян М. Страна агванов и их соседи. Тифлис, 1893, 302 с. (на арм. яз.).
9. Буниятов З.М., Велиханова Н.М. Каспийское море в арабских источниках (статья вторая)/ Изв. АН Аз.ССР. Серия истории, философии и права, №3. Баку: Элм, 1988, с.113-126.
10. Гандзакеци Киракос. История / Пер. с древнеарм. яз. Т.Тер-Григорьяна. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1946, 302 с.
11. Гандзакеци Киракос. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммен. Л.А.Ханларян. М., 1976, 357 с.
12. Гаджиева У. Реликвии албанского христианского населения Карабаха в V–XIX вв. // Transcaucasica: Южный Кавказ и сопредельные регионы: источники и историография / Под общей ред. З.В.Кананчева. Вып.2. М., 2014, с.36-43.
13. Гаджиева У. Краткий исторический обзор о селе Туг Ходжавендского района Азербайджана // Вакі Universitetin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası, 2021, №2, s.93-105.
14. Гаджиева У., Мамедова Ф. Миссионерская деятельность святого Елисея // "Dövlət və din" jurnalı, № 01 (54) yanvar-fevral, Bakı, 2018, s.110-119.
15. Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе / СМОМПК. Вып.4. Отдел I. Тифлис: Тип. Канц. Главнач. гражд. частью на Кавказе, 1884, с.1-248.
16. Геродот. История в девяти / Пер. и примеч. Г.А.Стратановского. Под общ. ред. С.Л.Утченко. Ред. пер. Н.А.Мещерский. Л.: Наука, 1972, 600 с.
17. Гиркания / НЭСБЕ. Под общ. ред. акад. К.К.Арсеньева. Т.XIII. СПб.: Тип. Акц. Об-ва «Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон», 1913, с.593-594.
18. Гош Мхитар. Албанская хроника / Предисл., перевод и коммент. З.М.Буниятова. Баку: Изд-во Академии наук Аз.ССР, 1960, 34 с.
19. Драсханакертци И. История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. статья и коммент. М.О.Дарбинян-Меликян, отв. ред. К.Н.Юзбашян. Ереван: Совет. грох, 1986, 400 с.
20. Дорн Б.А. Каспий. О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря. С двумя литограф. картами и восемью политипажамми. Прилож. К XXVI тому Записок Имп. Академии наук. №1. СПб.: тип. Академии наук, 1875, 718 с.
21. История Армении Моисея Хоренского / Перевел с арм. и объяснил Н.Эмин. М.: Тип. Каткова и К°, 1853, 392 с.
22. Епископ Макаре Бархударянц. Арцах / Сост. и подгов. текста Б.А.Григорян, В.Г.Григорян. Пер. с арм. Н.Алексяна. СПб.: «Наука», 2009, 394 с., 23 ил.
23. Игумен Алексей (Никоноров). История Церкви Кавказской Албании по Моисею Каланкатуйскому / Отв. ред. Л.М.Раванди-Фадаи. Ин-т востоковедения. М.: ИВ РАН, 2021, 392 с.
24. Иеромонах Алексей (Никоноров). История христианства в Кавказской Албании. Баку: «Нурлан», 2005, 204 с.
25. Каганкатвази М. История агван / Пер. с арм. К.Патканова. СПб.: тип. Импер. Академии наук, 1861, 376 с.
26. Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ал-Истахрий. Книга путей и государств // СМОМПК. Вып.29. Отд.I. Тифлис: Тип. Канц. Главначал. гражд. частью на Кавказе, 1901, с.1-73.
27. Каспийское море / ЭСБЭ. Под ред. К.К.Арсеньева и Ф.Ф.Петрушевского. Изд.Ф.А.Брокгауз (Лейпциг), И.А.Ефрон (С-Петербург): Т.XIV^A (28). СПб.: Типо-Литография И.А.Ефрон, 1895, с.667-672.
28. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1-4; 1948, №3, с.220-321; 1949, №1; № 3, с.220-291; №4, с.230-244; Прилож. к ВДИ, 1950, №4 (указатель), 88 с.

29. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. Греческие писатели [Прил. к «Запискам Императорского Русского Археологического общества»]. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1890, Ч.1, 950 с.
30. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
31. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
32. О названиях и географических картах Каспийского моря / Сост. А.Ф.Мюллер. Астрахань: Тип. В.Е.Лесникова, 1892, 62 с.
33. Плутарх. Избранные жизнеописания / Пер. с древнегр., сост. и примеч. М.Томашевский. Т.11. М.: Изд-во «Правда», 1987, 608 с.
34. Раффи. Меликство Хамсы. 1600–1827 гг. М.: Изд-во «ЮниПрессСК», 2009, 223 с.
35. Страбон. География / Пер., статья и коммент. Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964, 943 с.
36. Тер-Григорян Т.И.Есаи, католикос албанский / Хасан-Джалалян Есаи. Краткая история страны Албанской / 1702–1722 гг./ Пер. с древнеарм. яз. Т.И.Тер-Григоряна. Предисл. и подготовка к изданию акад. З.М.Бунятова. Баку: Элм, 1989, с.6-10.
37. Хасан-Джалалян Есаи. Краткая история страны Албанской / 1702–1722 гг./ Пер. с древнеарм. яз. Т.И.Тер-Григоряна. Предисл. и подготовка к изданию акад. З.М.Бунятова. Баку: Элм, 1989, 48 с.
38. Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб, 1866, 501 с.
39. Caucasian Albania. An International Handbook / Edited by Jost Gippert and Jasmine Dum-Tragut, published by Walter de Gruyter GmbH, Berlin/Boston, 2023, 735 p.
40. Marcigliano A., Messa A., Visintainer E., Zammatteo P. La Chiesa ApostolicaAlbana. Le radici di un simbolo dell' Azerbaigian. Stampa: Publistampa Arti Grafiche – Pergine Valsugana. 2014, 126 s.
41. Safarov R. Interpretation of the historical geography of Siunia in light of new data // Ethnocultural Heritage of Caucasian Albania (collection of articles), No.3. Baku, 2022, p.144-153.

АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА

Мусебли Наджаф

*Научный редактор сборника статей «Этнокультурное наследие Кавказской Албании»,
заведующий отделом «Этноархеология» Института археологии, этнографии
и антропологии НАНА, доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-4228-6364>*

Ахундова Гюльнара

*Ведущий научный сотрудник Института археологии, этнографии
и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент
<https://orcid.org/0009-0001-4267-8405>*

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДОХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ ДРЕВНИХ АЛБАН

Аннотация. В древних обществах религиозные верования, как правило, сохранялись веками, как продукт консервативного образа мышления, мало меняясь с течением времени. Изменения были тесно связаны с такими факторами, как образ жизни людей, хозяйственная деятельность, погребальные традиции и т.д. Со сменой исторических периодов в религиозных верованиях происходили коренные изменения. Однако некоторые верования также в определенной степени перешли на следующий этап. В этом отношении особенно примечательна преемственность связи на территории Азербайджана эпохи поздней бронзы–раннего железа с албанским периодом, относящимся к следующему этапу. Эта связь проявляется как в материальной культуре, так и в религиозных верованиях. Как неоднороден был этнический состав населения Кавказской Албании, одного из древних государств Азербайджана, так и распространенные здесь в дохристианскую эпоху религиозные верования были также разнообразны. Однако то или иное религиозное верование не всегда совпадало с ареалом распространения конкретного этноса. Сведения о древних религиозных верованиях Албании, встречающиеся в трудах античных авторов ограничены и не полностью освещают эти верования. Поэтому археологические памятники, образцы материальной культуры, обнаруженные при раскопках, наряду с наглядными сведениями о древних верованиях албан, указывают и на их связь с более древними периодами. К таким верованиям относятся различные типы погребальных памятников и обрядов захоронений, астральные верования, культ животных и другие религиозные представления.

Ключевые слова: албаны, астральные верования, храм Луны, археологические раскопки, овальные здания, поклонение Солнцу, культ животных

Keywords: Albanians, astral beliefs, Temple of the Moon, archaeological excavations, oval structures, worship of the Sun, animal cult

Астральные верования. В древней Албании наиболее распространенными религиозными верованиями были астральные верования – поклонение Солнцу и Луне. Из античных авторов Страбон оставил относительно подробные сведения об этом. В этих сведениях астральные верования в Албании отождествляются с аналогичными верованиями в греко-римских культурах и выражаются теми же именами: боги Гелиос (Солнце) и Селена (Луна). Согласно сведениям Страбона, албаны «почитают Гелия, Зевса и Селену, в особенности же Селену, святилище которой находится вблизи Иберии. Обязанность жреца у них исполняет самый уважаемый человек после царя; он стоит во главе большой и густонаселенной священной области» [Страбон, XI, IV, 7]. Хотя о точном местонахождении храма Селены – богини Луны ведутся споры уже более ста лет, этот вопрос не решен до сих пор.

В научной литературе факт поклонения албанами одноименным богам часто интерпретируется, ссылаясь на труды авторов античности, и сложилось такое впечатление, что астральные верования в Албании возникли под влиянием греко-римских культур [Алиев, 1992, с.151-155]. В то же время отмечалось, что Страбон называл албанских богов Гелиосом, Зевсом и Селеной, сравнивая их с греческими богами [Вабаяев, Әһмәдов, 1981, s.20]. Подобные верования албан авторы античности называли в соответствии с греко-римской культурной средой, к которой они сами принадлежали. Подобно большинству народов древнего мира, поклонение Солнцу и Луне существовало у албан с глубокой древности, продолжалось и распространялось во времена Албанского государства. Следы поклонения Солнцу и Луне отражены в структуре погребальных памятников, на наскальных изображениях, орнаментах керамических изделий, в оформлении украшений Азербайджана древнего периода.

В научной литературе сведения Страбона о местонахождении храма Селены — богини Луны в Албании вблизи Иберии создали дискуссии о локализации этого храма. А.Крымский, имея ввиду Шекинскую зону, писал: «Повидимому где-то в этих самых местах или очень недалеко от них находилось отмеченное Страбоном по близости Иверии (т.е. Грузии, в частности Кахетии) древнее албанское святилище Луны, в котором иногда совершались вещие человеческие жертвоприношения. Святилище, по Страбону, представляло собою крупный многолюдный жреческий город, с большими политическими полномочиями, и его хозяин, главный жрец, был в древней Албании вторым лицом после царя, резидировавшего, понятно, не тут, а в своей Кабале (или Кабалаке)» [Крымский, 1938, с.369-370].

Как видно, А.Крымский писал, что храм Луны находился в Шекинской зоне, а в его заметках, основанных на сведениях Страбона, храм Луны упоминается как город жрецов. Однако, как указано выше, согласно трудам Страбона, «жрец стоит во главе густонаселенной священной области», а в сообщениях Страбона, как указывает А.Крымский, нет сведений о том, что храм Луны был крупным городом (или же находился в крупном городе) жрецов.

О.Исмизаде, поддерживая мнение А.Крымского о расположении албанского храма Луны на территории нынешнего Шекинского района, пишет, что это место компактного проживания албан, т.е. Хафтаранская долина, была одной из главных центральных провинций древней Албании [Исмизаде, 1956, с.72].

Некоторые авторы (И.А.Джавахишвили, Г.А.Меликишвили, К.В.Тревер) предполагают, что этот храм находится в зоне Кахетии или Картли, в пределах Иберии. Это предположение пытались обосновать тем, что в том районе позже была построена христианская церковь, а собравшиеся здесь христиане справляли «Храмовый праздник», происхождение которого было связано с язычеством в древности. По их мнению, бог Луны был главным богом древнегрузинского пантеона. Не соглашаясь с этим мнением, Р.Геюшев писал, что существует местная древняя история такого обряда в Албании и вообще обрядов, связанных с поклонением Луне. Наряду с этим Р.Геюшев отмечал, что здания общественного назначения, обнаруженные в ряде памятников в результате археологических раскопок, в том числе в древнем Габалинском поселении, являлись храмовыми постройками [Геюшев, 1984, с.18].

Дж.А.Халилов более подробно проанализировал позицию авторов, утверждающих, что храм Луны находится за пределами Албании, и обосновал ошибочность этого мнения. Исследователь поддержал идею о том, что храм Луны когда-то находился в зоне Габалы—Шеки—Гах. Согласно его мнению, поклонение Луне существовало не только в древней Грузии, но и в соседних странах. «Храм, Албании, названный Страбоном, несомненно, находился в Албании. Нам кажется, что к локализации его правильно подошел А.Е.Крымский, помещавший этот храм в районе Шеки. К.В.Тревер, считает эту локализацию ошибочной, ссылаясь на то, что «район Шеки в I в. до н.э. находился весьма далеко от пределов Иберии». Но Страбон не указал, на каком расстоянии от Иберии находился храм. Кроме того, храмовая земля, может быть, не ограничивалась территорией одного современного района Шеки, а охватывала более широкую зону. Нахождение в зоне этого района одного из крупных и главных городов Албании — Кабалы, остатки знаменитого храма Лекита и других памятников Албании как бы указывает на то, что храм Луны находился именно здесь» [Халилов, 1985, с.194].

М.Эфенди пишет, что храмом богини Луны в сведениях Страбона является храм Кюрмюк в Гахском районе и отмечает, что с этим верованием связано и название реки Кюрмюк [Әfәndi, 2005]. Одна группа исследователей указывала на то, что существует определенное соответствие между священными обрядами,

проводимыми один раз в год в храмах Луны в ареале греко-римской культуры античного периода и обрядами, проводимыми в настоящее время вокруг христианского храма Кюрмюк в Гахском районе. По их мнению, такие обряды проводятся раз в году не только в Кюрмюке, но и в других храмовых комплексах, посещаемых местными христианами в Гахском районе [Керимов и др., 2007, с.5].

В связи с этим Г.Джабиев в своей статье также акцентировал внимание на христианском храме Кюрмюк и в основном ссылаясь на этнографические материалы. По его словам, храм Кюрмюк – единственный албанский храм в регионе, который посещают все люди, независимо от их этнической и религиозной принадлежности. Далее автор отмечает, что посетители храма совершали обряды, происхождение которых восходит к доисламскому и дохристианскому периодам, и на месте паломничества, именуемом «черным камнем», сохранились остатки постройки датируемой приблизительно IV в. Подводя итоги, автор пришел к выводу, что храм Луны-Селены когда-то был построен древними албанами на «черном камне». После официального установления в Албании христианства на месте этого храма был построен албано-христианский храм Кюрмюк [Сәбіуев, 2015, s.189-192].

М.Пашаева также связывает некогда существовавший храм Луны с территорией нынешнего храма Кюрмюк и пытается обосновать это этнографическими данными. Автор пишет, что, по свидетельству местных жителей, высокая скала на территории храма Кюрмюк в прошлом была местом поклонения Луне, и в этом месте совершались церемониальные обряды [Paşayeva, 2015, s.25-27].

Изменившиеся с течением времени устно-этнографические данные не могут быть достоверным источником для определения местонахождения дохристианского храма Луны Селены (в том числе в районе храма Кюрмюк). Так, в период античности поклонение Луне было широко распространено во всех северных районах Албании, и вполне естественно обнаружение некоторых пережитков этого верования в этнографии данных регионов. Однако вопрос о местонахождении упомянутого Страбоном храма Луны – Селены, датируемого 2000 лет назад, не может быть решен на основе современных этнографических данных.

Следует упомянуть еще об одном вопросе, связанном с обсуждаемой темой. Начиная с ранних времен распространения христианства в Албании, происходил процесс смешивания более древних местных, языческих традиций с христианством. Начиная с IV в. первые христианские храмы строились непосредственно над или рядом с языческими храмами, святилищами. Это, в свою очередь, было одним из методов борьбы христианства с язычеством. Наряду с христианством в христианских церквях совершались обряды дохристианских верований [Ямпольский, 1962, с.41-42; Геюшев, 1984, с.63-66].

Однако до сих пор факт возведения христианских храмов на более древних культовых объектах в северных районах Азербайджана археологически не установлен. Создается впечатление, что храмы прежних религий были меньше, чем построенные на них христианские храмы, поэтому их остатки были основательно разрушены. Однако остается возможность обнаружения каких-либо их структурных остатков при археологических раскопках в будущем. Особое значение имеют лишь результаты раскопок, проведенных в христианских храмах Кюрмюк Гахского района и Киш Шекинского района под руководством В.Керимова. Раскопки в Кише выявили 4 фазы строительства в нижних слоях, самая древняя из которых датируется II–I вв. до н.э. Специалисты, проводившие раскопки, писали, что первые остатки постройки этого периода принадлежали небольшому культовому зданию [Керимов, Стурфиел, 2003, с.43-44]. Не возражая против этого мнения, считаем необходимым отметить, что сведения о полном плане и постройке этого здания отсутствуют. В то же время, то, что остатки этого здания имеют религиозное назначение и к какой религии оно принадлежит, не подтверждено необходимыми материальными фактами и анализами. Кроме того, нет никакой хронологической связи и стратиграфической последовательности между этим небольшим культовым сооружением и построенным над ним церковным зданием.

Раскопки велись также вокруг храма Кюрмюк, наиболее часто упоминаемого при вопросе о локализации храма Луны. Они велись на ограниченной территории под руководством В.Керимова в районе храма Кюрмюк. В результате раскопок он указал на три этапа строительства, начавшихся в период поздней античности (I–III вв.) и продолжавшихся в средневековье. В то же время автор отметил, что остатки самого древнего этапа строительства не сохранились. Здесь были найдены только остатки фундамента, который

относится к I–III вв. Был обнаружен лишь небольшой фрагмент этого фундамента, а основная его часть осталась под более поздними постройками, включая нынешнюю церковь [Керимов и др., 2007, с.24–27].

Невозможно прийти к какому-либо однозначному мнению о назначении этого небольшого остатка фундамента, обнаруженного в Кюрмюке. Возможно, что этот фундамент не относился к периоду античности, а является остатком церкви раннего средневековья. Хотя не исключено, что сохранившийся небольшой фрагмент сооружения, сложенного из речного камня и известкового раствора вокруг нынешнего храма Кюрмюк, является остатками древнего храма, нет никаких факторов, подтверждающих его принадлежность к храму Луны периода античности. Факты, доказывающие существование упомянутых Страбонем остатков храма Луны на территории Кюрмюка, археологически не обнаружены.

Таким образом, вопрос о локализации храма Луны в Албании до сих пор пока остается спорным. Нельзя сказать, что этот храм находится в пределах Иберии: Страбон писал, что храм Луны находился на территории Албании, недалеко от границ Иберии. Представление о том, что храм Луны находится в зоне Шеки и Гаха, не подтверждается никакими вещественными находками. Потому, что в этой зоне не обнаружены остатки построек, которые можно было бы считать храмом Луны. Очень ограниченная информация в письменных источниках не помогает решить эту проблему, то есть уточнить местонахождение храма Луны в той или иной степени. Поэтому археологические памятники можно считать более надежными источниками для исследования этого вопроса.

Во время археологических раскопок, проводившихся в различных регионах Азербайджана, в строении погребальных памятников начиная с периода халколита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н.э.) были обнаружены конструкции в виде полумесяца. Так, в кургане Хачбулаг № 1 Дашкесанского района, в курганах Союмбулаг № 3 и 14 Агстафинского района, в курганах Амили № 2 и 3 (Рис. 1. 1) Габалинского района, в кургане Кюдюрлю № 2 Шекинского района (Рис. 1. 2) обнаружены конструкции в виде полумесяца, сложенные из камней, земли и массы охры [Джафарзаде, 1960; Ахундов, 2001; Museibli, 2014; Müseyibli, 2022]. «Полумесяцы» из речных камней обнаружены в некоторых захоронениях в некрополях Зеямчая (Шамкирский район) и Товузчая (Товузский район), относящихся к периоду поздней бронзы–раннего железа, т.е. непосредственно в предшествии албанской культуры [Müseyibli, Nəcəfov, 2019, s.23; Müseyibli və b., 2021, s.63]. Разумеется, все эти конструкции в погребальных памятниках имели непосредственное отношение к религиозным верованиям. Так, погребальные обряды заняли важное место в религиозных верованиях. Как видно, археологическими раскопками доказано, что поклонение Луне распространилось в эпоху ранней бронзы в районе Шеки и Габалы, где в античный период предположительно располагался храм Луны. В албанский античный период астральные верования, особенно поклонение Луне, еще больше распространились.

Вопрос о местонахождении храма Луны представляет интерес и в контексте археологических раскопок последних лет. Как уже было отмечено, в источниках античного периода указывалось, что этот храм находился в пределах северных районов Албании, недалеко от Иберии. Конечно, искать такой храм, являвшийся главным религиозным объектом в ранний античный период, за пределами столицы, т.е. крупнейшего поселения региона нецелесообразно. Политическое управление и религия в те времена были едины и считались высшей ступенью общества. Неслучайно, согласно античным источникам, в Албании жрец считался самым уважаемым человеком после правителя, и он стоял во главе большого храма густонаселенной провинции. Вот поэтому храмы строились как самые величественные здания, и в то же время они были политическими центрами. В тот период и на более ранних этапах истории вокруг храма кипела жизнь, а поселение расширялось.

В плане определения местонахождения храма Луны привлекают внимание археологические раскопки, проводившиеся в последние годы в городе Габала, который в античный период был столицей Албании. Наряду с тем, что Габала была столицей, густонаселенным районом албан, она также находилась недалеко от границ Иберии, как это показано в античных источниках. В результате археологических раскопок в этом городе, проведенных в 1983–1990 и 2005–2015 гг. под руководством член-корр. НАНА И.А.Бабаева, в III раскопчном участке обнаружены остатки пяти больших, овальных построек, расположенных близко друг к другу (Рис. 1. 3, 4). Эти здания были построены из сырцовых кирпичей на фундаменте из речных камней. Самое большое из них — овальное здание № 1 (Рис. 1. 3) имело длину 74 м и

ширину 23 м, а также ширину фундамента 1,8 м, толщину стены 1,6 м. Крыша и основание здания были построены из речных камней. Крыша держалась на 11-ти столбах, которые, вероятно, были сложены из сырцовых кирпичей. Внутри здания на возвышенности из речных камней вдоль стены можно было разместить около 600-700 человек. Судя по стратиграфии раскопок и обнаруженным здесь археологическим находкам, это здание овальной формы относится к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. В целом все обнаруженные постройки с овальным планом относятся к периоду с IV в. до н.э. – началу I в. н.э. Аналоги этих уникальных планировочных построек не известны ни среди албанских памятников, ни в других регионах. Исследователи справедливо отмечают, что во всех этих овальных зданиях Габалы проводились большие религиозные церемонии, представления, государственные и общегородские собрания. Это мнение обосновывается еще и тем, что при раскопках в местности, где эти постройки компактно расположены, были обнаружены культовые артефакты – глиняные женские фигурки, зооморфные фигурки и т.п. [Babayev, 2012; Babayev, Nəcəfova, 2017, s.106; Babayev və b., 2017, s.194; Сафарова, 2022, с.74-78]. Помимо этого, более подробно утверждается тот факт, что эти постройки являются храмами. Хотя и упоминаются сведения Страбона о поклонении албан Гелиосу, Зевсу и Селене, отмечено, что кому и чему были посвящены эти храмы, остается неизвестным [Сафарова, 2022, с.77]. Таким образом, вопрос о точном местоположении храма богини Луны пока остается без ответа.

На основании сравнительного анализа данных Страбона и результатов археологических раскопок, проведенных на месте античного города Габала, полагаем, что овальное здание № 1, остатки которого здесь были обнаружены, вероятно являлось храмом Селены – богини Луны. Можно отметить несколько факторов, усиливающих это предположение.

Первый из них, как уже упоминалось выше, это местонахождение Габалы близ Иберии по сведениям Страбона. Правда, Габала не так близка к Иберии, как территория Шеки или Гаха. Но Страбон, как уже было отмечено, не писал, как далеко от иберийской границы находился храм Луны. Важность сведений Страбона в этом вопросе состоит в определении региона, где располагался храм Луны. На наш взгляд, более реалистично, что эта информация касается Габалинской зоны.

Второй фактор заключается в том, что дата постройки здания овальной формы № 1 (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) совпадает с годами жизни Страбона (64/63 г. до н.э. – 23–24 гг. н.э.). Другими словами, Страбон сообщил о событии, которому он был современником, и почти исключена возможность того, что он допустил здесь ошибку. Только сведения об этом, большого размера, исключительно великолепном овальном здании, по строению совершенно отличном от всех построек того времени, могли дойти до Страбона.

Еще одним фактором является то, что упомянутое здание имеет уникальное строение и предназначено не для проживания, а для массовых собраний. На всех этапах древней истории культовые сооружения отличались от других построек своей конструкцией. Это овальное здание и другие постройки этого типа (за исключением овальной постройки № 4) изнутри не разделены на части и имеют вид цельного зала, что, в свою очередь, свидетельствует о массовости проводимых здесь мероприятий. В те времена основные массовые мероприятия были связаны с религиозными церемониями. Обнаружение здесь ритуальных находок также подтверждает, что постройка носит религиозный характер. Поскольку в то время в Албании в основном поклонялись богине Луны, соответственно в ее честь могли построить самый большой храм. Можно предположить, что остальные овальные постройки здесь тоже относятся к богине Луны, но построены они были в разное время или параллельно предназначались для разных категорий мероприятий, проводимых в честь богини Луны.

Известно, что в северных районах Албании в более древние времена были распространены верования, связанные с Луной (конструкции в виде полумесяца в захоронениях). Интересно, что в античный период поклонение Луне было более всего распространено именно в северных и западных районах Албании. Многочисленные изображения полумесяца на керамических изделиях, найденных в этом регионе (Мингячевир, Габала), и сведения в древних источниках о наличии в этих районах храма Луны дают основания так думать. Похоже, что в период античности поклонение Луне было основным религиозным верованием в северных провинциях Албании и приграничных районах Иберии.

Одним из интересных моментов является компактное расположение зданий овальной формы, обнаруженных при археологических раскопках в античном городе Габала. Эти постройки, вероятно, были центром «храмовой провинции», храмовым имуществом.

В античной Албании было также широко распространено поклонение Солнцу. Чаще всего это наблюдается в орнаментах и художественном оформлении предметов материальной культуры – керамике, украшениях. В частности, в этом плане более интересны керамические изделия, обнаруженные в результате раскопок в Мингячевире. Изображения, символизирующие Солнце, наносились на глиняную посуду, особенно на матры, как краской, так и вырезкой [Qaziyev, 1960, XXXI-XXXII tablolar]. Символы Солнца с круговым расположением точек были также обнаружены в некрополе Ялойлутепе в Габале. Здесь Солнце также нарисовано внутри чаши в виде круга в центре и линий, проведенных от него в стороны [Исмизаде, 1956, табл.XV, 1-2; табл.XVI, 3]. На сосуде типа тарелки, найденном в некрополе периода античности Кырах-Кесаман в Агстафе, методом лощения изображено Солнце, охватывающее всю внешнюю поверхность посуды [Müseyibli, Axundova, 2022, şəkil 2. 4]. В Албании в античный период символ Солнца последовательно использовался и в оформлении украшений. К таким украшениям относятся медальоны, подвески, пряжки, фибулы и др. На вставках колец изображалась свастика, как один из символов Солнца [Ахундова, 2020, с.183].

В Азербайджане имеются изображения с символами Солнца на наскальных рисунках и керамике, относящиеся ко всем этапам эпохи бронзы, что в свою очередь является отражением древних верований о Солнце. В наскальных рисунках и керамике периода ранней бронзы Солнце изображалось спиралевидной формой. В эпоху средней бронзы более реалистичные изображения Солнца на глиняных узкогорлых сосудах сочетались с типологической формой этой посуды. Этот стиль получил более широкое распространение в эпоху поздней бронзы – раннего железа, и в то же время в орнаментации сосудов открытого типа использовались символы Солнца. Традиция украшения однотипной керамики теми же методами продолжалась и в албанский период. Все эти факторы указывают на преемственную связь как в сфере материального производства, так и в сфере религиозных верований.

Культ животных также занял большое место в религиозных верованиях албан. Проявления этих верований ярко отражаются в орнаменте и художественном оформлении гончарных изделий, являющихся предметами массового производства и украшений. Объектами культа животных были лошади, собаки, олени, быки, бараны, змеи и различные птицы. Установлено, что все перечисленные животные были захоронены целиком или отдельными частями в погребальных памятниках, относящихся к Ходжалы–Кедабекской культуре доалбанской эпохи. На глиняной посуде изображены композиции из рисунков этих животных. Эти традиции, являющиеся проявлением религиозных верований, сохранялись, как преемственность в Албании даже в античный период.

Известно, что в древнем Азербайджане в период халколита – во второй половине V тыс. до н.э. лошади были одомашнены. В эпоху ранней бронзы лошадей использовали в сельском хозяйстве, и скорее всего, возникли верования, связанные с этими животными. В эпоху средней бронзы лошадей использовали в качестве средства передвижения и для того, чтобы запрягать в повозки. В этот период впервые появился обычай хоронить лошадей в курганах. В эпоху поздней бронзы, наряду со всем этим, лошади использовались и в военном деле. В этот период особенно сильно развились и заняли важное место в системе верований населения представления о лошадях, был широко распространен обычай захоронения лошадей целиком и отдельными частями.

С начала XX в. в Азербайджане – близ Гянджи, в районе Гейгёль, в некрополе Гасанлы близ Урмии [Погребова, 1977], в Шахтагинском некрополе в Нахчыване [Алекперов, 1960, с.47], в Карабахе [Сəfərov, 2000], в Мингячевире [Асланов и др., 1959] были исследованы погребальные памятники, в которых лошадей хоронили как по частям, так и целиком (иногда отдельно, иногда вместе с людьми). Эти захоронения были связаны с культом лошади. Все эти археологические памятники относятся к концу II – началу I тыс. до н.э. – периоду поздней бронзы – раннего железа.

Культ лошади продолжался и в албанский период. Это прежде всего проявляется в украшениях античного периода. Из албанских памятников были обнаружены бронзовые подвески с изображениями

лошадей, а также глиняные фигурки лошадей, все они были связаны с религиозными представлениями того времени [Ахундова, 2020, с.160].

Верования в оленей широко представлены в материальной культуре и погребальных обрядах конца эпохи средней бронзы – начиная со второй четверти II тыс. до н.э. и вплоть до первой половины I тыс. до н.э. Достаточно показать лишь несколько примеров. Это изображения оленей на керамике, фигурки оленей из бронзы. В качестве яркого примера таких находок можно упомянуть изображение оленя на глиняной посуде и фигуру оленя из бронзы в Караджамирлинских курганах № 2 в Шамкирском районе XV–XIV вв. до н.э. (Рис. 2. 1, 2) и керамический сосуд с изображением оленя, обнаруженный в захоронении № 7 Товузчайского некрополя в Товузском районе эпохи поздней бронзы–раннего железа (Рис. 2. 5) [Гусейнова, 2011; Müseyibli və b., 2021]. В двух курганах (№ 149, 150), раскопанных Я.И.Гуммелем в районе Гейгель, относящихся к середине II тыс. до н.э., олени были захоронены вместе с людьми (Рис. 2, 3, 4). В кургане № 150 были захоронены два оленя, запряженные в повозку (Рис. 2. 4) [Гуммель, 1992, с. 9–11]. На бронзовых поясах эпохи поздней бронзы–раннего железа, обнаруженных на различных памятниках Азербайджана, имеются изображения оленей наряду с другими животными [Xəlilov, 1062]. Все это, безусловно, свидетельствует о существовании определенных религиозных представлений об оленях в эпоху бронзы–раннего железа.

Культ оленя в духовной культуре сохранился и в последующем античном периоде, и это хорошо видно на многочисленных образцах материальной культуры, обнаруженных на албанских памятниках. Среди изображений оленей, связанных с религиозными воззрениями в материальной культуре Албании античного периода, следует особо отметить найденные в кувшинных погребениях Мингячевира керамические сосуды-ритоны с изображениями оленей и зооморфных узоров. Более интересен ритон из кувшинного погребения № 30 (Рис. 3.1). Этот продолговатый сосуд для питья с ручкой в виде головы оленя, очень аккуратно изготовлен. Другие зооморфные ритоны (Рис. 1, 2, 3) выполнены целиком в виде оленя [Qaziyev, 1960, s.11, 13, XXV, XXX tablolar]. Такие ритоны производились специально для использования в религиозных церемониях и в процессе проведения этих церемоний наполнялись определенной жидкостью. Тот факт, что эти сосуды оформлены с изображением оленя, несомненно, связан с культовыми верованиями в это животное.

При археологических раскопках были обнаружены многочисленные украшения с изображениями оленей. Ярким примером таких находок является подвеска с фигурой оленя, найденная в Мингячевире (Рис. 3. 4) и медальон с изображением оленя (Рис. 3. 5), обнаруженный в глиняном саркофаге (ванночном погребении) № 3 вблизи села Молласакли Исмаиллинского района. На медальоне очень аккуратно, реалистически изображена повернутая назад голова оленя [Qaziyev, 1960, XL tablo; Османов, 2006, с.132].

На территории Азербайджана религиозные представления, связанные с собаками, возникли с эпохи неолита – на этапе появления раннеземледельческих культур. Собака была одним из первых животных, одомашненных оседлым, земледельческим и скотоводческим населением. На памятнике Кюльтепе I в Нахчыване собаки были захоронены вместе с людьми в двух неолитических могилах. Череп собаки был обнаружен около колен погребенного в могиле № 12 взрослого человека, захороненного на левом боку в скорченном положении. В могиле № 41 скелет собаки был обнаружен около ног человека, который был похоронен в скорченном положении на правом боку. В слое ранней бронзы этого памятника найдена фигурка собаки из глины. Исследователь памятника О.А.Абибуллаев связал захоронение собак в неолитических могилах Кюльтепе I, а также фигурку собаки из глины в слое эпохи ранней бронзы с существовавшим в те времена культом собаки. По его мнению, эти находки показывают, что в представлении древних жителей Кюльтепе образ собаки отражал идеи охраны и сбережения жилья, имущества, посевов, стад и самого человека. С собакой были связаны культовые представления древнего человека [Абибуллаев, 1982, с.46, 49, 142–143].

В эпоху поздней бронзы–раннего железа на территории Азербайджана наблюдалось большое развитие материального производства и хозяйства. В этот период, в частности, животноводство претерпело больший процесс роста, чем в предыдущие этапы, а отгонное скотоводство поднялось на небывалый уровень. Конечно, в это время собака была ближайшим помощником скотоводов в охране стада и имущества. Возрастание роли собаки в хозяйстве привело к возникновению поверий об этом животном. Ряд

фактов, отражающих эту веру в материальной культуре и погребальных обрядах, был выявлен в ходе археологических исследований.

Наиболее ярким примером этого является захоронение собак вместе с людьми в Товузчайском некрополе, относящемся к Ходжалы–Кедабекской культуре. Здесь собак похоронили вместе с людьми в могилах № 10, 53 и 54. Особый интерес представляет порядок захоронения в могиле № 53 (Рис. 4). Здесь в ступенчатой, двухъярусной могиле на верхнем ярусе была захоронена женщина на левом боку. Перед ней, на нижнем ярусе в сидячем положении были похоронены две собаки. Положение этих похороненных собак означает, что они являются защитниками захороненной здесь женщины [Müseyibli, 2008, s.11].

Культ собаки занимает определенное место в религиозных представлениях жителей Кавказской Албании. В этой связи более интересны находки в Шемахе. При раскопках, проведенных Дж.Халиловым в древней Шемахе, был найден ритон из мягкого известняка в хозяйственной яме III–II вв. до н.э. (Рис. 5; Рис. 6). Его высота 17 см, диаметр 9 см. Верхняя часть ритона дополнена рельефными изображениями двух человеческих и одной собачьей голов. Автор раскопок отмечал, что это изображение головы собаки связано с обрядовыми представлениями. В то же время обнаружено, что собаки были захоронены вместе с людьми в некоторых древних могилах Шемахи. По словам одного из античных авторов Валерия Флакка, каспии, одно из албанских племен, после смерти собак проявляли к ним уважение подобно тому, как и к людям и хоронили их в могилах своих предков, героев. Другой античный автор Юлий Солин сообщает, что албаны натравливали собак на диких животных, и таким образом эти собаки могли побеждать диких быков и львов. Он писал, что албанский царь подарил Александру Македонскому двух таких собак. Эти собаки убили льва, и прыгая очень высоко, измучили и свалили слона [Xəlilov, 1973, s.253-256]. Олени также изображены на этом ритоне прорезными линиями (Рис. 6), что, в свою очередь, указывает на то, что этот ритон также имеет отношение к культу оленя.

Все это привело к дальнейшему развитию особых отношений с собаками, представлений о культе собак, начавшемся с более ранних этапов в древней Албании. Эти религиозные представления нашли отражение в погребальных памятниках, обрядовых предметах, орнаментах и других археологических материалах [Ахундова, 2020, с. 170-174].

Вывод. Таким образом, исследования показывают, что почти все области древних дохристианских религиозных верований Албании античного периода – погребальные обряды в грунтовых погребениях, астральные верования, связанные с поклонением Луне и Солнцу, сакральность различных животных, особенно культ лошади, оленя и собаки, в плане основных атрибутов тесно связаны с культурами предшествующих периодов. Эти связи религиозных верований являются составной частью комплекса преемственности албанской культуры в целом с предшествующими периодами, особенно с эпохой поздней бронзы–раннего железа. Отдельные компоненты указанных религиозных верований сохранились в Албании и в более поздний период, на этапе христианства.

Вера в Луну была более распространена в дохристианской Албании, особенно в северных регионах. Не исключено, что в этом регионе в связи с этим верованием были построены культовые объекты, остатки которых не сохранились до наших дней. Однако мы полагаем, что огромное для того времени овальное здание, обнаруженное на городском участке древней Габалы, является остатками упомянутого Страбоном храма Луны Селена. Некоторые следы этого верования о поклонении Луне и ее священности можно найти и сегодня. Полумесяц является одним из священных символов в исламском мире. Все это также является одним из доказательств преемственной связи этапов древней истории нашего народа на этих землях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Babayev İ.A. 2005-2009-cu illərdə Qəbələnin antik ərazisində aparılmış arxeoloji qazıntıların hesabatları // Qəbələ arxeoloji ekspedisiyasının hesabatları. Bakı, 2012, s.65-192.
2. Babayev İ.A., Əhmədov Q.M. Qəbələ. Bakı: "Elm", 1981, 109 s.
3. Babayev İ., Nəcəfova İ. 2016-cı illərdə Qəbələdə aparılan arxeoloji tədqiqatlar haqqında / Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası: hesabatlar, tapıntılar. 2015-2016. Bakı: "CBS", 2017, s.102-117.
4. Babayev İ.A., Nəcəfova İ.M., Heydərova Ü.M., Mustafayev L.X. Qəbələ arxeoloji ekspedisiyası Antik Qəbələ dəstəsinin çöl tədqiqat işləri haqqında / Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – 2015-2016. Bakı, 2017, s.194-203.
5. Cəbiyev Q. Qədim alban məbədi Selenanın lokallaşdırılmasına dair // Strateji təhlil, Say 3 (14), 2015, s.188-194.
6. Cəfərov H.F. Azərbaycan e.ə. IV minilliyin axırı – I minilliyin əvvəllərində. Bakı: "Elm", 2000, 187 s.
7. Əfəndi M. "Kürmüç məbədi" Aya sitayiş məbədidir / "Yaddaş" qəzeti, 15 iyul, 2005-ci il, № 33 (60).
8. Xəlilov C.Ə. Azərbaycandan tapılmış tunc kəmərlər / Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. IV cild. Bakı, 1962, s.68-108.
9. Xəlilov C.Ə. Maraqlı incəsənət abidəsi / Azərbaycanın maddi mədəniyyəti. VII cild. Bakı: "Elm", 1973, s.251-257.
10. Qaziyev S.M. Mingəçevir arxeoloji həfriyyəti. Kəp qəbirləri albomu. Bakı, 1960, 117 s.
11. Müseyibli N.Ə. Qədim Azərbaycanda itlərdən istifadə və it kultu (etnoarxeoloji tədqiqat) // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası, 2007, №2. Bakı: "Nafta Press", 2008, s.5-29.
12. Müseyibli N. İlk Tunc dövrü Əmili kurqanları // Sosial elmlər, 2022, №2, s.73-94.
13. Müseyibli N., Axundova G. Albaniya dövlətinin tarixi kökləri məsələsinə dair // Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu), №3, Bakı, 2022, s.22-29.
14. Müseyibli N., Nəcəfov Ş. Zəyəmçay nekropolu. Bakı: "Elm və təhsil", 2019, 424 s.
15. Müseyibli N., Nəcəfov Ş., Hüseynov M., Tovuzçay nekropolu. Bakı: "Elm və təhsil", 2021, 348 s.
16. Paşayeva M. Azərbaycanda dinlərin sinkretizm nümunəsi: Kürmük məbədi // Dövlət və Din - № 12 (41), dekabr, 2015, s.24-30.
17. Абибуллаев О.А. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982, 314 с.
18. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960, 251 с.
19. Алиев К. Античная Кавказская Албания. Баку: «Азернешр», 1992, 238 с.
20. Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, 238 с.
21. Ахундов Т. Северо-западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку: Элм, 2001, 332 с.
22. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: "Elm və təhsil", 2020, 280 с.
23. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку: Элм, 1984, 192 с.
24. Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // Вестник древней истории. Москва: «Наука», 1992, № 4(203), с.5-15.
25. Гүсейнова М. Из истории Южного Кавказа. Ходжалы–гедабекская культура Азербайджана (XVI–IX вв. до н.э.). Баку: «Bizim kitab», 2011, 200 с.
26. Джафарзаде И.М. Хачбулагская археологическая экспедиция 1960 года / Материальная культура Азербайджана. Том VIII. Баку: Элм, 1976, с.15-45.
27. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: АН Аз.ССР, 1956, 132 с.
28. Керимов В., Стурфиел Б. Киш. История, архитектура, археология. Баку: "Çaşıođlu", 2003, 183 с.
29. Керимов В., Алиев М., Керимов И., Эфенди М. Курмукский храм Кавказской Албании. Баку: "Nafta-Press", 2007, 49 с.
30. Крымский А. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки / Сб. «Памяти академика Н.Я.Марра». М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938, с.369-384.
31. Османов Ф. История и культура Кавказской Албании. IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку: «Тахсил», 2006, 288 с.
32. Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. Москва: «Наука», 1977, 184 с.
33. Сафарова У. Овальные сооружения античной Габалы // Этнокультурное наследие Кавказской Албании, № 3, Баку, 2022, с.73-79.
34. Страбон. География в 17 книгах / Перев. с греческого и коммент. Г.А.Стратановского. М.: Наука, 1964, 944 с.
35. Халилиев Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании. Баку: Элм, 1985, 236 с.
36. Ямпольский З.И. Древняя Албания. III–I вв. до н.э. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, 394 с.
37. Museibli N. The grave monuments and burial customs of the Leilatepe culture. Baku: "Nafta-Press", 2014, 156 p.

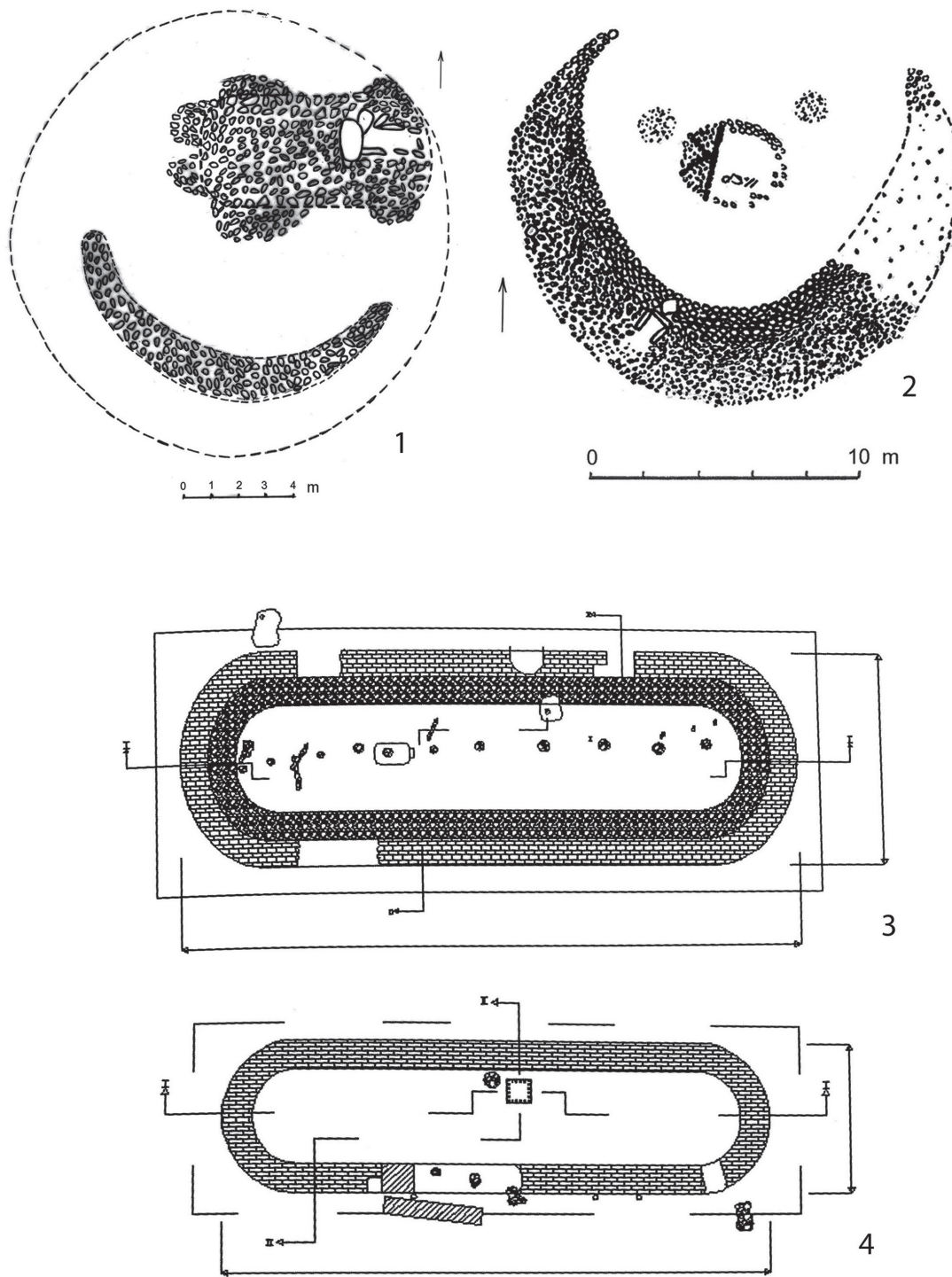

Рис. 1. 1 – Габала, курган Амили № 3; 2 – Шеки, курган Кюдюрлю № 2;
3-4 – Остатки овальных построек № 1 и 2 в античной Габале

Рис. 2. 1, 2 – Глиняный сосуд и бронзовая фигура оленя из кургана № 2;
 3 – Гейгель, могила № 149; 4 – Гейгель, могила № 150;
 5 – Глиняный сосуд из погребения № 7 Товузчайского некрополя

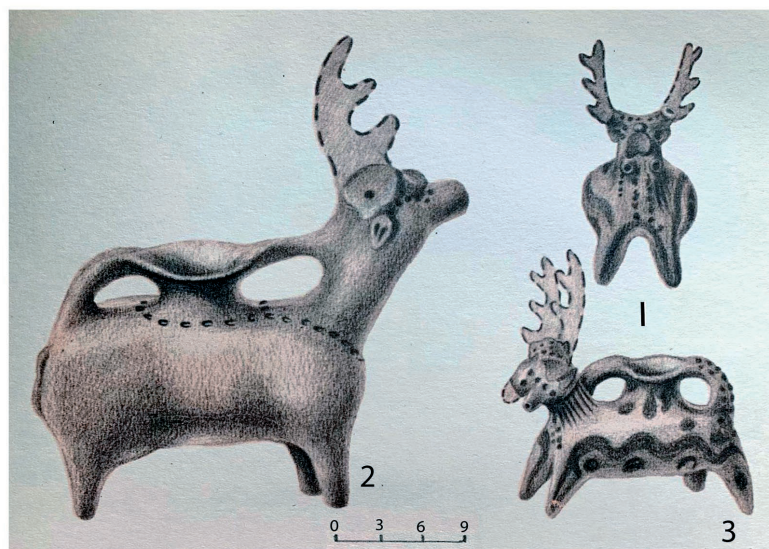
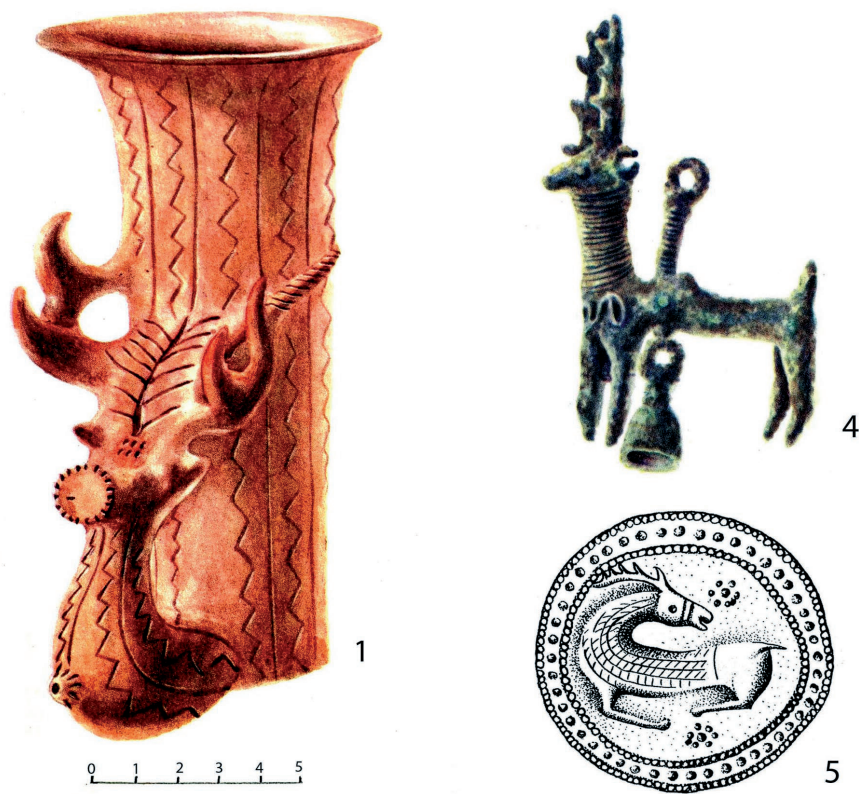

Рис. 3. 1-3 – Мингячевир, глиняные ритоны;
4 – Мингячевир, бронзовая подвеска; 5 – Моллаисакли, медальон

Рис. 4. Товузчайский некрополь. Графическая реконструкция погребения № 53 (художник Ф. Фарманов)

*Рис. 5. Шемаха, Хыныслы.
Каменный антропоморфно-зооморфный ритон*

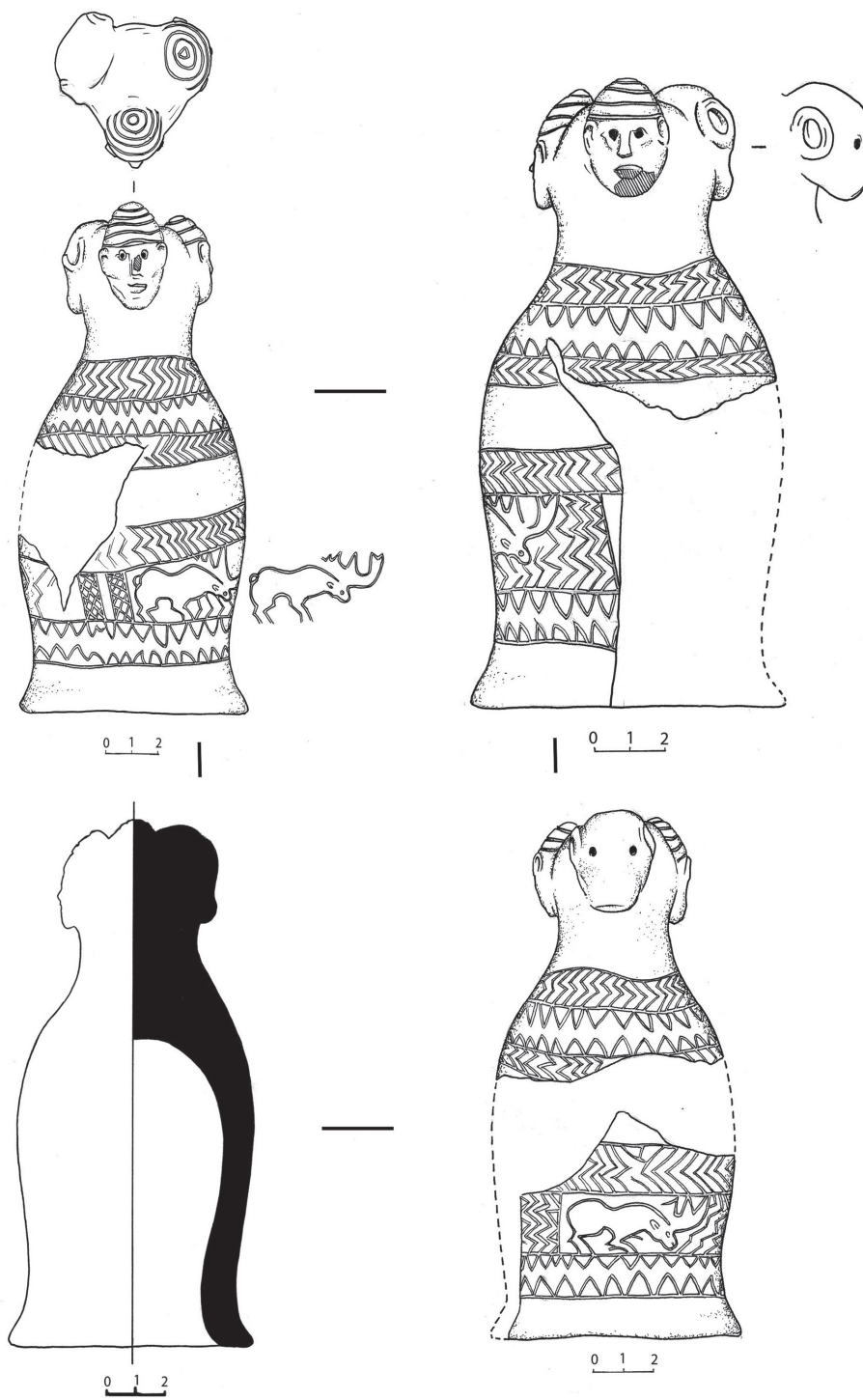

Рис. 6. Шемаха, Хыныслы.
 Каменный антропоморфно-зооморфный ритон
 (художник С. Фарманлы)

Ким Джонгил
*Профессор кафедры археологии и истории искусств
Сеульского Национального университета (Республика Корея)*

Квон Оюнг
*Профессор кафедры истории
Сеульского Национального университета (Республика Корея)*

Сеонг Джеонгён
*Профессор кафедры археологии и истории искусств
Национального университета Чунбук (Республика Корея)*

Сон Джаехьюн
*Научный сотрудник Корейской Ассоциации
исследования Евразийской цивилизации (Республика Корея)*

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ТЕРРИТОРИИ СЕЛЬБИР ГОРОДА ГАБАЛА – СТОЛИЦЫ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Аннотация. С 2009 года Азербайджано–Корейская совместная экспедиционная группа проводит раскопки на территории Сельбир (одной из территорий города Габала – являющейся столицей Кавказской Албании), при полной поддержке Азербайджано–Корейской Ассоциации Культурного Обмена СЕБА (Сеул-Баку). В археологических раскопках принимали участие азербайджанские археологи из Национальной Академии Наук Азербайджана и корейские археологи из различных университетов и археологических подразделений. В общей сложности до 2019 г. было проведено десять сезонов полевых работ; в 2020, 2021 и 2022 гг. никаких раскопок не проводились по причине пандемии COVID-19, а в 2023 г. они опять продолжились.

Хронология территории Сельбир, по времени его заселения, была выявлена с помощью относительных и абсолютных датировок, которые подтверждают существующую гипотезу о том, что и территория Сельбир могла быть одной из территорий города Габала с момента становления этого города столицей Кавказской Албании с IV в. до н.э. и позже.

Ключевые слова: Габала, территория Сельбир, абсолютная хронология, типы захоронений, артефакты
Keywords: Gabala, Selbir territory, absolute chronology, burial types, artefacts

С 2009 года Азербайджано–Корейская совместная экспедиционная группа проводит раскопки на территории Сельбир (одной из территорий города Габала – являющейся столицей Кавказской Албании), при полной поддержке Азербайджано–Корейской Ассоциации Культурного Обмена СЕБА (Сеул-Баку).

Азербайджано–Корейская совместная экспедиционная группа, в состав которой входят азербайджанские археологи из Национальной Академии Наук Азербайджана и корейские археологи из различных университетов и археологических подразделений, имела следующие основные цели:

- 1) получить базовую информацию о процессе формирования раннего государства в Кавказском регионе, а именно в Кавказской Албании;
- 2) достичь систематического понимания обмена между Восточной и Западной цивилизациями;
- 3) обмен знаниями и опытом для археологов двух стран касательно общих раскопок, которые могут способствовать научному и культурному обмену в дополнение к укреплению доброй воли между двумя странами.

В общей сложности до 2019 года было проведено десять сезонов полевых работ. Какие-либо раскопки в течение трех лет (2020, 2021 и 2022) не проводились по причине пандемии COVID-19. Однако мы планируем возобновление раскопок с 2023 года.

В результате проведенных к настоящему времени исследований было получено много результатов. Например, на территории Сельбир:

- завершено исследование северной городской стены, позволившее детально раскрыть процесс возведения стен, охватывающий период со второй половины I тыс. до н.э. до средневековья;
- в ходе этого процесса были также идентифицированы девять захоронений у северной стены (относящихся к античному и средневековому периодам), в которых были обнаружены различные личные украшения, останки человеческих скелетов и др.;
- кроме того, исследования, проведенные на участке рядом с западной городской стеной (западный участок) [The History of Gabala, 2017, p.43], выявили наличие своего рода «некрополя» с катакомбами от античного до средневекового периода;
- а также на территории Сельбир обнаружены остатки различных строений и очагов, водопроводных и дренажных сооружений, гончарных печей, колодцев и др.

Помимо исследований территории Сельбир в 2015 и 2016 годах был раскопан курган бронзового века в Дизахлы (небольшой деревне, расположенной в 10 км от территории Сельбир) [The History of Gabala, 2017, p.22; Yi Seonbok, Kwon Ohyoung and ets., 2017, pp.118-149]. Оказалось, что этот курган был сильно разграблен. Раскопки выявили интригующую внутреннюю структуру и метод строительства, принятый в этом регионе.

Что еще более важно и что можно подчеркнуть, это то, что хронология территории Сельбир, по времени его заселения, была выявлена с помощью относительных и абсолютных датировок, которые подтверждают существующую гипотезу о том, что и территория Сельбир могла быть одной из территорий города Габала с момента становления этого города столицей Кавказской Албании с IV в. до н.э. и позже.

Прежде всего, в процессе исследования северной стены была предпринята попытка относительной датировки путем сравнения керамики, орнаментов и стилей захоронений, наблюдаемых с существующей относительной хронологией. Например, захоронение №6 близ северной стены (Рис. 1 и 2) имеет признаки деревянного гроба, помещенного в погребальную яму, врезающуюся в слой, представляющий собой земную поверхность того времени, и слой желтой глины (естественный слой) как под 1-й стеной. Это свидетельствует о том, что захоронение №6 возможно было произведено до возведения северной стены и было частично разрушено в процессе возведения северной стены.

Различные личные украшения (по меньшей мере, две бронзовые заколки для волос, различные бусы, включая многочисленные стеклянные и костяные бусины, пара бронзовых браслетов, два кольца и латунное поясное украшение с треугольными ажурными декорами), девять керамических сосудов, включая кувшин с ручками (шесть из них расположены у головы покойного и три у подножия), маленький железный нож (предположительно) и маленький железный наконечник стрелы (предположительно) были найдены в качестве погребальных предметов. [The Salbir site, 2017, pp.57-59]. В частности, гончарные изделия, найденные в захоронении №6, могут быть датированы античным периодом.

Во-вторых, чтобы более точно датировать начало строительства стены, образцы древесного угля у основания стены, древесного угля и человеческих костей из соответствующих точек близ стены были проанализированы в лаборатории ускорительной масс-спектрометрии (Accelerator Mass Spectrometry Laboratory) Сеульского национального университета для того, чтобы получить точную информацию о радиоуглеродных датах и, следовательно, иметь научное обоснование того, когда территория Сельбир города Габала впервые будет функционировать, как столица.

Для этого был взят образец древесного угля у самого нижнего слоя стены, и он дал абсолютные даты 2180 ± 50 BP, которые при калибровке выдают центральную дату **265 г. до н.э.** (Рис. 2). Кроме того, анализ в лаборатории ускорительной масс-спектрометрии был также проведен на образце древесного угля и человеческих костей из захоронения №6 (Рис. 3) и, таким образом, считается самым ранним на этом участке северной стены (Рис. 1 и 2). Эти два образца соответственно дали абсолютные даты 2070 ± 40 BP и 1900 ± 50 BP. При калибровке эти даты составляют **105 г. до н.э.** и **95 г. н.э.** (Рис. 4 и 5).

Таким образом, хотя существует расхождение между предполагаемой самой ранней датой строительства северной стены и датой образцов, можно с уверенностью установить, что захоронение №6, которое является самым ранним из захоронений у северной стены, было проведено, примерно, в начале I в. до н.э. в античный период, и, таким образом, можно ориентировочно отнести дату начала строительства стены примерно между I в. до н.э. и I в. н.э.

В дополнение к относительной и абсолютной хронологии северной стены как таковой, в западной части было найдено несколько свидетельств, которые могли бы доказать, что сама территория Сельбир была заселена с античного периода. Эти свидетельства включают пол здания, деревянные захоронения и катакомбные захоронения.

Квадратный пол здания из сырцового кирпича был обнаружен в западной части территории Сельбир. Хотя в настоящее время трудно подтвердить общий размер и форму этого сооружения, было идентифицировано несколько слоев сырцовых кирпичей, имеющих квадратную форму, каждый размером примерно 15*15*5 см, и сделан из хорошей глины. Они не содержали включений на растительной основе. Такие сырцовые кирпичи были обнаружены по всему участку и, как полагают ученые, связаны со зданиями, построенными в античный период. Также были выявлены сооружения, построенные с использованием необожженных сырцовых кирпичей (которые располагались ниже средневековых сооружений из обожженного кирпича).

В западной части на территории Сельбир обнаружено также около 20 катакомбных захоронений, некоторые из них до настоящего времени исследованы и могут быть датированы античным и ранне-средневековым периодом [Kim Jongil, Jabiyev G. and ets., 2019, p.88-89; The History of Gabala, 2017, p.39; The Salbir site, 2017, pp.59-67]. К примеру, предполагалось, что захоронение в деревянном гробу, расположенное у основания западной стены, было установлено до строительства западной стены, относящейся к античному периоду, что означает, что это захоронение, по-видимому, является античным захоронением, относящимся к периоду, предшествующему строительству городской стены Сельбира, как в случае с захоронением №6 у северной стены.

Среди них катакомбы №1, №8 и №13, в целом, являются наиболее заметными примерами даже на территории Сельбир.

Катакомба №1 состоит из основного помещения, шахты и коридора, в котором погребальное помещение расположено к югу от коридора, а уровни пола коридора и погребального помещения идентичны (Рис. 6). Пол погребального помещения круглый в плане и относительно ровный, а потолок погребального помещения имеет форму полусферического купола. Длина погребального помещения составляет приблизительно 195 см, ширина – 155 см, высота 127 см.

Артефакты из этой катакомбы состоят из следующего: 11 керамических сосудов (включая чашу на подставке), одной пряжки и одного бронзового кольца из западной части погребального помещения; одной пряжки, двух бронзовых браслетов и двух фибул и более 673 бусин из центральной части погребального помещения, и один керамический сосуд из восточной части погребального помещения (Рис. 6). [Yi Seonbok, Kim Jongil and ets., 2016, p.87; The Salbir site, 2017, pp.59-60]. Эти артефакты могут быть четко датированы античным периодом (Рис. 7).

Что касается катакомбы № 8, было замечено, что это захоронение использовалось неоднократно, и было бы непросто восстановить точный последовательный процесс каждой фазы. Тем не менее, считается, что погребальное помещение, расположенное к западу от коридора, имеет длину 297 см, ширину 221 см и высоту 295 см. Пол погребального помещения ровный, а потолок имеет куполообразную форму. Артефакты из этой катакомбы состоят из следующего: один кувшин с ручками, один сосуд с ручками, одна монета (из Парфии), два бронзовых предмета, семь железных предметов из южной части погребального помещения; примерно 50 железных наконечников стрел из западного угла погребального помещения (тесно связанных с Сарматией); различные артефакты, включая один большой керамический сосуд с каменной крышкой, один сосуд с ручками, пять кувшинов с ручками, два римских стеклянных сосуда и железная вила с двумя зубцами из северной части погребального помещения) [Yi Seonbok, Kim Jongil and ets., 2016, p.88; The Salbir site, 2017, pp.62-63]. В большом керамическом сосуде был обнаружен зуб, который был намеренно вырван, и одно украшение, а в сосуде с ручками находилось небольшое

количество костей животных (Рис. 8, 9 и 10). Следует отметить, что погребальные принадлежности из этой катакомбы указывают на культурный обмен между Кавказской Албанией и соседними странами.

Погребальное помещение катакомбы №13 круглое в планировке, высотой 180 см и диаметром 210 см. Его потолок представляет собой полусферическую купольную конструкцию (Рис. 11). На полу этого погребального помещения был найден человеческий скелет. Покойный был похоронен в скорченном положении, голова и туловище были обращены на восток, а руки сложены на груди. Браслет, состоящий из гагата, кости, сердолика и стеклянных бусин, был найден рядом с позвоночником скелета. В этом захоронении были найдены один кувшин с двумя выступами и четыре кувшина с ручками античного периода [Yi Seonbok, Kim Jongil and ets., 2016, p.88; The Salbir site, 2017, pp.64-65].

Раскопки, проведенные за последние десять лет, дали гораздо больше результатов, чем первоначально ожидалось. Исследования внутренней территории Сельбир позволили выявить, что:

1) это место было заселено с античного периода (не позднее, чем с I в. до н.э.), основываясь на абсолютной и относительной хронологии и играло важную роль в качестве одной из территорий города Габала – столицы Кавказской Албании;

2) городская структура города была высокоразвита;

3) также было возможно определить различные методы строительства, которые использовались для возведения городских стен и зданий;

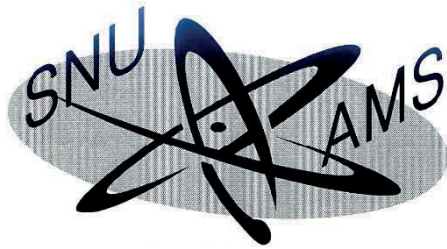
4) типы захоронений, связанные с ними погребальные принадлежности, помогают пролить свет на характер отношений и обмена между Кавказской Албанией и соседними, современными ей политическими группами такими, как сарматы или парфяне;

5) стеклянные сосуды, в том числе, изготовленные из римского стекла, извлеченные из захоронений, дают представление о природе культурных обменов между Востоком и Западом, которые простирались от Рима до Корейского полуострова и Японского архипелага.

Таким образом, ожидается, что этот отчет о раскопках поможет пролить свет на историческую роль и значение Габалинского региона на Кавказе, начиная с бронзового века до античного периода и, наконец, средневекового периода.

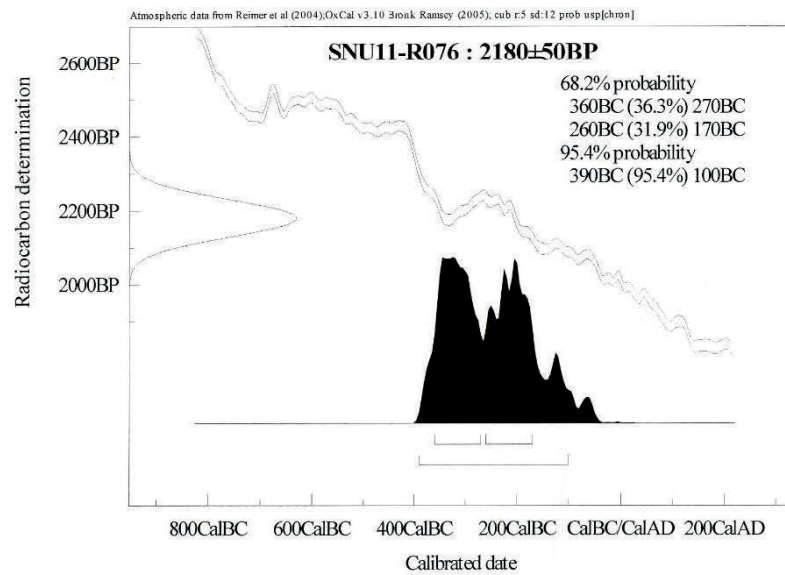

Рис. 1. Северная стена и захоронение № 6 вблизи северной стены

■ Calibrated Ages

Sample ID	Radiocarbon Ages (BP)	Calibrated Ages
Selbir 2011-1	2180±50	265 BC

Note. Calibration results were obtained using IntCal04 calibration curve and OxCal v3.10. They are based on Bronk Ramsey C., Radiocarbon 37(2) (1995) 435-430 and Bronk Ramsey C., Radiocarbon 43(2A) (2001) 355-363.

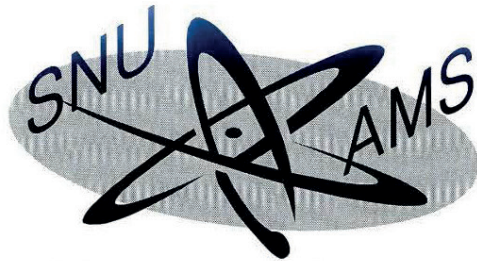
Рис. 2. Результаты AMS датирования анализа древесного угля из нижнего слоя северной стены

ЛИТЕРАТУРА:

1. Kim Jongil, Jabiyev G., Son Jaehyun, Jo Mirae, Kim Geonyoung, Boo Seunga, Bae Sanghyun, Najafova I. Brief report of the archaeological excavations on the Salbir site, Gabala in 2018 // The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2017-2018. Baku: CBS, 2019, pp.81-112.
2. The History of Gabala / Editor-in-chief: Teymur Bunyadov. Baku: CBS PP, 2017, 308 pp.
3. The Salbir site 2017. Vol. I. Seoul: Zininzin. 2017, 275 pp.
4. Yi Seonbok, Kim Jongil, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong. Brief report on the archaeological investigations at the Selbir site and in the village of Dizakhli, Gabala in 2014 // The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2014. Baku: CBS, 2016, pp.86-101.
5. Yi Seonbok, Kwon Ohyoung, Seong Jeongyong, Kim Jongil, Oh Jaejin, Yu Byungrok, Kim Euijung, Sim Hyonchol, Choi Youngjun, Son Jaehyun, Park Junyoung. General report on archaeological excavations in Dizakhli kurgan, Gabala in 2014-2016 // The Gabala Archaeological Expedition: Reports, Findings 2015-2016. Baku: CBS, 2017, pp.118-149.

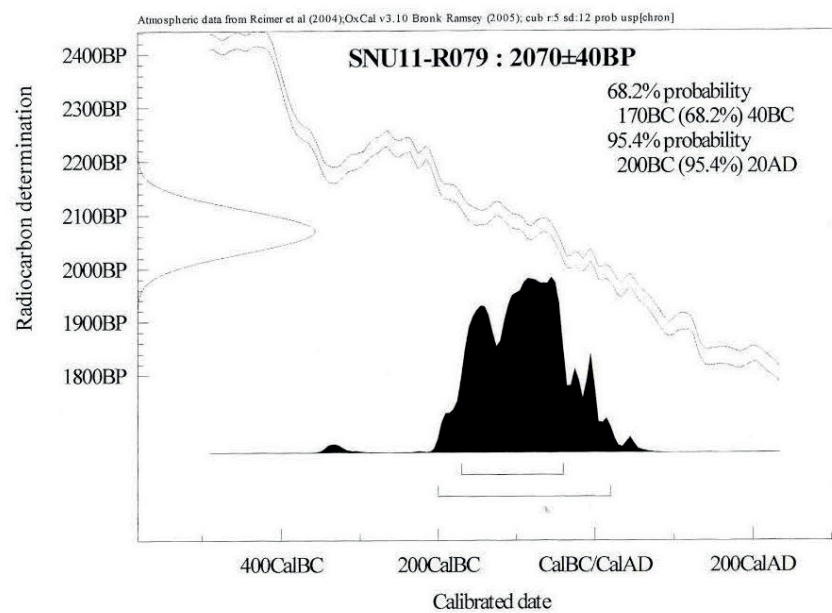

Рис. 3. Захоронение № 6 вблизи северной стены и его погребальные предметы

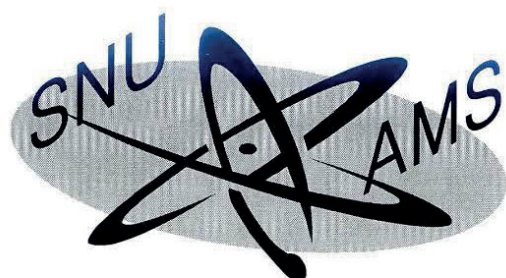
■ Calibrated Ages

Sample ID	Radiocarbon Ages(BP)	Calibrated Ages
Selbir 2011-4	2070±40	105 BC

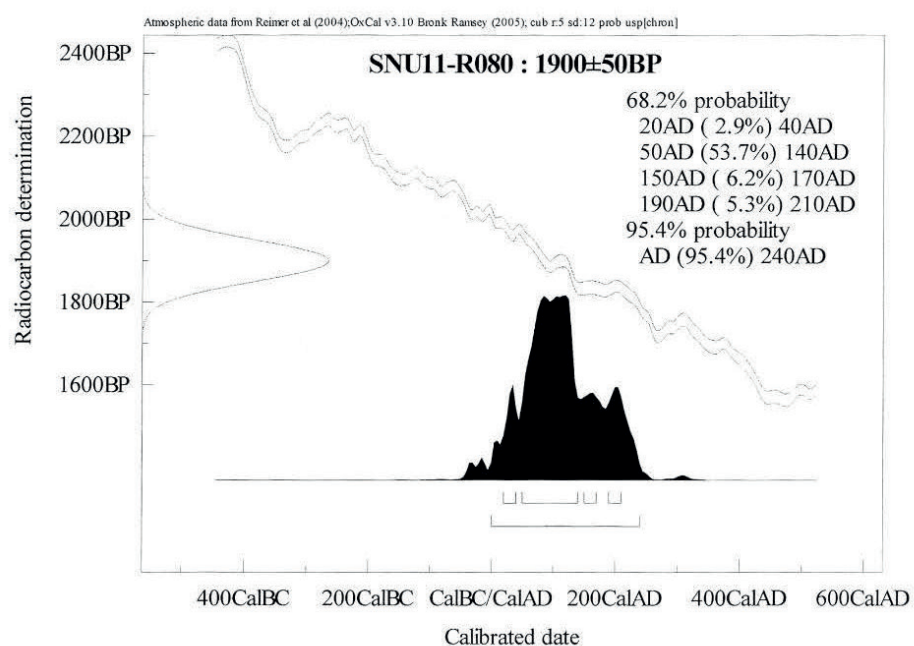
Note. Calibration results were obtained using IntCal04 calibration curve and OxCal v3.10. They are based on Bronk Ramsey C., Radiocarbon 37(2) (1995) 435-430 and Bronk Ramsey C., Radiocarbon 43(2A) (2001) 355-363.

Рис. 4. Результаты AMS датирования анализа древесного угля из захоронения № 6

■ Calibrated Ages

Sample ID	Radiocarbon Ages (BP)	Calibrated Ages
Selbir 2011-5	1900 ± 50	AD 95

Note. Calibration results were obtained using IntCal04 calibration curve and OxCal v3.10. They are based on Bronk Ramsey C., Radiocarbon 37(2) (1995) 435-430 and Bronk Ramsey C., Radiocarbon 43(2A) (2001) 355-363.

Рис. 5. Результаты AMS датирования анализа костей из захоронения № 6

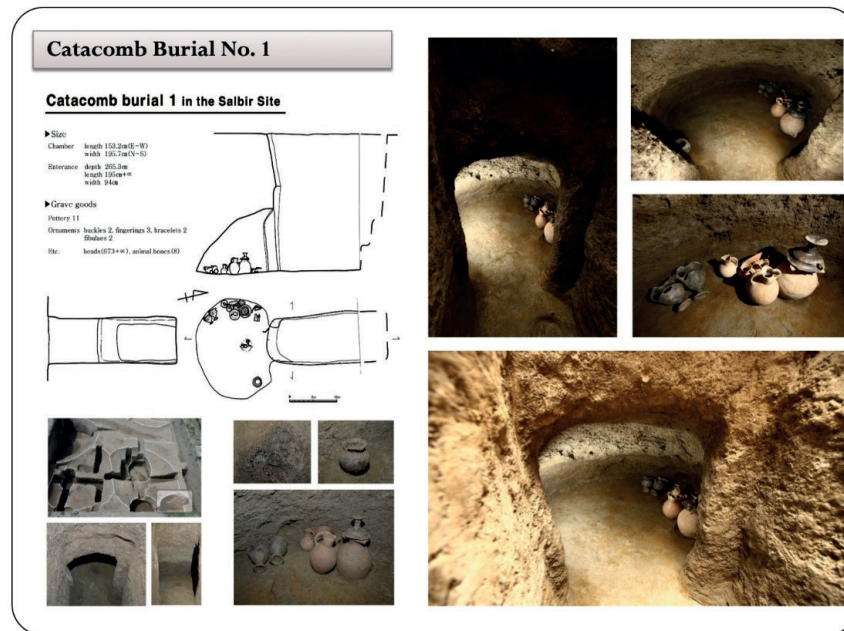

Рис. 6. Основная камера катакомбы № 1

Рис. 7. Погребальные предметы из катакомбы № 1

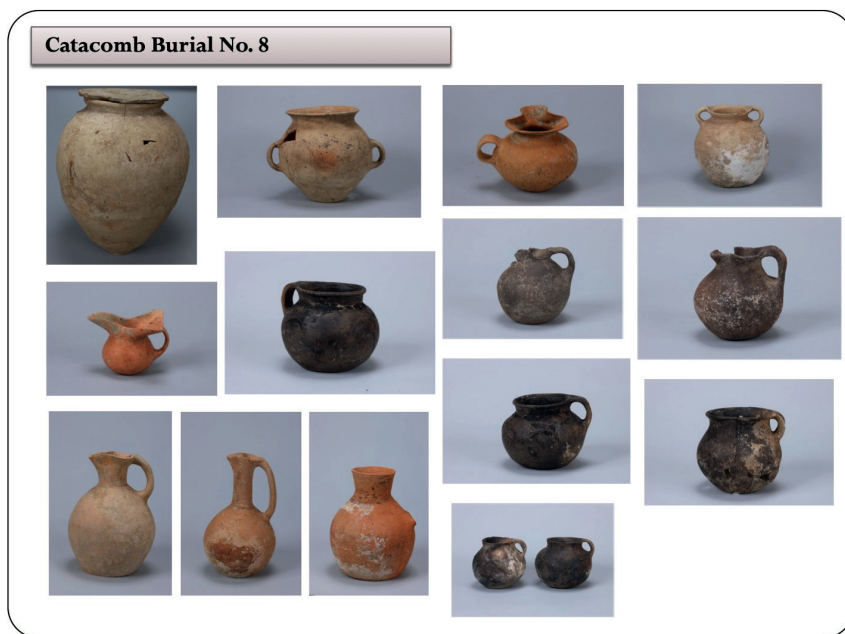

Рис. 8. Античная керамика из катакомбы № 8

Рис. 9. Римское стекло, парфянская монета и другие находки из катакомбы № 8

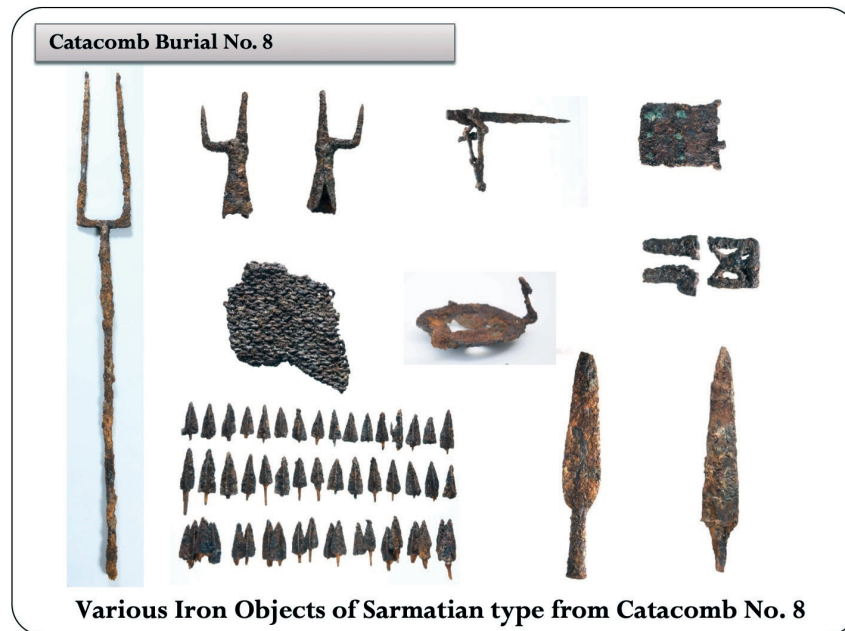

Рис. 10. Железный военный арсенал сарматского типа из катакомбы № 8

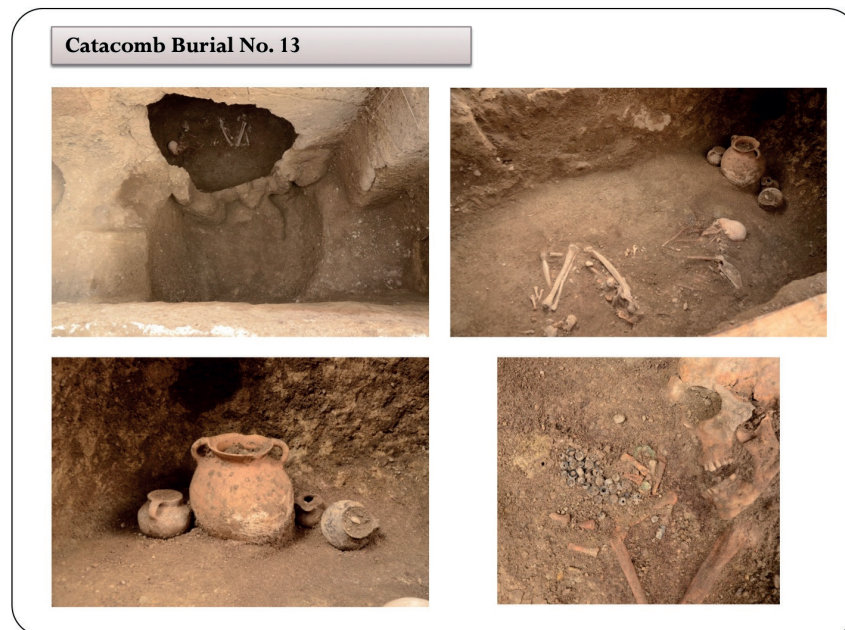

Рис. 11. Главная камера и погребальные предметы из катакомбы № 13

Алиев Таваккюль

Заведующий отделением «Полевые исследования» Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент

ГРОБНИЦА СОНАСАР ПОЗДНЕГО ЭЛЛИНИЗМА В ВОСТОЧНОМ ЗАНГЕЗУРЕ

Аннотация. Статья посвящена находкам, обнаруженным в разрушенной гробнице села Сонасар Лачинского района Азербайджана – Восточного Зангезура, которые были похищены и вывезены в Армению во время армянской оккупации. Эти образцы, выполненные из золота, серебра и бронзы и насчитывающие 112 штук, состоят из украшений и предметов быта. Их богатое разнообразие, эстетическая ценность и высокая техника обработки свидетельствуют о том, что гробница Сонасар принадлежит женщине, занимавшей высокое положение в обществе.

Среди артефактов два золотых ожерелья с медальонами. Сердолик на одном из золотых колец имеет рельефное изображение Афины. Среди находок наиболее многочисленны золотые пуговицы (80 шт.). В инвентарь гробницы также входят серебряные браслеты, чаша, зеркало и монета, отчеканенная в честь Афины. Найденные в памятнике 17 бронзовых оснований ножек стульев можно отнести к редким археологическим находкам.

Предметы гробницы Сонасар имеют свои близкие аналоги в албанских памятниках периода античности. Сравнительный анализ показывает, что гробница относится к периоду позднего эллинизма.

Ключевые слова: Восточный Зангезур, Лачин, село Сонасар, гробница, клад, античность

Keywords: East Zangazur, Lachin, Sonasar village, tomb, treasure, Antiquity

Введение. Важная часть материальных памятников культуры, созданных азербайджанским народом на протяжении веков, находится в Карабахе и Восточном Зангезуре. К сожалению, во время почти 30-летней армянской оккупации эти памятники подверглись безжалостным вандалским нападениям, разграблению и разрушению.

В ходе 44-дневной войны осенью 2020 года от оккупации были освобождены сотни городов, сел и поселков, а также тысячи памятников, оставшиеся под ногами врага. Однако поиск и исследование разграбленного культурного наследия, несомненно, потребует длительного времени и напряженной работы. Эта статья является одним из шагов, предпринятых в этом направлении.

В 2010 г. в Восточном Зангезуре – вблизи села Сонасар Лачинского района была обнаружена древняя гробница (Рис. 2). Ее стены были сложены из необтесанных круглых камней, а сверху уложены большие каменные плиты. Длина могилы около 2 м, ширина и глубина около 1,5 м. Погребенный был похоронен в каменном саркофаге в гробнице с богатым убранством из множества металлических предметов. Почти все эти предметы являются образцами различных украшений. Эти материалы, привлекающие внимание своим богатым разнообразием, художественно-эстетической ценностью и высокой техникой обработки, свидетельствуют о том, что гробница Сонасар принадлежит женщине, занимавшей высокое положение в обществе.

В XIX в. территория села Сонасар была местом застройки, принадлежавшем селению Ходжаз, позднее ставшая постоянным местом жительства жителей, покинувших это селение [Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti, 2007, s.195]. Считается, что ойконим образовался от сочетания слов «сона» и «сар», что означает «зеленоголовая хищная птица». Село Сонасар, расположенное на высоте 1350 м над уровнем моря, окружено селами Союгбулаг, Майыс, Пирджахан, Сейидлер, Ходжаз (Рис. 1).

История обнаружения клада. В 2010 г. армянский пастух А.Куремян, пасший скот близ села Сонасар Лачинского района, случайно наткнулся на остатки ценных материальных предметов в древней гробнице. В этот клад входили различные украшения и предметы быта (серьги, кольца, браслеты, кухонная утварь и др.), искусно сделанных из золота (200 гр.), серебра (700 гр.) и бронзы (около 5 кг), всего 112 предметов. Надеясь получить прибыль, пастух везет находки в Ереван и передает их Национальному музею истории Армении. Музей оценивает клад в 8 миллионов драмов (21 336 долларов США) и предлагает пастуху выплатить до 50%. Заявив, что эта сумма «маловата для такой находки», А.Куремян не соглашается с предложением. После этого между Арменией и марионеточным «правительством Нагорного Карабаха» возникают затяжные тяжбы из-за принадлежащих Азербайджану Сонасарских находок. Директор Института археологии и этнографии АН Армении П.Аветисян называет эти тяжбы «печальной ситуацией». Журналист Г.Абрамян, сообщивший сайту russian.eurasianet.org 24 апреля 2011 г. о ситуации, связанной с Сонасарским кладом, отмечает, что «есть риск того, что Азербайджан, считающий Карабах своей территорией, заявит о своем праве на этот клад» [Абрамян, 2011].

В 2011 г. Министерство культуры и туризма Азербайджанской Республики (в настоящее время Министерство культуры) объявило, что прилагает усилия для возвращения украденного клада, и что Институту археологии и этнографии НАНА поручено определить примерную стоимость древних предметов. Академик Т.Бунятов отмечал, что «по своим поступкам армяне напоминают воров и бандитов, которые не могут разделить добычу. Международное сообщество должно дать оценку действиям этих бандитов» [Газета «Эхо», 2011, с.4].

Таким образом, распространение информации о Сонасарском кладе в прессе достигло пика в апреле 2011 г. В последующие годы этот вопрос поднимался лишь несколько раз. Например, в 2013 г. была опубликована обширная статья армянского археолога Дж.Хачатряна [Хачатрян, 2013]. В 2015 г. в одной из социальных сетей был опубликован лаконичный материал о кладе, который упоминается в числе археологических новшества [Античное захоронение Сонасара, 2015].

О статье Дж.Хачатряна. В статье автор не упомянул, что клад был найден на территории Азербайджана и, отметив различные места, не имеющие отношения к теме, создал возможность для фальсификации. Из названия статьи («Античная гробница в Содской области Армении») следует, что исследователь счел оккупированные азербайджанские земли территорией Армении, а Сонасарские находки описал, как образцы армянской материальной культуры. Такой подход характерен для большинства армянских ученых. Например, ссылаясь на древнегреческого географа Страбона, они с гордостью заявляют, что «в прошлом Армения была небольшой страной, но в результате усилий Арташеса и Зареха оккупировала земли соседних народов и расширила свои границы». Они даже не стесняются говорить о своих беспощадных походах во II в. до н.э. на востоке – в «восставшую против захватчиков страну каспиев», а на севере – в Грузию [История армянского народа, 1980, с.36-37].

Официальное название села Сотк, в настоящее время расположенного в историческом Гейчинском районе Западного Азербайджана, до 1995 г. было Зод. До середины XX в. большинство населения этого села составляли азербайджанские турки. В 1930 г. в составе Армянской ССР был образован Басаркечарский район, граничащий с озером Гейча, Кельбаджарским и Гедабекским районами Азербайджана, а в 1969 г. его название было изменено на Варденис [Историческая география Западного Азербайджана, 1998, с.90].

Территория Зангезура в период античности и средневековья называлась Сюник или Сисакан. Однако Сюник был западной провинцией Албании, древнего государства Азербайджана, а не Армении. Дж.Хачатрян, ссылаясь на армянского географа VII в. Ананию Ширакаци, отмечает, что Сотк был шестой провинцией Сюника [Хачатрян, 2013, с.61]. Но в таком случае ему было бы уместно взглянуть на сведения другого армянского автора, епископа Себеоса, жившего в VII в. Говоря о событиях VI века, Себеос писал: «Сюникский правитель восстал и отделился от армян. Он попросил Сасанидского царя Хосрова перенести архивы Сюникской земли из города Двина в Пайтакаран, включить их города в пределы Атропатены и снять с них названия армянских. Приказ был выполнен» [История епископа Себеоса, 1939, с.28-29]. Безусловно, что такая провинция, периодически подвергавшаяся армянским нападениям, правитель которой «восстал и отделился от армян», просил сасанидского шаха «убрать армянское название», не могла принадлежать Армении.

Наряду с ошибочными высказываниями в своей статье Дж.Хачатрян классифицировал находки из гробницы Сонасар, сравнив их с другими подобными материалами и попытался интерпретировать мифологическое значение изображений на некоторых образцах. Он отметил сходство большинства материалов, вывезенных путем грабежа с территории Азербайджана, с инвентарем гробниц правителя, вскрытых близ поселка Гаракилса (Сюник) в Зангезуре и затем указал, что гробница Сонасар относится ко второй половине I в. до н.э. [Хачатрян, 2013, с.61, 68-69].

Сонасарский клад. Находки, входящие в этот клад, в основном делятся на две группы: украшения и предметы быта. Украшения более многочисленны и красочны. К ним относятся следующие:

1. Золотое ожерелье с медальоном (Рис. 3, b). Его диаметр составляет 18 см. Тонкая золотая фольга намотана на бронзовую проволоку в виде резьбы и переплетена золотой нитью. Имеет цилиндрические трубки на обоих концах. Они прикреплены к медальону из зеленого стекла, помещенному в углубление овальной формы. Медальон был сломан в шести местах, часть золотых нитей оборвалась и выпала.

2. Золотое ожерелье с медальоном (Рис. 4). Ожерелье изготовлено из фигурок птиц, отделенных друг от друга маленькими круглыми бусинами. 17 из них целы, 2 – во фрагментах. Медальон состоит из темно-коричневого агата, украшенного резным рельефным изображением грифона с поднятой правой лапой (легендарного существа с телом льва и головой орла) в овальной рамке. Детали в изображении совершенны: длинные когтистые лапы, широко раскрытые мощные крылья, открытый и острый клюв, закрученный вверх хвост, подтянутые мускулистые задние лапы.

3. Золотая бусина в форме каури (Рис. 3, a). Продолговатое (15x9 мм) золотое изделие выполнено в виде морской ракушки – раковины каури с углублением в центре. Боковые стороны украшены насечками. На обоих концах есть отверстия. Такой элемент как каури, обозначавших ракушки, использовался в серьгах, ожерельях и других украшениях. Бусины каури часто встречаются в античных памятниках Азербайджана (например, в кувшинных погребениях Мингячевира) [Qaziyev, 1960, XLI tablo, II şəkil; Ахундова, 2020, с.51]. В ряде стран, в том числе в Азербайджане, каури играли роль денег в древности и средневековье.

4. Два золотых кольца (Рис. 5, a, b). Они сделаны путем пайки двух тонких золотых слоев в форме ленты. Изготовленные таким образом золотые кольца были широко распространены на стыке двух эпох. Верхняя часть одного из колец круглая, темно-зеленого цвета, без изображения. Верхняя часть второго кольца, выполненная из темно-красного сердолика (разновидность агата), выпукло-овальная. На нем рельефное изображение Афины с совой в правой руке, левый локоть упирается в стол, на голове полукруглая оправа.

5. Две золотые серьги в форме колец (Рис. 5, c, d). Их диаметр составляет около 25 мм. Часть их контура украшена фигурками подростков. В нижней части фигурок изображена голова льва, один из символов Кибелы. Здесь можно увидеть отражение легенды о Кибеле, матери богов, и ее возлюбленном Аттисе.

6. Золотые пуговицы (Рис. 6). Среди Сонасарских находок многочисленны пуговицы («плоские пуговицы»), изготовленные методом литья из тонкого слоя золота и имеющие два отверстия по бокам. По размеру они делятся на три группы: диаметром 13 мм, выпуклые с одной стороны и 8-лепестковые, пуговицы с двойным ободком более многочисленны (48 шт.). Пуговицы второй группы (10 штук диаметром 12 мм) имеют выпуклый рисунок и один ободок. Пуговицы третьей группы (22 шт.) имеют меньший диаметр (11 мм) и центральную проекцию, без ободка.

Этнографические исследования показывают, что в Азербайджане пуговицы изготавливались различной формы (бута, пахлава, треугольник, круг и т.д.). Методомковки и прессования (литье) мастера изготавливали из металлических пластин чеканные пуговицы, называемые «зарандуз», и в качестве декоративных элементов их нашивали на твердые ткани, такие как бархат, камка, сукно. В Карабахе обнаружены национальные костюмы из бархата, украшенные золотыми пуговицами, датируемые XIX веком [Azərbaycan Xalça Muzeyi 50].

Раньше модно было украшать башмаки золотыми и серебряными пуговицами. Особое место среди украшений одежды занимают золотые и серебряные пуговицы, изготовленные методомковки и резьбы в ювелирном искусстве Карабаха. Этнографические материалы подтверждают, что, хотя золотые пуговицы не получили широкого распространения, высшее сословие населения с античности добавляло такие ценные пуговицы к своим комплектам одежды [Vəliyev, Abdulova, 2016, s.89].

7. Серебряные браслеты (Рис. 7, а-d). Сонасарские находки включают четыре серебряных браслета. Первый не имеет узоров и разделен на три части; концы открыты и прямо обрезаны; диаметр составляет 11,8 см. Второй браслет тоже маленького размера (диаметр 11,10 см), выполнен таким же образом, цельный и круглый. Однако, в отличие от первого, он имеет несколько более толстые концы и ремнеобразные гравюры. Диаметр третьего браслета больше – 15,11 см. Он похож на второй по форме, узорам и качеству изготовления, только концы более открыты. Четвертый браслет (диаметр 12,10 см), разделенный на две части, отличается от остальных: он сделан из более толстой серебряной проволоки. Концы слегка утолщены и ровно обрезаны. Этот браслет также выделяется из-за его узора. Кроме лентообразных линий на нем изображены овальные окружности. Известны различные металлические браслеты из кувшинных погребений Мингячевира, в том числе образцы, аналогичные Сонасарским браслетам [Ахундова, 2020, с.70-71; Халилов, 1985, с.139-140]. В античности браслеты были более распространены, чем в более ранние периоды. Следует напомнить, что в Мингячевире только из одного кувшинного погребения было найдено 56 штук наручных и ножных браслетов [Qazıyev, 1960, s.25]. Хотя браслеты в Албании в основном изготавливались из бронзы и железа, встречаются также серебряные и золотые браслеты. Как отметил Дж.Халилов, иногда браслеты выступают индикатором финансового благополучия людей [Халилов, 1985, с.139].

8. Серебряное зеркало (Рис. 7, е). Дiskoобразная, гладкая поверхность, края зубчатые. Вероятно, его положили на лицо погребенной. Так, в древности зеркало считалось средством связи с потусторонним миром.

9. Серебряная монета – тетрадрахма (Рис. 8, а). Была найдена внутри глиняного сосуда. Эта монета, отчеканенная в честь Афины в 104 г. до н.э., весит 16,02 грамма и имеет диаметр 30,0 мм. Афина изображена в шлеме, голова обращена вправо. На оборотной стороне монеты выгравировано изображение совы и колоса (пшеницы) в окружении лаврового венка. Вокруг совы также имеются отдельные надписи (ΑΘΕ вверху, ΑΜΦ[Ι]ΚΡΑ/ΤΗΣ/ΑΡΙ[Σ]Τ слева, ΕΠ[Ι]/ΣΤΡΑ/ΤΟΣ справа).

10. Серебряная чаша (Рис. 8, b). Имеет форму полушара. На основании четко видны три процарапанных концентрических круга. Тулово чаши от венчика до основания украшено плотными вертикальными, процарапанными линиями. Считается, что подобный каннелюрный орнамент связан с культом Солнца. Подобные чаши использовались в церемониях, проводимых в святилищах, воздвигнутых в честь богов.

11. Бронзовые основания ножек стульев (Рис. 9). В гробнице Сонасар также было найдено 17 оснований ножек стульев, кресел, трона, трибун и т.д. разного размера. Несмотря на общее сходство их форм, есть определенная разница в размерах. Такие находки при археологических раскопках практически не встречаются. Лишь на рисунках на древнегреческих вазах, настенных росписях, рельефных изображениях гробниц можно наблюдать, что некоторые стулья или кресла имеют специальные ножки.

12. Керамический сосуд (Рис. 8, с). В форме кувшина, с горловиной в виде трех желобков, что характерно для периода античности, особенно периода эллинизма. Асимметричная ручка в форме стержня соединяет венчик сосуда с плечиковой частью. Он использовался как емкость для воды.

Вывод. Судя по всему, артефакты, найденные в Лачинском районе и разграбленные Арменией, являются важной частью богатого культурного наследия, созданного азербайджанским народом. Эти образцы находят наиболее близкое сходство среди материалов памятников албанской культуры античности. Погребальный инвентарь гробницы Сонасар подтверждает продолжающуюся традицию погребальных обычаев. К примеру, обратим внимание на инвентарь, который сопровождал в загробный мир при захоронении в могиле женщины раннего албанского периода, обнаруженной в 1992 г. в упомянутом районе – у села Кую Дерё Хаштаб (Хештаб) Зангилана: бронзовая чаша, зеркало, серебряные браслеты и различные бусы [Rəsuloğlu, 1992, s.92-94]. Хотя между древними гробницами Сонасар и Кую Дерё Хаштаб существует разница во времени почти в четыреста лет, только некоторые образцы их инвентаря различаются в зависимости от материала, из которого они были сделаны. Проведение комплексных археологических исследований в Восточном Зангезуре может позволить дополнительно обосновать этот тезис.

Мы надеемся, что образцы нашего материального культурного наследия, разграбленные во время оккупации, в том числе Сонасарские находки, в скором времени будут возвращены Азербайджану на основании требований международного права.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan toponimlərinin ensiklopedik lüğəti: [iki cilddə]. – Bakı: Şərq-Qərb, c.2. – 2007, 304 s.
2. Azərbaycan Xalça Muzeyi 50: “Xəzinənin yeni inciləri” adlı sərgi/ <https://azcarpetmuseum.az/az/single/395>
3. Qaziyev S.M. Mingəçevir arxeoloji həfriyyəti. Kür qəbirləri albomu. Bakı: Azərb. SSR EA nəşriyyəti, 1960, 27 s., 44 tablo.
4. Rəsuloğlu T. Zəngilandan təsadüfi tapıntılar / Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı: Bilik, 1992, s.92-94.
5. Vəliyev F.İ., Abdulova G.S. Qarabağ geyimləri. Kataloq. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Elmin İnkişafı Fondu, 2016, 352 s.
6. Абрамян Гаянэ. Армения и Нагорный Карабах оспаривают друг у друга право собственности на древние артефакты. Apr. 24, 2011/ <https://russian.eurasianet.org/node/58652>
7. Античное захоронение Сонасара. Новости археологии. 28 yan. 2015/ https://vk.com/wall-3073135_109478
8. Ахундова Г.К. Украшения Азербайджана античного периода. Баку: Elm və Təhsil, 2020, 278 s.
9. Историческая география Западного Азербайджана / Под ред. академика Б.Будагова. Баку: Изд-во «Азербайджан», 1998, 560 с.
10. История армянского народа. Ереван: Изд-во Ереван. Ун-та, 1980, 460 с.
11. История епископа Себеоса / Перевод Ст. Малханянца. Ереван: Изд-во АрмФАН, 1939, 184 с.
12. Разграбление и уничтожение оккупированных территорий Азербайджана истинная цель армян, считает академик Теймур Буньятов / Газета «Эхо», 2011, 29 апреля, с.4.
13. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985, 276 с.
14. Хачатрян Ж. Античное захоронение Содского района Армении / Вестник арменоведения. Ереван, 2013, №1, с.61-82 (на арм. яз., резюме на русс. и англ. яз.).

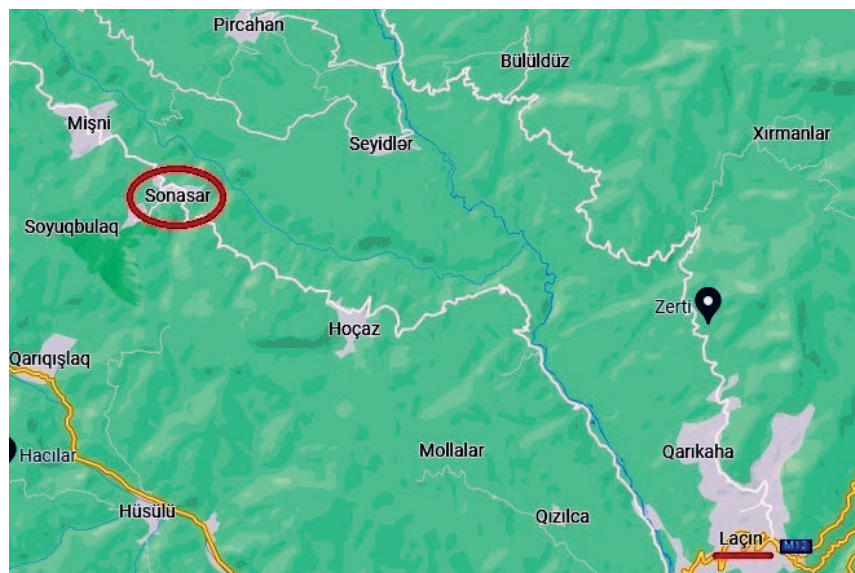

Рис. 1. Село Сонасар Лачинского района. Вид со спутника

Рис. 2. Остатки гробницы Сонасар и каменный саркофаг

Рис. 3. Золотые каури и ожерелье

Рис. 4. Ожерелье с медальоном

Рис. 5. Кольца и серьги

Рис. 6. Золотые пуговицы

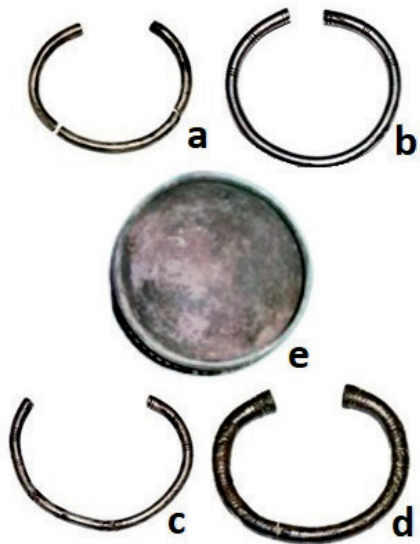

Рис. 7. Серебряные браслеты и зеркало

Рис. 8. Серебряная монета, чаша и керамический сосуд

Рис. 9. Бронзовые подставки для стульев

Алиев Талех

*Заведующий сектором «Археологические исследования материально-культурного наследия Кавказской Албании» Научного Центра албановедения Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0519-6330>*

АЛБАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ АНТИЧНОГО ПЕРИОДА В КЫПЧАГТЕПЕ

Аннотация. Проживание на территории, условно названного Кыпчагтепе, началась в VI–V вв. до н.э., а в периоды раннего и классического средневековья были заселены ее северная и восточная части. В период античности, во II в. до н.э. – II в. н.э. здесь существовал обычай захоронения в грунтовых и кувшинных погребениях.

Памятник содержит в себе образцы материальной культуры, аналогичные другим памятникам античности и раннесредневекового албанского периода, расположенных в бассейне Ганых-Айричай – Торпаггала (Алмалы), Топраггала (Лелели), Агязы, Карабулак, Галашехер. Памятник Кыпчагтепе был зарегистрирован в 2018 г. и впервые упомянут в научной литературе, а до 2020 г. жилая часть этого памятника была вовлечена в исследования. В 2021–2022 гг. на территории, расположенной в западной части Кыпчагтепе был зарегистрирован античный некрополь, ставший объектом археологических исследований. В ходе археологических раскопок были изучены античные грунтовые и кувшинные погребения. Среди найденных здесь артефактов особый интерес представляют небольшие керамические женские идолы. На основании образцов материальной культуры можно предположить, что грунтовые и кувшинные погребения относятся ко II в. до н.э. – II в. н.э. Захоронения в античных грунтовых и кувшинных погребениях в Кыпчагтепе осуществлялись согласно языческим обрядам албан.

Ключевые слова: Гах, Албания, язычество, погребение, античность

Keywords: Gakh, Albania, idolatry, grave, ancient

Памятник, условно названный Кыпчагтепе, в южной части села Кыпчаг Гахского района, на правом берегу реки Айричай, впервые был зарегистрирован в 2018 г. и стал исследоваться [Əliyev, 2018, s.25]. В результате последовательных археологических раскопок были определены жилая часть и некрополь памятника. В ходе исследований, проведенных в некрополе в 2021–2022 гг., были обнаружены грунтовые и кувшинные погребения античности, выявлены погребальные обряды, относящиеся к языческим религиозным верованиям, обнаружены образцы материальной культуры и небольшие идолы.

Территория занимает площадь около 5 га. Здесь в последние годы археологические раскопки были произведены на трех раскопах [Əliyev, 2020, s.26; Əliyev, 2021, s.28; Əliyev, 2022, s.22]. В результате проведенных в прошлом году археологических раскопок на последнем III раскопе была открыто грунтовое погребение, в котором были захоронены шесть человек [Əliyev, 2022, s.23]. Научное значение этого захоронения связано с интересными погребальными обрядами и образцами материальной культуры, которые отражают античное религиозное мировоззрение в Кавказской Албании и показывают социальную жизнь языческих албан.

В ходе исследований в раскопе, открытом на западной части памятника, в грунтовом погребении античного периода были обнаружены остатки погребального инвентаря и слегка скорченных и лежащих на правом боку человеческих скелетов. Проживание на территории Кыпчагтепе началась в VI–V вв. до н.э., и во II в. до н.э. – II в. н.э. и в этом районе существовал обычай захоронения в грунтовых и кувшинных

погребениях. В периоды раннего и классического средневековья территория была заселена в северной и восточной частях (раскоп I).

Интересными и уникальными находками в II раскопе являются небольшие антропоморфные идо-лы, обнаруженные в ходе археологических раскопок (Табло 1). Эти идо-лы были связаны с религиозными верованиями античности. Керамические идо-лы имеют небольшой размер; один из них относительно хо-рошо сохранился. Цвет глины женского идо-ла желто-красноватый. Имеется также верхняя часть другого идо-ла [Əliyev, 2021, s.33]. У еще одного идо-ла была обнаружена только голова.

В юго-западной части памятника обнаружено кувшинное погребение. Там были найдены четыре керамических сосуда. Было установлено, что в двух обнаруженных грунтовых погребениях часть скелета осталась целой. Там были обнаружены керамические сосуды античного периода, поставленные рядом с погребенным. В грунтовой могиле были также найдены небольшая ржавая часть железного наконечника копья и кинжала [Əliyev, 2021, s.29-30].

На указанном участке был открыт II раскоп размером 10x5 м (Рис. 1). В результате археологических раскопок в северо-западной части II раскопа площадью 50 м² были обнаружены два больших хозяйствен-ных кувшина [Əliyev, 2021, s.30] (Рис. 2). Найденное кувшинное погребение условно было зарегистрирова-но под номером № 1. Погребальный кувшин был разбит, возможно, что он принадлежал молодому чело-веку, кости которого были полностью разрушены. Два из небольших керамических изделий, положенных рядом с погребенным, были найдены почти целыми, а два других — в виде фрагментов. Голова скелета (в горловине погребального кувшина) была направлена на северо-запад, а ноги (в основании погребаль-ного кувшина) — на юго-восток. Рядом с ним найден сосуд чашеобразного типа с двумя ручками, а внутри — небольшой керамический сосуд. Также была обнаружена половина сосуда кувшинного типа среднего размера [Əliyev, 2021, s.32] (Табло 1).

На юго-западе II раскопа размером 1,5x1,5 м в юго-западной части контрольного раскопа № 1 было обнаружено кувшинное погребение. Погребальный кувшин в кувшинной погребении № 2 находился в раздробленном состоянии (Рис. 3). Кости были полностью разрушены. Рядом с ним были найдены четыре керамических сосуда: сосуды целые и с трещинами [Əliyev, 2021, s.36] (Табло 1).

Очередной контрольный раскоп в Кыпчагтепе был открыт в западной части рассматриваемого района. Площадь контрольного раскопа № 2 размером 3x1,5 м. Здесь было зарегистрировано два грун-товых погребения. В результате археологических раскопок установлено, что часть костей захоронений на открытом участке осталась целой. Там были найдены керамические сосуды античного периода, постав-ленные рядом с погребенным. Гончарные изделия найдены целыми и разбитыми, а некоторые из них — частями. Четыре керамических сосуда были найдены целыми (Табло 1). В грунтовом погребении также были найдены небольшие ржавые части железного наконечника копья и кинжала [Əliyev, 2021, s.37].

В западной части Кыпчагтепе, на месте расположения грунтовых погребений был открыт III раскоп размером 5x10 м (Рис. 4). На последнем этапе в связи с необходимостью археологические раскопки были расширены на 4x1 м на запад. На глубине 30 см в сторону центральной части раскопа был найден глиня-ный женский идо-л небольшого размера [Əliyev, 2022, s.24].

После обнаружения следов скелета № 4 в западной части территории раскопа в целом археоло-гические раскопки были продолжены. В южной части впервые были обнаружены образцы 4 керами-ческих сосудов. Найденные ножка треножной вазы, кувшин, фрагмент другого кувшина и часть жбана были очищены. Рядом с керамическими фрагментами находились два куска угля. На северной стороне был вскрыт участок мягкого грунта. В южной части III раскопа обнаружены следы грунтового погребения глубиной 40 см. На территории грунтового погребения № 4 была расчищены первые антропологические останки в виде тазовой части (скелет № 6). Были обнаружены сосуд с желобчатой горловиной, фрагментные части из железа и меди. Желобчатый сосуд находился около южной стены раскопа. Также были найдены другие фрагменты керамики. В южной части раскопа частично расчищено грунтовое погребение № 4 [Əliyev, 2022, s.25-26].

В 60-ти см от угла юго-западной части раскопа обнаружены следы скелета № 6. Изначально там был обнаружен керамический сосуд. На глубине 37 см был вскрыт сосуд с краями в форме *in-situ*. В за-падной части III раскопа был продолжен процесс вскрытия грунтового погребения № 4. В результате было

обнаружено: три керамических сосуда, находящихся рядом друг с другом; остатки угля, металлические части (из железа, бронзы и меди), бусины из пасты, а из погребальной камеры – бронзовые и медные украшения. Были также очищены череп (скелет № 2), очень хрупкие кости (Рис. 5) и другие фрагменты человеческого скелета [Əliyev, 2022, s.27-28].

При вскрытии грунтового погребения в западной части раскопа были обнаружены останки погребенного в скорченном положении (скелет № 1). В ногах этого скелета были обнаружены следы другого скелета (скелет № 6). Рядом с ним были найдены медные браслеты, серьги, кольца, бусы из пасты, часть железного ножа. Западнее был обнаружен кувшин средних размеров с камнем у его горловой части.

В ходе раскопок на территории было идентифицировано и извлечено 5 скелетных останков (скелеты № 1, № 2, № 3, № 4, № 6): кости (рук, ног, части таза, челюсти, зубы) были очень хрупкие; части черепа раздроблены, ребра сгнили. По костям видно, что погребенные были захоронены в слегка скорченном положении на правом боку, лицом на север. В результате раскопок были обнаружены бронзовый и медный браслеты, 3 медных кольца, пара медных серег, бусы из пасты и медные украшения для верхней части руки. Рядом с кувшином среднего размера была обнаружена треножная ваза, западнее от нее глиняные сосуды, а с противоположной стороны – один сосуд.

В результате продолжения археологических раскопок в грунтовом погребении, обнаруженном в западной части III раскопа, был обнаружен скелет № 5. По останкам скелета в центральной части могильника было установлено, что погребенный был захоронен также, как и остальные, лицом частично на северо-восток. На правой руке костяка был железный браслет и бусы из пасты.

Осмотр грунтовой могилы указывает на погребальный обряд из костяков 4 взрослых (скелеты № 1, № 2, № 5, № 6) и 2 детей (скелеты № 3, № 4). Перед погребением в землю насыпали часть сбитой глины и выровняли для аккуратной формы, после чего захоронили погребенных. Они находились в слегка скорченном положении на правом боку вместе с образцами материальной культуры, отражающими погребальный языческий обычай албан эпохи античности.

В восточной части могилы захоронены двое взрослых (скелет № 1, № 2) и двое младенцев (скелет № 3, № 4), в западной – один взрослый, в центральной части между ними – еще один взрослый (скелет № 5). Один из младенцев (скелет № 3) был похоронен на руках своего родителя (скелет № 2), а другой (скелет № 4) – за спиной родителя (скелет № 1) (Рис. 6), предположительно женщин, что позволяет утверждать обнаруженные там украшения (Рис. 7), (Табло 3) [Əliyev, 2022, s.30-33].

При раскопках III участка были обнаружены медные серьги на костяке (скелет № 5), захороненного в центральной части. Напротив основания другого керамического сосуда был найден сосуд с двумя ручками, с формой рога в верхней части. Были также найдены подвеска с маленькими бусинами из пасты и маленькое медное кольцо младенца (скелет № 3), погребенного на руках своего родителя (скелет № 2). У ног погребенного (скелет № 6), захороненного в западной части, были найдены остатки керамического сосуда и железные металлические предметы. Археологические раскопки показали, что в западной части III раскопа грунтовое погребение не было достроено. На продленном открытом участке были обнаружены треножная ваза (с противоположной стороны ног скелета № 6), керамика типа кувшина и другие части керамической посуды. В этой же части (внизу ног скелета № 6) были обнаружены большой плоский камень и корпус большого кувшина. В северной части расширенного участка рядом с найденными сосудами обнаружен еще один керамический сосуд. Местность была раскопана и углублена, в результате чего был обнаружен большой кувшин, закопанный в вертикальном положении под ногами погребенного, захороненного на западной стороне (Рис. 6). Горловина кувшина была прикрыта плоским камнем. К западу от него также обнаружен небольшой керамический сосуд. Когда внутренняя часть кувшина среднего размера с камнем в горловине, лежащего на боку, очистили, стало ясно, что в нем хранили пищу. Там были остатки пшеницы и куски угля. Процесс полного вскрытия могильной камеры завершился раскопкой расширенной части на глубине 1 м (Рис. 6). Был разработан план археологического раскопа (Рис. 6) [Əliyev, 2022, s.34-37].

В могиле были найдены керамическая посуда, медные и бронзовые браслеты, кольца и серьги (Табло 2-3), части режущих инструментов из железа, части медной пряжки, пуговицы и части предмета, прикрепленного к верхней части руки в качестве украшения (Табло 3). К керамической посуде относятся

треножные вазы, кувшины, чаши и другие сосуды (Табло 2). Одна из интересных находок – небольшой керамический женский идол (Табло 1). На основе образцов материальной культуры, можно полагать, что грунтовая могила была построена в I в. до н.э. – I в. н.э. В античных грунтовых погребениях захоронения производились согласно языческим албанским традициям. Один из интересующих вопросов заключается в причине смерти: убитые или умершие от какой-то болезни. В противном случае захоронение младенцев и взрослых в одной могиле и в одно и то же время было бы нелогичным. Погребения, имеющие очень интересные особенности, важны для изучения античного мировоззрения албан, верований в загробную жизнь, погребальных обычаев и обрядов.

Античные погребения Кавказской Албании изучены в различных памятниках и установлена их хронология. Образцы материальной культуры, обнаруженные в могилах Кыпчагтепе, позволяют предположить, что это материалы типа Ялойлутепе. Подобное грунтовое погребение похоже на могильный инвентарь № 4 в Ялойлутепе [İsmizadə, 1956, s.33]. Также подобные погребения исследованы в Огузском, Агдашском и Загатальском районах [İsmizadə, 1956, s.12-13; Osmanov, 1982, s.25]. Признаки Ялойлутепинской культуры наблюдаются в исследованных грунтовых погребениях Ширванского региона [Osmanov, 1982, s.46-47]. Г.О.Гошгарлы описывает типологию широко распространенных в Албании в античности грунтовых погребений по положению их скелетов следующим образом: 1) Грунтовые погребения со слабо скорченными скелетами – VII–IV вв. до н.э.; 2) Грунтовые погребения с сильно скорченными скелетами – IV в. до н.э. – III в. н.э.; 3) Грунтовые погребения, в которых покойник уложен в вытянутом положении на спине – I–III вв. н.э. [Qoşqarlı, 2012, s.128]. Грунтовые погребения Кыпчагтепе представляют собой вторую группу могил. Могилы Кыпчагтепе, где соблюдается обычай погребения в сильно скорченном положении на правом боку, являются показателем веры в загробную жизнь древних албан-язычников. М.Дж.Халилов показывает, что языческие грунтовые погребения сохранялись в Ширванском крае и северо-восточной части Азербайджана в раннем средневековье [Xəlilov, 2009, s.24].

Как известно, среди типов могил, распространенных в Албании в античности, особое место занимают кувшинные погребения. Кувшинные погребения Кыпчагтепе также имеют типологические черты I–III вв. Известно, что подобные могилы существуют у сел Зеям и Малах Гахского района [Əsədov, 2018, s.18]. На наш взгляд, следы Ялойлутепинской культуры можно наблюдать и в кувшинных погребениях, что является показателем единой албанской культуры. Хотя разные племена, проживающие в Кавказской Албании, совершают погребальные обряды со своими традициями, мы видим, что в могилах отчетливо представлено общеалбанское культурное наследие.

Среди обнаруженных материалов явно преобладает керамика. Глиняная посуда представлена серыми, желто-серыми, красноватыми, черно-серыми цветами. Некоторые из них выполнены грубо, а некоторые искусно. Украшения состоят из образцов бусин. Металлические предметы также представлены медными кольцами, серьгами и браслетами, а также пуговицами. Небольшие глиняные фигурки типичны для античных могил в Албании. Ф.Л.Османов проанализировал глиняные женские фигурки и определил их 6 типов [Osmanov, 1998, s.168-170]. Глиняные фигурки Кыпчагтепе являются четвертой формой I типа и похожи на III–IV типы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Əliyev T.V. Oğuz-Qax arxeoloji ekspedisiyasının 2018-ci ildə apardığı arxeoloji qazıntı və çöl-tədqiqat işlərinin hesabatı // AMEA Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi, Bakı, 2018, 300 s.
2. Əliyev T.V. Oğuz-Qax arxeoloji ekspedisiyasının 2020-ci ildə apardığı arxeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı // AMEA Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi, Bakı, 2020, 250 s.
3. Əliyev T.V. Oğuz-Qax arxeoloji ekspedisiyasının 2021-ci ildə apardığı arxeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı // AMEA Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi, Bakı, 2021, 200 s.
4. Əliyev T.V. Şimal-qərbi Azərbaycanın alban dövrü arxeoloji abidələri ekspedisiyasının 2022-ci ildə apardığı arxeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı // AMEA Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya İnstitutunun Elmi Arxivi, Bakı, 2022, 183 s.
5. Əsədov V.A. Azərbaycanın küp qəbirləri. Bakı, 2018, 240 s.
6. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: "Nafta-Press", 2009, 180 s.
7. Osmanov F.L. Qafqaz Albaniyasının maddi mədəniyyəti (e.ə. IV – b.e. III əsrləri). Bakı: "Elm", 1982, 160 s.
8. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: "Elm", 2012, 248 с.
9. Исмизаде О.Ш. Ялойлутепинская культура. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1956, 132 с.
10. Османов Ф.Л. Терракотовые статуэтки Азербайджана // Tarix və onun problemləri, Bakı, 1998, №1 (3), s.166-175.

Рис. 1. Вид на II раскоп

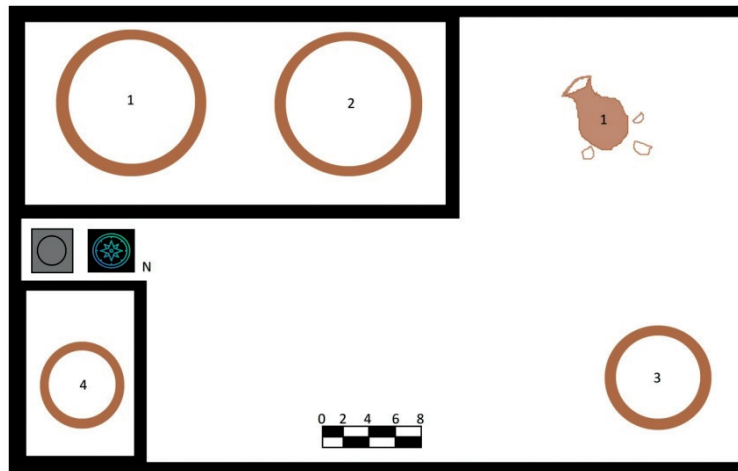

Рис. 2. План II раскопа (Талех Алиев)

Рис. 3. Кувшинное погребение № 2

Рис. 4. Вид с запада на III раскоп

Рис. 5. Вид с запада на грунтовое погребение на III раскопе

Рис. 6. Грунтовое погребение на III раскопе

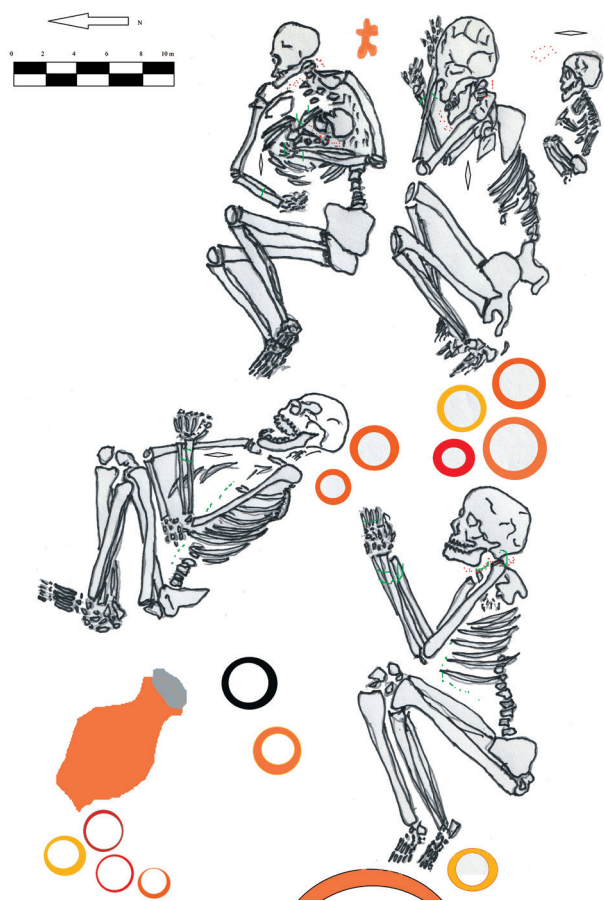
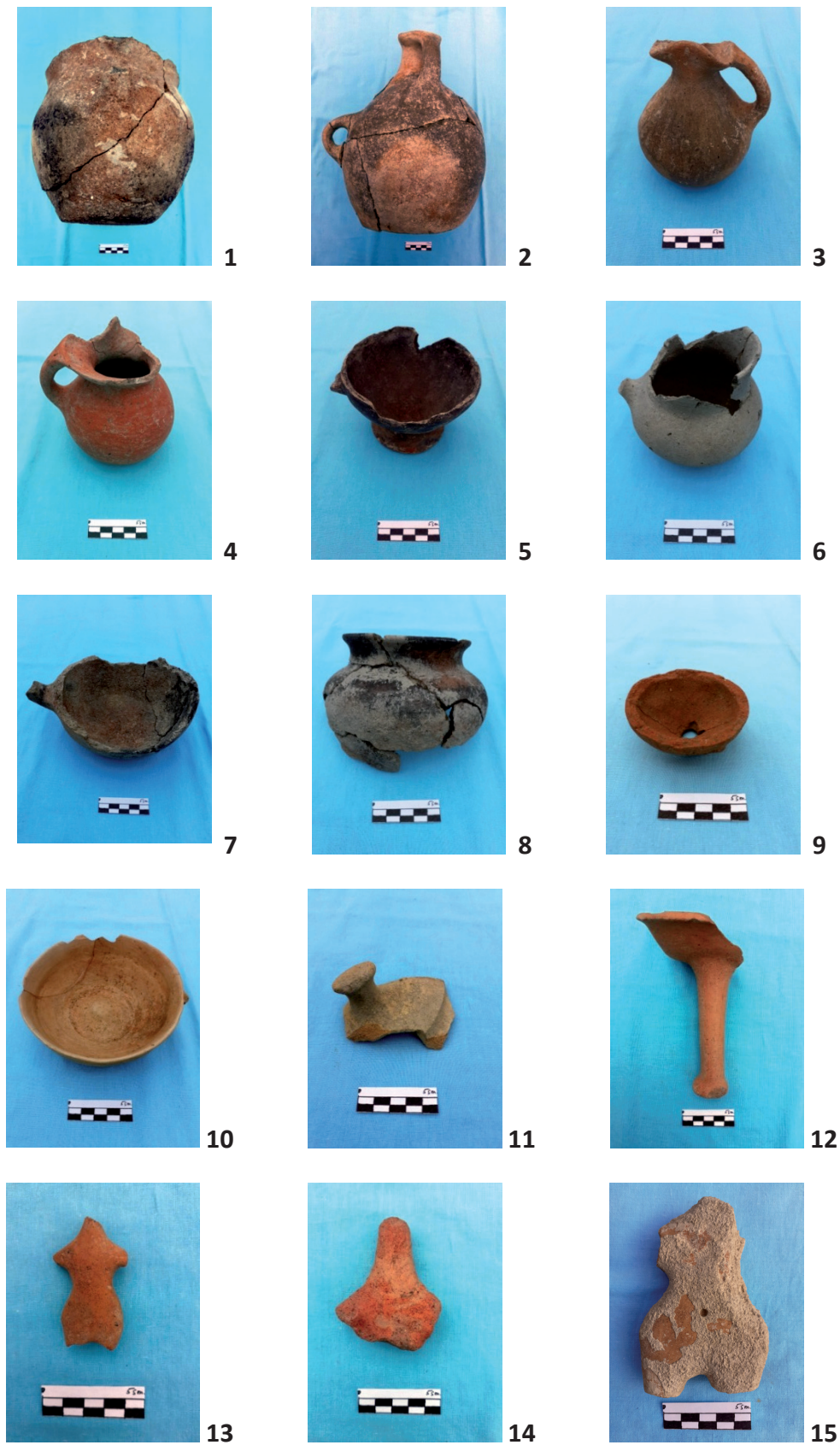

Рис. 7. План грунтового погребения на III раскопе (Талех Алиев)

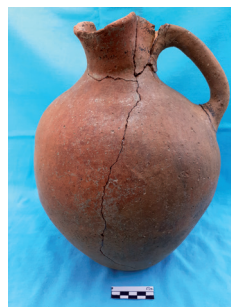
Табло 1. Керамические изделия и керамические антропоморфные идолы

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

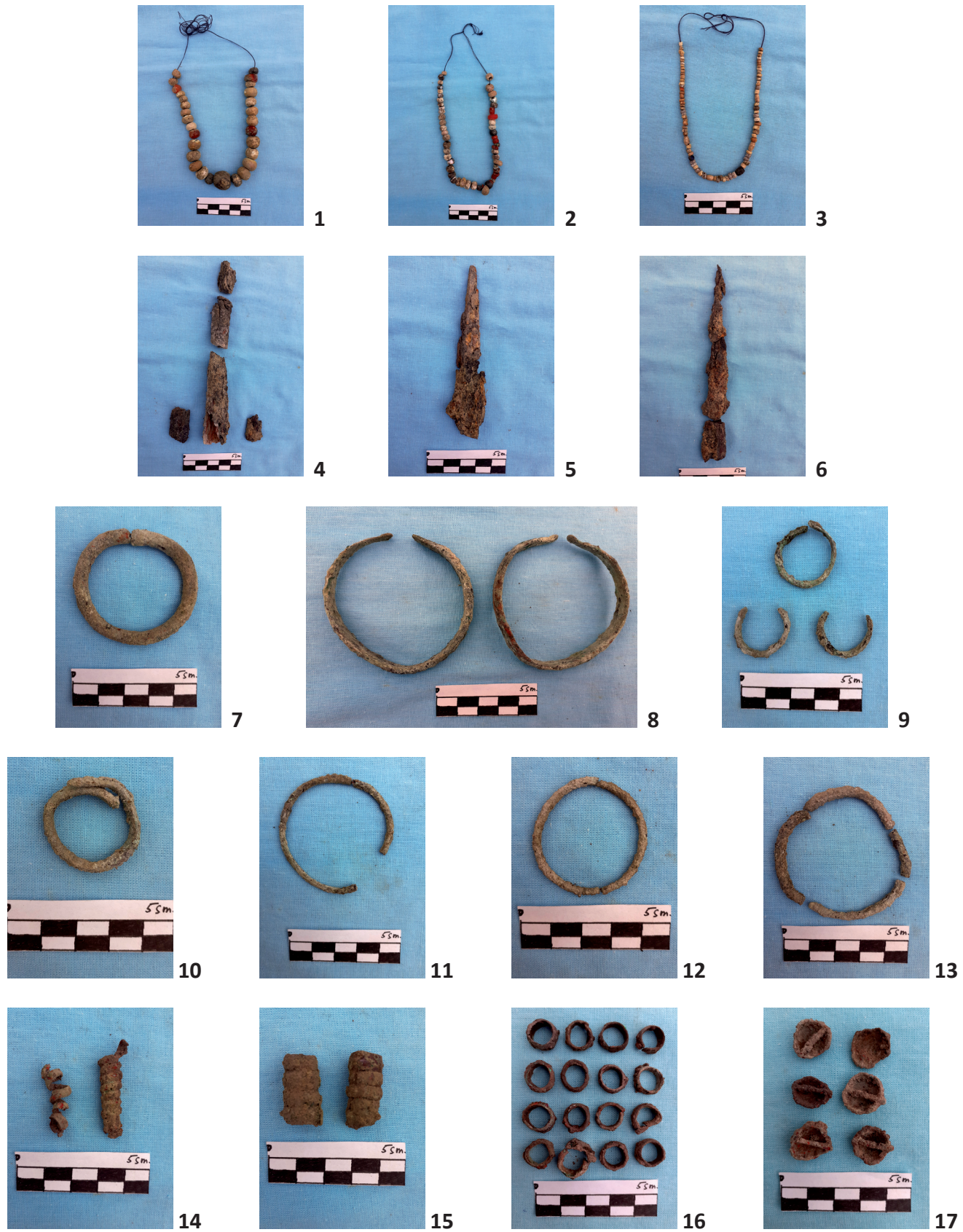

13

14

Табло 2. Керамика

Табло 3. Бусины из пасты, металлические изделия из железа, меди и бронзы, обнаруженные в античном грунтовом погребении на III раскопе

Алиева Гюлана

Старший научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории
<https://orcid.org/0000-0001-5428-4246>

АНТИЧНАЯ КЕРАМИКА НАРГИЗТЕПЕ

Аннотация. Наргизтепе – значимый археологический памятник периода средней бронзы, зарегистрированный в Министерстве Культуры и Туризма Азербайджанской Республики под инвентарным номером 1116. Археологические исследования в Наргизтепе начались в 2013 году и продолжаются по сей день. Среди подъемного материала в поселении находится большое количество обломков керамики. Одной из общих особенностей этой керамики является то, что она изготовлена из глины с крупнозернистыми включениями песка, хорошо обжигается и имеет прочные стенки. Крашенная керамика средневековья в данном случае является исключением: она, как правило, изготовлена из тонкой глины. Среди предметов неглазурованной керамики много кувшинов и кувшинообразных сосудов. В ходе исследований, проведенных с целью изучения археологических слоев Наргизтепе в северной части поселения, было определено, что памятник относится к трем культурным эпохам: Средней бронзе, Античности и Средневековью.

Ключевые слова: Наргизтепе, Карабах, Миль-Карабах, Албания, керамика
Keywords: Nargiztepe, Karabakh, Mil-Karabakh, Albania, ceramics

Наргизтепе расположен в районе Ходжавенд, в основном на пересечении предгорий Карабахского хребта и Миль-Карабахской равнины, на расстоянии 7-8 км от горы Гарачуг, в 0,7 км к юго-востоку от реки Хунашен, на естественной горной возвышенности. Высота памятника составляет 8 м, а площадь – около 1,3 гектара, что довольно немало.

Археологические исследования в Наргизтепе начались в 2013 году и продолжаются по сей день. В ходе перспективной разведки немецкие специалисты оказали всестороннюю помощь в выполнении ряда практических задач: геодезист А.Кваст с помощью современного технического оборудования составил общий топографический план памятника. Геофизики Й.Фассбиндер и Ф.Беккер составили магнитометрическую карту района. Техник Дж.Крумнов провел колоссальную предварительную работу по созданию 3D-модели участка Наргизтепе.

Среди материалов поверхности в поселении находится очень большое количество обломков керамики. Одной из общих особенностей этой керамики является то, что она изготовлена главным образом из глины с крупнозернистыми включениями песка, хорошо обжигается и имеет прочные стенки, что достаточно важно.

Крашенная керамика Средневековья в данном случае является исключением: она, как правило, изготовлена из тонкой глины. Внутри эти сосуды тарельчатого типа обычно украшены геометрическими узорами и покрыты глазурью зеленого, коричневого и кремowego цветов.

Среди неглазурованной керамики преобладают кувшины и кувшинообразные сосуды. Диаметр горлышка больших кувшинов достигает 50 см. Некоторые из этих сосудов имеют декоративный веревочный узор на ободке, который напоминает узор на некоторых старинных и средневековых кухонных горшках. На горшках в форме кувшина часто встречаются черные пятна. Многие горшки имеют выпуклые и вогнутые узоры, гравировки и вырезы на широкой части. Образцы черепков среднего бронзового и раннего железного веков встречаются редко.

Обращает на себя внимание фрагмент горлышка и широкой части толстостенного пузатого серого сосуда, относящегося к среднему бронзовому веку. Как внутренняя, так и внешняя стороны хорошо отпо-

лированы. Обод слегка отогнут. На плечике горшка имеется узор, состоящий из перфорированных кругов и вырезанных геометрических линий с острыми краями, направленными к горлышку. Образцы черной полированной керамики, найденные в окрестностях Наргизтепе, похожи на керамику раннего железного века этого региона. Античный период представлен фрагментами керамики, изготовленной из тонкой глины, они хорошо выровненные и тонкостенные, с остатками красной росписи.

В ходе зондирования, проведенного с целью изучения археологических слоев Наргизтепе в северной части поселения, было определено, что памятник принадлежит трем культурным эпохам: Средней бронзе, Античности и Средневековью. Редкие фрагменты керамики раннего железного века (ободок, корпус и ручка черных глянцевых сосудов), найденные на участке, указывают на существование культурного слоя этого периода. Наибольший интерес представляет каменная стена из больших овальных камней, обнаруженная на глубине 2,5 м и примыкающая к мостовой из глинобитного кирпича. Можно предположить, что стена шириной 2,7 м простиралась по всей окружности кургана.

Глиняная человеческая фигурка, найденная около стен, является одним из самых интересных артефактов. Голова, правая рука и ноги этой фигурки высотой 4,2 см, сделанной из тонкой глины, отломаны.

Стена, а также керамика среднего бронзового века, редко встречающаяся в этом слое, свидетельствуют о том, что Наргизтепе, как и Узерликтепе в Агдамском районе, был укрепленным городом.

На возвышенности к юго-западу от Наргизтепе, на высоте 218 м над уровнем моря, в разных местах были найдены ямы, камень и глиняная посуда. Видны чешуйки обсидиана с тонкой отделкой по краям. Другие каменные инструменты в основном представлены фрагментами мельниц и жерновов. Как правило, поверхность – рабочая сторона точильного камня в форме лодочки – плоская, а обратная сторона выпуклая. Длина остальной части такого жернова, изготовленного из цельной гальки, составляет 22 см, ширина около 13,5 см. Форма одного из жерновов, изготовленного из серой гальки, напоминает детскую ступню. Его длина составляет 8,5 см, а ширина в центре – 3,5 см.

Поверхность керамики выполнена в черном, сером и розовом цветах. Большие кувшины для бытового использования изготавливались из глины с включениями крупного песка. Домашняя утварь, особенно крынки, кувшины и чашеобразные сосуды, изготовлена из глины и хорошо обожжена. Керамические ручки можно разделить на две группы: в форме ленты и в форме палочки. Сосуд горшечного типа имел параллельные косые полосы, нарисованные красной краской на большой ручке в форме палочки. По ободку крынки была полоска того же цвета.

Горлышко другого горшка было сделано из очень тонкой глины; поверхность более аккуратно разглажена и украшена красной краской. Такого рода сосуды с орнаментом часто встречаются в древних городищах Мильско-Карабахского региона (Галатепе, Гаракобер и др.).

Встречаются также горшки с резными ручками. Например, на одной из ручек в форме палочки было три глубоких надреза. Наше внимание привлекла одна яма, образовавшаяся под воздействием дождевых вод на склоне, с расположенными вокруг артефактами. Вокруг ямы было вырыто углубление для измерения глубины размером 2 x 2 м, где был обнаружен большой погребальный сосуд, горловина которого была направлена на юг, а основание – на север. Его высота составляла 1,35 м, ширина корпуса 0,8 м, диаметры горла 37 см и основания 22 см. Края горла были украшены узорами в виде веревочек. Умерший был похоронен в согнутом положении, лежа на левом боку, головой к горлу сосуда и лицом на запад. Кости были сильно повреждены.

Судя по погребальному инвентарю, можно предположить, что погребена была женщина. Так, рядом с головой был найден неповрежденный горшок серого цвета, в погребальном сосуде были найдены разбитый кувшин, искусно изготовленная черная полированная чаша (разбитая), 4 браслета из бронзовой проволоки, пара серег, кольцо и около 90 разноцветных бусин, изготовленных из различных материалов.

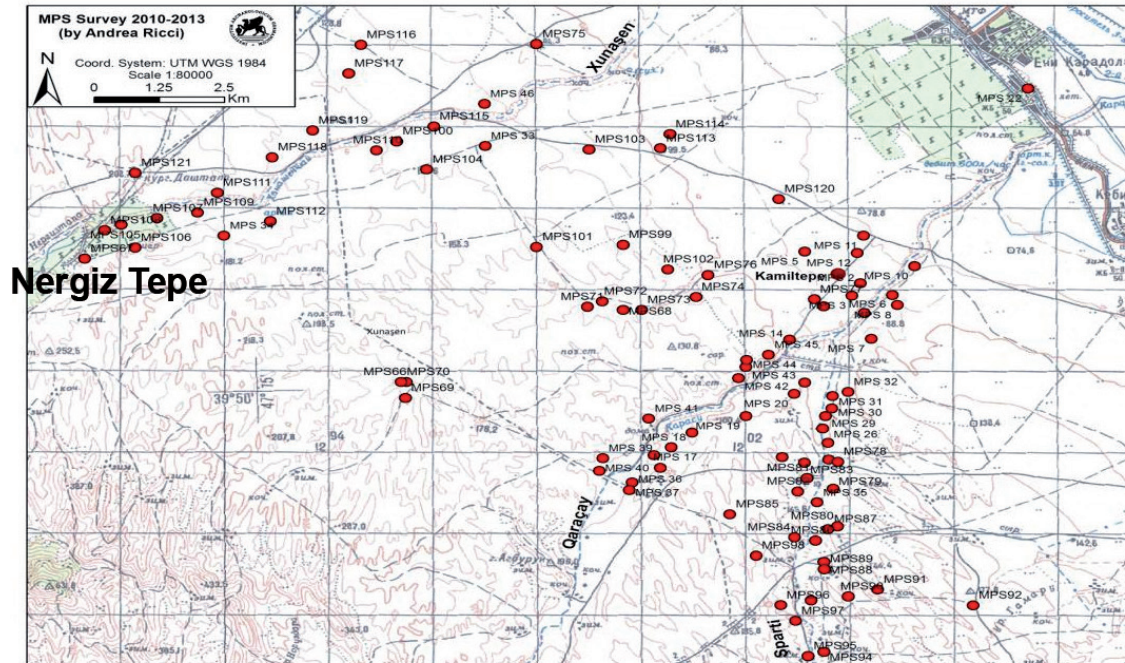
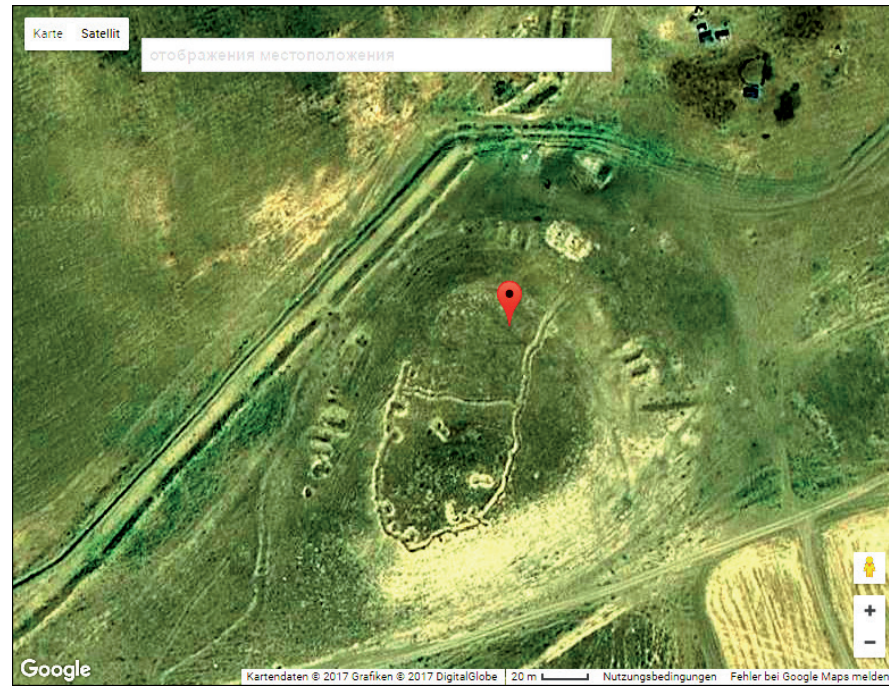
Их аналоги известны по древним кувшинным погребениям Кавказской Албании. Первичные раскопки на нынешней территории комплекса Наргизтепе показали, что там располагался некрополь кувшинных погребений. Их безопасное расположение под твердой каменистой почвой на значительной глубине на пологом склоне обеспечило их сохранность. Будущие археологические раскопки в древнем некрополе могут сыграть важную роль в изучении политической, социально-экономической и культурной жизни Кавказской Албании.

Недавно большой интерес вызвал некрополь Наргизтепе, где было обнаружено кувшинное погребение. Горло погребального кувшина было направлено на юг, а основание – на север. Высота погребального кувшина составляла 135 см, диаметр горла – 37 см, диаметр корпуса – 80 см, а диаметр основания – 22 см. Внутри скелет лежал на левом боку, скорчившись, головой к горлу кувшина, лицом на запад. Кости скелета были сильно деформированы. Среди погребальных предметов можно отметить четыре браслета из бронзовой проволоки, серьги, кольцо и более 90 различных бусин. Найденные предметы дают основание предположить, что здесь была похоронена женщина. Непрерывная работа над этим некрополем позволит нам изучить политическую, социально-экономическую и культурную жизнь Кавказской Албании.

Выводы. Обнаруженные здесь находки подтверждают связь грунтовых погребений с каменным покрытием с языческими религиозными обрядами и погребальными обычаями Античности или раннего Средневековья. Среди обнаруженных образцов керамики особый интерес представляют осколки глиняного сосуда с рисунком, нанесенным красной краской. Огромный горшок изготовлен из гранатовой глины, а узоры, украшающие его бортик, корпус и ручку, включают геометрические фигуры – прямые, перпендикулярные и пересекающиеся линии, арки, природные образы – солнце, горы и деревья, и зооморфные фигуры, например оленей. Эти узоры, за исключением зооморфных мотивов, часто встречаются на образцах керамики, обнаруженных в исторических местах Карабаха, таких как Галатепе, Узерликтепе, Гаракопактепе, Гаракобар и других. Некоторые фрагменты похожи на образцы, найденные в близлежащем поселении Наргизтепе.

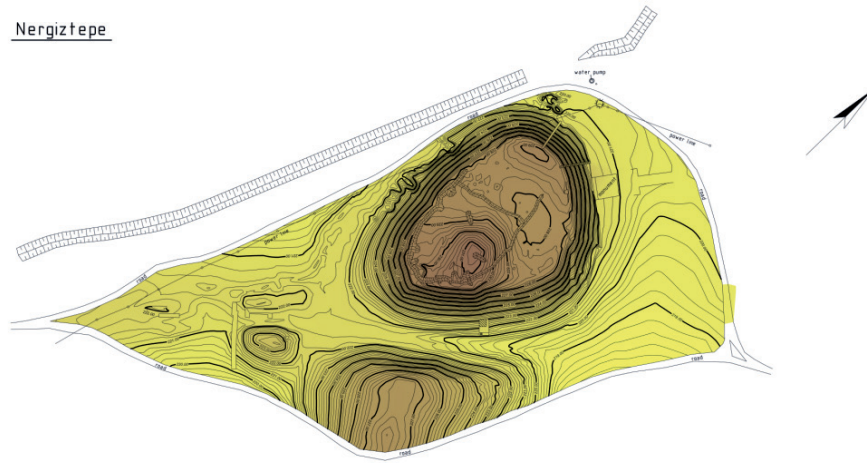
ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan toponimləri. Ensiklopedik lüğət. I cild. Bakı, 2007.
2. Cəmsidov Ş. Kitabı-Dədə Qorqud. Bakı, 1977.
3. Əliyev T.R., Əliyev V.T. Mil-Qarabağ arxeoloji ekspedisiyası Nərgiztəpə dəstəsinin çöl qeydləri / Azərbaycan arxeoloji tədqiqatlar (2013–2014). Bakı, 2015.
4. Əliyev T., İbrahimli B., Hüseynova G. Nərgiztəpədə ilkin arxeoloji tədqiqatlar // “Azərbaycan arxeologiyası”, 2015, Cild 18, No 1.
5. Əliyev T., İbrahimli B., Hüseynova G. Nərgiztəpədə türk-avşar qəbiristanlığı // “Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası”, 2015, No 1.
6. Əliyev T. Nərgiztəpədə ilkin arxeoloji tədqiqatların nəticələri / Qarabağın arxeoloji irsi. Beynəlxalq elmi konfransın materialları (ingilis dilində). Bakı-2016.
7. İzahlı coğrafi adlar lüğəti. Bakı, 1960.
8. Kitabı Dədə Qorqud. Bakı, 1962.
9. Qeybullayev Q. Qarabağ (Etnik və siyasi tarixinə dair). Bakı, 1990.
10. Məmmədov N. Azərbaycan SSR Dağlıq Qarabağ bölgəsinin şəhər və rayonlarının tarixi (XX əsrin 20-90-cı illəri). Bakı, 2010.
11. Авдеев М. Мильско-Карабахская степь. Баку, 1929.
12. Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи / Труды Азерб. археол. экспедиции, том 2. М.,-Л., 1965.
13. Мехтиев Р.Э. Нагорный Карабах: история, прочитанная по источникам. Москва: Аквариус, 2014.
14. Aliyev T., Helwing B. Kamiltepe in der Milebene. Archaologische Untersuchungen 2009 / Archaologische Mitteilungen aus Iran and Turan. Band 41. – Berlin, 2010, pp.23-45.
15. Helwing B., Ricci A., Aliyev T. Mounds and settlements in the Lower Garabakh - Mil Plain, Azerbaijan / Human development in Landscapes graduate school at the universiti of Kiel. UzPA – Bonn, 2012, pp.67-77.

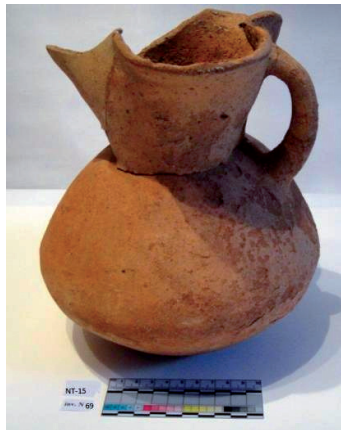
Топографический план, составленный Анной Кваст

Nergiz tepe

0 50 100 m

scale: 1:1000
measured and drawn by Anne Kwast
August 2013

Керамические гончарные изделия периода Античности

Крашенная керамика Наргизтепе

Гаджиев Муртазали

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,

доктор исторических наук, профессор (г. Махачкала, Российская Федерация)

<https://orcid.org/0000-0002-4592-0527>

АРАН И АДУРБАДАГАН В VI В.¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос административно-политических связей двух соседних исторических областей – Кавказской Албании (Арана) и Адурбадагана, образование в составе Сасанидского Ирана в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана в результате военно-административных реформ области-куста Адурбадаган во главе со *спахбедом*. В состав куста Адурбадаган были включены как собственно провинция-*шахр* Адурбадаган, так и Албания-Аран вместе с другими провинциями Южного Кавказа. Информация сирийского «Жития Григора» и печати *спахбедов* Адурбадагана, как видится, свидетельствуют о преемственном, вероятно, наследственном, военно-административном управлении представителями дома Михран кустом Адурбадаган и кавказскими провинциями. Это может объяснять приход Михранидов к власти в Аране после неудачного восстания Бахрама Чубина (590–591), также являвшегося представителем рода Михран. Дом Михран сохранял свои позиции в Адурбадагане и на Кавказе на протяжении всего VI века – в правление шаханшахов Кавада I, Хосрова I, Хормизда IV. Можно полагать, что это было связано с поддержкой домом Михран Сасанидов в лице Кавада I в его противостоянии с домом Карен в трудные для государства времена. Вхождение Албании-Арана в состав куста Адурбадаган ясно подтверждается 20 среднеперсидскими надписями Дербента, составленными от имени *амаргара* Адурбадагана Дариуша.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Аран, Сасанидский Иран, Адурбадаган, среднеперсидские надписи, Дербент, амаргар

Keywords: Caucasian Albania, Aran, Sassanid Iran, Adurbadagan, Middle Persian inscriptions, Derbent, amargar

Кавказская Албания (др.-греч. Ἀλβανία, лат. Albania, парф. Ārdān, ср.-перс. Ārān) и Атропатена (др.-греч. Ἀτροπατήνη, Ἀδραβιγῶν, парф. Āturpātākān, ср.-перс. Ādurbādagān), будучи странами-соседями, очевидно, поддерживали тесные торгово-экономические и политические связи в античный период и вплоть до завоевания и включения последней в состав Сасанидского государства вскоре после прихода к власти Сасанидов, вероятно, на правах *шахра* (ср.-перс. *šahr* – «страна, область; город»). В сасанидский период, как отмечал К.Шиппманн, Атропатена или, точнее, Адурбадаган «стал плотно интегрированной частью империи вместо слабо привязанного вассального государства как в парфянские времена» [Schippmann, 1987, p.224]. В немалой степени это было обусловлено религиозной значимостью области – расположением здесь одного из трех главных зороастрийских храмов («великих огней») Адур Гушнасп (совр. Тахт-е Сулейман), и её военно-стратегической ролью на северной границе Сасанидской державы, особенно в период экспансии Ирана на Кавказ и в борьбе с кочевыми племена. К сожалению, мы имеем очень мало информации об Адурбадагане и, тем более, о его связях с Кавказской Албанией в раннесасанидский период. Значительно возрастает роль и значение Адурбадагана в позднесасанидский период, особенно в правление шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) в связи с обострением военно-политической ситуации на северной границе Иранской державы (ср.-перс. *Ērānšahr*). Для этого времени известно, что область имела административный статус *шахра*, как об этом свидетельствуют в том числе и надписи на позднесасанидских геммах [Gyselen, 2002, p.127]. Во главе области стоял назначаемый шаханшахом наместник – *шахраб* (ср.-перс. *šahrab* – «защитник шахра/провинции»

¹ В настоящей статье использованы материалы ранее опубликованной статьи [Гаджиев, Дунцов, 2023, с.173-187].

[Gyselen, 2019, p.31, 427]), резиденцией которого был город, именуемый *Шахрестан-и Адурбадаган* («столица Адурбадагана»), под которым понимается Ганзак или Ардебиль [Ghodrat-Dizaji, 2010, p.76]. В источниках имеется информация и о том, что наместник области носил титул *марзбан* (ср.-перс. *marz-bān* – «охраняющий границу»): в сирийском житии Петиона, персидского мученика, казненного ок. 447 г., упоминается марзбан Адурбадагана (сир. *Ād^horbāīg^hān*) Тохм-Хормазд, пребывавший в Ганзаке [Hoffmann, 1880, s.64], а ал-Балазури упоминает марзбана Адурбадагана, резиденция которого располагалась в Ардебиле (цит. по: [Хуршудян, 2015, с.91; Khurshudian, 1998, s.69]).

К этому времени, возможно, в результате ирано-савирской войны 503–508 гг., около 510 г. в Кавказской Албании была упразднена царская власть после смерти (?) последнего аршакидо-сасанидского царя Албании Вачагана III (ок.485 – ок.510) (о времени правления см.: [Гаджиев, 2015, с.68-75; Gadjeiev, 2020, p.29-35]). Можно полагать, с учетом сложившейся к этому времени системы управления кавказскими провинциями, военно-стратегического, пограничного положения и традиции сасанидского военно-административного командования, что Албания получила статус провинции-*шахра* с центром в Партаве и во главе с военно-административным наместником-*марзбаном*.

В.И.Гоиладзе обратил внимание на то, что в нач.–сер. VI в. (517–518, 554–555 гг.) фигурирует объединенное наместничество в составе Албании и Иберии во главе с военачальником, носящим титулы *марзбан* и *канаранг* (ср.-перс. *kanārang* – «хранитель/страж границы») [Гоиладзе, 1979, с.8, 14-16]. На эти должности назначались представители высшей воинской аристократии Ирана (сословие *asvārān* – «всадники»), которые занимали в военно-административной иерархии статус, близкий к *спахбеду* (ср.-перс. *spāhbed* – «командующий армией»; о должности/титуле *спахбед* см.: [Gyselen, 2001; 2004]; см. также: [Khurshudian, 1998, s.147-154; Хуршудян, 2015, с.195-205]) и которые подчинялись непосредственно шаханшаху [Christensen, 1944, p.521-522]. Не исключено, что образование этого объединенного наместничества было обусловлено сложной военно-политической ситуацией на Кавказе, за обладание которым вели борьбу Иран и Византия. Создание единого наместничества, очевидно, имело в виду и единую фискально-финансовую службу, и в этой связи упомяну гемму *амаргара* Арана и Вирозана (*Ārdān ud Werōzān āmārgar*) [Gyselen, 2002, p.38, 439; 2019, p.129, 254, 439], т.е. Албании и Грузии (Иберии/Картли), которая, вероятно, относится к этому же периоду.

Как известно, в результате военной и административно-территориальной реформы шаханшаха Хосрова I Ануширвана (531–579) (см.: [Rubin, 1995, p.225-297]) Ираншахр был разделен по сторонам света на четыре крупных административно-территориальных округа (ср.-перс. *kust*, *kustag* – «область, сторона»). Это: Восточный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarāsān*), Западный куст (ср.-перс. *kust ī Xwarārān*), Южный куст (ср.-перс. *kust ī Nēmrōz*) и куст Адурбадаган (ср.-перс. *kust ī Ādurbādagān*), под которым понимался северный округ. Как полагает Р.Гизелен, обозначение этого куста не по стороне света, а по наименованию области было обусловлено тем, что север (ср.-перс. *abāxtar*) имел негативную коннотацию, обозначая территорию демонов [Gyselen, 2004]. Когда именно была проведена реформа, трудно сказать, но можно полагать, что к 541 г., к началу новой войны с Византией (так наз. Лазская война), она была завершена. В состав куста Адурбадаган вошли не только собственно Адурбадаган – историческая провинция на северо-западе Ирана между реками Сефид-руд, Аракс и оз. Урмия, но и все закавказские владения Сасанидов – Албания, Персармения, Иберия, включая отдельные области (Сисаган/Сиган, Муган, Баласаган и др.).

Вместе с упразднением должности главнокомандующего (ср.-перс. *Ērān-spāhbed*, *spāhbedān spāhbed*) были учреждены должности четырех *спахбедов*, осуществлявших военно-административное управление соответствующими *кустами* и непосредственно подчинявшихся шаханшаху.

Разделение Ираншахра на четыре области подтверждается и данными письменных источников (*Шахристианиха-и Еран*, *Ашхарацуйц*, ат-Табари, ад-Динавари, ал-Хорезми и др.), и находками уникальных булл с оттисками печатей военачальников-спахбедов всех четырех регионов. Для нашей темы особый интерес представляют печати поименно названных спахбедов Адурбадагана (ср.-перс. *Ērān kust ī Ādurbādagān spāhbed*) – Горгона (*Gōrgōn*), Сед-хоша (*Sed-hoš*) и ...-Хосрова (...-*Husrāw*), датируемые временем правления Хосрова I Ануширвана и одна – временем правления Хормизда IV (571–590) [Gyselen, 2001, p.35-46; Gyselen, 2007, p.272-277; Gyselen, 2019, p.452; Daryaei, Safdari, 2010, p.1-15]; см. также: [Daryaei, 2002; Maksymiuk, 2015] (Рис. 1). Как весомо предположила П.Пуршариати [Pourshariati, 2008, p.103],

спахбед Горгон идентифицируется с Голоном Михраном (*Goṭon Mihrān*), он же – Михран Михревандак (*Mihrān Mihrewandak*), фигурирующим у Себеоса в связи с военными событиями на Кавказе в 570-х гг. (Sebeos, 1999, p.7, 10, 163).

Рис. 1. Оттиски печатей спахбедов Адурбадагана [Gyselen, 2019, p.270]

Говоря о представителях дома Михрана, стоявших во главе куста Адурбадаган, следует обратить внимание и на известие одного из сирийских житий персидских мучеников («Житие Григора»). В нем рассказывается о Пиран Гушнаспе, принявшем христианство и получившим при крещении имя Григор, возможно, в честь Григория (арм. Григор) Просветителя. Судя по тексту жития, он происходил из рода Михран, являлся наместником Адурбадагана при шаханшахах Каваде I (488–498/499, 501–531) и Хосрове I Ануширване (531–579) и был замучен за вероотступничество в 542 г. Житие повествует:

«В то время жил мужчина из Рая (Rai), родом из дома Михрана (Mihrān), великий царь, который первоначально звался Пиран Гушнасп (Pirāngušnasp), а в крещении получил имя Григор (Grigʰōr). Он был поставлен над многими знатными и сделан царем [Кавадом I. – М.Г.] наместником над границей и областью Севера (awāhtar), и повелел ему царь охранять в земле Гурзана (Gurzān) и Аррана (Arrān), и многие тысячи всадников находились под его властью» [Hoffmann, 1880, s.78-86].

Обращу внимание, что у Е.А.Мишина, пересказывающего это житие, вместо Аррана неверно фигурирует Армения [Мишин, 2014, с.457], а Э.Ш.Хуршудян, как я считаю, ошибочно именует его марзбаном Грузии и Аррана [Хуршудян, 2015, с.94; Khurshudian, 1998, s.71], хотя, не исключено, что в правление Кавада I и до проведения военно-административной реформы и учреждения должности спахбеда Севера (Адурбадагана) он являлся марзбаном Грузии и Аррана, что перекликается с вышеприведенными данными о существовании объединенного наместничества Грузии и Албании. Но указание в тексте на то, что Пиран Гушнасп был назначен «наместником над границей и областью Севера», под которой понимается Северный куст или куст Адурбадаган, позволяет считать, что он являлся, по крайней мере в правление Хосрова I и до своей мученической смерти в 542 г., спахбедом Адурбадагана. На это же указывает и замечание жития, что «повелел ему царь охранять в земле Гурзана и Аррана, и многие тысячи всадников находились под его властью», подчеркивающее его, в условиях военно-политической ситуации в 520-х гг., территориально широкие полномочия, не ограничивающиеся собственно Адурбадаганом, но включающие и стратегически важные пограничные области Албании и Грузии.

Информация «Жития Григора» и печати спахбедов Адурбадагана, как видится, свидетельствуют о преемственном, традиционном, вероятно, наследственном, военно-административном управлении кустом Адурбадаган и кавказскими провинциями представителями дома Михран. И это может объяснять приход Михранидов к власти в Албании после неудачного восстания Бахрама Чубина (590–591), также являвшегося представителем рода Михран. Исследователи уже неоднократно указывали на то, что военно-административные реформы Хосрова I были направлены, в том числе, и против усилившихся влиятельнейших иранских, особенно парфянских, домов. Но приведенные примеры, как представляется, демонстрируют сохранение домом Михран своей позиции в Адурбадагане и на Кавказе на протяжении всего VI века – в правление шаханшахов Кавада I, Хосрова I, Хормизда IV. Можно полагать, что это было

связано с поддержкой домом Михран Сасанидов в лице Кавада I в его противостоянии с домом Карен в трудные для государства времена.

Вхождение Албании в состав куста Адурбадаган ясно отражено в среднеперсидских надписях Дербента, составленных от имени *амаргара* Адурбадагана Дариуша (*Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar*) [Гаджиев, Касумова, 2006; Гаджиев, Дунцов, 2023, с.173-187] – главного финансового и налогового инспектора этого куста, который от лица шаханшаха Хосрова I и спяхбеда Адурбадагана финансировал и контролировал строительство колоссального Дербентского оборонительного комплекса, по крайней мере, на первом и важнейшем этапе работ – возведении северной городской оборонительной стены Дербента и цитадели (о времени их сооружения [Гаджиев, 2006, с.77-94; Gadjeiev, 2008, p.1-15]). Напомню, что правильное чтение имени амаргара Дариуша стало возможным благодаря открытию надписи № 29 [Гаджиев, 2000, с.119-122, рис.4; Гаджиев, Касумова, 2006, с.78-81, рис.36], и замечу также, что должность амаргара Адурбадагана засвидетельствована на оттиске геммы-печати [Gyselen, 2007, p.42, 132; Gyselen, 2019, p.31, 253, 439] (Рис. 2).

Рис. 2. Оттиск печати амаргара Адурбадагана [Gyselen, 2019, p.31]

До недавнего времени было известно 32 среднеперсидских надписи, вырезанных на стенах Дербентского оборонительного комплекса в конце 560-х гг. и документирующих его строительство [Гаджиев, Касумова, 2006]. Ныне корпус среднеперсидских надписей Дербента пополнился еще тремя надписями – №№ 33-35, открытыми в последние годы [Гаджиев, Дунцов, 2023, с.173-187] (Рис. 3). Эти новооткрытые надписи относятся к подгруппе *б* группы 1 среднеперсидских надписей Дербента и представляют надписи амаргара Дариуша. Текст их идентичен: *Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar* – «Дариуш, амаргар Адурбадагана».

Всего на сегодняшний день известно уже 20 (из 35) надписей, составленных от его имени и документирующих деятельность Дариуша в Дербенте, и все они высечены на северной оборонительной стене города, где всего расположено 25 среднеперсидских надписей (Рис. 4).

Напомню, что надписи амаргара Дариуша по своему содержанию подразделяются на четыре группы [Gadjeiev, 2016]:

1 – имя (надписи №№ 11, 26, 31: *Dariuš*);

2 – имя и титул (надписи №№ 7, 10, 24, 27-29, 33-35: *Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar*);

3 – строительные данные, имя и должность (надписи №№ 1, 2, 4-6, 9, 25; например: *az ēn ābarbar Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar*; *ēn ud az ēn ābarbar Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar*; *pahnāy čahar ī Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar*);

4 – строительные данные, дата, имя и титул (надпись № 3: *ēn ud az ēn ābar sāl 37 Dariuš ī Ādurbādagān āmārgar kard*).

Судя по результатам раскопок, проведенных в зоне расположения надписей (шурф 26 у башни № 3, раскоп XXII у башни № 12 и раскоп XXIX у башни № 19 – [Гаджиев, 2010, с.25, 37, рис. 7; Гаджиев и др., 2015, рис. 4; Гаджиев и др., 2019, с.11-13]), дневная поверхность времени строительства северной городской

стены на данных участках расположена на 1,4-1,5 м (раскоп XXIX) и 2,5-2,6 м (шурф 26, раскоп XXII) ниже современного уровня с постепенным увеличением мощности накрывающих слоев в северо-восточном направлении (в сторону моря). Блоки с высеченными на них надписями №№ 3, 5, 11 устанавливались на высоте около 1,7-2,7 м от дневной поверхности времени сооружения стены, а блоки с надписями №№ 1, 2, 33 – на высоте около 3,1-4,4 м.

Надписи амаргара Дариуша расположены на северной городской стене на всем ее протяжении – от ее начала (надписи №№ 30 и 31, расположенные, соответственно, в 6,3 м и 5,5 м от стыка стены с северо-восточной угловой башней цитадели) и до приморской части (надпись № 10 рядом с башней № 2). К тому же, они установлены на фиксируемой ныне высоте от 0,3-0,6 м до 3,3-3,4 м от современной дневной поверхности. Они документируют осуществлявшийся амаргаром Адурбадагана Дариушем контроль за строительством северной городской оборонительной стены Дербента (а, очевидно, и цитадели, учитывая, что северная оборонительная стена и цитадель имеют конструктивную перевязку, указывающую на их единовременное сооружение – [Кудрявцев, 1982, с.103; Кудрявцев и др., 1978, с.126]) от времени начала ее сооружения до завершения.

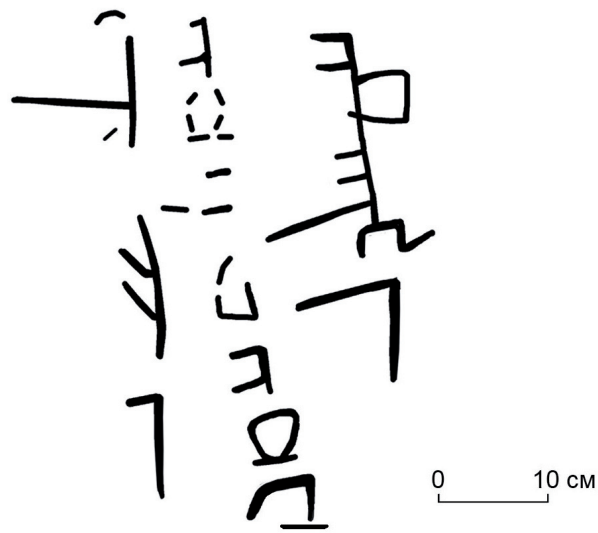
С другой стороны, на северной оборонительной стене Дербента наблюдаются значительные по протяженности участки, на которых отсутствуют среднеперсидские надписи, в том числе составленные от имени Дариуша. Это участки между башнями №№ 2-8, 11-15, 22-33, 36-40. Данный факт, учитывая, что северная стена в значительной степени накрыта мощными (до 3-5 м толщиной) прилегающими культурными наслоениями средневекового и Нового времени, оставляет надежду на открытие новых среднеперсидских надписей при проведении раскопок вдоль оборонительной стены и вскрытии ныне находящихся под грунтом нижних частей оборонительной стены.

В заключении отмечу, что, судя по данным «Ашхарацуйц», отражающим ситуацию поздне-сасанидского времени, очевидно, с конца VI – начала VII в., с начала правления шаханшаха Хосрова II Парвиза (591–628) и до прихода к власти в Албании династии Михранидов, куст Адурбадаган именовался также *куст Капкох* (ср.-перс. *kust ī Kāpkūh* – «Кавказский куст»). Он состоял из 10 или 14 поименно названных шахров, и южнокавказские области числятся то в составе шахра Адурбадаган, то непосредственно в составе куста Капкох [Армянская География..., 1877, с.57-63; Патканов, 1883, с.21-32]. Очевидно, это объясняется складывавшейся политической ситуацией и зависящего от нее и изменявшегося из-за нее административно-территориального деления в условиях нестабильной ситуации в это время в Сасанидском государстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Армянская География VII века по Р.Х (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)/ Текст и перевод с при-
совокуплением карт и объяснительных примечаний издал К.П.Патканов. СПб.: Тип. Импер. Академии наук,
1877, ххviii, 84, 26 с.
2. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Абдулаев А.М., Шаушев К.Б. Открытие и исследование
мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник
Института истории, археологии и этнографии, №3, 2015, с.183-195.
3. Гаджиев М.С. Баб ал-кийама – средневековое мусульманское культовое место в Дербенте // Дагестан и
мусульманский Восток. Сб. статей в честь профессора А.Р.Шихсаидова. Сост. и отв. ред. А.К.Аликберов,
В.О.Бобровников. М.: Издательский дом Марджани, 2010, с.20-37.
4. Гаджиев М.С., Дунцов А.Н. Новооткрытые среднеперсидские надписи *амаргара* Дариуша в Дербенте //
История, археология и этнография Кавказа, 2023, Т.19, №1, с.173-187.
5. Гаджиев М.С., Касумова С.Ю. Среднеперсидские надписи Дербента VI века. М.: Восточная литература,
2006, 128 с.
6. Гаджиев М.С. Новые находки и топография среднеперсидских надписей Дербента // Вестник древней
истории, 2000, №2, с.116-129.
7. Гаджиев М.С., Таймазов А.И., Будаичиев А.Л., Абиев А.К., Абдуллаев А.М., Магомедов Ю.А. Разведочные
археологические работы у северной оборонительной стены в приморской части Дербента // Вестник
Кемеровского государственного университета, №1, 2019, с.10-19.
8. Гаджиев М.С. Хронология Аршакидов Албании // *Albania Caucasia*. Вып.1. Отв. ред. и сост. А.К.Аликберов,
М.С.Гаджиев. М.: ИВ РАН, 2015, с.68-75.
9. Гаджиев М.С. Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены
Дербента и произведенных трудозатрат (интерпретация среднеперсидской надписи №3) // Вестник
Института истории, археологии и этнографии, 2006, №1, с.77-94.
10. Гоиладзе В.И. Политическое развитие Картли с начала VI в. до конца 30 гг. VII в.: /автореф. дисс. ...канд. ист.
наук/ – Тбилиси, 1979.
11. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Наука, 1982, 174 с.
12. Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., Гамзатов Г.Г., Салимов С.Б., Хазанов А.М. Исследования в Дербенте //
Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978, с.125-126.
13. Мишин Е.А. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха.
М.: ИВ РАН, 2014, 696 с.
14. Хуршудян Э.Ш. Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. III в. до н.э. – VII в. н.э.
Алматы: Институт Азиатских исследований, 2015, 400 с.
15. Патканов К. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства
Народного Просвещения. Часть ССХХVI, 1883, с.21-32.
16. Christensen A. *L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen: E.Munksgaard, 1944, 544 p.
17. Daryaei T. *Šahrestāniha ī Eranšāhr*. A Middle Persian Text on Late Antique Geography, Epic and History / With
English and Persian Translations and Commentary. Costa Mesa: Mazda Pub., 2002, 90 p.
18. Daryaei T., Safdari K. *Spāhbed Bullae: The Barakat Collection* // *e-Sasanica*. 7. 2010. P.1-15 - online edition, available
at: <https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/c/347/files/2020/01/e-sasanica7-Safdari-Daryaei.pdf>. –
Дата обращения: 08.09.2022.
19. Gadjiev M. *Darband Epigraphy*. i. Middle Persian Inscriptions // *Encyclopædia Iranica*, online edition, 2016,
available at <http://www.iranicaonline.org/articles/darband-epigraphy-01> (accessed on 26 January 2016) – Дата
обращения: 26.05.2023.
20. Gadjiev M.S. On the Construction Date of the Derbend Fortification Complex // *Iran and the Caucasus*, Vol.12,
No.1, 2008, с.1-15.
21. Gadjiev M. *The Chronology of the Arsacid Albanians* // *From Caucasian Albania to Arrān: The East Caucasus
between Antiquity and Medieval Islam (c. 300 BCE – 1000 AD)* / Ed. by Robert G.Hoyland. Piscataway: Gorgias
Press, 2020, p.29-35.
22. Ghodrat-Dizaji M. *Ādurbādagān during the Late Sasanian period: A Study in Administrative Geography* // *Iran*.
Vol.48. 2010.

23. Gyselen R. The Four Generals of the Sasanian Empire: Some Sigillographic Evidence. [Conferenze. 14]. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 2001, 53 p.
24. Gyselen R. La géographie administrative de l'empire sassanide: Les témoignages épigraphiques en moyen-perse. [Res Orientales. XXV]. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'Étude de la Civilisation du Moyen-Orient. Leuven: Peeters, 2019, xxxviii, 462 p.
25. Gyselen R. Nouveaux matériaux pour la géographie historique de l'empire sassanide. Sceaux administratifs de la collection Ahmad Saeedi. [Studia Iranica. Cahier 24]. Paris, 2002, 227 p.
26. Gyselen R. Sasanian Seals and Sealings in the A.Saeedi Collection [Acta Iranica. 44]. Louvain: Peeters 2007, xviii, 407 p.
27. Gyselen R. Spāhbed // Encyclopaedia Iranica, online edition 2004, available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/spahbed> - Дата обращения: 23.05.2023.
28. Hoffmann G. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer [Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes: Excurse. VII.3]. Leipzig, 1880, 325 s.
29. Khurshudian E. Die Parthischen und Sasanidischen Verwaltungsinstitutionen: nach den literarischen und epigraphischen Quellen. 3 Jh. v. Chr. – 7. Jh. n. Chr. Jerewan: Verlag des Kaukasischen Zentrums für Iranische Forschungen, 1998, 324 s.
30. Maksymiuk K.I. The Pahlav-Mehrān Family Faithful Allies of Xusrō I Anōšīrvān // *Метаморфозы истории*. 6. 2015: 163-180.
31. Pourshariati P. Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran. London – New York: I.B. Tauris, 2008, 552 p.
32. Rubin Z. The Reforms of Khusro Anushirwān // *The Byzantine and Early Islamic Near East. Vol.3. States, Resources and Armies*. Ed. by Averil Cameron. [Studies in Late Antiquity and Early Islam, 1]. Princeton: The Darwin Press, 1995, pp.225-297.
33. Sebeos. The Armenian History attributed to Sebeos, translated, with notes, by R.W.Thomson / *Historical commentary by J.Howard-Johnston, Assistance from T.Greenwood Pt.1. Translation and notes*. Liverpool: Liverpool University Press, 1999, lxxvii, 355 p.
34. Schippmann K. Azerbaijan. iii. Pre-Islamic History // *Encyclopaedia Iranica*, 1987, Vol.III. Fasc. 2. P.224 - online edition, available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-iii> - Дата обращения: 22.05.2023.

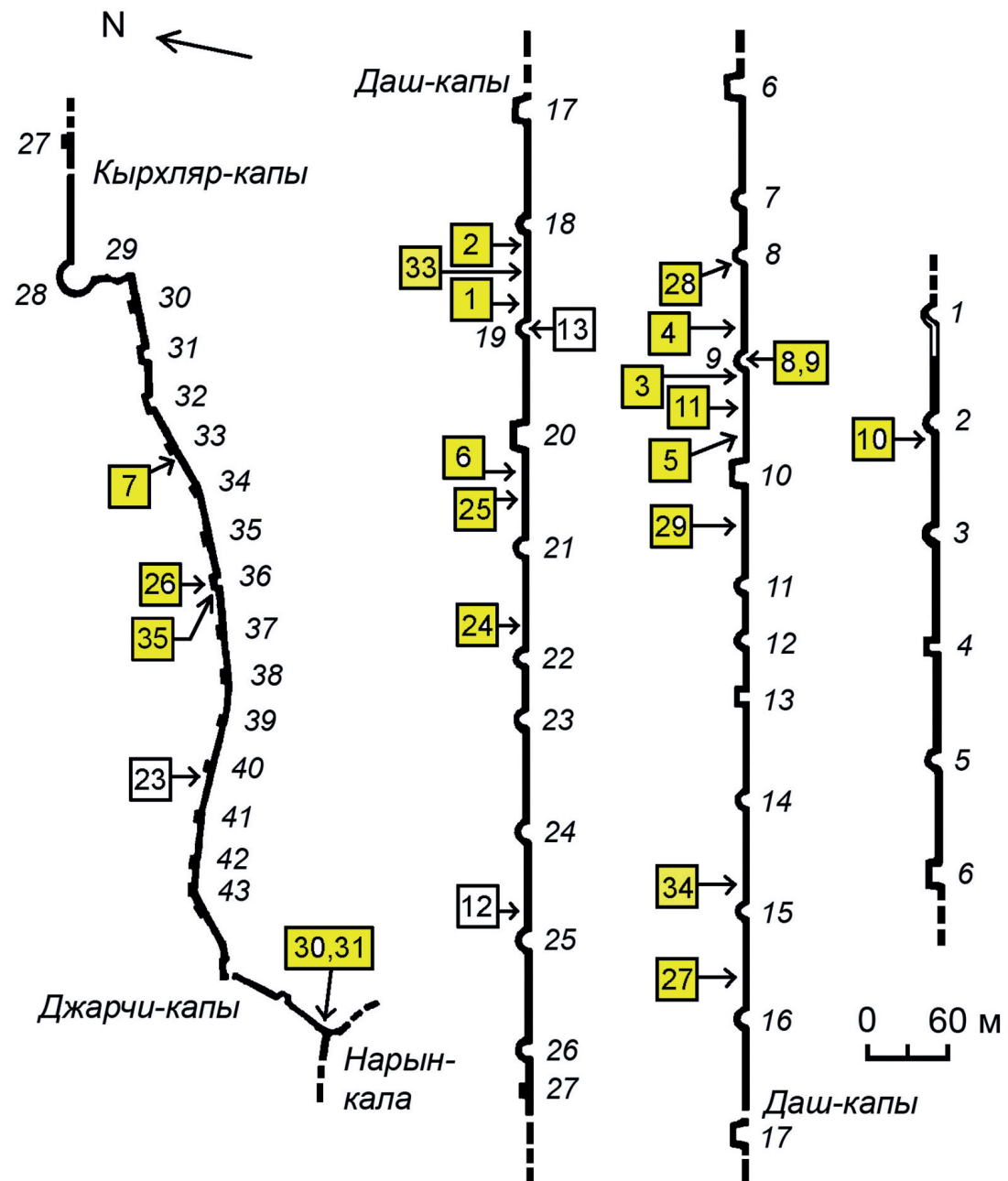

Рис. 4. Местоположение среднеперсидских надписей на северной городской оборонительной стене Дербента. Надписи амаргара Дариуша выделены желтым

Мустафаев Лачин

*Старший научный сотрудник отдела научного фонда археологии
Национального музея истории Азербайджана, старший преподаватель
кафедры всеобщей истории и технологии преподавания истории АГПУ,
доктор философии по истории
<https://orcid.org/0000-0002-1995-642X>*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГУБА–ХАЧМАЗСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье говорится о новых памятниках и образцах материальной культуры поздней античности и раннего средневековья, обнаруженных в Губа–Хачмазском регионе. При этом подчеркивается роль новых находок как источника в изучении материальной культуры Кавказской Албании. Проанализировав исторические и археологические исследования, проводимые в регионе, отмечается необходимость и актуальность комплексного изучения региона. Отмечается особая роль археологических памятников и образцов материальной культуры этого региона в выяснении проблем формирования классового общества и раннего государства на северной территории Азербайджана. В частности, выдвинув на передний план необходимость обнаружения и исследования в регионе памятников ранней античности, раннегородской культуры государства Кавказская Албания, отмечается важность комплексных историко-археологических исследований для систематического и последовательного изучения многовековых памятников Кавказской Албании.

Ключевые слова: керамика, археологические исследования, поселение Техмези, погребальные памятники
Keywords: Ceramic, archaeological research, Tahmazi settlement, grave monuments

Цель изучения и история археологических исследований региона.

В Губа–Хачмазском регионе часто встречаются археологические памятники и образцы материальной культуры поздней античности и раннего средневековья. В тот период население региона было плотно расселено на обширной территории. Археологические находки поздней античности и раннего средневековья региона состоят из поселений и погребальных памятников, а также случайно обнаруженных археологических памятников и образцов материальной культуры. Начиная с прошлого века, в ходе археологических исследований, проводимых на территории северо-восточного Азербайджана, выявлены богатые артефакты материальной культуры, относящиеся к эпохе бронзы, железа, античности и средневековью и проведены обширные археологические раскопки во многих памятниках.

Среди памятников региона, типичных для периода исследования, следует выделить городище Шабран и расположенный в Губе Сандыктепе. На этих памятниках уже давно ведутся стационарные раскопки. В изучении раннесредневековой городской культуры Азербайджана этим памятникам принадлежит исключительная роль. Памятники имеют городскую инфраструктуру, характеризующуюся богатыми образцами материальной культуры и различными остатками зданий [Халилов, Кошкарлы и др., 1991, с.21-30, 55-58]. Немало археологических памятников, которые были случайно обнаружены и учтены в ходе сельскохозяйственных работ, строительства дорог и каналов, эрозии почвы и даже идентифицированы археологами, но остались вне исследования. На памятниках этого типа в основном проводились наземные сборы и кратковременные археологические исследования.

Учитывая богатое материальное наследие региона, следует отметить, что Губа–Хачмазский регион нуждается в комплексных историко-археологических исследованиях. Эта проблема особенно актуальна для начала эпохи железа, т.е. античности, когда сформировалось классовое общество и на историческую сцену вышла Кавказская Албания. Это связано с тем, что изученных археологических памятников

северо-восточного Азербайджана этого периода практически не существует, за исключением нескольких жилищ и погребений курганного типа раннего железа. Крупные или городские поселения V–IV вв. до н.э. – III в. н.э. встречаются редко, и историко-археологические исследования этого периода не нашли своего решения. Если не принимать во внимание, например холмы Джанахыр (городище), поселение Рустов и грунтовые погребения I–III вв., многослойный памятник Чинартала I (с III тыс. до н.э. – VIII в. н.э.) и в том числе найденные И.Н.Алиевым в 2018 г. на юго-востоке села Хыналыг погребения в памятнике Кымалиге-бериш IV в. до н.э. – VII в. н.э., то археология региона периода ранней античности не исследована [Халилов, Кошкарлы и др., 1991, s.52-53, 109-113, 119-121; <https://news.milli.az/culture/917683.html>].

Обычно часто находимые и изучаемые памятники в этом регионе это раннесредневековые памятники Албании, такие как поселения и различные погребения. Причин недостаточного изучения периода ранней античности может быть несколько:

- 1) До сих пор не обнаружены городские поселения и могильные погребения периода ранней античности, а принадлежащие ей культурные слои не прослежены в поселениях, относящихся к более ранним периодам;
- 2) В период ранней античности археологические памятники соответствующего периода не наблюдаются, так как в этом регионе проживало мало людей.

Оба варианта являются фактами, которые могут проследиваться в процессе исторического развития и исследования. Однако если обратить внимание на историю археологических исследований региона, то можно прояснить некоторые вопросы. Напомним, что археологические памятники региона охватывают все периоды средневековья, начиная с эпохи бронзы. Конечно, археологические памятники эпохи ранней бронзы несопоставимы по количеству с памятниками средневековья. Со временем среда обитания увеличилась с ростом населения и заселением больших территорий.

Впервые археологические исследования в этом регионе были проведены в 1932 г. А.К.Алекберовым в нескольких памятниках, случайно обнаруженных при земляных работах в Гусарском районе. Позднее, в 1938 г. при строительстве Самур-Девечи, ныне Самур-Апшеронского канала, Я.А.Пахомов провел кратковременное исследование по обнаружению грунтовых погребений у дороги Губа–Хачмаз и на основании могильного инвентаря отметил, что находки относятся к первым векам нашей эры. В 1953 г. при расширении дороги Гусарского района между селами Аваджуг и Хил были уничтожены древние погребения. В то время И.М.Джафарзаде и С.М.Газиев отметили, что находки относятся к середине I тыс. до н.э. [Халилов, Кошкарлы и др., 1991, с.9].

Уже во второй четверти прошлого века в регионе можно наблюдать активность археологической разведки и стационарных экспедиций. Обширные исследования проводились под руководством археолога Дж.А.Халилова. Однако свой вклад в изучение и обнаружение археологических памятников и материальной культуры региона внесли А.Ш.Оруджев, Р.Б.Геюшев, Р.Б.Аразова, Г.О.Кошкарлы, Д.Л.Мусаев, Т.Р.Алиев, М.Дж.Халилов, И.Н.Алиев, Т.М.Достиев, С.М.Агамалиева и другие. Исследователи, чьи имена перечислены, изучили археологические памятники и остатки материальной культуры разных периодов и в то же время обратили внимание на историко-этнографические аспекты региона. Дж.А.Халилов проводил археологические раскопки в основном на многих памятниках разных периодов Губы, Гусара и Хачмаза. В ходе исследований были изучены материальная культура региона, поселения и погребальные памятники, хозяйство и быт албанского населения, ремесла и погребальные обычаи, а также получены материалы, связанные с торговыми отношениями [Халилов, Асланов, 1973, s.176-184; Халилов, 1965, с.154-162; Халилов, 1965, с.175-179; Халилов, 1975, с.58-59; Халилов, Аразова и др., 1981, с.72-76; Халилов, Аразова и др., 1982, с.25-28].

При археологических раскопках внимание также уделялось изучению памятников городского типа, параллельных небольшим поселениям. Исследования холмов Джанахыр способствовали изучению формирования городской культуры, структуры и особенностей городских поселений, имеющих большое значение для региона [Халилов, Кошкарлы и др., 1991, с.109-113; Достиев, 2002, с.50-51]. Международные связи Албании и влияние других культур на местную культуру были исследованы благодаря некоторым образцам материальной культуры, полученным наряду с изучением поселений, погребальных памятников, производства керамики и других областей поздней античности и раннего средневековья. Исследователи, участвовавшие в археологических исследованиях в северо-восточном Азербайджане, А.Ш.Оруджев,

Г.О.Кошкарлы, Р.В.Аразова и другие, в разных направлениях проводили изучение материальной культуры Албании [Кошкарлы, 2012, с.23-25; Оруджев, 1977, с.495; Оруджев, 1978, с.500; Оруджев, 1980, с.18-19; Оруджев, 1979, с.24-26].

В последние годы в Губа–Хачмазском регионе М.Дж.Халилов провел стационарные раскопки в поселениях и погребальных памятниках периода античности и раннего средневековья. В ходе исследования научному сообществу был представлен ряд новых фактов о хозяйственном быте, ремеслах, погребальных обычаях, религиозных верованиях, торговых и культурных связях древнего населения. Проведено широкое изучение погребальных памятников Албании раннего средневековья [Хәлілов М.С., 2006, с.101-114; Хәлілов М.С., 2007, с.398-402; Хәлілов М.С., 2011, с.209-211; Хәлілов М.С., Сәфәрова, 2013, с.223-231; Хәлілов М.С., 2015, с.261-266; Хәлілов М.С., 2009]. В то же время в последние годы в этом регионе проводились археологические раскопки И.Н.Алиева в Хыналыгском Государственном историко-архитектурном и этнографическом заповеднике, относящиеся к эпохе бронзы и античности (<https://news.milli.az/culture/917683.html>), а также раскопки Д.Л.Мусаева на различных памятниках Хачмаза, относящиеся в целом к древним временам.

Подходя к проблеме с общей точки зрения, нельзя отрицать тесную связь каждого периода с предшествующей и последующей исторической периодизацией. Создание и формирование поселения связано с предшествующим ему историческим развитием, а также играет роль аргумента для продолжения жизни после него. Поскольку период и цель представленного исследования непосредственно связаны с античностью и ранним средневековьем, целесообразнее рассмотреть археологические памятники этого периода в регионе и уделить внимание территориальному вопросу.

Археологические памятники региона середины и конца I тыс. до н.э. практически ограничены. Эпоха железа представлена несколькими памятниками поздней бронзы – раннего железа, обнаруженными в этом регионе. Одним из таких памятников является памятник Агъязы, случайно обнаруженный в 1970 г. в Шабранском районе. В 1973 г. Дж.А.Халилов провел предварительные исследования памятника, собрал различные образцы материальной культуры и определил, что памятник относится к периоду раннего железа [Халилов Дж., 1987, с.45-56]. Еще одна находка периода раннего железа, обнаруженная в Шабранском районе, – памятник Рустепе. Памятник был выявлен и исследован в 1980 г. В памятнике обнаружено большое количество образцов материальной культуры, характерных для железного века [Алиев, 1984, с.85-88].

В разные годы экспедиция изучала такие археологические памятники Азербайджана, как курганы Кюльтепе II, Джухудтепе и Агбил периода раннего железа Губы, поселение Ибрагимхалилтепе периода поздней бронзы–раннего железа, курган с.Нохурлар периода раннего железа, погребения в с.Хил района Гусар, относящиеся к I тыс. до н.э., курганы Гавдишан I и II периода раннего железа, поселение Гефлетепе III и курганы Гухуроба, Хачмазские курганы Падартепе, Пиртепе, курганы Чобантепе, Чинартала II, Хапут на дороге Ашагы Зейд, проливающие свет на историко-археологические аспекты памятников периода раннего железа [Халилов Дж., Кошкарлы и др., 1991, с.43-50, 75-76, 82-89, 114-122]. Несмотря на небольшое количество поселений эпохи железа в регионе, они могут быть посредниками в освещении некоторых неясных аспектов периода ранней античности. Как мы упоминали выше, может быть несколько причин, по которым период ранней античности не прослеживается в регионе. Изучение памятников эпохи железа дает возможность подтвердить некоторые теории. Несомненно, что памятники и культурные слои, относящиеся ко второй четверти I тыс. до н.э., т.е. этапу создания и развития Кавказской Албании, будут шире изучаться в дальнейших исследованиях. Увеличение на следующем этапе количества памятников поздней античности – раннего средневековья в регионе на обширной территории позволяет предположить, что заселение здесь было непрерывным, но на данный момент памятников классической античности обнаружено очень мало. Обнаружение памятников указанного периода в регионе создаст условия для более глубокого изучения возникновения и развития городской культуры, общественных отношений, в том числе традиций государственности, а также таких проблем, как локализация северных границ Кавказской Албании. С этим же фактором связана и цель проведения обширных археологических исследований вновь открытых памятников.

Археологические исследования разведочного характера фиксирующие новые находки. В результате разведочных археологических исследований, проведенных в Губа–Хачмазском регионе в 2021–2022 гг., был обнаружен ряд новых памятников, образцов материальной культуры и важных для исследовательского периода керамических, каменных и металлических изделий. В ходе исследований были обнаружены памятники и остатки материальной культуры, относящиеся к средневековью, но выходящие за хронологические рамки текущих исследований, проведена работа по определению их назначения и периода появления, и данные образцы были зарегистрированы для проведения комплексных исследований. Густонаселенный район недавно зарегистрированных памятников наблюдается по обоим берегам рек Велвелечай и Чигаджукчай (Рис. 1).

Образцы материальной культуры, относящиеся к разным периодам, были собраны из сел Рустов, Гамгам, Галагах, Пустагасым, входящих в Рустовский АТО (административно-территориальный округ) Губинского района, и не исключено, что среди обнаруженных артефактов есть материалы античности и раннего средневековья. На холмах Шугна и Гунеймехелле села Пустагасым, в Судагалане (грунтовый карьер), вдоль реки Чигаджукчай села Рустов были проведены сборно-разведывательные поисковые работы (Рис. 2). Стало известно, что эти районы были густо заселены в период поздней античности и раннего средневековья. Обнаруженные находки свидетельствуют о материальной культуре, хозяйственной жизни, ремеслах, религиозном мировоззрении, погребальных обычаях и других социальных сферах Кавказской Албании в указанные историко-археологические периоды.

В конце прошлого века Дж.А.Халилов исследовал как поселение, так и грунтовые погребения на территории Рустов. Известно, что заселение территории Рустова началось с I–II вв. н.э. Рустов, расположенный на правом берегу реки Чигаджукчай, является одним из древних жилых памятников довольно большой и густонаселенной Губы. В течение двух тысяч лет данное село было густонаселено и существовало непрерывно. На территории села часто встречаются находки разных периодов поздней античности и средневековья [Халилов Дж., 1975, с.58-59; Халилов Дж., Кошкарлы и др., 1991, с.52-54]. Въезд в село Рустов тянется вдоль реки Чигаджукчай. Равнинная жилая застройка вдоль берега реки отделена от русла крутым перевалом. Кое-где покатым склоном, спускающимся к берегу реки, напоминает древнюю дорогу, которая когда-то вела к поселению. Однако интенсивное расселение населения, строительство различных зданий, сельскохозяйственная деятельность на протяжении многих лет оказывали сильное влияние на данный памятник, и надземная часть памятника не сохранилась. Во многих местах тяжелая техника проникла в глубокие слои почвы и сделала большие разрезы и каналы. В этих разрезах четко просматриваются культурные слои. Фрагменты керамики и большие зернистые камни были собраны на территории, а также при строительстве и хозяйственной деятельности. Находки свидетельствуют об интенсивном и обширном заселении в период раннего средневековья. Если проводить масштабные исследования, то можно натолкнуться на культурные слои более древнего периода. Частое обнаружение случайных археологических памятников и находок поздней античности – раннего средневековья на территории сел, входящих в Рустовский АТО, свидетельствует о густонаселенности этого региона в этот период (Табло I). Несомненно, начальный этап плотного заселения (с периода ранней античности) должен проявляться меньшим количеством поселений по сравнению с ранним средневековьем. Комплексное и параллельное изучение этого типа памятников имеет большое значение в процессе изучения особенностей развития поселений и материальной культуры Кавказской Албании.

На новом и предварительном этапе проводятся археологические и исторические исследования на территории села Пустагасым. Предварительные исследования образцов материальной культуры, собранных в этом селе, были опубликованы в сборнике статей Национального Музея Истории Азербайджана в 2015 г. [Mustafayev, 2015, s.299-308]. Село Пустагасым расположено на дороге Губа–Гонаккенд. Керамика и фрагменты, характерные для раннего средневековья, были обнаружены в карьере Торпак на въезде в село, в местности под названием холм Шугна, в квартале под названием Дехне. Некоторые из них украшены характерными для региона глубокими узорами в виде царапин. Горловина некоторых сосудов для воды согнута и имеет форму воронки. Среди находок обнаружены металлические предметы оружия и украшения, образцы зернистых камней, отражающие особенности хозяйственной жизни древних жителей (Табло I, Рис. 3-11, 13). Собранные образцы керамики типичны для региона и отличаются характерными особенностями [Mustafayev, 2018, s.208-213; Xəlilov M.C., Səfərova, 2013, s.227].

В Губа–Хачмазском регионе довольно много археологических памятников раннего средневековья. В некоторых из этих памятников были проведены незначительные разведочные раскопки, а в некоторых – обширные. Однако некоторые памятники зарегистрированы и изучены поверхностно. Одним из таких памятников является раннесредневековая холмистая местность средних размеров под названием Иланлы тепе (или Илантепе) в с.Агбил Губинского района. В 2021 г. важная для того периода информация была получена в ходе археологических исследований вокруг памятника. Этот памятник, расположенный на въезде в село, был случайно обнаружен жителями села, а в нескольких местах были проведены незаконные раскопки. Предварительный анализ керамических фрагментов, собранных с памятника, позволяет говорить о том, что эта территория относится к поздней античности – раннему средневековью. В местах раскопок обнаружены остатки построек. Следует отметить, что с.Агбил богато археологическими и историческими памятниками с историей в несколько тысячелетий. Здесь есть курганы эпохи железа, жилые постройки раннего средневековья и исторические постройки средневековья [Халилов Дж., Кошкарлы и др., 1991, s.31, 48]. Изучение Агбиля, имеющего многовековые исторические и археологические памятники, очень эффективно для комплексного изучения региона. В то же время это ценный источник для изучения местных особенностей албанской истории и материальной культуры.

Археологические и исторические памятники были обнаружены также на территории сел Талабы и Кучеи, входящих в Талабыгышлагский АТО Губы [Халилов Дж., Кошкарлы и др., 1991, с.59]. Эти села расположены на трассе Баку–Ростов, в предгорьях на западе, между реками Велвелечай и Чигаджукчай. Поселение и кладбища, обнаруженные в этом районе, относятся к средневековью. Однако есть предгорья, окруженные лесом, принадлежащие селу Кучеи, а также участки, где в частично гористой местности были обнаружены остатки крепости и фрагменты керамики. При разведочных работах в этом районе действительно были обнаружены большие крепостные стены, сложенные из речных камней на гаже. Часть стен крепости оторвалась от высокого пика, находящегося в памятнике, и упала в ущелье. По сведениям информатора, среди жителей села этот район называется Галайхо, Гелейхо или Галейлер. Название означает «крепости». Расстояние от поселковой почты до этого района 7,6 км. Памятник расположен на северо-западной стороне села. Осыпающиеся и разрушенные стены крепости и видимость на обширной территории позволяют предположить, что эта крепость была нужна не для наблюдения или предупреждения об опасности. В то же время при осмотре прилегающих территорий видно, что с восточной стороны стены было поселение. Территория, которая предположительно является поселением и занимает несколько гектаров, находится недалеко от места, где были обнаружены стены крепости. Территория представляет собой открытую местность, окруженную лесом. Часть территории покрыта кустарником, а часть использовалась в сельскохозяйственных целях, т.е. для покоса травы, а заодно и для посадки однолетних злаков. На участке наблюдается большое количество неглазурованных керамических фрагментов и обломков обожженного кирпича. Несколько керамических фрагментов были собраны в качестве образцов. Остатки стен крепости также находятся в поселении. В то же время в вытянутой с севера на запад части поселения находится высокий холм овальной формы. Предположительно, это остатки здания. Как собранные материалы, так и предварительный анализ остатков крепостных стен позволяют предположить, что памятник относится к последнему этапу средневековья. Однако тот факт, что в памятнике не была обнаружена глазурованная керамика и не проводились разведочные раскопки, оставляет некоторые моменты неясными. Таким образом, нельзя отрицать принадлежность первоначального поселения и нижних слоев памятника к раннему средневековью. Здесь встречаются также редкие фрагменты керамики, характерные для раннего средневековья. Возможно также, что в этом районе изначально существовало поселение, а потом в средние века поселение расширилось до села Талабы, но в позднем средневековье снова ограничилось этим районом. Этот результат имеет характер предварительной вероятности. Для предоставления более подробной и полной информации и определения назначения памятника необходимо провести обширные исследования. Для сведения отметим, что исследований на этом памятнике до сих пор не проводилось.

Новыми и интересными находками являются памятники Техмези и Тахтара в с.Себетлер, расположенном на правом берегу реки Велвелечай в 30 км от Губинского района. В ходе исследований стало известно, что с.Себетлер имеет древнюю и многовековую историю. В результате проведения разведочных работ на территории села, много важных сведений об истории села было получено благодаря различным образцам материальной культуры, случайно обнаруженным из с.Себетлер и других окрестностей. Архе-

факты античности и раннего средневековья были найдены на равнинных и холмистых участках южной стороны села. В 90-х гг. прошлого века при строительстве дороги в районе памятника Тахтара с восточной стороны поселения Техмези было уничтожено несколько могил, относящихся к периоду античности. Находки состоят из двух гончарных сосудов для жидкости с изогнутой горловиной, наконечников стрел, железных серпов, фрагмента лезвия и нескольких бронзовых украшений (Табло II). Во время археологических раскопок, проводившихся на разных памятниках региона, подобные экземпляры находили случайно [Mustafayev, 2015, s.299-308; Хәлілов С.Ә., Aslanov, 1973, s.101-114; Хәлілов М.С., 2011, s.223-231]. Вокруг разрушенных погребений в районе Тахтары обнаружена устьева часть сосуда типа ойнохой, характерного для античности и раннего средневековья. Различные обломки керамики и крупнозернистый камень обнаружены в поселении Техмези на восточной и юго-восточной стороне Тахтары, в лесной местности и на высоком открытом склоне.

Поселение Техмези расположено на равнинной территории площадью более 15 га. В этом районе обнаружены фрагменты керамики, обожженный кирпич размером 34x34x8 см, использовавшийся в строительстве, и часть зернистого камня. Среди наземных материалов также встречаются фрагменты керамики позднего средневековья. Материалы, собранные в поселении Техмези и Тахтары, особенно образцы керамики, имеют схожие характеристики с находками, найденными в различных памятниках Губа–Хачмазского региона [Mustafayev, 2018, s.204-213; Огусов, 1989; Халилов Дж., 1985, s.107-126, 131-132, 136-151].

На основе разведочных исследований и собранных образцов материальной культуры установлено, что Техмези существовал, как крупный поселок-город в период поздней античности – раннего средневековья. Из-за набегов кочевников в средние века жизнь на этой местности прекратилась, но в позднем средневековье произошло возрождение. Изучая новое поселение, можно прояснить такие вопросы, как образование ранних городов в регионе, причины изменений в общественно-политической, а также материальной культуре Албанского государства. Локализация северных границ Албании, выявление и уточнение сведений о поселениях городского типа относятся к числу основных вопросов албанистики, которые сегодня не исследуются. Для сведения отметим, что село Сырт Чичи, богатое находками периода античности, находится недалеко и соседствует с селением Себетлер. На территории этого села в конце прошлого века проводились археологические раскопки и было обнаружено большое количество образцов материальной культуры. Эти находки относятся к поздней античности – раннему средневековью, соответствующему этапу исторического развития Кавказской Албании [Хәлілов С., Aslanov, 1973, s.176-184].

На территории села Тангалты, примыкающего к с.Себетлер, прослеживаются следы т.н. средневековых поселений Кызылгулушлун, Хюлейли и кладбищ. Несомненно, при нашествии кочевников население, осевшее в поселениях и городских районах поздней античности и раннего средневековья, покидало места своего проживания и расселялось в более отдаленных и труднодоступных районах, а в позднем средневековье, в связи с ростом населения и расширения экономики, определенная часть населения вернулась обратно. С этим процессом была связана и причина увеличения поселений в горных селениях Губа и Гусар в средние века. В противном случае население не расселилось бы широко в горных селениях с урвыми условиями. Строительство средневековых крепостей в регионе также подтверждает эту мысль.

На территории Гусарского и Хачмазского районов также имеются неисследованные памятники поздней античности и раннего средневековья. Большинство археологических памятников указанного периода, наблюдаемых в равнинных районах Губинского, Гусарского и Хачмазского районов, имеют форму холмов. Иногда эти холмы наблюдаются также в овальной и удлиненной формах [Халилов Дж., Кошкарлы и др., 1991, с.68-122]. Неисследованными остаются холмы на территории сел Джагаргышлаг и Атлыхан Гусарского района и холмы Учгун Хачмазского района. В 2022 г. в ходе археологических исследований этих памятников было собрано много материалов, соответствующих исследовательскому периоду. Собранные материалы в основном состоят из фрагментов керамики. Из памятников регулярно находят гончарные изделия, украшенные характерными для региона изображениями и узорами. Изучение этих памятников позволяет уточнить ряд историко-археологических моментов, играющих роль основного источника в исследовании материальной культуры региона и Кавказской Албании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Mustafayev L.X. Quba rayonunun Püstəqasım kəndindən əldə edilən təsadüfi arxeoloji tapıntılar / Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi 2015. Bakı, 2015, s.299-308.
2. Mustafayev L.X. Keramika istehsalında varislik (Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi və Quba Tarix Diyarşünaslıq Muzeyinin materialları əsasında) / “Muzey, arxiv və kitabxanalarda qorunan milli dəyərlərin tədqiqi, təbliği, qorunması və bərpası” adlı II Respublika elmi konfransının materialları. Bakı, 2018, s.204-213.
3. Xəlilov C.Ə., Aslanov Q.M. Sirt-Çiçidə arxeoloji tapıntılar / AMM. VII c. Bakı, 1973, s.176-184.
4. Xəlilov M.C. Albaniyanın ilk orta əsr bütpərəst torpaq qəbir abidələri // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası, Bakı, 2006, №2, s.101-114.
5. Xəlilov M.C. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dəfn ayinləri / “Ortaq türk keçmişindən orta q türk gələcəyinə” V Uluslararası folklor konfransının materialları. Bakı, 2007, s.398-402.
6. Xəlilov M.C. VI Sandıqtəpə və Gicanoba abidələrinin tədqiqi (Quba və Qusar rayonları) / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2010. Bakı, 2011, s.209-211.
7. Xəlilov M.C., Cəfərova E.B. I Sandıqtəpədə tədqiqatlar (Quba rayonu) / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2012. Bakı, 2013, s.223-231.
8. Xəlilov M.C. Sandıqtəpə abidələr kompleksində tədqiqatlar (2013–2014-cü illər) Quba rayonu / Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014. Bakı, 2015, s.261-267.
9. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı, 2009, 180 s.
10. Orucov A.Ş. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda dulusçuluq. Bakı, 1989, 72 s.
11. Алиев Т.В. Предварительное сообщение о поселении Рустепе // ДАН Аз.ССР, 1984, с.85-88.
12. Гошгарлы Г. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку, 2012, 248 с.
13. Достиев Т.М. Античная некрополь городища Джанахар / XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки-Кисловодск, 2002, с.50-51.
14. Оруджев А.Ш. Раннесредневековые памятники Северо Восточного Азербайджана / АО 1976 года. Москва, 1977, с.495.
15. Оруджев А.Ш. Раскопки раннесредневекового поселения Шоран-пел // АО 1977 года. Москва, 1978, с.500.
16. Оруджев А.Ш. Археологические раскопки раннесредневековых памятников Гурсан-пел (Кусарский район) и Салмантепе (Кубинский район) // АЭИА (1977 г.). Баку, 1979, с.24-26.
17. Оруджев А.Ш. Раннесредневековые памятники Четкюн и Суваджал Кусарского района // АЭИА (1977 г.). Баку, 1980, с.18-19.
18. Халилов Дж.А. Археологические памятники I тысячелетия у с.Худжбала в Азербайджанской ССР // СА, 1965, №3, с.154-162.
19. Халилов Дж.А. О раннесредневековом могильнике у села Эних Кусарского района /АИА. Баку, 1965, с.175-179.
20. Халилов Дж.А. Могильник у с.Рустов Кубинского района и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана / Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа – Махачкала, 1975, с.53-56.
21. Халилов Дж.А., Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. Об археологических памятниках Северо-Восточного Азербайджана // ДАН Аз.ССР, т.XXXVII, Баку, 1981, №12, с.72-76.
22. Халилов Дж.А. Аразова Р.Б., Ахундов Т.И., Кошкарлы К.О. Новые памятники Северо-Восточного Азербайджана // АЭИА (1978). Баку, 1982, с.25-28.
23. Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 1985, 236 с.
24. Халилов Дж. А. Об археологических находках Агязи / МКА. Т.10. Баку, 1987, с.45-56.
25. Халилов Дж.А., Кошкарлы К.О., Аразова Р.Б. Археологические памятники северо-восточного Азербайджана. Баку, 1991, 214 с.
<https://news.milli.az/culture/917683.html>

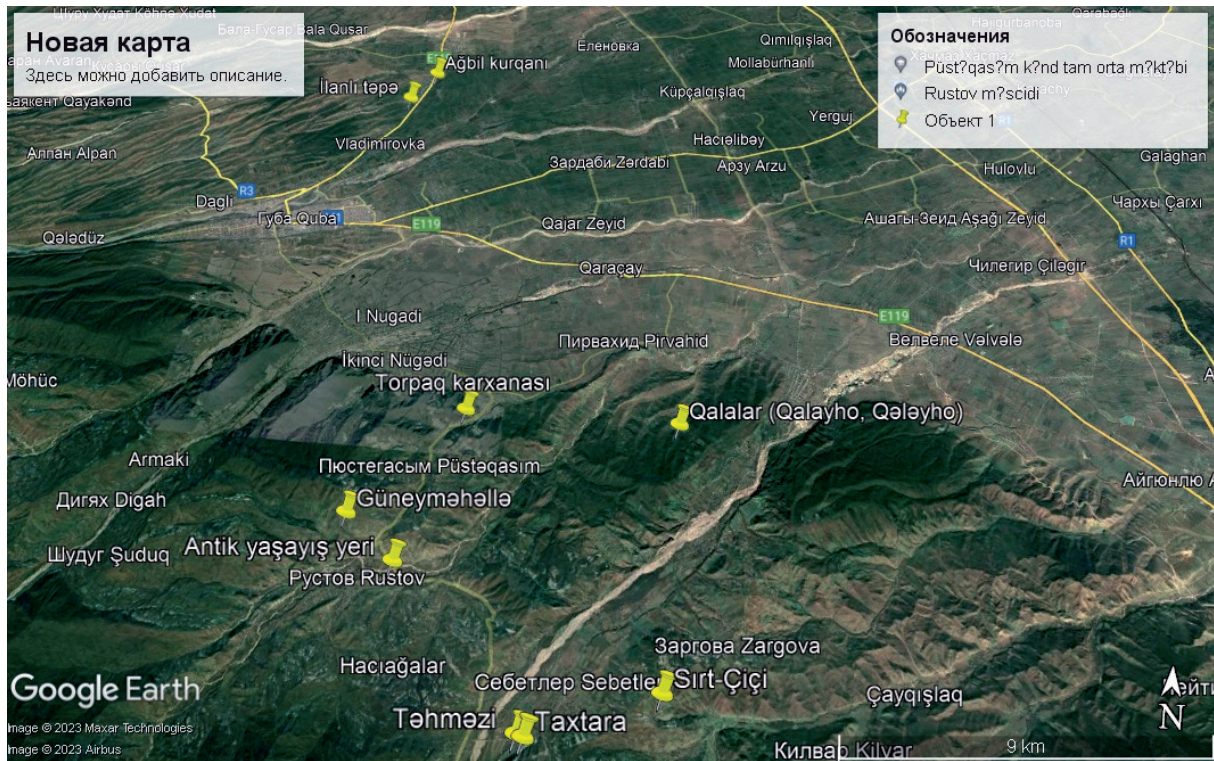

Рис. 1.

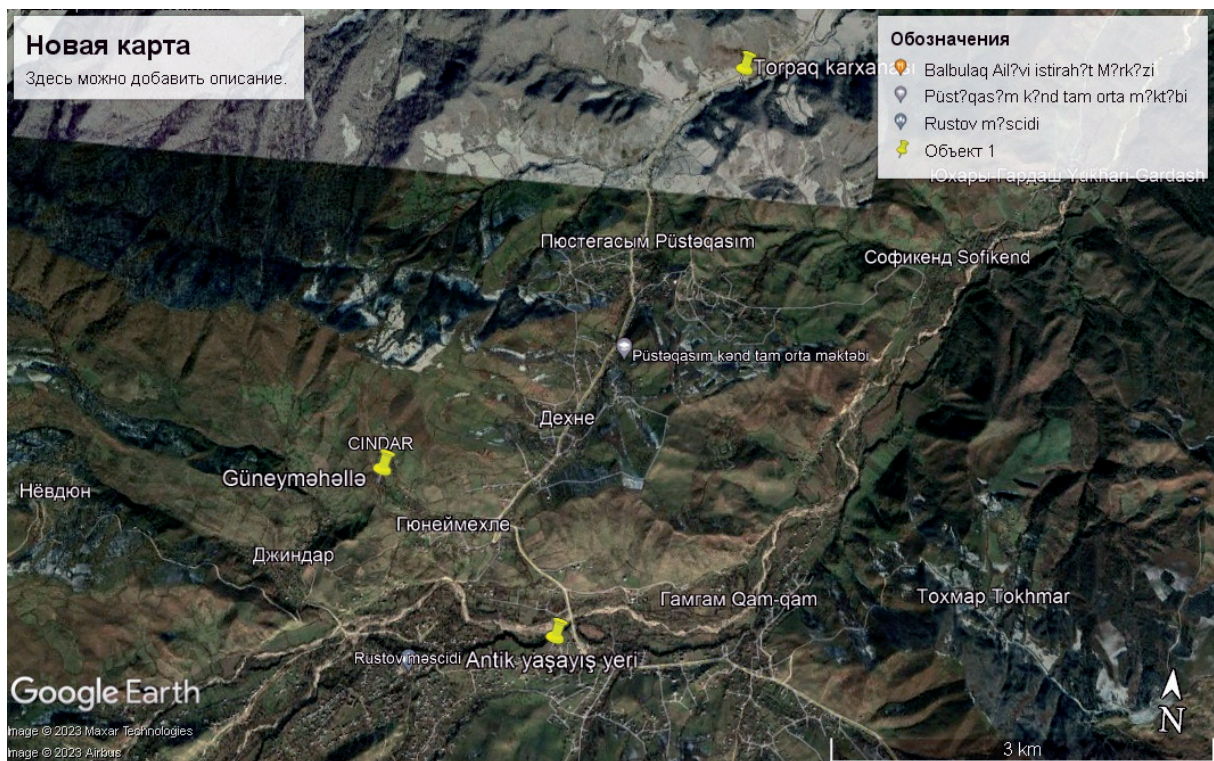
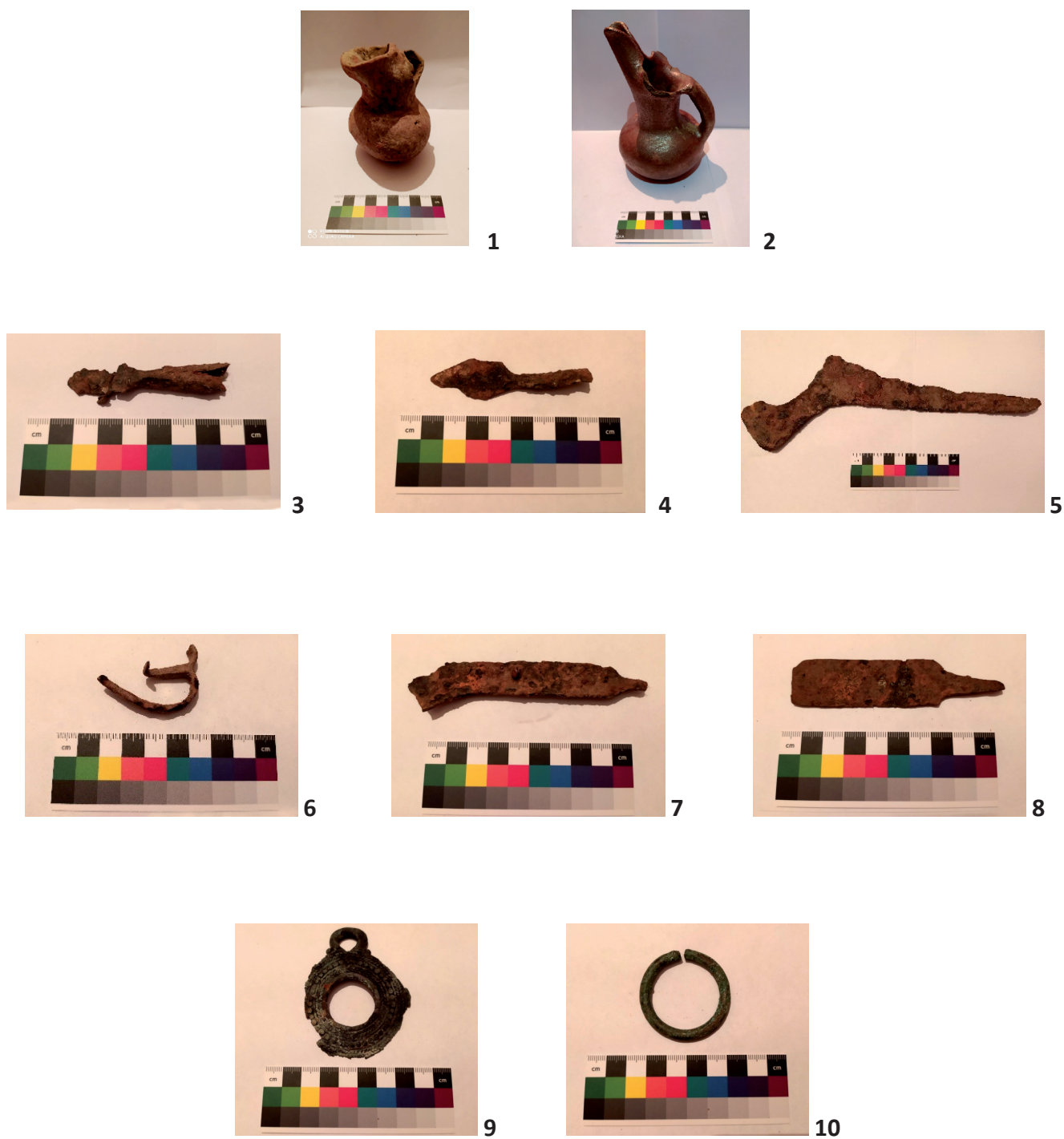

Рис. 2.

Табло I. 1, 2 Галагах; 3 Шугнатепе; 4, 5, 8, 9, 10, 11, 13 Грунтовый карьер;
6, 7 Дехне; 12 Рустов

Табло II. Находки из разрушенных погребений местности Тахтара

Наджафов Шамиль*Ведущий научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-8834-7188>***Фарманов Фархад***Младший научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, художник-реставратор*

О КЛЕЙМАХ, ЗНАКАХ И УЗОРАХ НА ГРУППЕ АЛБАНСКИХ ХАЧДАШЕЙ (на основании материалов Газахского, Кедабекского, Дашкесанского и Шамкирского районов)

Аннотация: В изучении материального культурного наследия Кавказской Албании большое значение имеют различные по своему характеру и содержанию хачдаши. В статье приводятся сведения о найденных в западных районах Азербайджана в последние годы, в особенности в связи с археологическими исследованиями новых строительных площадок, албанских хачдашах, знаках, клеймах и изображениях на них. На хачдашах выгравированы албанские кресты, символические знаки и штампы, адаптированные к своим классическим традициям. Албанские хачдаши, отличающиеся от других христианских хачдашей непростыми, а композиционными изображениями, создавали органичный синтез архитектуры, искусства и религиозной символики того времени.

Переплетение христианской иконографии, мусульманского декора и символов языческих религий на мемориальных и могильных плитах албан, свободно исповедующих христианство или ислам, является их главной отличительной чертой. Обнаруженные в Газахском, Кедабекском, Дашкесанском и Шамкирском районах албанские хачдаши относятся к Хачинской группе. Изображения Солнца, человека, животных и геометрических фигур, узоров, знаков и клейм, встречающиеся на этих хачдашах, играют важную роль в изучении системы мифо-религиозных представлений древних албан.

Ключевые слова: античность, Кавказская Албания, христианство, поселения, надгробные памятники, хачдаши, знаки, клейма

Keywords: Antiquity, Caucasian Albania, Christianity, settlements, funerary monuments, cross stones, signs, tamgas

Из проведенных историко-археологических исследований видно, что обнаруженные на Южном Кавказе хачдаши относятся к двум группам: могильные хачдаши и мемориальные. Как следует из названия, эти хачдаши различны по своему характеру и содержанию. Есть хачдаши, полностью относящиеся к христианской религии и хачдаши, содержащие дохристианские религиозно-символические знаки и символы. Некоторые исследователи даже связывают создание хачдашей, содержащих дохристианские религиозные и культурные представления, символы и знаки, с древними тюркскими племенами [Gülensoy, 1989]. Однако эти высказывания должны быть подтверждены вескими научными аргументами.

Согласно существующим исследованиям и изысканиям авторов, исторические корни мемориальных и могильных хачдашей, обнаруженных на территории Южного Кавказа, уходят в ранний период Кавказской Албании. Албанские хачдаши, богатые дохристианскими религиозными элементами и символами, обладают характерными особенностями. Одним из проявлений этих характеристик является то, что они равносторонние. Равные стороны характеризуют как четыре стихии (земля, огонь, вода, воздух), так и

мир в целом. В отличие от других христианских хачдашей, албанские более соответствуют своим классическим традициям [Геюшев, 1984].

Д.А.Ахундов, проводивший научные исследования албанских хачдашей и разделивший их на группы, отмечал, что хачдаши позволяют изучать историю албанских христианских памятников с археологической и архитектурной точек зрения, проясняют многие черты христианства [Ахундов, 2006, с.42-45]. При создании образцов материальной культуры, связанных с христианством в Кавказской Албании – архитектурных памятников, надгробий, церковного инвентаря, эпитафических памятников и т.п. в их изображениях широко использовались образцы декоративно-прикладного искусства, различные орнаменты, другие образцы декора. Обнаруженные на территории Азербайджана и современной Армении монументальные стелы, большинство из которых относятся к периоду средневековых христианских княжеств Кавказской Албании и Карабаха, исследователи назвали «хачдаши» и отметили, что символические знаки и клейма на этих стелах религиозного содержания относятся к религиям, предшествующим христианству – зороастризму и митраизму [Ахундов, 2006, с.42-45]. Албанские хачдаши в основном делятся на 4 группы: Хачин, Арцак, Джульфа, Йенивенг. Большинство Хачинских хачдашей были найдены в ходе исследований, проведенных в Кельбаджарском районе [Ахундов, 2006, с.42-45].

Археологические раскопки в частности в западном регионе Азербайджана привели к открытию богатых образцов материальной культуры Кавказской Албании [Мамедова, 1986; Гошгарлы, 2012]. Важную роль среди этих образцов играют надгробия, называемые в научной литературе хачдашами. Главным моментом, порождающим интерес, являются клейма, знаки и изображения на этих камнях.

Изображение креста на албанских хачдашах непростое, а составляет композицию. Это главный фактор, отличающий албанские хачдаши от других христианских хачдашей. Некоторые авторы, ссылаясь на изображения и символику албанских хачдашей, отмечали что они восходят к язычеству, христианству и даже исламу [Якобсон, 1984, с.146-152]. В албанских хачдашах крест как будто являлся не главным элементом, а на первый план выдвигалось множество изображений, украшавших и обогащающих его из окружающего пространства. Детальное и четкое изображение Солнца, древа жизни и других составляющих на камнях отражает не только христианскую веру. Знак большого или основного креста, изображенный на албанских хачдашах, теряется в мелких крестах или делится на малые кресты, как бы смешиваясь с общим декором камня и помогая создать единую композицию. Таким образом, на передний план выходит не основной крест на камнях, а создание полной цельной художественной композиции на камне.

История знака креста, считающегося одним из священных символов христианской религии, на самом деле восходит к тысячелетиям до нашей эры. Все историческое развитие знака креста можно проследить по наскальным рисункам и керамике [Əliyev, 2022, s.46-47]. Различные формы изображения креста встречаются на всех образцах дохристианской материальной культуры Азербайджана. В христианстве знак креста является примером сходства Иисуса Христа с Солнцем, и крест является символом как Иисуса Христа, так и Солнца [Əliyev, 2022, s.46].

Исследуя семантику знаков и клейм, встречающихся на изображениях Гобустана и Гямигая, Н.А.Мусейбли разделил знаки креста на 15 групп и дал этим знакам полное научное объяснение [Müseylimli, 1992; Müseyibli, 1998; Müseyibli, 2004]. Одними из наиболее схематичных символов Солнца исследователь считал круг с крестом, колесообразные изображения [Müseylimli, 1992, s.19-21].

На керамике Ходжалы–Кедабекской культуры и глиняных пинтадерах эпохи бронзы часто встречаются изображения и знаки с символом колеса фортуны и Солнца [Гусейнова, 1982; Müseyibli, Nəcəfov, 2019, s.70-75; Наджафов, 2023, с.76-91].

На хачдашах также широко использовались элементы, относящиеся к кайме. Кайма в основном располагалась по краям камней. Кайма играет важную роль в декорировании хачдашей, будь то гладкие или объемно-выпуклые поверхности. Кайма обрамляет декоративную зону, делит ее на несколько частей, может быть изображена в разных направлениях – по вертикали, горизонтали, диагонали или узорами, как самостоятельная и исчерпывающая композиция. Мелкие, средние, крупные и смешанные каймы, встречающиеся на хачдашах, нашли широкое применение практически во всех областях декоративно-прикладного искусства [Əliyev və b., 2022, s.104-106]. К этим областям также можно отнести резьбу по камню, гончарное дело, художественную керамику, ковроткачество, металлообработку, резьбу по дереву, ювелирное

дело. Кайма эволюционировала от простых элементов к сложным с древних времен до сих пор, существуя как художественная традиция. Раньше кайма состояла из простых линий на каменной и глиняной посуде, что имело символическое значение. Кайма на хачдашах обычно обрамляет верхнюю и боковые стороны камня.

Албанские хачдаши благодаря своему художественному замыслу и уникальным изобразительным особенностям представляли собой органичный синтез архитектуры, искусства и религиозной символики того времени.

На некоторых хачдашах изображен антропоморфный «бог» в двойной прямоугольной рамке. На голове у него вместо лица круг, внутри которого изображены небесные светила – звезда, Солнце, космический свет, символ «небесного мира», а в руке изображен круг, внутри которого символ плодородия – маленькая Луна. Внизу, в чуть меньшем круге, чем тот, что вверху, находится звезда – «подземный мир» или вход в него. По мнению исследователей, это четкая трехуровневая модель мира в сознании древних албан. А человеческая фигура – это мировая ось, соединяющая все показанные миры друг с другом. Такие хачдаши относятся к началу I в. до н.э. [Ахундов, 2006, с. 42-45].

Несомненно, что религиозное значение антропоморфных сюжетов на хачдашах было велико. Переплетение христианской иконографии, мусульманского декора и символов языческих религий в мемориальных и могильных камнях албан, свободно исповедующих христианство или ислам, является их главной отличительной чертой [Геюшев, 1984].

Исследователи отмечают, что ареал хачдашей простирается от Дербента на севере до Хамадана на юге, начиная от берегов Каспийского моря на востоке и доходя до бассейнов озер Зангезур и Гейча на западе [Ахундов, 2006, с. 42-45]. В этот ареал также входят Карабах и Нахчыван.

В последние годы в ходе археологических исследований особенно в западном регионе Азербайджана – Газахском, Агстафинском, Кедабекском, Дашкесанском, Шамкирском и Кяльбаджарском районах были обнаружены албанские надгробия-хачдаши, считающиеся реликвиями Хачинского княжества, в связи с чем специалисты относят их к Хачинской группе хачдашей [Ахундов, 2006, с. 42-43]. Хотя эти области не относятся к Хачинскому княжеству территориально, обнаруженные в этих местах албанские хачдаши и другие монументальные памятники, различающиеся по характеристикам архитектурно-художественных образов, в то же время не отклоняются от канонов и форм, характерных для албанских хачдашей и других типов стел.

Албанский хачдаш, найденный в селе Аббасбейли Газахского района, имеет насыщенный орнамент. Верхняя и боковые части креста украшены восьмиконечными звездами и прочерченными линиями. В центральной части расположен большой крест, а в частях, разделенных большим крестом – 4 малых креста. Четыре глубоко вырезанных креста, вероятно, символизируют четыре стороны света. По углам выгравированы изображения, символизирующие лучи Солнца. Под большим крестом два крестообразных выступа, напоминающих бараньи рога. Центр, где пересекаются бараньи рога, состоит из круглого изображения. Верхняя часть большого креста имеет форму меча. Эти изображения на камне были выгравированы рельефным методом (Рис. 1.1). На общем фоне изображение на хачдаше словно напоминают дверь, обрамленную по краям каймой. В мировой мифологии дверь считается входом во вселенную и земной мир. На этот счет имеется бесчисленное множество выражений и представлений в мифах, былинах, пословицах. Представления о двери, знак двери также представляет собой своего рода культуру. В тюркской системе верований дверь также считается священной [Gülensoy, 1989]. Причина, по которой дверь имеет мифическое значение, заключается в том, что она является символическим выражением состояния между этим миром и другим. Святость двери на самом деле исходит из святости дома. Это знак того, что представление о святости двери менялось от дома к дому. Согласно верованиям древних албан, могила также играет роль двери между этим миром и другим [Геюшев, 1984]. Проводив погребенного до этой двери, перед ним закрывали дверь этого мира, засыпая могилу землей.

Еще один албанский хачдаш, найденный в селе Ханлыглар Газахского района, имеет интересный и в то же время простой узор. Знак креста, высеченный рельефным методом на светло-красном туфе, изображен в форме дерева и разветвлен к краям, словно раскинув ветви. Разветвленное в шести направлениях, это «крест-дерево» имеет на концах изображения распустившихся цветов. В центре ствола,

откуда расходятся ветви, выгравирован круг в форме глаза. На этом камне очень четко видно изображение символа «древо жизни» (Рис. 2.1).

Простое и интересное рельефное изображение имеется на албанском хачдаше, случайно обнаруженном на берегу Джогозачая на территории Газахского района. На неповрежденной части камня, нижняя часть которого разрушена и утеряна, имеется изображение человека, стоящего в анатомической позе, как бы с разведенными руками и ногами. Конечно, это изображение можно объяснить и с другой точки зрения. В любом случае, этот привлекающий наше внимание силуэт с первого взгляда напоминает человеческий образ. На этом изображении, вырезанном в форме креста, есть ветви, расходящиеся в четыре стороны с кругами на концах (Рис. 2.2).

В нижней части хачдаша, найденного в Кедабеке, имеется искусно изображенный большой круглый узор, состоящий из сети кружков. Вверху по бокам два маленьких круглых узора, которые вместе с более крупным узором образуют Святую Троицу (Отец, Сын, Святой Дух). Над треугольником между двумя круглыми узорами находятся два маленьких круга, вложенных друг в друга. Треугольник и круг представляют собой Солнце, от которого восходит крест в виде древа жизни – символа плодородия. Этот хачдаш дополнен полосой искусной работы. Его трехлепестковая арка изображает «бога, восседающего на троне». От верхней ветви креста поднимается небольшой крест в крылатом круге.

На 2-м хачдаше, найденном в Кедабеке, над символическим входом в подземное царство изображен круглый узор с символом Солнца – крестом в центре. От этого символа поднимается древо жизни – крест, над которым три креста и несколько маленьких крестов по бокам – древа мудрости и знания. Стела имеет декоративную кайму с трех сторон. Оба хачдаша имеют трехуровневую символику – художественное объяснение того, как устроен мир. Однако это не так ярко выражено на втором хачдаше. После декоративного пояса в нижней части изображен большой, богатый лучевой узор – вход в потусторонний мир, а над ним восходящий с символической горы – крест, возвышающийся из треугольника – изображенное древо жизни.

Нижняя часть 1-го камня, найденного в селе Гушчу Дашкесанского района, была разрушена. Изображение на оставшейся части довольно интересно. На темно-сером скальном основании имеется изображение, напоминающее бычьи рога, а над рогами с правой и левой стороны изображены небольшие кресты в виде цветов. В середине крестов выгравирована форма круга. Бычьи рога оканчиваются внизу (Рис. 1.2). В целом изображения животных на некоторых хачдашах даны стилизованными штрихами [Якобсон, 1984; Геюшев, 1984]. Кроме этого на большинстве хачдашей птица в основном изображается в виде павлина, а быка часто заменяют оленем. Изображение павлина очень часто встречается в албанской культуре.

Сохранилась также часть другого албанского хачдаша, найденного в Гушчу. Из приведенного здесь изображения видно, что албанский крест, выбитый на камне, представлен в форме цветка (Рис. 3.2). Часть албанского хачдаша, найденная при археологических исследованиях на территории, именуемой Шадах, Дашкесанского района, по форме и содержанию повторяет 2-й хачдаш, найденный в Гушчу (Рис. 3.1). В целом из исследований видно, что на большинстве албанских хачдашей, найденных в Дашкесане и Кедабеке, выгравированы кресты в виде цветов.

Образец таких албанских хачдашей в форме цветка был найден и в районе села Гуленбир Шамкирского района, вблизи Шамкирчайского водохранилища. На очень редком среди надгробий хачдаше из белого мрамора с одной стороны камня изображение креста в виде цветка выгравировано на черном фоне рельефным методом. Для четкого изображения креста фон за ним, вероятно, был окрашен в черный цвет специальным веществом. Это позволило получить очень точный рисунок креста в круге, изображенного рельефным методом (Рис. 5.1).

В 2005 г. при строительстве Южно-Кавказского газопровода, в районе села Чапарлы Шамкирского района, в местности, называемой местным населением «Гышлаг», при археологических раскопках были обнаружены остатки построек IX–XII вв., наряду с христианскими могилами остатки храмов, а среди этих храмовых развалин обнаружены камни с изображениями албанских крестов (Рис. 4.1-2; Рис. 5.2-3). На арочном камне, найденном у восточной стены храма, были изображены узоры методом гравировки [Aşurov, 2008, s.196-197]. Будто широкий пояс окружает камень с обеих сторон. Эта широкая поясообразная часть украшена пересекающимися поперечными линиями. На относительно широкой верхней части

камня таким же образом был выгравирован крест (Рис. 5.3). Середина боковых крыльев и центр креста украшены окружающими их кругами и рамками. Другой камень того же содержания имеет интересный орнамент. На нем изображен крест методом графировки, а с левой стороны от верхней части креста гравируются две линии. Между двумя линиями выгравированы 5 круглых канавок, а две из этих канавок изображены рядом друг с другом в той части, где дополнительные линии соединяются с основным крестом (Рис. 4.1). В угловой части между этими линиями и основной линией выгравированы две другие канавки. По форме эти канавки напоминают символический знак Водолея [Aşurov, 2008, s.198-199].

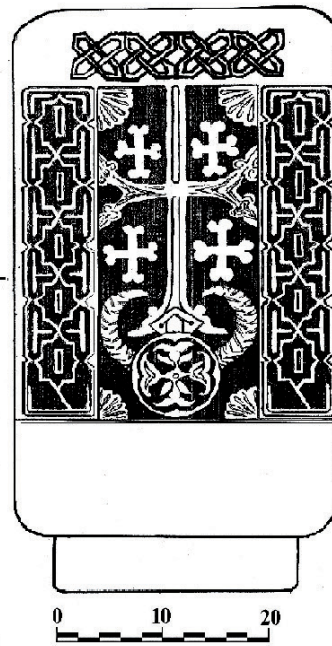
Клейма, также как знаки и рисунки, являются часто встречающимися на камнях символами. Естественно, что клейма, превратившись в символы, знаки, выражали мистические и мифические смыслы [Лавров, 1978, с. 91-174]. Слово клеймо – «дамга» в современном азербайджанском языке употребляется, как «тамка» в древнетюркском языке, «тамга» в караханлинском, татарском и джигатайском диалектах, «тамна» в кумыкском языке и «танма» в ойратском и сойонском диалектах. Некоторые исследователи, утверждающие, что клейма созданы из рисунков, соглашаются с мнением, что тюркский рунический алфавит создан из клейм [Gülensoy, 1989]. У древних тюрков клейма встречаются на многих материальных культурных руинах, начиная от наскальных рисунков и заканчивая надгробиями, бунчуками и булавами, оружием, перстнями и печатями [Gülensoy, 1989]. Клейма, обозначающие право собственности, а в некоторых случаях и особый статус, также использовались в хозяйстве. Т.Ш.Гюленсой отмечает, что клейма появились под влиянием онгонов и тотемов [Gülensoy, 1989, s.78-84]. В связи с этим клейма имеют мистическое и глубокое мифическое значение. Среди племен первые клейма появились у тюрко-монгольских и финно-угорских народов с древнейших времен, и в некоторых регионах они сохранялись долгое время, а у некоторых народов (кыргызы) употребляются и сейчас. От предметов быта до государственной символики клейма, которые мы находим в каждой области, распространяются от Алтая до Анатолии, от Месопотамии до Испании, по Волге, до степей Восточной Европы и Сибири [Лавров, 1978; Gülensoy, 1989].

Н.И.Рзаев провел интересное исследование по изучению древнетюркских письмен (знаков и клейм), являющихся элементами тюркской культуры на территории Кавказской Албании [Rzaev, 2019]. Исследователь отмечает, что древнетюркские письмена встречаются в разных местах в разнообразном виде. Автор, особо выделяя трехзубую вилу среди этих знаков, отмечает, что эти знаки встречаются на монетах, отчеканенных при Кушанском царстве в Фергане в I в. до н.э. [Rzaev, 2019, s.84]. По свидетельству Н.И.Рзаева, среди знаков и клейм, собранных А.П.Фитуни в Шемахе, встречаются и древнетюркские знаковые клейма.

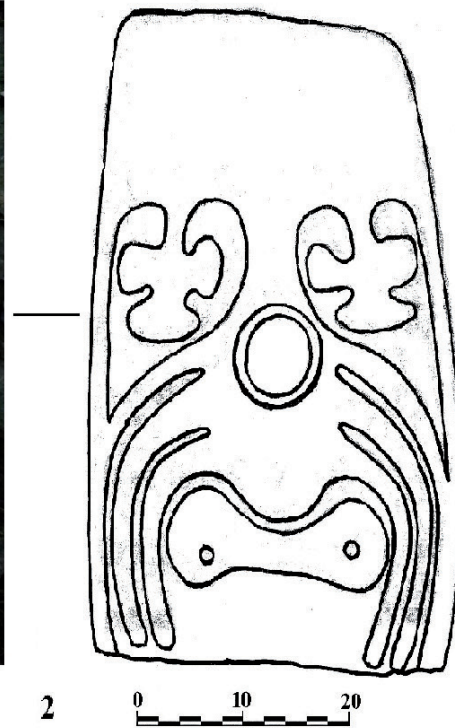
Изображения Солнца, человека, животных, геометрических фигур, узоров, знаков и клейм, обнаруженных на некоторых хачдашах, различных скальных и каменных образцах играют важную роль в изучении системы мифо-религиозных представлений древних жителей Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aşurov S.H. Çaparlı son antik-ilk orta əsrlər abidəsi / Şəmkir: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Birinci respublika elmi-praktik konfransın materialları (28-29 noyabr 2007-ci il, Şəmkir). Bakı: Çəşioğlu, 2008, s.196-206.
2. Əliyev İ., Qafarova G., Ağalarzadə A.M., Nəcəfov Ş.N. Qarabağın ermənilər yaşamış olduğu ərazilərində Azərbaycanın dağıntılara və saxtalaşdırılmalara məruz qalmış abidələri. Bakı: Rafpoligraf, 2022, 108 s.
3. Əliyev T.R. Xristianlığın simvolu haç alban mədəni irsində // Qafqaz Albaniyasının etno-mədəni irsi (məqalələr toplusu), №3, Bakı, 2022, s.46-53.
4. Gülensoy T.Ş. Orhun'dan Anadolu'ya Türk Damğaları. İstanbul: TDAV, Pamuk Ofset, 1989, 90 s.
5. Müseyibli N.Ə. Azərbaycanın qayaüstü işarə və damğaları (Qobustan və Gəmiqaya materiallarının əsasında): tarix elm. nam. diss. avtoreferatı. Bakı, 1998, 31 s.
6. Müseyibov N.Ə. Bir daha haç işarəsinin semantik mənası haqqında / Azərbaycanda arxeologiya və etnoqrafiya elmlərinin son nəticələrinə həsr olunmuş elmi konfransın materialları. Bakı: Bilik, 1992, s.19-21.
7. Müseyibli N.Ə. Gəmiqaya. Bakı: Çəşioğlu, 2004, 320 s.
8. Müseyibli N.Ə., Nəcəfov Ş.N. Zəyəmçay nekropolu. Bakı: Elm və təhsil, 2019, 424 s.
9. Ахундов Д.А. Истина об Албанских хачдшах / Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1986, с.236-252; Культурная символика и картина мира, запечатленная на храмах и стелах Кавказской Албании (Северного Азербайджана) // Наследие №6 (24), 2006, с.42-45.
10. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 192 с.
11. Гошгарлы Г.О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана. Баку: Элм, 2012, 246 с.
12. Гусейнова М.А. Об интерпретации рисунков на группе сосудов эпохи поздней бронзы Азербайджана // Изв. АН Аз. ССР, Серия история, философия, право, №2, 1982, с.78-84.
13. Лавров Л.И. Кавказские тамги // Историко-этнографические очерки Кавказа. СПб, 1978, с.91-174.
14. Мамедова Ф.Д. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
15. Наджафов Ш.Н. Глиняные печати-пинтадеры из поселения Сарвантепе // Поволжская археология, №1 (43), 2023, с.76-91.
16. Рзаев Н.И. Элементы древнетюркской культуры на территории Кавказской Албании // ДАН Аз.ССР, 1965, №9, с.75-97.
17. Якобсон А.Л. Гандзасарский монастырь и хачкары: факты и вымыслы // Историко-филологический журнал, №2, 1984, с.146-152.

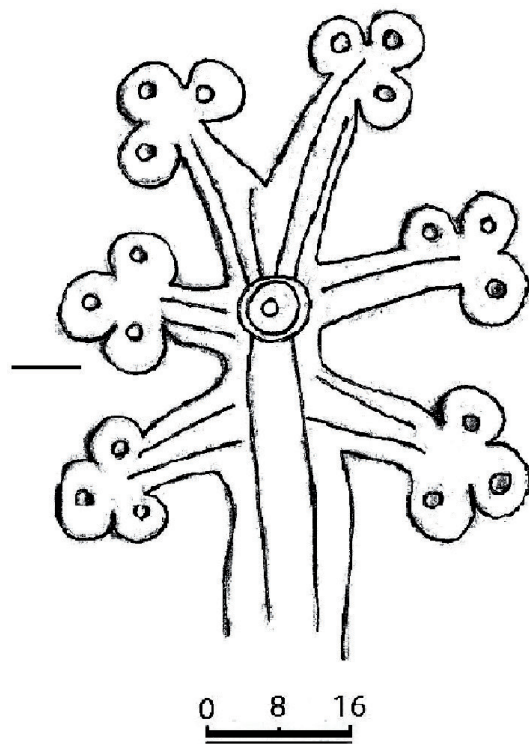

1

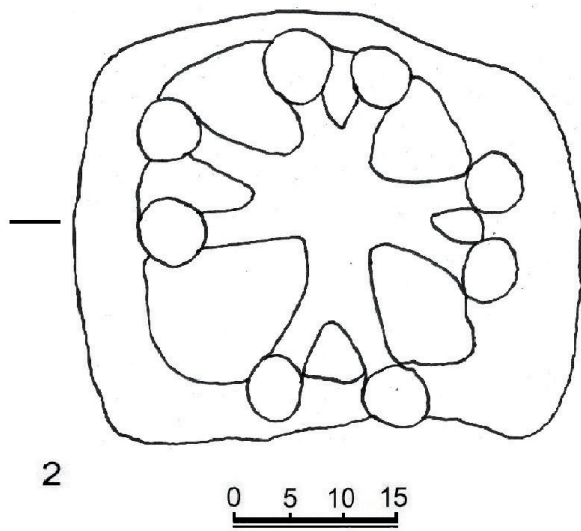

2

Рис. 1.

1

2

Рис. 2.

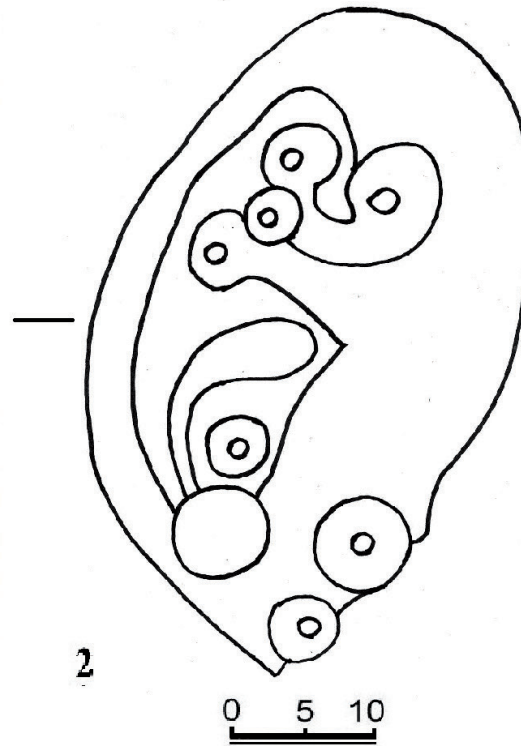
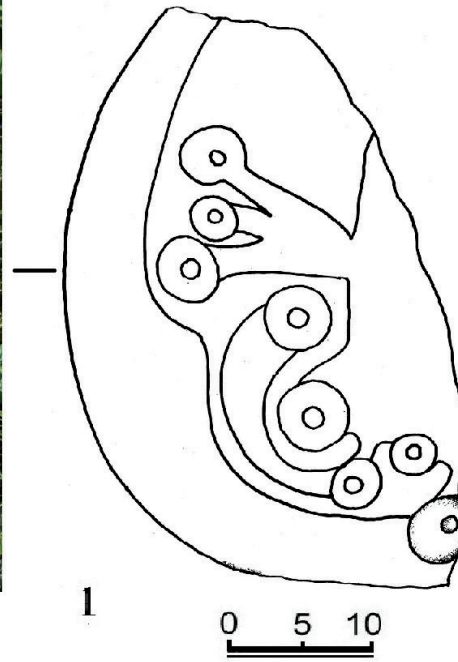

Рис. 3.

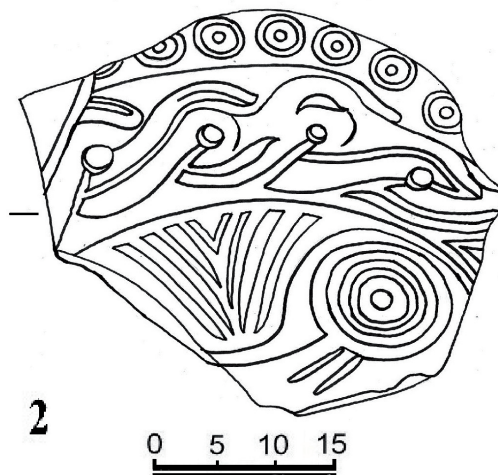
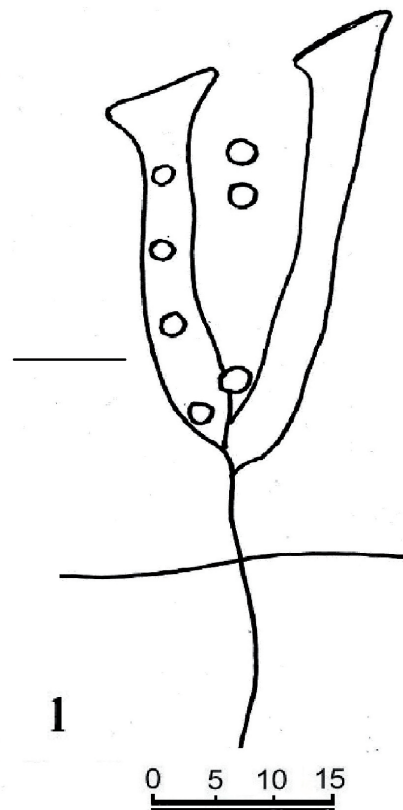

Рис. 4.

Рис. 5.

Раджабли Али

Заведующий научно-фондовым отделом «Нумизматики и эпиграфики» Национального Музея Истории Азербайджана, доктор исторических наук, профессор

Наджафова Ирада М.

Ведущий научный сотрудник Научного Центра албановедения Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, к.и.н., доцент

Мамедова Айгюн

Заведующая «Фондом нумизматики» Национального Музея Истории Азербайджана, доктор философии по истории

О МОНЕТАХ ИМПЕРАТОРОВ ГАЛЬБЫ, ОТОНА И ВИТЕЛЛИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация. Согласно данному исследованию, в коллекции монет Римской империи Национального Музея Истории Азербайджана установлено 18 монет императоров *Гальбы, Отона и Вителлия*, правивших всего лишь по несколько месяцев в течение гражданской войны 68–69 гг. (между правлением династии Юлиев-Клавдиев и династии Флавиев).

Принимая во внимание наличие в музее монет всех императоров династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев, становится заметно, что римские монеты на территорию Кавказской Албании поступали последовательно, а не случайно. В том числе и монеты *Гальбы, Отона, Вителлия* могли бы быть звеном в торгово-денежных отношениях между Кавказской Албанией и Римом I в. н.э.

В целом привлекательность римских монет для местного рынка подтверждает и их нахождение в составе некоторых разновременных кладов. В частности, нахождение монеты *Отон* в кладе III века, обнаруженного в столице Кавказской Албании – городе Габале.

Ключевые слова: Рим, Кавказская Албания, монеты, Гальба, Отон, Вителлий, музей

Keywords: Rome, Caucasian Albania, coins, Galba, Otho, Vitellius, museum

I. Введение

Монеты периода Римской империи в коллекции Фонда нумизматики (*далее – ФН*) Национального Музея Истории Азербайджана (*далее – НМИА*) охватывают период с конца I в. до н.э. до начала III в. н.э.

В небольшой период времени во время гражданской войны 68–69 гг. в Риме очень недолго правили императоры – Гальба, Отон и Вителлий. Именно факт наличия в ФН НМИА монет трёх императоров, правивших всего лишь по несколько месяцев в течение полутора лет, обнаруженных столь далеко от границ Римской империи – на территории Кавказской Албании (*далее – Албания*), привлёк внимание и стал предметом данного исследования.

Среди серии изученных монет Гальбы, Отона и Вителлия некоторые по разным причинам вызвали сомнения о принадлежности именно этим императорам. Поэтому в этой работе будут представлены

лишь те монеты, принадлежность которых к вышеназванным трём римским императорам не вызывает сомнения. Здесь нужно отметить, что при изучении монет в ФН НМИА были рассмотрены и похожие монеты в коллекции Британского музея (*далее – БМ*), представленной на официальном сайте музея*.

При изучении монет названных трёх императоров в ФН НМИА проявилась и сложность в установлении мест находок этих монет. Согласно сохранившимся документам ФН часть монет поступила в музей в 1939 году (№13406); в 1948 году (№21375, 21376, 21461, 21581, 21582, 21762); в 1949 году (№21818); в 1963 году (№31868). Из них известно, что последняя монета была обнаружена в кладе из Габалы. Другая часть монет поступила в музей в 1970 году (№37216, 37217, 37218, 37219, 37223, 37224, 37225, 37226, 37227) в составе коллекции Е.А.Пахомова. К сожалению, большей информации пока обнаружить не удалось.

Но известно, что большую часть нумизматической коллекции НМИА составляют монеты, обнаруженные или отчеканенные на территории Азербайджанской Республики. Отметим и то, что, согласно И.А.Бабаеву, римские монеты были распространены по всей территории Албании [Бабаев, 1990, с.164]. В этой связи можно предположить то, что все или часть рассматриваемых ниже римских монет могла бы быть найдена на этой же территории.

К моменту провозглашения императорами Гальба, Отон и Вителлий были современниками и ставленниками императоров династии Юлиев-Клавдиев, в том числе Нерона. С падением Нерона, Рим оказался в сложной политической ситуации, которая вызвала гражданскую войну 68–69 гг. В это время нужды армий воюющих сторон обеспечивались за счёт военной чеканки [Абрамзон, 1995, с.68]. Каждый из трёх новых императоров спешил заявить о себе чеканкой собственных монет [Абрамзон, 1995, с.11-12].

Таким образом, монеты распространялись, как на территории Римской империи, так и за её пределами. Помимо средства оплаты они выступали средством политической пропаганды власти императора и его союза с армией [Абрамзон, 1995, с.9-10], а также пропаганды в области религии [Абрамзон, 1995, с.11] и др. Эти моменты прослеживаются и на монетах из коллекции ФН НМИА.

II.1. Медные монеты императора Гальбы в ФН

3 монеты императора Гальбы в ФН представлены из меди (или медного сплава)
в виде сестерция и асов.

<i>аверс</i>	<i>реверс</i>	<i>ФН №</i>
портрет Гальбы в лавровом венке, вправо; надпись по кругу IMP SER SVLP GALBA CAESAR AVG TR POT	композиция, изображающая императора, стоящего влево на возвышении (платформе), обращающегося к воинам со щитами; буква слева [S], справа C, надпись внизу ADLOCVT[IO]	37217 <i>сестерций</i>
портрет Гальбы в лавровом венке, вправо; надпись по кругу IMP SER SVLP GALBA CAESAR AVG TR [P]	Либертас, в драпированном одеянии, стоя влево, держа пилеус в правой руке и скипетр в левой; надпись по краю слева [LIBE]RTAS, справа PVBLICA	37218 <i>ас</i>
портрет Гальбы в лавровом венке, вправо; надпись по кругу SER GALBA IMP CAESAR [AVG TR P]	аквила, влево, между двумя штандартами, всё опирается на перекладину; слева буква S, справа C	37219 <i>ас</i>

* Специальная благодарность сотрудникам отдела монет и медалей Британского Музея за онлайн-коллекцию монет.

Эти монеты достаточно информативны в дополнение к письменным источникам, позволяют представить их следующим образом.

Все 3 монеты имеют на аверсе портреты Гальбы в лавровом венке, что указывает, согласно Светонию, на то, что Гальба был удостоен этого триумфального украшения за его заслуги в Африке и Германии [Светоний, Гальба, 8.1]. Надписи на аверсах содержат сокращения его преномена *Сервий* (SER) и номена *Сульпиций* (SVLP); когномен *Гальба* (GALBA); указывают, что Гальба имел титул *императора* (IMP), был наделён *властью трибуна* (TR POT, TR P), назывался *Цезарем* (CAESAR) и *Августом* (AVG). Заметим, что имя Цезарь он принял первым [Светоний, Гальба, 11], т.е. ранее, чем имя Август.

Известно, что **Сервий Сульпиций Гальба**, управляя римской провинцией Тарраконская Испания при Нероне [Светоний, Гальба, 8.1; 9.1], был провозглашён императором войсками и утверждён Сенатом [Машкин, 1948, с.397]. К моменту провозглашения императором [Светоний, Гальба, 10.1; 16.2] Гальба был уже немолод, но был опытным полководцем, имеющим и опыт государственного управления [Светоний, Гальба, 6-8; Тацит, История, I.49. 2-4]. Выпуск монет с именем Гальбы, как императора показывал его новый статус. Однако императором он был недолго (*с начала июня 68 г. до середины января 69 г.*) [Morgan, 2006, pp.31, 285].

Реверсы монет Гальбы №37217, №37219 содержат буквы S C, которыми Сенат отмечал монеты, чеканенные в Риме, что означает «по постановлению Сената» [Savio, 2001, p.152]. Это является подтверждением поддержки Гальбы со стороны Римского Сената. Монета №37217 имеет изображение сцены *обращения* (ADLOCVTIO) к воинам при церемонии вступлении в должность императора с одобрения армии [Абрамзон, 1995, с.250]. Аквила на монете №37219 – знак легиона, богиня Либертас (Свобода) на монете №37218 изображена как указание на наличие или стремление к *общественной свободе* (LIBERTAS PVBLICA). Отметим, что понятие «свобода» (Libertas) было основной политической идеей римского общества в рассматриваемый период [Абрамзон, 1995, с.125], поэтому её появление на монетах, в том числе монетах Гальбы не удивительно.

II.2. Серебряные монеты императора Гальбы в ФН

5 монет императора Гальбы в ФН представлены денариями из серебра

<i>аверс</i>	<i>реверс</i>	<i>ФН №</i>
портрет Гальбы в лавровом венке, вправо; надпись по кругу [IM]P SER GALBA CA[ESAR AVG]	Ливия, в драпированном одеянии, стоя влево, держа патеру в правой руке и скипетр в левой руке; надпись по краю слева [DIVA], справа [AV]GVSTA	13406 <i>денарий</i>
портрет Гальбы в лавровом венке, вправо; надпись по кругу [IMP S]ER GALBA A[VG]	Испания, в драпированном одеянии, стоя влево, держа в правой руке мак и кукурузные початки, а в левой – круглый щит и два копья; надпись по краю слева [H]ISPA, справа [NIA]	21581 <i>денарий</i>
портрет Гальбы вправо; надпись по кругу [I]MP SER GALBA AV[G]	дубовый венок; внутри надпись в три строки SPQR / OB / C S	21762 <i>денарий</i>
портрет Гальбы вправо; надпись по кругу IMP [SER G]ALBA AVG	дубовый венок; внутри надпись в три строки SPQR / OB / C S	21818 <i>денарий</i>
портрет Гальбы вправо; надпись по кругу IMP SER GALBA AVG	дубовый венок; внутри надпись в три строки SPQR / OB / C S	37216 <i>денарий</i>

Итак, эти 5 монет на аверсе имеют портреты Гальбы в венке или без венка, сокращение его преномена *Сервий* (SER), когномен *Гальба* (GALBA), указания, что он *император* (IMP), *Август* (AVG) и *Цезарь* (CAESAR). Эти серебряные монеты явно были чеканены ранее, чем предыдущие медные, поскольку на них ещё нет указания, что Гальба имел и трибунскую власть.

Реверс монеты №13406 – знак особого почтения Гальбы к Ливии Августе [Светоний, Гальба, 5.2], жене императора Октавиана Августа. Известно, что она в своё время покровительствовала Гальбе и даже включила его в своё завещание [Светоний, Гальба, 5.2]. Ливия Августа была обожествлена после смерти своим внуком императором Клавдием [Светоний, Клавдий, 11.2], потому на монете указана уже как «*Божественная Августа*» (DIVA AVGVSTA).

Изображение *Испании* (HISPANIA) на монете №21581 связано с тем, что Гальба был наместником римской провинции Тарраконская Испания [Светоний, Гальба, 8.1], там же он был провозглашён императором [Светоний, Гальба, 16.2]. Рисунок и надписи на монетах №21762, 21818, 37216 показывают, что Гальбе был предоставлен дубовый венок *Сенатом и народом римским* (SPQR) как *спасителю граждан* (OB / C S).

III.1. Серебряные монеты императора Отона в ФН

2 монеты императора Отона в ФН представлены денариями из серебра.

<i>аверс</i>	<i>реверс</i>	<i>ФН №</i>
портрет Отона вправо; надпись по кругу [IMP M] ОТНО CAESAR AVG TR[P]	Секуритас, в драпированном одеянии, стоя влево, держа венок в правой руке, скипетр в левой руке; надпись по кругу SECV-RI-TAS P R	21376 <i>денарий</i>
портрет Отона вправо; надпись по кругу IMP M ОТНО [CAESAR AVG] TR P	Секуритас, в драпированном одеянии, стоя влево, держа венок в правой руке, скипетр в левой руке; надпись по кругу [S] ECV-RI-TAS P [R]	31868 <i>денарий</i>

Заметно, что это обе монеты одинакового чекана, на аверс помещены портреты Отона, надписи содержат сокращение его преномена *Марк* (M), когномен *Отон* (ОТНО), указания, что он *император* (IMP), *Цезарь* (CAESAR), *Август* (AVG) имел *трибунскую власть* (TR P).

Марк Сальвий Отон, один из ближайших друзей Нерона [Светоний, Отон, 2.2] был им отдалён и отправлен в провинцию Лузитания, которой управлял 10 лет [Светоний, Отон, 3.2]. Видимо по причине разочарования в Нероне Отон одним из первых поддержал Гальбу [Светоний, Отон, 4.1; Тацит, История, I.13.3-4]. Однако, впоследствии уже сам Отон стал организатором переворота, в результате которого Гальба был убит [Светоний, Отон, 6.3], а преторианцами в Риме императором был провозглашён Отон [Тацит, История, I.27.3; 36.1-3; 74.3]. Выпуск монет с именем Отона, как императора показывал этот его новый статус. Согласно Тациту, Отон получил со стороны Сената должность трибуна, звание Августа, и все знаки почёта, подобающие принцепсу [Тацит, История, I.47.1], что частично подтверждают и надписи на монетах.

Реверсы представленных монет содержат изображение богини Секуритас (Безопасности), которая должна была показать, что Отон обеспечивает *безопасность* (SECVRITAS) *римского народа* (P R). Причем такие монеты Отон начал чеканить уже в первый месяц своего пребывания на посту императора [Morgan, 2006, p.97].

Отон старался укрепить императорскую власть [Тацит, История, I.71.1], но времени у него оказалось немного. Он был императором лишь три месяца *с 15 января по 16 апреля 69 г.* [Morgan, 2006, p.285].

Чуть ранее Отона германские войска провозгласили императором Вителлия [Тацит, История, I.74.3], в то время ещё не поддержанного Сенатом. Причём Отон предлагал Вителлию стать соправителем [Светоний, Отон, 8.1], но видимо предложение не было принято. Противостояние двух императоров закончилось падением Отона [Светоний, Отон, 11.2].

III.2. О монете императора Отона из Габалы

ФН№ 31868,
Серебряный денарий Отона из Габалы,
аверс

ФН№ 31868,
Серебряный денарий Отона из Габалы,
реверс

Интересен тот факт, что выше представленная монета ФН№ 31868 была обнаружена в 1963 г. в кладе на территории столицы Албании – в городе Габала (ныне территория близ села Чухур-Габала Габалинского р-на Азербайджанской Республики). Собранные монеты из клада включали 1 монету царя Готарза II Парфянского (38–51 гг.), 3 монеты римских императоров Отона (69 г.), Веспасиана (69–79 гг.), Траяна (98–117 гг.) и 154 монеты Сасанидского царя Бахрама II (276–293). По последним монетам клад и датирован концом III в. [Наджафова, Раджабли, 2012, с.211].

Парфянская и римские монеты в этом кладе показывают их ценность и востребованность в Албании, спустя даже более одной-двух сотен лет после их чекана (в случае же с монетой Отона – спустя две сотни лет после её чекана). Получается, что хозяин клада в Албании имел возможность оплачивать покупки разновременными зарубежными монетами [Babayev, Əhmədov, 1981, s.18-19] тех стран, монеты которых уже были знакомы жителям Албании, причём давно Этот факт может говорить об определённой стабильности обращения в Албании, например, парфянских и римских монет до времени создания клада – к концу III в., не зависимо от их количества.

IV.1. Медная монета императора Вителлия в ФН

В ФН оказалась 1 монета императора Вителлия, представленная из меди (или медного сплава) в виде аса

аверс	реверс	ФН №
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу A VITELLIVS GERMANICVS IMP AVG P M T[R P]	алтарь с двустворчатыми дверями; слева буква S , справа C , внизу надпись [PROVI] DEN[T]	37227 ас

Аверс данной монеты имеет портрет Вителлия в лавровом венке, который у него был [Светоний, Вителлий, 9], сокращение его преномена *Авл* (A), номен *Вителлий* (VITELLIVS), когномен *Германик* (GERMANICVS), полученный им от войск [Светоний, Вителлий, 8.2; Тацит, История, I.62.2]; указание, что он *император* (IMP), *Август* (AVG), *великий понтифик* (P M), имел *трибунскую власть* (TR P). Известно, что имя Цезарь он не принял [Светоний, Вителлий, 8.2; Тацит, История, II.62.2], имя Август принял, но не сразу [Тацит, История, II.62.2; 90.2], а должность великого понтифика принял, когда вступил в Рим [Светоний, Вителлий, 11.2; Тацит, История, II.91.1]. Отметим, что помимо трибунской власти, согласно Тациту, Вителлий

имел почести как у других принцепсов [Тацит, История, II.55.2], так и всю полноту власти [Тацит, История, II.62.2].

Авл Вителлий занимал разные должности при императорах Калигуле, Клавдии, Нероне [Светоний, Вителлий, 4-5]. Император Гальба направил его в Нижнюю Германию [Светоний, Вителлий, 7.1,3]. Но незадолго до убийства Гальбы [Светоний, Вителлий, 9], чуть ранее провозглашения Отона императором в Риме [Тацит, История, I.74.3], германские солдаты провозгласили императором Вителлия [Светоний, Вителлий, 8.1]. Это случилось в начале января 69 г., но Вителлий был признан Римским Сенатом только после смерти Отона в апреле 69 г. [Morgan, 2006, p.1]. После признания Сенатом императором Вителлия, видимо, и была чеканена эта монета, содержащая на реверсе указание *по постановлению сената* (S C).

Подпись под изображением алтаря на этой монете (PROVIDENT) указывает, что это алтарь *Провиденции (Провидения)*. Известно, что этот алтарь находился в Лугдуне [Абрамзон, 1995, с.518]. Его наличие на монете, возможно, указывает на знак почтения Вителлия к Провиденции как покровительнице [Абрамзон, 1995, с.516-517].

IV.2. Серебряные монеты императора Вителлия в ФН

В ФН имеется 7 серебряных монет императора Вителлия, представленных денариями.

<i>аверс</i>	<i>реверс</i>	<i>ФН №</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу A VITELLIVS IMP GERMAN	рукопожатие двух рук; надпись сверху FIDES , снизу [E]XERCITVVM	21375 <i>денарий</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу A VITELLIVS GERM IMP AVG TR P	Либертас, в драпированном одеянии, стоя лицом вправо, держа пилеус в правой руке и длинный жезл в левой руке; надпись слева LIBERTAS , справа [REST]ITVTA	21461 <i>денарий</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу [A] VITELLIVS GERM IMP AV[G TR P]	Конкордия, в драпированном одеянии, сидя влево, держа патеру в правой руке и рог изобилия в левой руке; надпись по кругу CONCO[R-D]IA [PR]	21582 <i>денарий</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу A VITELLIVS G[ERM IMP] AVG T[R P]	Либертас, в драпированном одеянии, стоя лицом вправо, держа пилеус в правой руке и длинный жезл в левой руке; надпись слева LIBERTA[S] , справа [R]ESTITV[TA]	37223 <i>денарий</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу A VITELLIVS GERM IMP AVG TR P	портреты сына и дочери Вителлия лицом друг к другу; надпись по кругу LIBERI IMP GERMAN	37224 <i>денарий</i>
портрет Вителлия в лавровом венке, вправо; надпись по кругу [A VITELL]IVS [IMP GERMAN]	Виктория, в драпированном одеянии, идёт влево, держа щит с надписью [S P/Q R]; надпись слева [VICTO]RIA, справа AVG[VSTI]	37225 <i>денарий</i>
портрет Вителлия вправо; надпись по кругу [A] VITELLIVS GERMANICVS [IMP]	Конкордия, в драпированном одеянии, сидя влево, держит патеру в правой руке и рог изобилия в левой руке; надпись по кругу CON[COR-DIA] PR	37226 <i>денарий</i>

Аверсы этих монет имеют портрет Вителлия в лавровом венке или без него. Надписи на аверсах заметно различны, что возможно было связано с различием по времени получения им должностей и имён. На всех монетах помещены сокращение его преномена *Авл* (A), номен *Вителлий* (VITELLIVS), когномен *Германик* (GERMANICVS). Судя по надписям на монетах, первый титул, полученный им, был титул *императора* (IMP), поскольку только один этот титул фигурирует на всех монетах из ФН НМИА. На некоторых монетах заметно, что Вителлий имел и имя *Август* (AVG), и *власть трибуна* (TR P).

Причём все эти денарии были чеканены явно ранее указанной выше медной монеты №37227, поскольку на них ещё не указано, что Вителлий имел и должность великого понтифика – высшей религиозной должности в государстве.

Согласно М.Г.Абрамзону, монеты Вителлия предназначались прежде всего для оплаты войска [Абрамзон, 1995, с.182], потому не удивительно наличие на реверсе монеты ФН№21375 лозунга «*верность войск*» (FIDES EXERCITVVM). Богиня Либертас (Свобода) на монетах ФН№21461,37223 должна была показать согражданам, что *свобода восстановлена* (LIBERTAS RESTITVTA), поскольку официальная пропаганда представляла Вителлия «освободителем» [Абрамзон, 1995, с.116].

Богиня Конкордия (Согласия) на реверсе монет ФН№21582,37226, если рассмотреть в сокращении PR слово «*преторианцы*», то должна была быть показателем стремления Вителлия получить *согласие* (CONCORDIA) *преторианцев* (PR) поддержать его [Абрамзон, 1995, с.132; Morgan, 2006, p.74], поскольку преторианцы были враждебны к Вителлию [Тацит, История, II.82.3]. Либо же буквы P R рассматривать, как сокращение от слов «*народ римский*». Тогда реверс данных монет можно представить, как *согласие римского народа* (CONCORDIA P R), которое Вителлий явно хотел бы получить с момента как стал императором (ФН№37226), и видимо получил, вместе с титулом *Август* и должностью *трибуна* (ФН№21582).

На реверс монеты ФН№37224 помещено изображение сына и дочери Вителлия в новом для них статусе – *детей* (LIBERI) *императора Германика* (IMP GERMAN). Причём известно, что дети с самого начала правления отца рекламировались на золотых и серебряных монетах Вителлия [Morgan, 2006, p.149].

Наконец интересен и реверс монеты ФН№37225 с изображением крылатой богини Виктории (Победы), которые Вителлий чеканил после победы над армией Отона [Абрамзон, 1995, с.182]. Таким образом мы читаем на монете о *победе Августа* (VICTORIA AVGVSTI), т.е. Вителлия Августа. Сильная истёртость монеты из ФН НМИА не позволила разглядеть надпись на щите Виктории. Однако аналог такой же монеты из БМ №R.10264 позволяет дополнить нашу информацию и уточнить, что на щите чеканилось и сокращение в виде SP/QR означающее «*Сенат и народ римский*». Согласно этой монете, в момент её чеканки Вителлий уже получил поддержку Сената и римского народа, и имя *Августа*.

Недолгое правление самого Вителлия (*апрель–декабрь 69 г.*) [Morgan, 2006, p.1] было также беспокойным. 1 июля 69 года императором был провозглашён Веспасиан [Morgan, 1995, p.182] главнокомандующий в Иудее [Светоний, Веспасиан, 4.6-6]. Каждый из императоров привлекал к себе сторонников и войска, но в итоге победу одержал Веспасиан, получивший признание Сената в конце 69 г. [Машкин, 1948, с.398].

Таким образом закончилась гражданская война 68–69 гг. и началось правление династии Флавиев [Светоний, Веспасиан, 1.1].

V. Заключение

Согласно коллекции ФН НМИА, в целом, римские монеты на территории Азербайджана, охватывают период с III в. до н.э. по III в. н.э. Географически они относятся, в основном, к территории Албании и, частично, возможно, и Мидии-Атропатены (*далее – Атропатена*).

Римские императорские монеты ФН НМИА, начиная уже со времён Октавиана Августа [Раджабли, Наджафова, Мамедова, 2020, с.336], превосходят по количеству римские республиканские монеты. Это может говорить о заметном вовлечении римских монет в торгово-денежные отношения между Римом и Албанией (возможно, и Атропатеной) в эпоху Римской империи.

Как кажется, не являются исключением в этом ряду и рассмотренные выше монеты императоров Гальбы, Отона и Вителлия разной сохранности, потёртости (по-видимому, от долгого обращения). Причём, принимая во внимание обнаружение монеты Отона (и других императоров) в кладе из Габалы III в., заметно, что некоторые римские монеты могли иметь хождение и много позже времени их выпуска. В целом заметим, что обнаружение разных римских монет в составе некоторых кладов [Алиев, Гадиров, 1985, с.28; Османов, 2006, с.116] показывает привлекательность и ценность этих монет для местного рынка.

Отметим, что согласно данному исследованию в коллекции монет Римской империи НМИА установлено 18 монет императоров Гальбы, Отона и Вителлия, правивших в 68–69 гг. (между правлением императоров династии Юлиев-Клавдиев и династии Флавиев). Принимая во внимание наличие в музее монет всех представителей династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев, становится заметно, что римские монеты на территорию Албании поступали всё же последовательно, а не случайно. В том числе и монеты Гальбы, Отона, Вителлия могли бы быть звеном в торгово-денежных отношениях между Албанией и Римом I в.

Однако, в совокупности, римские императорские монеты I в. н.э. не были заметной частью денежного обращения Албании (и Атропатены), которая была охвачена в этот период парфянским серебром [Azərbaycan tarixi, 2007, s.306; Алиев, 1989, с.61; Раджабли, 1997, с.24]. Возможно, что это было связано и с отдалённостью Албании (и Атропатены) от границ Римской империи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Azərbaycan tarixi 7 cildə: I cild / Məsul redaktor İqrar Əliyev. Bakı: Elm, 2007, 520 s.
2. Babayev İ., Əhmədov Q. Qəbələ (tarixi-arxeoloji oçerki). Bakı: Elm, 1981, 68 s.
3. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. Москва, 1995, 656 с.
4. Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку: Азернешр, 1989, 160 с.
5. Алиев И., Гадиров Ф. Кабала. Баку: Элм, 1985, 86 с.
6. Бабаев И.А. Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
7. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л.Гаспарова. Москва, 1990, 255 с.
8. Корнелий Тацит. История / Тацит. Сочинения в двух томах. Том II / Изд. подг. Г.С.Кнабе и др. Москва: Ладомир, 1993, 374 с.
9. Машкин Н.А. История Древнего Рима. Москва, 1948, 680 с.
10. Наджафова И.М., Раджабли А.М. Римские монеты из Габалы // Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi – 2012. Bakı, 2012, с.209-215.
11. Османов Ф. История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку: Тахсил, 2006, 288 с.
12. Раджабли А.М. Нумизматика Азербайджана. Баку: Элм ве хаят, 1997, 232 с.
13. Раджабли А.М., Наджафова И.М., Мамедова А.М. О коллекции монет Октавиана Августа в Национальном Музее Истории Азербайджана // Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi – 2020. Bakı: Elm və təhsil, 2020, с.335-343.
14. Morgan Gwyn. 69 A.D.: The Year of Four Emperors. Oxford Univ. Press. 2006, 322 p.
15. Savio Adriano. Monete Romane. Roma: Jouvence, 2001, 335 p.
16. www.britishmuseum.org

ИСТОРИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЭТНОЛОГИЯ, ЭПИГРАФИКА,
ЛИНГВИСТИКА

Асадов Фарда

Заведующий отделом «История и экономика арабских стран»

Института Востоковедения им. З.М.Буниятова НАНА,

доктор философии по истории, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-9034-0011>

ТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ИСЛАМИЗАЦИИ СТРАНЫ (VII–X ВВ.)

Аннотация. В статье представлены свидетельства письменных источников о проникновении и оседании тюркских кочевников на территории Кавказской Албании в период, предшествующий арабским завоеваниям. Характеризуются отношения государств Южного Кавказа с северными кочевниками и формы взаимодействия с ними в ходе противодействия экспансии империй Среднего Востока. Особое внимание уделяется политике Арабского халифата по распространению ислама в Кавказской Албании и роли тюрков-хазар в исламизации населения страны по завершении арабо-хазарских войн.

Ключевые слова: тюрки-кочевники, хазары, Кавказская Алабания, Арабское завоевание Южного Кавказа, международные торговые пути, исламизация

Keywords: Turkic nomads, Khazars, Caucasian Albania, Arab conquest of the South Caucasus, international trade routes, Islamization

Тюрки и тюрки-хазары на северных границах Южного Кавказа.

Большой Кавказский хребет с древнейших времен служил природной границей между миром евразийских кочевников и зоной земледельческих сообществ и политического влияния ранних государств Ближнего и Среднего Востока. Существовало два прохода из евразийских степей через горы на Южный Кавказ. Дарьяльский путь в центральной части Кавказских гор сужался до узкой дороги через горное ущелье реки Терек, часто в зимнее время трудно проходимой. Более удобной и функциональной была дорога вдоль западного побережья Каспийского моря, к которой в районе города Дербент вплотную подходят Кавказские горы, оставляя прибрежную полосу шириной в 3 км. И кочевники для проникновения на Средний Восток с древности до золотоордынского времени, и торговые караваны со времени функционирования маршрутов Шелкового пути в направлении рынков Ближнего и Среднего Востока пользовались этой дорогой наиболее часто.

Страна, которая лежала по эту, южную сторону Дербентских врат, была Албания, известная нам со времени походов Александра Македонского. Отношения оседлого населения с кочевниками из-за Кавказского хребта имели самые разнообразные проявления. Военно-политический и экономический аспекты взаимодействия кочевников и оседлых, конечно, имели основополагающее значение. Они определяли характер отношений, как антагонистические, поскольку экономика кочевников Евразийских степей строилась на фундаменте изменчивых природно-климатических условий, при неблагоприятном складывании которых кочевникам для выживания оставалось рассчитывать на изъятие продукта у земледельческого населения, т.е. походы за военной добычей становились для них жизненной необходимостью [Крадин, 2000, с.324-5].

Политика империй древности и средневековья использовать одни кочевые народы против других предусматривала предоставление земель для поселения кочевников на границах империи в качестве защитников границ. Так поступали китайские и византийские императоры и Сасаниды на своих границах, где они воздвигали грандиозные фортификационные сооружения. Китайская стена – наиболее впечатляющий памятник этой эпохи.

Сасаниды, которым выпало оказаться лицом к лицу с возросшей силой кочевников на Кавказе, обладали крупными материальными и людскими ресурсами для строительства грандиозных фортификационных сооружений. Практически одновременно возводятся длинные стены на Южном Прикаспии – Горганская стена и комплекс сооружений на Кавказе – Дербентские укрепления.

Воздвижение Дербентских укреплений было, по-видимому, начато еще во времена Йездигерда II (438–451) [Minorsky & Munajjim Bashi, 1958, p.87, n.2]. Однако, масштабное строительство системы оборонительных сооружений от Дербента и на запад вдоль Кавказского хребта было осуществлено в правление Хосрова Ануширвана (531–579) [Гаджиев, 2001, с.80-81]. Арабский историк ат-Табари оставил нам известие о том, что после завершения строительства грандиозный поход тюркского кагана Синджибу (вероятно, Истеми кагана (ум. 576) был легко отражен силами сасанидского войска всего в 5 тыс. воинов [At-Tabari, 2005, vol.1, p.251-252].

Интересы Южно-кавказских государств.

Однако следует отметить, что интересы крупной державы и пограничного с кочевниками населения, особенно его военно-политической элиты, далеко не совпадали. Кавказская Албания ко времени выдвижения Сасанидского государства к северному Кавказу насчитывала несколько столетий истории своего государства. У албан было сильное войско, участие которого в сражениях с Александром Македонским на стороне Ахеменидов зафиксировано античными источниками [Chaumont, 1985, p.807]. Для албанских правителей включение их страны в состав великой державы лишь отчасти решало проблему защиты от набегов, поскольку пограничные силы империи были не в силах полностью обезопасить население от воинственных соседей-кочевников. Однако, содержание этого войска, безусловно, ложилось на плечи местного населения и прибавлялось к другим поборам в пользу центральной казны. С другой стороны, нахождение в политической зависимости от большой державы существенно ограничивало доходы местной знати и купечества от прибыльной торговли с кочевниками.

В первой четверти IV в. албанские цари официально приняли христианство, в чем можно усматривать способ противодействия зороастризму, как идеологии подчинения сасанидскому Ирану. Для сопротивления сасанидским имперским амбициям, государства и население контактной зоны с кочевниками были заинтересованы в мирном взаимодействии с воинственными соседями на севере. Албанские цари нередко обращались к кавказским кочевникам за помощью в борьбе с сасанидским господством. В период анти-сасанидского восстания 459–462 гг. албанский царь Ваче II снес сасанидские укрепления для соединения с союзниками-маскутами [Юзбашян, 2001, с.327; Мамедова, 2005, с.354]. Так же поступали правители и знать других южно-кавказских государств. Грузинский царь Вахтанг Горгосал (440–452) рассчитывал на гуннов в борьбе с Сасанидским государством. Те, правда, прислали только небольшой отряд в 300 всадников [Мровели, 1976, с.90]. Армянские нахарары, оказавшись незадолго до прихода арабов между Ираном и Византией, искали союза с кочевниками-хонами в борьбе за независимость своей страны. Армянский историк Себеос сообщает о переговорах армянской знати с кочевниками-хонами для воссоединения их сил на левом берегу Куры [Sebeos, 1999, p.32].

Кавказская Албания – зона контактов и торговли с кочевниками.

Эти сведения указывают на территорию Кавказской Албании, как зону тесных контактов с кочевниками. Дербентский проход был не только дорогой движения военных отрядов, но и караванным путем для товаров, привозимых из Китая и от северных народов. Страбон сообщает нам, что сарматский кочевой народ аорсов вел торговлю с Индией и Ближним Востоком вдоль западного побережья Каспийского моря в союзе с местными купцами [Страбон, 1964, с.480].

Для поощрения торговли албанские правители чеканили свои монеты в подражание античному чекану. Найденные в кладах такие монеты, чеканившиеся, вероятно в Габале, первой столице Кавказской Албании, служат подтверждением покровительственного отношения к международной торговле со стороны албанских правителей [Бабаев, 2002].

Организация этой торговли осуществляется при сотрудничестве оседлого и кочевого населения вдоль торговых магистралей. Взаимодействие с кочевниками на северной границе и их проникновение

на территорию Албании могло происходить в трех различных формах: медленная, постепенная инфильтрация небольших групп или отдельных родов; военные походы, преследовавшие цель захвата военных трофеев и полона; а также политическое подчинение территории, установление власти кочевнических союзов и создание их административно-политических структур на подвластных территориях [Ковалевская, 2001, с.3].

Страбон отмечал по поводу населения Албании, что они больше привержены скотоводству и стоят ближе к кочевникам, но не так воинственны [Страбон, 1964, с.501]. Именно в Албании Сасаниды селили предавшиеся им группы кочевников, которым поручалась охрана границ. Об этом есть прямые указания источников. Ибн ал-Асир, в частности, сообщает, что после неудавшегося похода Истеми-кагана на Южный Кавказ Хосров Ануширван поселил десять тысяч тюрков в Азербайджане [Ibn al-Athir, 2006, vol., p.337-8]. В это же время восемьдесят семей знатных тюрков были переселены из южно-прикаспийской области Джурджан на кавказское пограничье, вероятнее всего, для охраны Дербентских фортификаций [At-Tabari, 2005, vol. 1, p.251].

Заняв пространство Сасанидского Ирана, арабы сначала должны были определить свои модели взаимодействия с местным населением и политическими силами в регионе. У некоторых недостаточно осведомленных авторов можно встретить утверждения о жестком ультиматуме, будто бы выставлявшемся арабами жителям покоренных областей. Им будто бы предлагалось либо принять ислам, либо сражаться, а в случае поражения они лишались имущества и свободы. На самом деле Коран и основы исламской догматики и права не принуждали к принятию ислама, но поощряли это экономическими и идеологическими методами. Выработалось два принципиальных юридических статуса для завоеванных земель и населения: земли, подчиненные силой (*‘анватан*) и мирно (*сулхан*). Последнее оформлялось посредством мирного договора между сторонами [Колесников, 1982, с.148]. Сохранились тексты таких договоров с Азербайджаном, Муганом и некоторыми другими областями Кавказа.

Когда стало очевидно, что Сасанидское государство неминуемо идет к своей гибели, Джаваншир вполне благоразумно принял решение более не пускать военные силы агонизирующей империи на албанские земли. Он сражался с персами и вызволил из плена своего отца, оказавшегося у них в заложниках [Каганкатвацци, 1984, с.96-97]. Албанские правители Вараз-Григор и его сын Джаваншир умело координировали свои действия – маневрировали между арабами на юге, византийцами на западе и хазарами на севере. На некоторое время это сохранило независимость государства и относительную стабильность [Бунятов, 1965, с.100-102]. Однако любопытно, что свои стратегические связи князь Джаваншир выстраивает именно с хазарами через матримониальный договор с дочерью «гуннского» правителя (вассала хазарского кагана) [Каганкатвацци, 1984, с.102-103]. Это вполне согласуется с прежней стратегией поиска партнерства с кочевниками для достижения политической независимости от крупных держав. Албанский правитель оставался верен союзу с хазарами, и, возможно, это ограждало его от экспансии арабского халифата, в котором в это время начались внутренние смуты [Новосельцев, 1990, с.175].

В описаниях событий арабо-хазарских войн вплетаются отдельные истории, из которых следует, что среди населения многих городов находились люди, хорошо говорившие по-хазарски. Среди горожан были и хазары, которые принимали ислам. Некоторые из них содействовали арабам. Благодаря предательству хазарского воина, будто бы пожелавшего перейти в ислам, арабам удалось взять Дербент. Однако ал-Куфи сообщает, что сразу же после ухода арабов, хазары вернулись и «расположились в городе ал-Бабе как и раньше» [ал-Куфи, 1981, с.14-15].

Отсутствие известий о крупных сражениях с арабами дает основание для предположения, что сопротивление арабам в Албании было организовано согласованными действиями хазар и албанских правителей. Князь Джаваншир видел в союзе с хазарами возможность для сохранения своей власти и независимости своей страны. Союз с кочевниками был традиционной политикой албанских владетелей, сталкивавшихся с угрозой великих держав. Силы арабского военачальника Салмана ибн Раби‘а заманили к границам Хазарского каганата, где хазары могли действовать с большим знанием местных условий и куда они подошли с большими силами. Там у хазарского города Баланджар арабы потерпели жестокое поражение и Салман ибн Раби‘а был убит [Al-Kufi, 1991, p.343-5]. На подобный ход событий указывают и

результаты неудачного похода арабов: хазары вновь выдвинулись к Дербенту, а Албания на определенное время сохранила свою независимость [Большаков, 1993, с.175].

После гибели Салмана ибн Раби'а, халиф Усман назначил правителем Азербайджана и Аррана Хузайфу ибн ал-Йамана, сподвижника Мухаммада, более известного, как авторитетного передатчика хадисов. Тактика арабов в ведении войны с основным противником переменилась. Они старались привлечь на свою сторону местное население. В договорах с местными городами и областями включались пункты, освобождавшие местных жителей от уплаты подушного налога при условии служения в арабском войске. Из числа *зиммиев*, т.е. населения, находившегося под покровительством (*зимма*) арабов, создавалась пехота, все более активно участвовавшая в военных предприятиях мусульманского войска [Буниятов, 1965, с.83-84].

Арабы, вопреки распространенному мнению, не оказывали прямого принуждения для принятия ислама населением покоренных областей. Налоговые преимущества, покровительство арабов ремеслам и торговле способствовали довольно быстрому принятию ислама в городах Азербайджана. Землевладельцы видели в принятии ислама способ политических гарантий для сохранения собственности на свои владения. Для распространения ислама предпринимались эффективные культурно-созидательные действия. Строились мечети, в них организовывалась просветительная работа. Сообщается, например, что в 733 или 734 г. Маслама б. Абд ал-Малик построил мечеть для хазар-мусульман, проживавших в Дербенте [Brook, 2006, p.180]. Если в начале мечети строились только там, где располагались военные поселения арабов, то вскоре это строительство стало осуществляться повсеместно. К X веку практически во всех городах были построены мечети. Наличие соборной мечети стало отличительным признаком города от деревни [Vəlixanlı, 1993, s.72].

Что же происходило внутри Хазарского государства? Вопреки мнению некоторых исследователей, что «...менее всего в Хазарии пользовался популярностью ислам» [Плетнева, 1999, с.214], известно, что ударную силу каганского войска составляла мусульманская гвардия, в столице каганата проживало 10 тысяч мусульман, действовало 30 мечетей, и мусульманские купцы при уплате полагавшихся торговых податей пользовались полной свободой деятельности [Al-Istakhri, 1961, p.129]. Ахмед ибн Фадлан, отправившийся в 921 г. с миссией к болгарскому правителю элтиберу, отмечает, что делами мусульман в Хазарии ведал специальный чиновник, который докладывал прямо самому кагану [Togan, 1939, s.45]. Особым влиянием при кагане пользовался визирь-мусульманин: имя одного из них, Ахмада ибн Куйя, сохранил ал-Масуди [al-Masudi, 2005, v.II, p.139]. А по свидетельству ал-Истахри, в семье кагана были мусульмане [Al-Istakhri, 1961, p.129]. Хазарская гвардия, состоявшая из мусульман, по условиям службы не воевала против мусульманских владений [Golden, 2007, p.138]. Неоднократно упоминавшийся ал-Истахри свидетельствует, что хазары были иудеями, христианами и мусульманами, но мусульман и христиан среди них было больше, чем иудеев [al-Istakhri, 1927, p.220].

В 732 г. Масламе б. Абд ал-Малику удается окончательно выбить хазар из Дербента. Талантливый полководец и государственный деятель правильно рассудил, что успехи арабской экспансии зависят от успехов исламизации населения. Он разделил Дербент на городские кварталы, в четырех из них он поселил арабских воинов и, по преданию, построил в каждом квартале по мечети. В то время в Дербенте была тысяча хазарских домохозяйств (*буйут*). Некоторые детали взятия Дербента войском Масламы подсказывают, что часть из них могла остаться в городе, поскольку отход хазарского гарнизона, по-видимому, был осуществлен в результате договоренности с арабами. Арабы отошли от укреплений, чтобы осажденные могли уйти. В городе были и те, кто склонялся к сотрудничеству с арабами и к новой вере, один из них давал советы Масламе, как взять укрепления города, и, по-видимому, посредничал в переговорах с хазарами [Al-Kufi, 1991, p.249-250]. В квартале, населенном хазарами, также построили мечеть [Brook, 2006, p.180]. Дербент стал центром исламизации всего Кавказа и кавказских кочевников-хазар в том числе.

Хазары-мусульмане селились и в других городах Азербайджана южнее пограничного Дербента. В один из самых ранних рейдов вглубь территории хазар (722–723) арабский военачальник ал-Джаррах б. Абдаллах ал-Хаками после нескольких дней осады заключил мир с хазарским городом *Базгу*¹ и

¹ Так указано в используемом нами издании ал-Куфи. У Ибн ал-Асира приводится вариант Йаргу. Видимо, правильное читать Таргу, который идентифицируют с Тарки близ Махачкалы – см.: [Dunlop, 1954, p.64, n.32].

переселил часть его населения в «рустак Габала» [Al-Kufi, 1991, p.219].¹ Д.Данлоп определенно считает это предместьями города Габала и напоминает, что Габала была населена хазарами издавна [Dunlop, 1954, p.64].

Следующим по времени свидетельством о поселении хазар, принявших ислам, в Азербайджане следует назвать сообщение ал-Балазури, относящееся к обстоятельствам упоминавшегося выше похода Марвана б. Мухаммада (737 г.). Марван и хакан условились, что в Хазарии будут созданы условия для распространения исламской веры. А часть из тех хазар, кто, по-видимому, принял ислам, Марван забрал с собой и поселил между Шабраном и рекой Самур [al-Beladsori, 1866, p.208].

Наш надежный источник по ранней истории халифата ал-Балазури сообщает, что аббасидский военачальник Буга ал-Кабир восстановил разрушенный город Шамкур² на северо-западе Азербайджана в 240 г.х. (854 г.) и поселил там «...хазар, бежавших под его покровительство за свою приверженность исламу» [al-Beladsori, 1866, p.203]. О самом Буге существует достаточно обоснованное мнение, что он происходил из хазар и покровительствовал им [Golden, 2001, p.21; Golden, 2004, p.281] – как видим, содействовал их поселению в Азербайджане.

Заключение.

Кочевники помогали местным правителям отстаивать свою независимость перед экспансией больших держав. Очевидно, что оседание кочевников на территории Кавказской Албании происходило с эпохи античности, но особенно этот процесс усилился в период Сасанидского владычества. Иранские правители, укрепив границу на Кавказе, переселяли большие группы кочевников-тюрков для ее охраны. Этот процесс прослеживался и в топонимике Кавказской Албании, где встречаются названия, происходящие от тюркских этнонимов. Мирные отношения с кочевниками оказали большое влияние на формы хозяйственной деятельности и на развитие международной торговли через территорию Албании.

Установившиеся после эпохи первых завоевательных походов военно-политическое равновесие между кочевниками-тюрками и мусульманами-завоевателями привело к мирным отношениям в интересах взаимовыгодной дальней международной торговли. Интересы арабской администрации завоеванных областей, кочевнической элиты и местной торгово-купеческой знати на тюркском пограничье совпали. Повысилась мобильность населения через границы кочевого и оседлого мира в Центральной Азии и на Кавказе. Переход в ислам способствовал более выгодным условиям ведения торговли и лучшему доступу к торговым центрам Ближнего Востока. Таким образом, два процесса происходили параллельно и практически одновременно: проникновение и оседание тюркского населения на границах мусульманского мира и вдоль трасс международной торговли, а также распространение ислама в контактных зонах между кочевниками и земледельцами. Такова была основная закономерность экономических и культурных трансформаций в Кавказской Албании, а также и в Центральной Азии. Как видим именно фактор взаимодействия с кочевниками Евразии predetermined судьбу населения обоих регионов.

¹ В тексте: рустак *Гй*л-а. От написания слова Габала отличается единственной дополнительной точкой под вторым корневым согласным. Ошибка в расстановке диакритических точек – обычное явление при переписке рукописей.

² Современный город и районный центр Шамкир в Азербайджане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Vəlixanlı N. Ərəb xilafəti və Azərbaycan / Red. Z.Bünyadov. Bakı: Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, 1993, 120 s.
2. ал-Куфи, Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам. Книга Завоеваний (извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. З.М.Бунятов. Баку: Элм, 1981, 83 с.
3. Бабаев И. Денежное обращение Кавказской Албании в эллинистическую эпоху (конец IV – первая половина I вв. до н.э.) / Музей истории Азербайджана - 2002. Баку: Национальная АН Азербайджана, 2002, с.177-196.
4. Большаков О.Г. История Халифата. Эпоха великих завоеваний (633–656). Т.2. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993, 294 с.
5. Бунятов З. Азербайджан в VII–IX вв. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 384 с.
6. Гаджиев М.С. К изучению Limes Caspius Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии / V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: Ставро. Гос. Ун-та, 2001, с.79-82.
7. Каганкатвацци М. История страны Алуанк (в 3-х книгах) / пер. с древнеарм. Ш.В.Смбатяна. Матенадаран, Ереван, 1984.
8. Ковалевская В.Б. Новые и традиционные подходы к взаимоотношениям степного мира и местного населения Кавказа Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь: Изд-во Ставро. Гос. Ун-та, 2001, с.3-4.
9. Колесников А.И. Завоевание Ирана арабами (Иран при праведных халифах). М.: «Наука» ГРВЛ, 1982, 270 с.
10. Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / А. В. К. Н.Н.Крадин, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынша. (Ed.), Альтернативные пути к цивилизации, 2000, с.314-335. Москва: Логос. Retrieved from <http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/kradin.htm>.
11. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку: Центр Исследований Кавказской Албании, 2005, 800 с.
12. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей / Пер. с древнегруз., предис. и коммент. Г.В.Цулая. М.: Изд-во «Наука», 1979, 104 с.
13. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990, 266 с.
14. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим: Мосты культуры/ Гешарим, 1999, 379 с.
15. Страбон. География в 17-ти книгах / Пер., статья и коммент. Г.А.Стратановского. Под общей ред. С.Л.Утченко. М.: Наука, 1964, 943 с.
16. Юзбашян К. Н. Армянская эпопея V века: От Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. Елишэ. Слово о войне Армянской / Пер. с древнеарм. И.А.Орбели. М.: ИД XXI век - Согласие, 2001, 344 с.
17. al-Beladsori, Imamo Ahmed ibn Yahja ibn Djabir. *Liber expugnationis regionum* (M.J.d.Goeje Ed.). Lugduni Batavorum: E.J. Brill, 1866.
18. al-Istakhri, Abu Ishak Ibrahim ibn Muhammad. *Kitab Masalik al-Mamalik*. Leiden: E.J.Brill, 1927.
19. Al-Istakhri, Abu Ishaq Ibrahim b. Muhammad al-Farisi al-ma'ruf bi al-Karkhi. *Al-Masalik wa al-Mamalik*. al-Kahira: Wizarat as-saqafa wa al-irshad al-qaumi, 1961.
20. Al-Kufi, Abu Muhammad Ahmad ibn A^ctham. *Kitab al-Futuh* / A.Shari Ed. 1 ed. Vol.3. Beyrut: Dar al-adwa^c li at-taba^ca wa an-nashr va at-tauzi^c. 1991.
21. al-Masudi, Abu al-Hasan Ali ibn al-Husayn. *Muruj adh-dhahab wa ma'adin al-jawhar* / A.N.Hatum Ed.. Beirut: Dar Sadir, 2005.
22. At-Tabari, Abu Djafar Mohammad ibn Djarir. *Tarikh at-Tabari: Tarikh al-umam wa al-muluk*. Beirut: Dar Sadir. 2005, vol.1.
23. Brook, Kevin Alan. *The Jews of Khazaria* (2nd ed.). Lanham, Md.: Rowman & Littlefield. 2006
24. Chaumont M.L. Albania *Encyclopædia Iranica*. Vol. I/8, 1985, pp.806-810.
25. Dunlop D.M. *The History of the Jewish Khazars* Princeton: Princeton University Press, 1954.
26. Golden, Peter B. (2001). Some Notes On the Comitatus in Medieval Eurasia With Special Reference To the Khazars. *Russian History*, 28(1), 153-153. doi: 10.1163/187633101X00109
27. Golden Peter B. (2004). Khazar Turkic Ghulâms in Caliphal Service. *Journal Asiatique*, 292(1-2), 279-309. doi: 10.2143/JA.292.1.556639
28. Golden Peter B. The Conversion of the Khazars to Judaism. In H. B.-S. a. A. R.-T. eds. P.B.Golden (Ed.), *The World of the Khazars*. Leiden: Brill, 2007, pp.123-162.

29. Ibn al-Athir, Izz ad-Din Abi al-Hasan Ali b. Muhammad al-Jazari. (2006). *Al-Kamil fi al-Tarikh* (A. a.-Q. M. al-Daqqaq Ed. 4th ed.). Beirut: Dar al-Kutub al-ilmiiya, 2006.
30. Minorsky, Vladimir, & Munajjim Bashi, Ahmad ibn Lutf Allah. *A history of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries*. Cambridge,: Heffer, 1958.
31. Sebeos. *The Armenian history attributed to Sebeos* (R. W. Thomson & H. c. b. T. G. w. t. a. b. J. Howard-Johnston, Trans.). Liverpool: Liverpool University Press, 1999.
32. Togan, Zaki Validi. Appendix "Rihlat Ibn Fadlan": Arabic text of Meshhed manuscript copied, compared with the text by Yakut al-Hamavi and published by Zaki Validi Togan *Ibn Fadlan's Reisebericht*. Leipzig: Komissinsferlag F.A.Brockhaus, 1939, pp.1-45.

Беккер Мусей*Доктор философии по политическим наукам
<https://orcid.org/0009-0005-8534-1772>*

ЕВРЕИ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ. ПУТИ МИГРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена практически не изученной проблеме появления еврейской субэтнической группы на территории Кавказской Албании. Автор впервые сделал попытку на основании имеющихся исторических хроник и данных археологических раскопок воссоздать исторический, экономический и политический фон переселения евреев в страны Южного Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская Албания, евреи, миграция, торговые пути, источники

Keywords: Caucasian Albania, Jews, migration, trade routes, sources

Введение. Известно, что на протяжении веков многие страны меняли своё название в зависимости от того, какой этнос в тот или иной период истории становился доминирующим. Поэтому не удивительно, что народы, населявшие конкретную территорию, назывались по-разному, как со стороны соседей, так и в собственном самоназвании.

Народ современного Азербайджана является естественным наследником этносов, живших здесь на протяжении тысячелетий. На уровне генетики все, кто сегодня относятся к азербайджанскому народу, являются прямыми потомками своих предков вне зависимости от того, какую религию они исповедовали на том или ином отрезке истории и на каком языке общались между собой. Исторически эта земля всегда находилась на перекрестке важнейших торговых путей. Здесь были завязаны интересы больших и малых государств. На территории республики происходил информационный обмен и междивизиационный диалог, который потоком шел с Запада и Востока, Севера и Юга. Здесь возникали и отсюда распространялись различные религиозные воззрения, которые сталкиваясь с проникающими сюда новыми верованиями, умело абсорбировались и приспосабливались к местным условиям. Многие переселившиеся в эту страну мигранты нашли здесь себе настоящую родину, переняв некоторые обычаи и культуру коренного населения, сохранив при этом собственную идентичность. Толерантность и умение находить общий язык с пришельцами смогли сплотить воедино носителей различных традиций и мировоззрений.

Пути и причины миграции евреев. На территории Кавказской Албании евреи оказались после создания Киром II Великим Ахеменидской державы, в состав которой в результате победоносных войн вошли, как современные азербайджанские земли, так и территория бывшего Вавилонского царства. После знаменитого эдикта Кира II от 538 года до н.э. часть вавилонских изгнанников вернулась на Родину, где восстановила Храм и возродила национальные традиции. Те же из них, кто остался в местах прежнего проживания, оказались в орбите экономической, политической и социальной жизни нового государства.

Во II в. до н.э. был проложен Великий Шелковый путь – главная торговая артерия, соединявшая Китай со странами Европы, Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Значительный отрезок его проходил по территории Кавказской Албании, которой география определила особое место в этой транспортной сети. Понятно, что все указанные дороги являлись частью более ранних караванных троп. Еще в II–I вв. до н.э. самый оживленный путь лежал через Страну огней. Его обычно называли «Страбонова дорога» (по имени великого географа, который первый упомянул о нем). Этот путь проходил из Китая и Индии через Центральную Азию, реку Узбой, доходящей до Каспийского моря, и проходил через территорию Кавказской Албании. Здесь он делился на две ветви: одна шла вверх по течению реки Куры в сторону Колхиды и Иберии, вторая – сворачивала и шла вдоль западного побережья Каспийского моря через Дербент и Кавказские степи.

Кавказская Албания представляла собой наиболее безопасный отрезок пути. Идущие далее Грузия, Иберия, Колхида были политически стабильными государствами, которые могли обеспечить функционирование этой трассы, что привлекало множество купцов и путешественников. Особую привлекательность имел тот факт, что большая часть этой трассы – водная, которая, как известно, представляет собой наиболее дешевый путь транспортировки товаров. Этим объясняется длительность, стабильность и интенсивность этой торговой системы, как в античный период, так и в средние века [Следы Великого Шелкового Пути...].

Если внимательно присмотреться к магистральной линии «Великого Шелкового пути» и отходящих от него дорог, то можно увидеть, что «Один их рукав, пролегая по северному подножию Копетдага, через южную часть Каспия входит в Азербайджан. А второй, обогнув с севера Текла-меканскую пустыню и дойдя до Дербента, Шамахи – Гянджи, Батуми-Стамбула (Византия – Константинополь), через Балканский полуостров направился в центр Европы». Барда, являвшаяся столицей Кавказской Албании с V в., была самым большим в мире торговым центром на одной из ветвей этой величайшей трассы, и вплоть до X в. она играла ведущую роль в развитии ремесленного искусства на всем Ближнем Востоке и в Транскавказском регионе» [Следы Великого Шелкового Пути...].

Известно, что караванные тропы, как и транспортные артерии обычно пролегают по местам близким к рекам, оазисам и т.д., т.е. там, где есть возможность передохнуть, пополнить запасы воды и продовольствия. Именно вдоль дорог, чаще всего возникали поселения с караван-сараями, гостиницами, ярмарками, меняльными конторами, складскими помещениями. Здесь происходил обмен товарами, идеями, осуществлялось знакомство с различными языками, религиозными воззрениями. В результате указанных событий стали появляться города, которые росли и процветали на фоне усиливающихся контактов между различными цивилизациями, а поскольку евреи всегда были пионерами в освоении новых рынков, то наверняка они не упустили возможность торговать вдоль этой трассы. Если внимательно проследить историю еврейских общин Южного Кавказа, Средней Азии и Китая (евреи Кайфыня), то они во многом формировались вдоль Великого Шелкового пути.

В образовавшейся в 224 г. Сасанидской империи евреи получили равные права и собственное самоуправление. Однако со временем в связи с распространением в стране христианства усилилась конфронтация между господствующей в Иране зороастрийской религией и новым вероучением, адепты которого вели активную миссионерскую деятельность, а поскольку в те времена мало кто разбирался в тонкостях угрожавшего устоям Сасанидской державы мировоззрения, то религиозная нетерпимость затронула и евреев. «При царе Йездигерде II (438–457гг.), по наущению магов, все иноверцы стали подвергаться гонениям и преследованию. Своего апогея религиозное противостояние достигло при царе Фирузе I (459–484 гг.). Кроме того, евреи оказались замешаны в движении маздакидов (488–529 гг.), что также не прибавляло им любви со стороны властей» [Беккер, 2011, с.196]. Вторая волна миграции евреев в Кавказскую Албанию была связана с гонениями, которым они подверглись со стороны правителей Византийской империи армянского происхождения. Особым антисемитизмом отличался Ираклий I (575–641 гг.), который получил «титул» «исторический враг еврейского народа». Это он запретил исполнение иудейских обрядов вне частных домов, то есть фактически загнал евреев в подполье. В 614 г. согласно его эдикту запрет стал тотальным, что вызвало новую волну их насильственного крещения. По его призыву подобные указы издали король франков Дагоберт I (626 г.) и лангобардский правитель Перктарит (661 г.). После изгнания персов из Иерусалима (629 г.) Ираклий под давлением христианского духовенства приказал разрушить все имеющиеся в городе синагоги и истребить оставшихся там евреев. Начались жесточайшие погромы, после которых уцелели лишь те немногие, кто успел сбежать в Египет или укрыться в горах.

В 632 г. Ираклий I издал эдикт о насильственном крещении всех оставшихся на территории империи евреев. Однако реализовать это ему удалось только в Карфагене. Пытаясь довести до «конца» свою «все-ленскую миссию», император обратился к королю франков с призывом истребить всех живущих в его стране евреев. Тот отказался.

В 641 г. после смерти Ираклия I константинопольские евреи присоединились к массовым волнениям против его вдовы [Ираклий I...].

Материальные и письменные источники о евреях Албании. Археологические раскопки, проведенные в 1990 г. под руководством профессора Р.Геюшева, обнаружили в городе Шабран остатки

еврейского квартала и синагоги VII в. Если следовать в русле еврейской традиции, то для существования общины необходимо было, как минимум иметь десять совершеннолетних мужчин, то есть от 13 лет и старше. Кроме того, для ее полноценного функционирования предполагалось наличие миквы (бассейн с проточной водой) для ритуального очищения и т.д. Так что, судя по результатам раскопок, можно предположить наличие в Шабране как минимум 25-30 евреев. «О существовании в Шабране значительного еврейского населения свидетельствуют и записки фламандского путешественника, монаха и дипломата XIII в. Виллема де Рубрука, который был направлен на Восток французским королем Людовиком IX» [Беккер, Азербайджан-еврейская община...]. О том, что это были действительно евреи, а не исповедующие иудаизм коренные жители страны свидетельствует и современная наука. Так, в свое время известный антрополог Л.В.Ошанин, изучавший население Кавказа, писал, что горские евреи «характеризуются ярко выраженными особенностями переднеазиатского типа» [Касимова, 1975, с.45]. Это мнение подтверждается и последними исследованиями населения Кавказа, проведенными известным ученым в области ДНК генеалогии А.А.Клесовым. Вот что он пишет: «базовый гаплотип евреев гаплогруппы J2 имеет следующий вид (цветом отмечены отклонения от базового гаплотипа кавказцев той же гаплогруппы J2a):

12 25 14 10 14 16 11 15 11 14 11 30 – 16 9 9 11 11 25 16 20 30 13 15 15 18 – 10 10 21 22 15 13 20
 21 34 37 10 10 – 11 7 14 14 8 12 10 8 9 9 12 20 24 16 10 12 12 17 8 11 25 20 14 13 11 13 10 12 12 11 – 31 16 8
 15 12 25 26 19 11 14 11 11 12 10 11 11 10 10 11 30 12 12 22 14 8 11 25 15 17 11 20 17 11 14 25 12 21 19 9
 14 17 8 1311».

Приведенные данные свидетельствуют, что «гаплотипы евреев принципиально отличаются от кавказцев-неевреев, а именно на 87 мутаций в 111-маркерных гаплотипах» [Клессов, Что говорит ДНК-генеалогия о кавказцах...]. Схожие выводы мы находим и у других исследователей. Так, Л.Чернин, профессор генетики из Израиля и М.Шлянкевич, доктор медицинских наук из Соединённых Штатов Америки в результате изучения генетики различных еврейских субэтносов пришли к мнению, что «небольшие по численности популяции евреев более консервативны. Так, высокая частота какой-нибудь определенной гаплогруппы, выявленной в общинах грузинских евреев, азербайджанских (таты-евреи) и горских евреев (Дагестан и Северный Кавказ – авт.) говорит об отсутствии у них связи с окружающим населением, что при ограниченной численности общин приводит к высокой степени инбридинга. В один «еврейский» кластер, согласно их исследованию, попали ашкеназы, сефарды, сефарды Белмонта (Португалия), иракские, иранские, грузинские, азербайджанские, марокканские, узбекские евреи, а также сирийцы, самаритяне и друзы» [Красильщиков, Генетика и евреи...].

Из вышесказанного следует, что горские евреи Азербайджана на протяжении веков представляли собой крайне обособленную субэтническую группу. О давности их появления в «Стране огней» пишут и многие средневековые авторы. Так, историк VII/VIII в. Моисей Каланкатуйский приводит сведения о проживании в столице государства Кавказская Албания – городе Барде «христиан, иудеев, язычников» [Мамедова, 2007, с.50]. О местных евреях писали и такие арабские историки и географы IX–X вв., как ал-Масуди, ал-Истахри и ибн Хаукаль» [Меликов, 2002, с.69]. К сожалению, средневековый период истории евреев современного Азербайджана изучен очень слабо. Письменные источники крайне скупы, поскольку авторы не ставили себе целью освещать наличие здесь различных субэтнических групп. Возможно со временем этот пробел будет восполнен результатами новых открытий, но пока у нас есть то, что есть.

Заключение. В статье впервые делается попытка выявить причины и проследить пути миграции представителей еврейского этноса на территорию Кавказской Албании. Безусловно, в этом процессе ведущую роль играли экономические интересы, которые всегда шли достаточно медленно и не очень заметно. Гонения и преследования, которым евреи подвергались на протяжении всей своей истории, срывали с насиженных мест целые общины, мгновенно сказывались на изменении демографического ландшафта стран, куда устремлялись толпы беженцев. Так, евреи оказались в Кавказской Албании, на территории Грузии, Северном Кавказе и даже в Хазарском каганате. Дальнейшая их судьба складывалась по-разному, но здесь, на Южном Кавказе, она оказалась более комфортной и стабильной, чем в странах Европы, особенно Польши, Германии и Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беккер М. Азербайджан-еврейская община, www.ejwiki.org
2. Беккер М. Евреи в Хазарии // «Кавказ и глобализация», т.5, вып.3-4, Швеция, 2011, с.196.
3. Ираклий I <http://www.ejwiki.org>
4. Касимова Р. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975, 98 с.
5. Клёсов А. Что говорит ДНК-генеалогия о кавказцах / Переформат.ру. Pereformat.ru|2013|09|west-kavkas-dna|
6. Красильщиков А. Генетика и евреи / a.kras.cc 2015|04| blog_post_253.html
7. Мамедова Ф. Христианство в Кавказской Албании // Азербайджан и азербайджанцы в мире, №1, июнь 2007, с.50.
8. Меликов Р. О появлении евреев на территории древнего Азербайджана / Материалы международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа», 24 апреля 2001 г. Баку, 2002, с.69.
9. Следы Великого Шелкового Пути на территории Азербайджана <https://azerhistory.com/?p=30204>

Гошгарлы Гошгар

Доктор философии по истории, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-8593-223>

ПОХОД ПОМПЕЯ И ВОПРОС О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Аннотация. Вопрос о южной границе Кавказской Албании всё еще остается предметом научных дискуссий. Согласно армянской традиционной историографии, река Кура на протяжении всего исторического периода существования Кавказской Албании являлась границей между ней и Арменией [История древнего мира, т. II, 1989, с. 392]. Азербайджанская историческая традиция, наоборот, считает, что базовой южной границей Албании является река Аракс. В этом аспекте определенный интерес представляет поход римского войска под командованием Гнея Помпея в 66–65 гг. до н.э. на Южный Кавказ и, в частности, в Кавказскую Албанию.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Кура, Помпей, Лукулл, Оройз, Страбон, Плутарх, Аракс, Армения

Keywords: Caucasian Albania, Kura, Pompey, Lucullus, Oroezes, Strabo, Plutarch, Aras, Armenia

Рассматривая поход римского полководца Гнея Помпея на Кавказ¹ и, в том числе, в Кавказскую Албанию, следует помнить о том, что это был один из военных эпизодов периода, так называемых Митридатых войн, а точнее одним из событий третьей Митридатовой войны (74–63 гг. до н.э.). Именно, преследуя разбитого Помпеем в 70-м г. до н.э. на берегу Евфрата понтийского царя Митридата VI Евпатора, который укрылся после поражения от римлян у армянского царя Тиграна II, римский полководец Лукулл вторгся в Армению. Понимая, что Рим будет стремиться покорить весь Южный Кавказ, жившие по соседству с армянами албаны, иберы и многие другие народы Южного Кавказа прислали Тиграну II военную помощь. Но, несмотря на это Лукулл в 69 г. до н.э. под Тигранокертом разбил Тиграна II и его союзников и овладел столицей Армении. Вскоре Лукулла на Кавказе сменил новый полководец Гней Помпей, который очень быстро заставил Тиграна II признать свою зависимость от Рима.

Из Армении Помпей планировал двинуться через Албанию в Иберию, но учитывая наступившие зимние холода, решил перезимовать в Албании на правом берегу Куры. Римский историк Плутарх следующим образом описывает это событие: «Затем Помпей оставил Афрания для охраны Армении, а сам не видя другого выхода, направился преследовать Митридата через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные из этих племён были албаны и иберы» [Плутарх, 1994, Т. II, гл. 34].

Как справедливо отмечала К. В. Тревер, дальнейшее развитие событий по разному освещают римские историки Тит Ливий и Плутарх. Так, Тит Ливий утверждает, что албаны и иберы не хотели пропускать через свои земли римлян, а Плутарх, наоборот, утверждает, что албаны дали согласие на пропуск римских войск через свои земли [Тревер, 1959, с. 94].

Тем временем Римский Сенат, недовольный ходом военных действий под командованием Лукулла, отозвал его, передав руководство военными действиями на Востоке энергичному полководцу Гнею Помпею, прославившемуся успешной борьбой с пиратами на морях (История древнего мира, т. 2, 1989, с. 392).

¹ Следует отметить, что в опубликованных тезисах X Международной конференции на тему «Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь» была допущена опечатка. Так, во фразе «2. В этом аспекте определенный интерес представляет поход римского войска под командованием Гнея Помпея **во второй половине I в. до н.э.** на Кавказ и, в частности, в Кавказскую Албанию» – должно быть **в первой половине I в. до н.э.** [Гошгарлы Г. Поход Помпея и вопрос о южной границе Кавказской Албании / Тезисы X Международной конференции на тему «Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь» (Баку, 14 апреля 2023 г.). Баку, 2023, с. 14].

Помпей умелой дипломатией ослабил основного союзника Митридата VI – царя армян Тиграна II, поссорив его с собственным сыном Тиграном Младшим. Вскоре окончательно разбитый Митридат VI сбежал в Понт, где кончил жизнь самоубийством, а Тигран II после поражения под Тигранокертом в 69 г. до н.э., еще некоторое время пытался сопротивляться Риму, но в 66 г. до н.э. подписал с Помпеем в Арташате мир, признав свою зависимость от Рима.

Помпей после бегства Митридата VI в Понт, не считая его уже для себя опасным, решил зиму 66–65 гг. до н.э. перезимовать на правом берегу Куры. Разделив армию на три части, Помпей расположил их недалеко друг от друга. Согласно сообщению Плутарха: «Албаны сперва согласились пропустить Помпея через их страну. Но когда зима застигла римское войско в этой земле и римляне справляли праздник Сатурналий, албаны, собравшись числом не менее сорока тысяч, переправились через реку Кирн и напали на них» [Плутарх, гл.34]. Этот отрывок в сочинении Плутарха очень интересен. По Плутарху зима застает римлян в Албании, а зимовали римляне на правом берегу. Из этого следует, что Кура вовсе не являлась границей между Албанией и Арменией. Такую точку зрения в свое время высказал азербайджанский албанист К.Алиев [Алиев, 1992, с.51].

Если исходить из армянской интерпретации, что Кура – граница между Албанией и Арменией [Свазян, 2015, с.48-56], то получается, что римляне зимуют на территории Армении и не нарушают границу, вторгаясь в Албанию, а, следовательно, не нарушают заключенного договора. Тогда возникает вопрос – зачем албанам при полном отсутствии, так сказать «*casus belli*», нападать на римлян?

Нужны были очень веские основания, чтобы албаны без поддержки других народов Кавказа рискнули напасть на римлян. Тем более, что опыт военного столкновения с римлянами уже был. В 69 г. до н.э. албаны, как и многие другие народы и племена Кавказа, пришли на помощь армянскому царю Тиграну II, но даже такое совместное войско многих народов Кавказа, все равно было разбито римлянами.

Вывод здесь однозначный – римляне собрались зимовать на территории Албании, а снабжать всю зиму римскую армию продуктами питания и фуражом, не имея никакого представления о ее последующих действиях, было в экономическом плане крайне обременительно, а в политическом плане очень опасно. Следовательно, Плутарх абсолютно прав, указывая на то, что римляне остановились зимовать на территории Албании и нападение албан на зимовавших на правом берегу Куры римские отряды абсолютно закономерно.

Таким образом, анализ похода Помпея на Кавказ в 60-е гг. I в. до н.э. опровергает утверждение армянской исторической традиции о Куре, как постоянной границе между Арменией и Албанией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алиев К. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с.
2. Гошгарлы Г. Поход Помпея и вопрос о южной границе Кавказской Албании / Тезисы X Международной конференции на тему «Кавказская Албания: религиозная и социальная жизнь» (Баку, 14 апреля 2023 г.). Баку, 2023, с.14.
3. История древнего мира. Т.II. Расцвет древних обществ. М., 1989, 572 с.
4. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Пер. Г.А.Стратановского. Т.II. М., 1994, 672 с.
5. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.
6. Свазян Г.С. Снова о южной границе Албании (I в. до н.э. – сер. V в. н.э.) / Albania Caucasica. Вып. I. Отв. Ред. А.К.Аликберов. Москва, 2015, с.48-56.

Данакари Ричард

*Профессор Волгоградского Государственного Аграрного университета,
доктор философских наук (г.Волгоград, Российская Федерация)
<https://orcid.org/0000-0001-5683-5275>*

СОЦИАЛЬНО–ИСТОРИЧЕСКОЕ БЫТИЕ УДИН И СОВРЕМЕННОСТЬ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. В статье обосновывается значимость философской реконструкции социально-исторического бытия удин как одного из древнейших этносов мира, являющихся составной частью успешно функционирующего азербайджанского мультикультурализма. Исследование автора детерминировано необходимостью определить роль и место этнической группы удин в современном многонациональном и поликонфессиональном азербайджанском обществе. В работе подчеркивается, что такие малые этнические группы, являясь объектами социума, первыми ощущают последствия неравносности и кризисности социальных систем, нарастающие напряженность и риски, угрозы и конфликты.

Автор убедительно доказывает уникальное значение азербайджанского мультикультурализма в условиях глобализации и ускоренной динамики современных обществ. Рассматривая основные уровни общепринятой в мире идентичности: гражданской и этнической, он указывает на то, что в Азербайджанской Республике сохранил и развивает свой базис еще третья, коллективистская, традиционная идентичность (махаллэ). В стране столетиями функционирует исторически сложившаяся система общих ценностей, позволяющей людям в среде межцивилизационной солидарности, добровольно, по собственной воле, оказывать взаимную помощь и поддержку друг другу, соседям, родным.

Ключевые слова: удины, бытие, мультикультурализм, идентичность, межсубъектные коммуникации, этнофор, маргинальность

Keywords: The Udis, existence, multiculturalism, identity, intersubjective communications, ethnophore, marginality

Актуальность и востребованность философского исследования социально-исторического бытия удин как одного из древнейших этносов мира в значительной степени детерминировано противоречивостью и конфликтностью современных обществ, их непрерывной неравноснотой динамикой, турбулентностью и амбивалентностью внешних и внутренних процессов, сочетающих в себе дихотомические тенденции: как глобализацию, так регионализацию и локализацию.

Прежде, чем рассмотреть философские аспекты и обеспечить реконструкцию социально-исторического бытия удин, тысячелетиями живущего на своей исторической Родине – Азербайджане, важно понять, как и каким образом, после разрушения Советского Союза, происходил в Республике процесс стабилизации социально-экономического положения страны, поиск целей, новых идей, ценностей, направлений на развитие, определение перспектив, будущего?

Кризис, а затем и распад СССР, поставил перед всеми обществами постсоветского пространства серьезные задачи. В конце XX столетия, каждая из этих стран, добившаяся недавно независимости и суверенитета, должна была найти свою, главную, объединяющую для нового государства общенациональную идею. И что важно, самостоятельно осуществить трансформацию политической и социальной систем, одновременно сохраняя исторические традиции, общие ценности, культуру больших и малых этносов, исторически проживающих на своих территориях.

За последние десятилетия, благодаря энергичной деятельности руководства Азербайджанской Республики, научного сообщества и общественным организациям, удалось не только сохранить, но и

способствовать развитию самобытной многонациональной и поликонфессиональной культуры, традиций, обычаев и быта народов страны.

Одной из важнейших составляющих такой деятельности стало регулярное проведение в Баку международных научно-практических конференций, посвященных исследованию богатого исторического, культурного, религиозного, лингвистического и этнического наследия Кавказской Албании. На этих форумах всегда обсуждалась история, социальная и религиозная жизнь многонационального азербайджанского общества, его неразрывной части – древнего удинского этноса, его история, язык, культурное и религиозное наследие, традиции и быт.

Исчезновение коммунистической идеологии и прежней модели социального развития поставили перед многонациональным азербайджанским обществом сложнейшие проблемы. Что делать? Удины, как и все этнические группы Азербайджана, оказались в условиях социально-экономического, культурного, духовного и нравственного кризиса. Межнациональные конфликты, а затем и полномасштабная война, развязанная Арменией против Азербайджанской Республики, привела к тому, что часть удин не смогли найти «ответы» на новые «вызовы», адаптироваться к кризисным реалиям; вынуждена была эмигрировать в Россию и бывшие советские республики, а также другие страны мира.

Сложившаяся в XX веке советская модель, вернее устаревшая, догматизированная теория и практика социализма с примитивными потребностями и услугами, оказалась неспособной, особенно в кризисных условиях бытия, к быстрым и динамичным изменениям. Появилась необходимость в тщательной разработке и развитии новой концепции межкультурного взаимодействия народов, которая учитывала бы всю специфику современного этапа развития азербайджанского общества.

С тех пор прошло больше 30 лет. За эти годы появилась уникальная азербайджанская модель толерантности и мультикультурализма, получившая всемирное признание. Однако ученые и специалисты Азербайджана, несмотря на прекрасные результаты, продолжают изучение межэтнических и межконфессиональных процессов в стране, что позволяет дополнить ее новым смыслом и содержанием. На Западе, несмотря на политическую практику незначительной эффективности, вообще, маргинальности дискурса мультикультурализма, поиск решения проблемы поликультурности остается актуальной задачей [Веретевская, 2018, с.7]. Сравнивая западную политику толерантности и мультикультурализма, а также теорию и практику социально-культурного и духовно-нравственного развития современного азербайджанского общества, можно выделить несколько качественных отличий. Компаративистский анализ зарубежных моделей и азербайджанского мультикультурализма качественную специфику природы и сущности данных феноменов и реалий. Уникальность мультикультурализма Азербайджана заключается в том, что успехи достигнуты в условиях, где подавляющее большинство населения составляют мусульмане.

Опора на принцип единства в многообразии позволила выявить специфику функционирования многонационального и поликонфессионального общества Азербайджана, векторы и особенности дальнейшего его развития. В свою очередь, диалектическая методология способствовала выделению системного и целостного характера азербайджанского мультикультурализма и непрерывность его успешной динамики.

Использование полипарадигмальной методологии помогло выявить и в модели мультикультурализма Азербайджана два основных уровня идентичности: **общенациональную (гражданскую) и этническую**. Как известно, первая является универсальной, общей для всех граждан государства, независимо от их культурных и иных различий; вторая подразделяет их на социальные группы, включает уникальность и специфику образа жизни каждого. Однако, соглашаясь на выделение двух основных уровней идентичностей, хотелось бы обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. В Азербайджанской Республике сохранил свой базис третья, традиционная, **коллективистская идентичность** (махаллэ), где столетиями действует исторически сложившаяся система общих ценностей, где люди проявляют межкультурную и межцивилизационную солидарность, добровольно, по собственной воле, всегда оказывают взаимную помощь, поддержку друг другу, соседям, родным.

Следует согласиться с мыслью создателей коллективного труда «Кросс-культурная психология. Исследования и применение». В частности, его авторы Дж.В.Берри, А.Х.Пуртинга, М.Х.Сигалл, П.Р.Дасен справедливо отмечают: «Мультикультурализм» предполагает существование объединяющей структуры

общих ценностей, которые действуют как опора в мультиэтническом государстве. Это – гибкая структура, которая несет ответственность за различные культуры и этнические группы, которые составляют нацию» [Кросс-культурная психология, 2007, с.410].

Обратим внимание на тот немаловажный факт, что мультикультурализм подразумевает постоянное сотрудничество, совместное мирное сосуществование различных этносов и конфессий, причем в рамках единого государства. Азербайджанская Республика исторически: и в древности, и в средневековье была, и сегодня остается страной многонациональной и многоконфессиональной. В действующей Конституции Азербайджана, принятой в ноябре 1995 года, закреплены равные права и возможности для всех граждан страны, вне зависимости от национальной или религиозной принадлежности. В частности, в статье 25. Право на равенство, пункт 3. Конституции Азербайджана отмечается, что «Государство гарантирует каждому равенство прав и свобод независимо от расы, этнической принадлежности, религии, языка, пола, происхождения, имущественного и служебного положения, убеждений, принадлежности к политическим партиям, профсоюзам и другим общественным объединениям. Запрещается ограничение прав и свобод человека и гражданина по признакам расовой, этнической, религиозной, языковой принадлежности, пола, происхождения, убеждений, политической и социальной принадлежности» [Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года, с.51].

Значит, основой национального единства является сохранение природного ареала проживающих на территории Азербайджана аборигенных народов, их богатого исторического, социального, культурного наследия: языка, ценностей, традиций и обычаев.

Успешное функционирование азербайджанской модели мультикультурализма в значительной степени связано с тем, что в стране **строго соблюдаются как законы государства, так и права национальных меньшинств и этнических групп**. Для развития этого важного стратегического направления 15 мая 2014 года Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев подписал «Указ о создании Бакинского Международного Центра Мультикультурализма». В нем отмечается, что «расположенный на стыке цивилизаций, Азербайджан обладает богатым культурно-духовным наследием и традициями толерантности, что является одной из признанных на международной арене истин. Существующая среда национально-культурного разнообразия и религиозно-этнической терпимости превратила его, как многонациональный и многоконфессиональный край, в неповторимое пространство межкультурного диалога в мировом масштабе. Успешно проводимая сегодня в Азербайджанской Республике государственная политика, направленная на сохранение этого культурного, лингвистического и этнического разнообразия, диктует необходимость окружения особой заботой и обогащения накопленного на протяжении веков большого исторического опыта в области мультикультурализма, усиления пропаганды на международной арене уникальных достижений, завоеванных в обществе в данном направлении» [Указ Президента Азербайджанской Республики о создании Бакинского Международного Центра Мультикультурализма, с.1].

Уже много лет Бакинский Международный Центр мультикультурализма под непосредственным руководством исполнительного директора Равана Гасанова успешно занимается реализацией государственной политики толерантности и поликультурного бытия. Центр поддерживает работу культурно-просветительских и общественных организаций всех этносов Азербайджана, постоянно инициирует разносторонние научные мероприятия: конференции, «круглые столы», встречи и диалоги представителей культур и цивилизаций с приглашением ученых из десятков стран мира: Европы, Азии, Африки и других континентов. Во многих вузах Азербайджана и некоторых зарубежных стран Центр организовал и на самом высоком уровне обеспечил преподавание таких курсов, как «Азербайджанский мультикультурализм» и «Введение в мультикультурализм». Отмечу, что только за последние годы Бакинский Международный Центр Мультикультурализма организовал и успешно провел несколько международных конференций, посвященных Кавказской Албании, в том числе и удинам (Италия, Рим, 2015 г.; Азербайджан, п.Нидж, октябрь 2019 г.; г.Баку, апрель 2023 г.).

Сегодня в Азербайджанской Республике успешно продолжается государственная политика, направленная на сохранение и развитие богатого исторического, культурного, лингвистического и этнического разнообразия. Такая политика диктует необходимость сохранения накопленного на протяжении тысячелетий большого исторического опыта в области общекультурной динамики и непрерывного обогащения,

усиления пропаганды на международной арене уникальных достижений, завоеванных в обществе. Мультикультурализм способствовал широкой популяризации Азербайджана в мире; здесь он постепенно становится образом жизни большинства этноконфессиональных общностей, новой формой совместной жизнедеятельности, естественно, ради общего будущего.

Как известно, ислам, его традиции и ценности по-прежнему сохраняют устойчивые позиции в Азербайджане, что способствует сохранению установившегося этнического и конфессионального баланса между народами, позволяет умело противостоять радикальным силам. Доказательством эффективности политики толерантности и мультикультурализма являются расположенные в столице Азербайджана, г.Баку, рядом друг с другом, мирно сосуществующие культовые учреждения: мусульманская мечеть, православная церковь, католический костел, еврейская синагога др. Опыт свидетельствует, что религиозный фактор является значительным социальным, культурным и духовно-нравственным детерминантом общества. В первые десятилетия XXI в. в Азербайджане было проведено большое количество всемирных форумов, международных и межрегиональных конференций и иных мероприятий, посвященных диалогу культур и цивилизаций, кавказоведению, азербайджановедению, албанистике. Они прошли на самом высоком уровне и до сих пор сохраняют свою значимость, имеют глубокий смысл.

Баку, 14 апреля 2023 г.

Стоит еще раз подчеркнуть, что за годы независимости в Азербайджанской Республике были построены синагоги, католическая церковь, отреставрированы православные храмы, мечети. В частности, только в поселке Нидж Габалинского района отреставрированы два культовых учреждения: церковь Св. Елисея и храм Божией матери – Святой Марии. Сегодня они успешно функционируют, проводятся богослужения, религиозные праздники, обряды: крещение, жертвоприношение и др.

Сегодня азербайджанскую модель толерантности и мультикультурализма следует пропагандировать как пример, образец для всех национальных меньшинств и этнических групп Европы, Азии, Африки и других континентов. Она умело и успешно сочетает все религиозные и конфессиональные ценности и традиции народов: как древних, аборигенных этносов, так и современных народов, живущих в Республике всего несколько столетий. Пристальное внимание к азербайджанской модели мультикультурализма во многом связано с ее высоким политическим, социальным, культурным и духовным потенциалом,

позволяющим определить принципы, подходы, пути в решении целей и задач межкультурной коммуникации, межличностного общения как в самом многонациональном, поликонфессиональном азербайджанском обществе, так и на международной арене. На протяжении многих лет Азербайджан остается инициатором и организатором многих международных мероприятий религиозного и светского характера. Как отмечали, Баку уже давно стал постоянной и признанной во всем активной площадкой для проведения крупномасштабных мероприятий, диалога, обмена мнениями глобального характера. Только за последнее десятилетие в Баку прошли 7-й Глобальный форум Альянса цивилизаций ООН, Саммит мировых религиозных лидеров, Евровидение, Первые Европейские игры, несколько спортивных автогонок «Формулы 1» .

Политика толерантности и мультикультурализма позволяет активно работать и творчески развивать многонациональную образовательную среду, которая, в первую очередь, касается сохранения и развития русского языка. Сегодня в Азербайджанской Республике функционирует 335 средних школ и 27 университетов с образованием на русском языке, в них обучается более 100 тыс. человек. В 435 дошкольных воспитательных и 248 дошкольных учебных заведениях дети обучаются на русском языке. В 379 общеобразовательных школах ведется преподавание на русском языке, в 16 школах — только на русском, во многих школах осуществляется проект по углубленному изучению русского языка. В отделениях с азербайджанским языком обучения около 500 тысяч школьников изучают русский язык как иностранный. В последние годы в начальных классах наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества детей, обучающихся на русском языке [Гаджиев, 2017, с.247].

Сегодня во многих районах Азербайджана, в том числе в г.Габала работают русские школы. С 50-х годов XX в. в родном поселке Нидж функционируют 3 русские школы. Здесь ученики изучают несколько языков: русский, азербайджанский, удинский и английский. Именно многоязычие удин создает не просто толерантную, мультикультурную среду, но и формирует особую интернациональную среду диалога, равноправия, взаимного уважения, добрососедства, взаимопомощи, дружбы. Естественно, что образцом является Баку, где в настоящее время действуют Российский, Французский, Египетский, Немецкий и Турецкий культурные центры. Столица Азербайджана показывает яркий пример, как можно обеспечить **единство в многообразии**. В современном Азербайджане соединяются тюркские, мусульманские, европейские, христианские, иудейские и другие общекультурные ценности.

Обращаясь к природе и содержанию мультикультурализма, отметим, что существует несколько его моделей: европейская, канадская, американская, австралийская, азиатская. Не секрет, что все эти модели представляют собой определенные теоретические конструкты, их реализация на практике зависит от конкретной среды, деятельности национальных лидеров и элит, политической воли или конъюнктуры. Лидеры нескольких развитых стран Западной Европы несколько лет назад объявили о фиаско своей политики толерантности и мультикультурализма. Западные страны не смогли ничего противопоставить жесткой повседневности, реалиям обособления, анклавизации инонациональных этнических групп, нарастанию религиозного экстремизма и терроризма, конфликтам на почве национализма и мигрантофобии. В отличие от многих стран, азербайджанская модель мультикультурализма получает сегодня новое теоретическое осмысление и практическое развитие, она способствует дальнейшему укреплению согласия, доверия и дружбы в азербайджанском обществе.

Азербайджанский мультикультуризм как уникальный феномен сформировался на основе политики «азербайджанства», предложенных еще в 90-е годы XX века Общенациональным Лидером Азербайджана Гейдаром Алиевым, чей 100-летний Юбилей со дня рождения отмечался в этом году. В основе особой концепции «азербайджанства» лежит совместный исторический опыт поликультурного бытия народов Азербайджана, принципы гуманизма и толерантности, уникальные традиции и обычаи каждого этноса Республики. Политика «азербайджанства» — это теория и практика реализации принципа единство в многообразии в реальной жизни азербайджанского общества, признание политического, социального, культурного единства различных народов и конфессий страны. Она предполагает как единство, так и многообразие, их различия, специфическую форму интеграции, сохранения традиций, всего самого лучшего у каждого из народов Азербайджана.

Сегодня в основе базиса азербайджанской модели мультикультурализма находится сформировавшаяся **система единых общенациональных знаний, взглядов представлений, идей, интегрирующих и продолжающих осуществлять синтез различных культурных, этнических, религиозных, этических, эстетических, бытовых ценностей и традиций**. Такому мировоззрению и ценностным установкам граждан Азербайджана становится присущей **нерасчлененность, т.е. синкретизм, традиционного и современного**, что способствует формированию крепкого, единого и уникального социокультурного пространства бытия народов страны.

Еще один момент. Способность многонационального азербайджанского народа не просто сосуществовать, а жить вместе с другими нациями, этносами, религиями и культурами свидетельствует о большом запасе прочности модели мультикультурализма Азербайджана. Хотя в Республике уже 30 лет функционирует рыночная экономика, достаточно известны либеральные ценности, установки на индивидуализм и потребительство, очень развита сфера услуг, традиционность сохраняет свои устои, продолжает укрепляться. Несмотря на то, что на политическую, социальную, культурную, духовную сферы азербайджанского общества непрерывно влияют тюркская, европейская, русская, иранская, арабская и другие культуры, азербайджанский мультикультурализм получает все большее распространение, умело внедряется в обществе, продолжает укрепляться и развиваться, показывает миру свою уникальность.

Опираясь на принцип общего, единичного и особенного, осуществим теперь конкретную философскую реконструкцию социально-исторического бытия удин, кратко рассмотрим их жизнь в историческом ракурсе и современную эпоху. Так, согласно древним письменным источникам, удины имеют двадцатипятивековую историю; они испокон веков жили и продолжают жить на территории Кавказа, их историческая Родина – Азербайджан. Совместное бытие среди представителей разных этносов и религий отразилось не только на языке, культуре, традициях, повседневной жизни и поведении удин, но и на их мировоззрении, т.е. системе взглядов на природу, общество, человека и его мышление.

Тысячелетия жизни в ареале полиэтничности и многоконфессиональности сформировали особую идентичность и ментальность, мир рационального и иррационального. Главным качеством бытия удин стали способность уважать партнера, вести равноправный диалог, слышать и слушать Другого, понимать мир Инаковости, жить в мире с инонациональными соседями. При этом они никогда не забывали о своей этнической и религиозной принадлежности, сохраняли верность обычаям и традициям своего народа.

Как сохранить себя, свое национальное прошлое в гетерогенной мультикультурной среде? В этой связи хотелось отметить роль религии. За 1700 лет жизни в рамках христианства национальные обычаи и традиции удин переплелись с православными. Кроме того, предписания и традиции, культы и обряды христианства этнизировались. В эпоху современности они стали восприниматься как национальные феномены, традиционные явления, присущие бытию удин – образу их жизни и поведению. Все удины полиглоты, в контактах, диалогах с представителями других народов умело используют свое многоязычие. В поселке Нидж удины учатся в русской школе. Русский язык, как один из международных языков, очень помогает при межнациональном общении, коммуникации. Он значительно востребован и в многонациональном Азербайджане, особенно при равноправном диалоге, встрече с иностранцами, гостями, порою даже с частью удин молодого поколения из стран СНГ и мира [Данакари, 2017, с.288].

Председатель Албано-удинской христианской общины Азербайджана Роберт Мобили основную задачу своей общественной организации видит в необходимости пропаганды древней и современной истории, культуры и традиций своего народа. Сегодня важнейшая цель работы организации заключается в возрождении Албано-удинской церкви на исторической Родине – Азербайджанской Республике. Естественно, на основе родной, удинской, христианской общины как единственного правопреемника древнего, средневекового и современного богатого конфессионального наследия. В век глобализации и интеграции сохранение своей культуры – проблема не только малых этнических групп, но и многих национальных меньшинств. Удины – пример её решения. Мы не островное племя и не горные изолянты, не смешались с другими, более крупными этносами, не растворились в «плавильном котле» народов [Мобили, 2018, с.26].

Сегодня удины как представители малой этнической группы, адаптировались к жизни в большинстве многонациональных постсоветских обществ СНГ: Азербайджане, Грузии, России, Казахстане, Украине,

странах Балтии и др. Они стремятся реализовать себя, найти смысл бытия через удовлетворение личных и общественных интересов и потребностей. Естественно, что все эти сложные и неоднозначные процессы происходят в рамках Основного Закона – Конституции того государства, гражданами которого они являются. Опыт свидетельствует, что жизнь и деятельность удин осуществляется в пространстве диалога и коммуникаций, общего взаимодействия с представителями многих наций и этносов. Традиции и обычаи, моральные и нравственные ценности удин выступают как устойчивые формы их бытия, позволяющие сохранить субъектность каждого из них, найти ответы на вопросы экзистенциального характера. Отсюда, закономерно, что совокупность этих ценностей одновременно создает тот «канал», который способствует формированию идентичности человека в условиях новой, «ускользающей» современности.

В силу обстоятельств удины превратили христианство в «домашнюю религию», т.е. свою веру они стали поддерживать в особой духовной атмосфере, наедине, интимно, дома, в новой обстановке. После 1836 года, Указа Николая I о ликвидации Албанской патриархии, удины многие свои предписания и обряды стали совершать дома. Именно в кругу семьи, родных, близких и соседей они стали совершать молитвы, обращаться к Богу. Многие культовые процессы часто осуществлялись во дворе или у родника, в своем квартале, где у «святого» камня происходило зажигание свечей, особенно, по выходным дням; часто там и проводился обряд жертвоприношения, где в жертву приносили животных и птиц: барана, петуха.

Особенностью социально-исторического бытия удин, особенно за последние 200 лет, стало стремление сохранить свой этнос, самосознание, этническую идентичность путем исполнения религиозных культов, обрядов, предписаний и заповедей. Естественно, в первую очередь, торжественное проведение таких христианских религиозных праздников, как Рождество, Богоявление, Пасха, а также, что немало важно, исполнение ритуальных, поминальных обрядов и сохранение традиций. Исполняя христианские культы, обряды, они выполняли не только религиозный, но и национальный долг, постоянно ощущая свою принадлежность к древней исторической общности – удинскому этносу.

Завершая исследование и обращаясь вновь к универсальным интенциям, отметим, что, на современном этапе развития обществ постсоветского пространства, особое место занимают проблемы индивидуальной и групповой самоидентификации представителей этнических групп. Многие постсоветские общества все еще находятся в переходном и нестабильном состоянии; потому что они не определились со своими главными целями бытия, стратегией и тактикой развития, ценностями. Поэтому для таких малых этносов, как удины, судьбоносный характер приобретают проблемы поиска, диалога, понимание субстанциональных и онтологических оснований своего существования, определение аксиологических и этических опор настоящего, реалий будущего. Сегодня для каждой этнической группы, отдельных индивидов, они значимы не только для осознания повседневности, настоящего, самого себя, но и для понимания своей истории, перспектив, определения прогнозов и путей будущего.

Сегодня многие философы, антропологи, психологи, этнологи считают, что «нельзя видеть в коллективе некое однородное социальное тело, члены которого в силу своей групповой принадлежности неизбежно придерживаются единых идей. Воспринимая информацию, человек ее перерабатывает и переосмысливает, причем во многом под влиянием своего собственного социального опыта. Разделяя определенные, свойственные обществу представления о прошлом, индивид может понимать их по-своему и давать им свои интерпретации» [Шнирельман, 2018, с.12].

Современная действительность оперативно меняет реалии и условия среды, в котором живет представитель этноса – этнофор. Непрерывно меняется действительность, соответственно, меняются мотивы и стимулы бытия, цели и ценности людей, их реакции и ответы на «ускользающую» повседневность. Постигание удинами многонациональной среды на исторической родине, да и в постсоветском пространстве, где часть из них оказалась после распада СССР, во многом происходит на основе «вживания» в конкретную рыночную реальность. Становление и развитие информационного общества, влияние СМИ, массовой культуры, примитивных стандартов и стереотипов усложняют развитие, тормозят «вхождение» в новые общества, формирование у них новых видов коллективной идентичности, препятствуют индивидуальной самореализации.

Известно, что только в тесном общении со своими соплеменниками и представителями других культур мы не только приобретаем бесценный опыт межэтнической и межкультурной солидарности, не только накапливаем опыт уважительного отношения к иным верованиям и традициям, но и понимание собственной идентичности-основы внутренней «культурной солидарности» [Расторгуев, 2019, с.4].

«Вместе с тем, азербайджанская модель мультикультурализма получает сегодня дальнейшее теоретическое осмысление и развитие» [Liu S., 2007, Vol.31, p.57], что, как нам представляется, будет способствовать укреплению согласия и дружбы в многонациональном обществе Азербайджана. Однако следует признать, что «ускользающая» современность, сеть Интернет создают определенные проблемы в таком многогранном явлении как мультикультурализм. На негативные стороны указывает П.М.Рукавицын, который пишет, что «опыт стран Запада, особенно США и Канады, показал, что мультикультурализм формирует иждивенческие настроения в обществе, снижает чувство уверенности у культурных меньшинств» [Рукавицын, 2012, с.229]. Сегодня азербайджанскому обществу очень важно, чтобы в условиях открытого информационного общества, мира без границ, эти негативные тенденции были минимизированы или вообще исключены из его социокультурного развития. Решение этих проблем, в которую вносят свою лепту и удины, в значительной степени зависит от умелого и профессионального управления государственными структурами, общественными организациями, сложившейся модели мультикультурализма Азербайджана.

Отмечая роль этноконфессионального фактора в бытии удин, укажем, что на протяжении тысячелетий христианство со своими традициями, культами, обрядами помогло им сохранить себя, свою самость, идентичность, осознавать принадлежность к единому этносу; обеспечивать преемственность, развивать материальную и духовную культуру, традиционные ценности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаджиев А.А. Русскоязычие как компонент поликультурного образования в Азербайджанской Республике // Научный диалог, 2017, № 2, с.235-255.
2. Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД Росс. Федерации, каф. сравнительной политологии. М.: МГИМО Университет, 2018, 182 с.
3. Данакари Р.А. Философия этнического бытия. Этническая группа удин(ы) в условиях глобализации человечества. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2017, 388 с.
4. Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 года. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.07.2016 г.) https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420395&pos=989;-29#pos=989;-29.
5. Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007, 560 с.
6. Мобили Р.Б. «Этнография удин» // ИРС («Наследие»). Международный Азербайджанский журнал, №3 (33) / www.udi.az М.: 2018, с.26-29.
7. Расторгуев В.Н. Солидарность цивилизаций: Коллективная монография по материалам XVI Международных Панаринских чтений / Отв. ред. В.Н.Расторгуев; науч. ред. А.В.Никандров / Росс. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. Наследия им.Д.С.Лихачёва (Институт Наследия); Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова, Филос. ф-т. М.: Институт Наследия, 2019, 472 с.
8. Рукавицын П.М. Сохранение национальной идентичности странами Запада в условиях этнодемографического вызова // Вестник МГЛУ, 2012, № 25 (658), с.224-232.
9. Указ Президента Азербайджанской Республики о создании Бакинского международного центра мультикультурализма // Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. URL: <http://ru.president.az/articles/11740> (дата обращения 15.05.2023).
10. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории / Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А.Тишкова, Е.А.Пивневой. М.: РАН, 2018, с.12-34.
11. Liu S. Living with others: Mapping the routes to acculturation in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations, 2007, Vol.31, No.6. p.778.

Исмаилов Фаиг

*Главный редактор отдела научной информации и издательства**Института истории им. А.А.Бакиханова НАНА**<https://orcid.org/0000-0002-5287-4354>*

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВЕРОВАНИЯХ И ПОВЕРЬЯХ, АРХИТЕКТУРЕ И ТОПОНИМИКЕ КАРАБАХСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. В статье дается объяснение сведениям о дохристианских верованиях и поверьях в космические силы и природные явления карабахского населения периода Кавказской Албании. Обзорно приводятся данные о святилищах на вершинах Карабахских гор, албанской культовой архитектуре, рассматриваются вопросы, связанные с причинами изменения армянами топонимики Карабаха.

Ключевые слова: верования, поверья, карабахская архитектура, карабахские топонимы, религиозный фактор

Keywords: beliefs, faiths, Karabakh architecture, Karabakh toponyms, religious factor

Религиозный фактор. В истории Карабаха своими особенностями отличались религиозные верования и символика, христианские традиции богослужения, албанская христианская и мусульманская архитектуры. Тюркские элементы встречаются на христианских памятниках не только в Карабахе, но и в Зангезуре, в бассейне озера Гейча, в области Деречичек. На культовых памятниках Карабахского региона видны отдельные элементы языческого пласта, лежащего в основе дохристианской культуры. Эти памятники дают представление о влиянии язычества и зороастризма, сыгравших большую роль в развитии культур восточных народов, на мировоззрение, обычаи, культуру и материальную среду.

Как известно, религия состоит из ряда научных, моральных и религиозных постулатов, данных Богом, чтобы наставить человечество на путь истины. Считается, что следование этим убеждениям и их инструкциям может обеспечить счастье в обоих мирах. Религия рекомендует людям иметь хорошие нравы и гуманные качества, и призывает их делать как можно больше добрых дел. Религия в основном состоит из веры, морали и поступков. Этот принцип верен во всех религиях, доброта и человечность являются базовыми принципами всех религий [Edward G. Carmines, 2015].

Верования, поверья и убеждения. Народные верования и убеждения не следует трактовать через призму религий христианства и ислама. Верования, поверья, убеждения, обычаи и традиции такие, как поклонение воде, огню, Солнцу, природе, деревьям и родникам, совершение свадебных и похоронных обрядов сформировались на протяжении тысячелетий до них и дошли до нашего времени. Символы этих верований в Карабахе можно найти в художественных изображениях на камнях, в руинах культурного наследия, уничтоженного армянами в период оккупации.

Многие своеобразные верования и обычаи Карабаха можно отнести к периоду древней Албании. Еще в древности появилась традиция оберегать все, что стало святым в сознании. Так, вера в то, что осквернение воды и плевки в огонь грешно и является предосудительным поступком, произошла из дохристианских поверий. Веками люди старались держаться подальше от злых духов и сглаза, чтобы защитить себя от осквернения нечистыми духами. Они собирались вокруг костров и прыгали через них, полагая, что всё плохое сгорит в костре. В Карабахском регионе вера в огонь и Солнце с древних времен была очень сильна. Они считались священными на протяжении веков, и это поверие дошло до наших дней в форме клятв, поверий, поговорок. Сейчас в Азербайджане такие выражения, как «клянусь Солнцем», «клянусь огнем», «свет очей моих», «да наполнится светом могила», «клянусь лучами Солнца»

часто используются людьми, как клятвы. Как и тысячи лет назад сейчас можно встретить людей, верящих в источники света – Луну и Солнце.

Наряду с различными формами поклонения Солнцу и свету, в Карабахе существовали такие обычаи, как защита от злых сил. В поверьях считалось, что злые силы приходят с закатом Солнца и наступлением темноты. Этот страх привел к запрету некоторых видов работ после захода Солнца. Люди называли темное время суток «временем зла». Выражения «во время зла не спят», «во время зла не отправляются в путь», «во время зла не работают» сохранились с тех времен [Аунур Вабәк, 2011, s.14].

Как видно из древних легенд, в материальной культуре символ креста занимал особое место в мировоззрении населения Албании, и тюрков, в том числе задолго до христианства [Şeyx Səduq, Janr: Əqidə, 2017]. Хотя крест в настоящее время принят в качестве основного символа христианства, он возник задолго до него. Особый интерес в изучении этого символа представляют албанские кресты. Это связано с тем, что кресты албанской эпохи были более приспособлены к классическим традициям и включали в себя элементы, связанные с дохристианскими религиозными верованиями. Различные декоративные композиции встречаются на албанских хачдашах. Все композиции этих крестов отражаются, как символ связи неба и земли, Солнца, света и плодородия. Самобытность и уникальность албанских хачдашей коренным образом отличают их от других.

Места паломничества населения Карабаха в основном располагались в горах и на горных вершинах, к которым в Карабахе относятся: в селе Салакетин Ходжавендского района – пир-святыня Дамров и Дагдаган; в селе Ходжавенд – очаг-святыня Джиджим, в селе Бахманлы – пир-святилище Бахманлы; в селе Муганлы – купол Сеид Рза, в селе Гарадаглы – пир-святилище Ел. К святилищам на вершинах в основном относятся Джамышдаг на севере, г.Зияратдаг на юге и две вершины горы Кирс в центральной части. Эти вершины всегда привлекали в Карабах паломников. Вершина Джамышдаг возвышается в одноименном хребте между крепостями Джраберт и Гюлюстан.

На юге Карабаха с большим величием возвышается Зияратдаг. Отвесные голые скалы в форме короны украшают вершину горы. Здесь есть небольшая келья времен Кавказской Албании, где паломники могли укрыться от дождя и холода.

Наряду с горами Джамышдаг и Зияратдаг причина обожествления вершин Кирс заключается в том, что на этих вершинах есть святилища, созданные на основе верований и убеждений людей. По преданию, бог неба превратил женщину с ребенком в камень, чтобы защитить ее от диких зверей, и в более позднее время появилось святилище на вершине Кирс. Это подчеркивает святость вершин Карабахских гор в верованиях людей.

В период оккупации армяне принесли на эти вершины хачдаши, принадлежащие армяно-григорианской религии, что является проявлением неуважения, т.к. в народных поверьях места паломничества в этих горах являются священными и неприкосновенными.

Болезни, несчастья, неудачи усиливали веру людей в чудеса природы. Исцеление от всех недугов они искали в лесах, деревьях, родниках и ручьях. Поверья о «целебной родниковой воде», о свойстве воды «давать человеку бессмертие» побуждали людей поклоняться ей. Вера в целебные свойства родников сделала воду местом клятвы людей. Наряду с выражениями «клянусь ангелами воды», «клянусь водой» сформировалась и традиция «рассказывать воде свои невзгоды» при решении безнадежной проблемы. Первым шагом на пути к успеху считался обычай загадывать желание у родника, встречать любимого человека у родника и рассказывать о своих мечтах текущей воде. «Горячий источник» у подножия Джамышдага (Кельбаджарский район), «горячий источник» у подножия горы Ишиклы (Лачинский район), «кислый источник» в горной части Карабаха (район Шуша) и десятки других источников минеральной воды действительно спасли людей от тысяч болезней: «горячий источник от чесотки», «вода для глаз», «вода для желудка». Ввиду такой щедрости природы население строило на источниках сооружения, благоустраивало окрестности, рекомендовало бережно пользоваться родниковой водой. Считаясь символом чистоты и святости, не. Неподобающие действия по отношению к воде, символа чистоты и святости, считалось грехом.

Со временем стремление увековечить места паломничества привело к созданию сложных мемориальных памятников святым, в основном на кладбищах, вершинах гор и других местах. Одним из таких

памятников является монумент «Семь ворот» необычной архитектуры, не имеющий аналогов в других районах Азербайджана, датируемый V в. у села Сусанлыг, у подножия г. Юхусен Ходжавендского района. В научной литературе нет сведений о храме «Семь ворот». Хотя дата постройки в официальных источниках не уточнена, более убедительным представляется его принадлежность к дохристианской культуре [<http://monuments.az/2022/03/29/yeddiqapi-məbədi-monastr-deyil-xatirə-abidəsidir>].

Существует только одна легенда о том, что храм был построен сестрой в память о семи братьях, погибших в борьбе за свободу земли. Мемориал, построенный в честь этих семи братьев, со временем стал местом паломничества людей. Когда сестра умерла, ее похоронили во дворе этого храма и могила этой самоотверженной девушки также известна, как святыня.

Согласно этимологии названия памятника, было построено семь апсид разных размеров, напоминающих семь дверей, соответствующих числу семи братьев. Согласно структуре храма, двери, построенные в круглой форме, дополняют друг друга. Апсиды перекрыты полукруглыми куполами. Число семь в этимологии памятника «Семь ворот» является духом и украшением многих сказок и легенд Азербайджана: например, выражения «...идти семь дней и семь ночей», «свадьба семь дней и семь ночей», «семиночная луна», а также семь дней недели, семь оттенков цвета.

До нашего времени дошли десятки таких святилищ, мест поклонения и паломничеств, сооруженных в Карабахе.

Карабахская архитектура. Строительство мемориалов различной формы повлияло на создание уникальной карабахской архитектуры. Это влияние начало проявляться особенно в архитектуре албанского периода. В среде взаимного общения и влияния начала развиваться албанская христианская и исламская архитектура Карабаха. Это было требованием не только многовековой архитектурно-строительной традиции, но и экономического, политического и этнического единства [İsmayılov, 2022, s.8].

Наиболее интересными образцами албанской архитектуры, дошедшими до нашего времени, являются оборонительные крепости, укрепления, церкви и монастыри. В Карабахе албанское архитектурное искусство всегда вызывало интерес и выделялось уникальным сложным колоритом, техникой, неповторимой красотой и стилем. Хотя территория Карабаха невелика, здесь были развиты все типы архитектуры, относящиеся к восточному христианству. Церковные постройки были характерны для ранних времен албанского христианства. Эти церкви состояли из однефных храмов с вытянутым молельным залом. Верх таких храмов был покрыт двумя слоями простого камня. В Албании была распространена особая архитектура, именуемая круглыми храмами, построенными в раннехристианский период албанами, еще поклонявшимися Солнцу. Распространенными были часовни и церкви. Стены келий, как правило, украшались знаковыми камнями с изящными узорами. Самыми сложными постройками албанского периода считаются базилики и монастыри.

Армяне в период оккупации нанесли существенный вред настенным фрескам внутри албанских храмов Карабаха.

Тюркские этносы сыграли неоспоримую роль в истории Албанского государства. Часть из них приняла христианство, а позднее в основном все стала мусульманами. Они являются создателями прекрасной мусульманской архитектуры Карабаха: дворцов, крепостей, мечетей, караван-сараяв, мавзолеев, бань. К традиционным жилищам этого региона относятся гарадам, човустан, лям, дахал, каменные дома и др. Карабахские каменные дома отличались своей объемной планировкой, архитектурным стилем.

«Реформа» топонимов Армении. Распад Советского Союза запомнился независимостью Республики Армения, ростом сепаратизма в Нагорно-Карабахской автономной области, убийством сотен азербайджанских мирных жителей, изгнанием сотен тысяч невинных людей из их домов и оккупацией 20% территории Азербайджана Вооруженными силами Республики Армения.

Масштабное контрнаступление, предпринятое азербайджанской стороной в 2020 г., привело к освобождению земель от оккупации всего за 44 дня и трехстороннему соглашению от **10 ноября 2020 года**.

За годы оккупации все тюркские топонимы в Карабахе были заменены на армянские. Не секрет, что наряду с физическим уничтожением азербайджанских граждан, изгнанием их с исторической родины, уничтожением и присвоением материальных памятников культуры, принадлежащих азербайджанцам, армянами была фальсифицирована история региона в широких масштабах. После Первой

Карабахской войны армяне изменили почти все первоначальные топонимы на захваченных территориях. Поставленная в то время цель состояла в том, чтобы изгнать с этих территорий местное население Западного Азербайджана и Карабаха и стереть память о находившихся там азербайджанцах. Замена топонимов и названий административных населенных пунктов на азербайджанских территориях армянскими названиями началась в начале XIX в., с упразднением Карабахского ханства и оккупацией азербайджанских территорий царской Россией. Топонимическая экспансия армян, по сути, развивалась так, как она осуществлялась в Западном Азербайджане (ныне Армения). Подвергнуть территорию этнической чистке и изменить топонимы и географические названия.

После этнической чистки территорий Западного Азербайджана в 1988–1990 гг. правительство Армении в статье 6 закона Республики Армения «Об административно-территориальном делении» от 7 ноября 1995 г. констатирует: «С учетом мнения местного населения изменение названий населенных пунктов осуществляется с целью исключения иноязычных, неблагозвучных и повторяющихся названий». А 23 ноября 1999 г. в Армении был принят специальный закон Республики Армения о географических названиях. Этот закон создал условия для радикальной замены азербайджанских топонимов армянскими названиями в регионе.

Карабахские топонимы. Выявлено, что деятельность, связанная с изменением армянами топонимов Карабаха, осуществлялась на государственном уровне. Этот вопрос регулярно обсуждается на страницах издания «Советакан Карабах» (Советский Карабах), органа Нагорно-Карабахской автономной области и на протяжении многих лет, как основа «историографии» представляются материалы, подготовленные в направлении фальсификации истории Азербайджана [«Yuxarı Qarabağın Toponimləri – Akademik Budaq Budaqovun Şəxsi Veb Portalı», 2013].

В первую очередь, когда армяне меняли топонимы, они пытались создать закономерности особых правил собственной топонимической системы и пытались охарактеризовать ее, как новую науку о топонимии. В итоге они представили применяемую ими топонимическую систему, как историко-культурные ценности армянского населения, проживающего в Карабахе: Цамадзор (Дерекенд), Аракуль (Арагуль), Хнушинак (Ханоба), Спитакашен (Агкенд), Мушкапат (Мгшкапат), Каракулух (Дашбаши), Каринтак (Дашалты), Норагюх (Тезебина), Ханцх (Ханьери), Ванк (Венгли).

Исторически в Карабахе можно найти следы разных этносов, оставших след на протяжении веков, что не могло не оставить следа в топонимике края.

Неверно утверждение армян, что такие названия, как Мехтикенд, Ташкент, Фаррух, Сердаркенд, Сеидидкенд, принадлежащие азербайджанцам, происходят из иранского диалекта и принадлежат армянам.

В созданной армянами новой топонимической системе Карабаха азербайджанские названия Дехраз, Серсенг, Члдран, Черекдар, Ходжавенд, Гадрут, Ханабад, Дашбулаг, Агбулаг, Хрманчик, Гарабулаг, Чайлы объясняются, как иранские и русские топонимы.

Также они приводят названия сел Ванк-Венгли, Шош-Шушикенд, Эдилу-Эдилли и утверждают, что названия – Аранземин, Дашалты, Тезебина якобы неправильно переведены с просторечия, и в качестве нового доказательства приводят имена Гараглух-Дашбаши, Красны-Дагдаганлы. Однако армянские историки забывают, что топонимы входят в систему, как в просторечии и при переводе на какой-либо язык теряют свою топонимическую форму.

Государственная политика, проводившаяся в советский период, также привела к насильственному изменению топонимов на территории НКАО. Такие топонимы не опираются на исторические корни местного населения, а несут на себе отпечаток эпохи, в которую были созданы. Например, Куропаткино, Левонарч, Ленинаван, Колхозашен, Степанакерт, Киров и др. Нет никаких оснований утверждать, что все подобные топонимы принадлежат армянам.

Изменение карабахских топонимов, адаптация их к армянским диалектам является наглядным доказательством того, что эти топонимы фальсифицированы. Как правило, при фальсификации топонима армяне адаптируют его к своему национальному менталитету, что приводит к образованию одного и того же топонима в виде нескольких армянских названий: например, Туми-Доми, Хцаберд-Хозаберд, Цор-Цур и др.

Когда названия некоторых сел Карабаха заменяются армянскими топонимами, они теряют свое значение; долина Гала, Карагышлак, Каракенд, Гызгала, Демирчиляр, Агджакенд, Дудукчу и др. Поэтому многие официальные названия наших сел на армянском языке (ойконимы) отличаются от того, что говорят жители этих сел. Топонимы делятся на две части: прозрачные и непрозрачные, то есть уловимые и непонятные. Таким образом, такие названия, как Норагюг, Екцак, Гетаван, Джагацнер, не являются топонимами, достаточно понятными не только азербайджанцам, но и армяноязычным.

Названия некоторых населенных пунктов в Карабахе были перенесены в район их расселения в XVIII–XIX вв. из Ирана и Турции: например, Марага, Хасангайя и др. Поскольку армяне считают такие топонимы своим наследием, они не очень заинтересованы в изменении этих названий. Что же касается смены названий жилых кварталов, то здесь, хотя и требуется очень серьезный и продуманный подход, армяне не подумали об этом.

Армянские историки, выполняющие функцию наименования, ничего не говорят об уникальности этих названий. Они часто озвучивают ложные утверждения, претендуя на соответствие народной «этимологии», и дают неверное толкование топонима. Таким образом, современное восприятие армянских названий, представленных как топонимы, не соответствует их первоначальной форме и содержанию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Aynur Babək. "Onları öyrənməklə təbiətsevər türkün dünyaya humanist münasibətinin dərinliklərinə varmaq mümkündür" / Xalq Cəbhəsi, 2011, 1 dekabr, s.14.
2. İsmayilov F. Şuşa ili-270 (Şuşanın tarix və mədəniyyət abidələri). Bakı, 2022, s.8-58.
3. Şeyx Səduq. Janr: Əqidə, Nurlar, 2017.
4. "Yuxarı Qarabağın Toponimləri – Akademik Budaq Budaqovun Şəxsi Veb Portalı". 2013-10-29 tarixində orijinalından arxivləşdirilib. İstifadə tarixi: 2011-08-09.
5. Edward G. Carmines / Beynəlxalq Sosial və Davranış Elmləri Ensiklopediyası (İkinci nəşr), 2015.
6. <http://monuments.az/2022/03/29/yeddiqapi-məbədi-monastr-deyil-xatirə-abidəsidir>
7. <http://monuments.az/2021/08/31/yeddi-qapi-məbədi-faiq-ismayilov-təqdim-edir>

Куранов Артем

*Кандидат филологических наук,
независимый исследователь (г.Москва, Российская Федерация)*

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ УДИНАХ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Аннотация: В статье рассматриваются спорные вопросы, касающиеся места и роли удин, одного из древнейших автохтонных племен Кавказской Албании в союзе кавказско-албанских племен и территории их расселения. Автором поддерживается гипотеза ряда известных ученых о том, что именно удинский язык выступал языком письменности Кавказской Албании. Автор выражает точку зрения, что этноним «удины» отражает самоназвание древних албан, а албанский язык был идентичен древнеудинскому.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Утик, удины/ути, удинский язык
Keywords: Caucasian Albania, Utik, Udis/Uti, the Udi language

История Кавказской Албании, этнический состав её населения, территория и расселение племен, наличие письменности и язык письменности находятся в центре внимания ученых и служат предметом жарких научных споров и дискуссий.

С большим сожалением приходится констатировать, что у многих ученых в работах, посвященных освещению проблем истории Кавказской Албании, наблюдаются явные признаки политической ангажированности. В результате плодятся и навязываются общественному мнению многочисленные мифические представления об историческом прошлом, которые не имеют никакого отношения к объективному научному описанию истории.

Большие споры вызывает место и роль удин, одного из древнейших автохтонных племен Кавказской Албании, в союзе кавказско-албанских племен и территория их расселения. Данные античных и средневековых источников трактуются учеными по-разному и приводят их порою к противоположным выводам. История, как наука во все времена находилась под влиянием политики и идеологии. История удин, как этноса ощутила это на себе самым непосредственным образом.

Некоторые армянские ученые, трактуя приводимые в древних источниках сведения, исходя из своих личных интересов и предпочтений, всячески пытаются нивелировать положение и роль удин в Кавказской Албании. Так, А.Акопян, не имея возможности игнорировать существование провинции под названием Ути, прибегает к всяческим ухищрениям, чтобы связать эту провинцию с Арменией и доказать полное отсутствие связи между топонимом Ути и удинами. Вот некоторые его доводы:

– «В античных источниках армянская провинция Утик выступает под названием Отена... Очевидно определенное различие (уди/ути-оте), из которого следует, что во всяком случае в античной традиции не осознавалась какая-либо связь между Утиком-Отеной и удинами-утиями».

– «В древнеармянских источниках термином «утийцы» называется население только провинции Утик. Население же левобережья Куры, т.е. территории расселения известных с XVIII века удинов [в изд. 2022 г. – с X века. – К.А.] ни в одном контексте этим термином не обозначается».

Он приходит к заключению, что «по крайней мере с IV в. до н.э. невозможно говорить об обитании на территории провинции Утик неармянского, следовательно, и удинского населения». А объяснение названия провинции им предполагается следующее: «Провинция Утик получила свое название из-за того, что находилась напротив левобережных удинов-утийцев» [Акопян, 1987, с.82-83].

Серьезную озабоченность, во всяком случае у удин, вызывает наблюдаемая особенно активно в последние годы тенденция причислять удин к лезгинам. Аргументация этого явления не выдерживает никакой критики, так как она базируется на факте чисто лингвистическом – причислении

учеными-языковедами удинского языка, к так называемой лезгинской группе восточно-кавказской семьи языков. Схема совершенно примитивная: удинский язык входит в лезгинскую группу – значит удины, так же, как и остальные народности, язык которых входит в данную группу, являются лезгиноязычным народом, значит удины – это лезгины. Далее само собой подразумевается, что место и роль удин в истории Кавказской Албании принадлежит лезгинам, а Кавказская Албания исторически представляла собой лезгинское государство, в котором именно они, лезгины, были ведущим во всех отношениях племенем. Однако очевидно, что тенденция применять по отношению к удином выражение «лезгиноязычный народ» и причислять удин к «лезгинским народам» в корне неприемлема и прямо противоречит этнической и языковой идентичности удин. Ведь «удины – единственный из всех албанских народов, сохранивший не только свое древнее этническое название (ути), но и христианскую веру» [Аликберов, 2015, с.25]. Исследователи отмечают неправомерное с исторической точки зрения стремление некоторых представителей лезгинской интеллигенции культивировать прямое сопоставление кавказских албан с современными лезгинами. Таким образом, политизированность научного изучения этнической истории Кавказской Албании напрямую приводит к тому, что эмоциональный градус общественных дискуссий зашкаливает.

Добавим, что само по себе причисление удинского языка к лезгинской группе языков является не бесспорным. Целый ряд ученых, начиная от Н.С.Трубецкого и заканчивая В.Шульце, подчеркивали особое место удинского языка в восточно-кавказской семье языков. Н.С.Трубецкой считал, что удинский не входит в лезгинскую группу, а лезгинскую группу он называл «самурской» [Трубецкой, 1987, с.235]. С.А.Старостин также не считал целесообразным «принятое обычно объединение с лезгинскими хиналугского и удинского языков» [Старостин, 2007, с.18].

Вольфганг Шульце предпочитал называть Лезгинскую группу языков «Южной ветвью Восточно-Кавказской языковой семьи», отмечая при этом уникальное положение удинского среди языков этой ветви [Schulze]. Высказывались даже мнения о наличии отдельной группы языков, в которую можно было бы включить удинский, урартский и даже хурритский при сопоставлении лексической, фонетической и морфологической структуры которых обнаруживаются значительные соответствия и / или параллели.

К сожалению, некоторая необъективность по отношению к истории удин была присуща работам и некоторых азербайджанских ученых.

Сара Ашурбейли в своей монографии «Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.)» один раз упоминает «область утиев» в цитате из «Истории албан» Моисея Каланкатуйского и всего три раза и только на одной странице упоминает удин. И то в связи с тем, что автору кажется весьма привлекательной созвучие этнонима *удин* с названием реки Удон за пределами северной границы Кавказской Албании, и, базируясь на этом, она выдвигает предположение, что «удины... в первые века нашей эры являлись одним из тюркских племен на территории Албании, которые ассимилировались с соседними албанскими племенами...». И тут же добавляет: «Однако несомненно, что удины, как считает Маркварт, будучи в контакте с тюркоязычными племенами, восприняли большое количество древнетюркских слов» [Ашурбейли, 1983, с.60-61].

Кемал Алиев в своей работе «Античная Кавказская Албания», изданной в 1992 г., после албан и гаргаров приводит раздел про удин, начиная его словами: «на территории древней Албании обитали и другие племена», а в конце раздела резюмирует: «таким образом, уйтии, удины или уды локализируются не на территории античной Албании, их связи еще не изучены, хотя созвучие этнонимов создает иллюзию об этническом родстве между ними и удином Албании» [Алиев, 1992, с.31-32]. Однако, в других разделах своей монографии автор показывает, что удины населяли значительную территорию Албании, включая район Партава. В «Послесловии» автор подчеркивает, что «албаны были и наиболее значительны и сравнительно многочисленны. Только поэтому страна по этнониму албанов называлась Албанией». При этом он в этой же работе считает носителей гаргарского языка самым значительным в политическом, экономическом и культурном отношении населением Албании. Этот вывод базируется на информации из армянских источников, справедливо подвергавшейся сомнению исследователями, о том, что Месроп Маштоц изобрел письмо для албан и именно для носителей гаргарского языка, и подчеркивает далее: «отдельные знаки, обнаруженные на керамических изделиях, и эпиграфические памятники, связываемые с ранним средневековьем, говорят о том, что албаны имели свой язык, в средневековье называемый гаргарским» [Алиев, 1992, с.46].

Подчеркнем, что данной точки зрения придерживался не только Кемал Алиев, но и целый ряд других исследователей. Еще раз отмечу, что данная точка зрения базировалась на том, что языком письменности Албании служил гаргарский язык, хотя источники говорят не о языке гаргаров, а о гаргарском наречии.

Напомним также, что С.В.Юшков, основываясь на информации, что священные книги для Албанской церкви были переведены на наречие гаргаров, считает последних самым многочисленным и значительным племенем Албании [Юшков, 1937].

Ареал расселения удин/утиев определяют, как территорию между Курой и Араксом, включая обширную провинцию Ути, а также отдельные территории от побережья Каспийского моря до границы Иберии.

Удины/утии впервые упоминаются в классических источниках в связи с событиями, происходившими на исторической арене в первой четверти V в. до н.э. Однако, известные ученые (И.М.Дьяконов, С.А.Старостин, И.Алиев и другие) выступали с обоснованными предположениями о родстве удин/утиев с древними кутиями и этиуниями.

Так, И.М.Дьяконов и С.А.Старостин считали, что предположение о том, что «название Уди представляет собой рефлекс **Qutī* ... может оказаться вероятным, поскольку ПВК **q̇* > уд. *∅*, ПВК **ṫ* > уд. *d*» [Дьяконов, Старостин, 1988, с.66].

Рауф Меликов отождествляет удин с древними кутиями и в подтверждение своего мнения сообщает, что в свое время «З.И.Ямпольский высказал И.М.Дьяконову вполне вероятное предположение, что в имени кутиев то же этническое название, которое более поздние источники сохранили в форме «утии», «уйтии», «уды», «удины», «отены», что, как отмечает он же, по-видимому было самоназвание албан» [Меликов, 2003, с.70]. Рауф Гусейнов, Гамаршах Джавадов утверждали: «Кутии – это утии/удины... Многие данные свидетельствуют, что, если удины и не были главным племенем Кавказской Албании, то, по крайней мере, составляли самое многочисленное» [Гусейнов, Джавадов, 2017, с.88].

Часть современных исследователей считают язык кавказских албан – албанский/арранский язык, на котором говорили в том числе жители столицы Кавказской Албании Барды/Партава – идентичным удинскому языку, а между албанами и удинами ставят знак равенства, отмечая что этноним «удин» являлся самоназванием кавказских албан. Зия Буниятов отмечает, что А.Е.Крымский, В.Ф.Минорский, С.Нафиси, З.И.Ямпольский разделяли мнение о том, что в IX–X вв. в окрестностях Барды говорили на арранском языке; они предполагали, что удины (утии), проживающие в северных частях Азербайджанской Республики и в Грузии, являются прямыми продолжателями албанских языковых традиций [Bünyadov, 2007, s.107]. Точно также Играр Алиев подчеркивает, что «албаны, возможно, то же, что утии древних авторов... Современные удины – это почти несомненно потомки древних утиев-отенов... Во всяком случае в этноязыковой близости албан и утиев сомневаться не приходится» [Алиев, 1989, с.142]. Относительно ареала расселения удин предельно четко высказалась К.В.Тревер: «То обстоятельство, что и Страбон, и Плиний, и Птолемей, говоря об утиях-удидах, указывают на Каспийское побережье как на место их обитания, объясняется тем, что все эти писатели пользовались, по-видимому, отчетом Патрокла, который, обследуя с моря побережье, мог знакомиться только с той частью утиев, которые жили в прибрежных гористых районах, тогда как основная часть этого племени занимала левобережье и правобережье Куры (ниже устья Алазани) [Тревер, 1959, с.44]. К.В.Тревер напрямую отождествляет албанский язык с удинским, утверждая, что «на албанском, т.е. удинском (утийском), языке продолжало говорить население равнинной части области Утик (ныне равнинный Карабах) и в эпоху арабского владычества. Арабские историки и географы называют этот язык «арранским», а область Утик – Арраном, т.е. Албанией в узком смысле слова» [Тревер, 1959, с.295]. На арранском языке говорило население столицы Аррана – Барды. Кстати, Истахри и Ибн Хаукаль отметили наличие в Барде крупного базара, называвшегося Кюрки, что означает название воскресного дня. Возьму на себя смелость предложить этимологию Кюрки, связав ее с удинскими словами **Къур – вершина**, и **Гъи – день**, т.е. Кюрки это то же, что по-удински **Къургъи – верхний/главный день недели, воскресный день**.

Некоторые ученые предвидели, что вопрос о том, язык какого из племен был доминирующим в Албании, прояснится только после того, как будут найдены кавказско-албанские рукописи, хотя, как отмечает Тимур Майсак, «гипотеза о том, что кавказско-албанский представлял собой древнее состояние удинского языка, в целом была общепринятой среди специалистов» [Майсак, 2010, с.89].

И действительно, с наличием письменности и языком письменности все проявилось с обнаружением и расшифровкой Синайских палимпсестов. Как нам кажется, расшифровка Синайских палимпсестов расставила в этом вопросе все по местам. Появились доказательства наличия в далеком прошлом полноценной литературы на албанском-древнеудинском языке. Сбылось то, что отдельные ученые предсказывали уже давно. В частности, академик А.Шанидзе был убежден: «не может быть, чтобы бесследно пропала письменность целого народа, игравшего видную роль в культурной и политической жизни Кавказа в средние века» [Шанидзе, 1938], что будут обнаружены древние албанские письменные памятники, основанные именно на удинском языке, что «Язык кавказских албанцев ...тесно примыкал к удинскому, а возможно, был даже идентичен с древнеудинским...», и «...удинский язык – это один из новоалбанских диалектов, или, что то же, албанский – это есть литературный язык древних удин, т.е. древнеудинский» [Шанидзе, 1960]. Г.А.Климов отмечал, что, принято считать, что памятники агванского («кавказско-албанского») письма, относящиеся к VI–VIII столетиям, отражают древнее состояние удинского языка [Климов, 2009, с.20].

Азербайджанский ученый, этнический удин Ворошил Гукасян подчеркивал, что «удины входили в племенной союз Кавказской Албании и играли в нем главенствующую роль» [Гукасян, 1974, с.15].

В связи с результатами расшифровки Синайских палимпсестов не лишним будет напомнить, что в работах некоторых армянских ученых наблюдалась явная тенденция к отрицанию существования полноценной литературы на кавказско-албанском языке по причине, как они считают, культурной, экономической отсталости и племенной и религиозной разобщенности племен Кавказской Албании. Так, Ш.В.Смбатян в комментариях к «Истории страны Алуанк» Мовсэса Каганкатваца утверждает, что албанский алфавит «не нашел практического применения, и вскоре от него совершенно отказались. Алуанцам, вернее алуанским племенам, не составлявшим этнической общности, так и не удалось создать литературу на языке гаргареев, и ко времени арабских завоеваний они почти полностью были деэтнизированы» [Смбатян, 1984, с.177].

Исходя из вышеизложенного, логично было бы сделать следующие выводы:

– Место и роль удин в истории Кавказской Албании, в союзе кавказско-албанских племен и территория их расселения продолжают оставаться в центре научных споров. Однако, не трудно заметить, что часть этих работ, несмотря на внешне академический характер, базируется на выходящих за рамки науки идеологических основах;

– Удины были самым значительным в политическом, экономическом и культурном отношении племенем Албании;

– Этноним «удины» отражает самоназвание древних албан, а албанский язык был идентичен древнеудинскому. Этноним «албан» появился в историческую эпоху, когда создался союз племен под названием «Албания» и возьму на себя ответственность этимологизировать этот этноним на основе удинского языка. В удинском глагольная основа «аъл» используется в значении «связывать, объединять», и путем присоединения «йан» образует слово «аълйан» со значением «(мы) объединены, (мы) связаны воедино», т.е. то же самое, что и «союз», в данном конкретном случае – «союз племен», превращенное позднее армянскими летописцами в Алуан/Алуанк/Агван/Агъван, а латиноязычными источниками в Албан/Албанию;

– Гаргарское наречие – это не что иное, как диалект древнеудинского языка, отражающий наречие населявших бассейн Гаргарчая удин, которых по названию места их обитания называли гаргарами.

Тщательное и объективное научное исследование вопросов происхождения и этнополитической истории удин в период античности и раннего средневековья послужило бы прояснению многих спорных моментов истории Южного Кавказа и современного Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Bünyadov Z. Azərbaycan VII–IX əsrlərdə. Bakı: «Şərq-Qərb», 2007, 424 s.
2. Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1987, 304 с.
3. Алиев И. Очерк истории Атропатены. Баку: Азернешр, 1989, 160 с.
4. Алиев К. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр, 1992, 238 с.
5. Аликберов А.К. Кавказская Албания и лезгинские народы: актуальные проблемы, новые дискурсы / Сб. статей «Albania Saucasica». Москва, 2015, с.16-27.
6. Ашурбейли С. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку: Элм, 1983, 344 с.
7. Гукасян Ворошил. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
8. Гусейнов Р., Джавадов Г. Удины. Баку, 2017.
9. Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки / Древний Восток. Этнокультурные связи. Сб. статей к 80-летию акад. Б.Б.Пиотровского. Москва. 1988.
10. Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. 2 изд. М.: Либроком, 2009, 168 с.
11. Майсак Т. К публикации кавказско-албанских палимпсестов из Синайского монастыря // Вопросы языкознания, №6, 2010, с.88-107.
12. Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV века до н.э.). Баку: Нурлан, 2003, 198.
13. Смбалян Ш.В. Комментарии к изданию: Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с древнеармянского, предисловие и комментарий Ш.В.Смбаляна. Ереван, 1984, с.5-6.
14. Старостин С.А. Труды по языкознанию / О реконструкции пралезгинской фонологической системы. Москва, 2007.
15. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 391 с.
16. Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. Москва, 1987.
17. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Изв. Груз. ФАН СССР, 1938, т.IV, с.1-68.
18. Шанидзе А.Г. Язык и письмо кавказских албанцев // Изв. отд. общ. наук АН ГССР, Тбилиси, 1960, №1, с.168-189.
19. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании // Исторические записки АН СССР, т.1, 1937, с.129-148.
20. Schulze Wolfgang. The Udi Language (из интернета).

Лолуа Роман

*Профессор, доктор филологических наук, научный сотрудник**Института языкознания им. Арн. Чикобава ТГУ (Грузия)**<https://orcid.org/0000-0003-4508-7587>*

ПАРАДИГМАТИКА КАВКАЗСКО–АЛБАНСКОГО АЛФАВИТА

Аннотация. Все исследователи отмечали типологическую близость кавказско-албанского и армянского алфавитов. Этот факт является одним из основных аргументов сторонников «армянской» версии происхождения кавказско-албанского письма.

По нашему мнению, если бы автор армянского письма был бы и создателем кавказско-албанского алфавита, то он поместил бы специфические буквы албанского языка, либо после «армянской» части алфавита, либо разбросал бы их среди «армянских» букв, не нарушая порядок следования последних. Однако из 15 специфических букв еркатагира, как минимум 6 – не имеют фонетических аналогов на соответствующих позициях в албанском. При этом, в кавказско-албанском алфавите нигде не нарушается порядок следования букв, имеющих аналоги в греческом алфавите. Это, как мы считаем, доказывает то, что парадигматика кавказско-албанского алфавита является оригинальной, не копирующей слепо систему какого-либо письма, что подтверждается и анализом названий букв.

Ключевые слова: Парадигматика, Алфавит, Кавказско-албанская письменность, Армянская письменность, Палеография

Keywords: Paradigmatics, Alphabet, Caucasian Albanian script, Armenian script, Paleography

Кавказско-албанский алфавит нам известен прежде всего из найденной И.В.Абуладзе в 1937 г. Эчмиадзинской рукописи № 7117 (ныне она хранится в библиотеке «Матенадаран» в Ереване). Это практически единственный источник, в котором, как следует полагать, дан полный перечень албанских букв, их названия, фонетические значения и порядок их следования. Второй список кавказско-албанского алфавита представлен в найденной в США в 1953 г. арменологом А.Курдяном армянской рукописи XVI в., алфавитная часть которой, предположительно, – поздняя копия матенадаранской рукописи № 7117¹. Эта рукопись обнаруживает некоторые расхождения с «эчмиадзинской» (7117) как в графике, так и в названиях графем (№ 11 вместо **jud** – **mud**; № 33 вместо **šak** – **čak**), хотя алфавитный ряд и количество букв точно соответствуют данным в «рукописи Абуладзе».

Для того, чтобы определить, насколько можно доверять парадигматическим показателям албанского алфавита, приведенным в этих источниках, мы используем метод, подсказанный акад. А.Шанидзе при изучении «рукописи Абуладзе». Можно проверить, насколько точно переданы в «армянской» рукописи порядок в перечислении и количество графем в других алфавитах: греческом, латинском, грузинском, коптском и арабском. В греческом и коптском ошибок нет. В сирийском алфавите буквы № 21–22 помещены между № 16–18, а № 17 – между № 18–19. В латинском отсутствуют графемы № 5 (**e**) и № 22 (**w**), а в грузинском № 3 (**gan**). Единственный алфавит, в котором значительно нарушен порядок, – арабский. Это объясняется тем, что переписчики писали арабские буквы слева направо, т.е. нарушали этим традиционное арабское направление написания.

Несмотря на эти ошибки, следует отметить тот факт, что их количество заметно уступает количеству ошибок графического и фонетического порядка. Исходя из вышесказанного, нужно признать: несмотря

¹ Иное предположение о происхождении этого списка высказал А.Г.Шанидзе. Как полагает исследователь, данный в рукописи кавказско-албанский алфавит переписан непосредственно с общего для обоих списков оригинала, предположительно относящегося к X в. [Шанидзе, 1959, с.204-206].

на то, что кавказско-албанский алфавит среди вышеприведенных самый внушительный (52 графемы) и к моменту переписки нашего источника (XV в.) уже в течение долгого времени не употреблялся, данный в рукописи алфавитный порядок, в целом, заслуживает доверия. Это косвенно подтверждают и результаты мингечаурских раскопок, а именно два неполных эпиграфических списка албанского алфавита, это – «надпись на подсвечнике № 2» и «надпись на черепке № 2», в которых представлены фрагменты кавказско-албанского алфавита № 1-10 и № 29-32, причем порядок следования букв в этих отрывках точно соответствовал алфавитному ряду албанской азбуки, данному в армянских рукописях. И наконец: после прочтения синайского палимпсеста (В.Шульце, Й.Гипперт) нам известны числовые значения и, соответственно, алфавитный ряд начальной части кавказско-албанского письма с первой по 21-ую букву, а также, возможно, значение буквы № 31 албанского алфавита [Гипперт и др., 2008: IV-3]. Необходимо отметить, что позиции знаков №№ 1-21 албанского палимпсеста точно соответствуют позициям соответствующих букв в матенадаранской рукописи № 7117 и списке А.Курдяна.

Вышесказанное доказывает, что албанский подобно армянскому «разбрасывает» графемы для своих специфических звуков среди букв «греческой» части алфавита, но можно предположить, что в албанском похожий принцип расстановки букв возник независимо от еркатагира.

Грузинская письменность, также приписываемая Маштоцу, в отличие от армянской и албанской, основана на других структурных принципах и являет собой диаметрально противоположную систему. Буквы №№ 1–24 грузинского алфавита повторяют греческий алфавитный порядок и цифровые значения. За исключением одного легко объяснимого исключения тождественны и фонетические значения букв грузинского и греческого алфавитов: греческая № 16 Ξ (σίγμα) со значением *ks* была чужда грузинской фонологической системе и ей в асомтаврули соответствует Ճ j (je). Необходимо отметить, что греческий алфавитный порядок в грузинском сохранен и в случае т.нз. эписемонов. Вторая же часть асомтаврули (№№ 25–36) отведена буквам для «специфических» грузинских согласных. Заканчивается асомтаврули также «греческой» Ջ (hoe), соответствующей последней букве греческого алфавита Ω.

Армянский алфавит, как было уже отмечено, также основан на греческой парадигматике. Он состоит из 21 «греческой» и 15 специфических «армянских» букв. Принципиальное различие между грузинским и армянским состоит в том, что армянский, как было уже отмечено, свои специфические буквы помещает не после «греческой» части, как в грузинском, а разбрасывает их среди «греческих» букв без всякой видимой логики. Соответственно, место и числовое значение греческих букв в еркатагире меняется.

Еще А.Г.Шанидзе заметил, что албанский алфавит основан на греческой парадигматике, и при этом исследователь подчеркивал типологическую близость кавказско-албанского и армянского алфавитов [Шанидзе, 1957, с.41-42]. А.Г.Абрамян же считал, что соблюдение албанским алфавитом греческого порядка есть следствие соблюдения албанским армянского алфавитного порядка (исходя из того, что сам армянский соблюдает греческий алфавитный порядок) [Абрамян, 1964]. Это же мнение разделяют С.Н.Муравьев, предложивший сложную схему расстановки «неармянских» букв албанского алфавита среди «армянских» с множеством неточностей (т.к. фонетические значения большинства албанских знаков в то время не были установлены) [Муравьев, 1981, с.241-259] и авторы «Албанских палимпсестов», которые отмечают: «Давно было замечено, что 22 армянские буквы, имеющие греческий эквивалент, занимают такое же относительное положение в армянском алфавите, как и в греческом. 14 собственно армянских букв, похоже, просто вставлены между ними. Теперь мы знаем, что 26 дополнительных букв албанского алфавита были вставлены аналогичным образом среди 36 букв, имеющих армянский эквивалент без изменения их относительного порядка.

Это серьезный повод сделать вывод, что албанский алфавит произошел от армянского и что он, вероятно, был создан в том же кругу, возможно, одним и тем же человеком. Напротив сообщение Корюна о грузинском алфавите, внутренняя структура которого совершенно независима от армянского, вызывает серьезные сомнения»¹ [Гипперт и др., 2008: II-15-II-17].

¹ It has been noticed a long time ago that the 22 Armenian letters which have a Greek equivalent keep up the same relative position in the Armenian alphabet as they have in the Greek. The 14 letters that are Armenian proper seem to have simply been inserted among them. We now know that the 26 additional letters of the Albanian alphabet have similarly been inserted among the 36 letters which have an Armenian equivalent, without changing their relative order. This is a serious reason to conclude that

Для решения этого вопроса (является ли армянский прототипом кавказско-албанского алфавита) необходимо установить, насколько точно совпадают позиции специфических «негреческих» букв армянского алфавита с соответствующими фонетическими эквивалентами кавказско-албанского письма.

В армянском греческим λ и ρ соответствуют не идентичные фонемы, а близкие по звучанию η и π . Тот факт, что албанская Լ (№ 42 r) стоит на месте армянской «твердой» η (r ; resp. греческой ρ), а не π (r), является сугубо «греческим» явлением в кавказско-албанском алфавите. Напротив, по такому же принципу албанская Դ (l) должна была находиться на месте армянской η (l), но ей соответствует армянская «простая», но «негреческая» l (l). Это не означает того, что греческая λ не совпадает с близкой по звучанию албанской буквой. Ей может соответствовать № 22 албанского алфавита Դ « $li\phi$ » (l), причем независимо от армянской η .

Представляется особенно важным, что не совпадают позиции армянских Յ , Զ и Ժ с албанскими Ե (j), Զ (z) и Ժ (z). В кавказско-албанском алфавите нет аналога для армянской l , что также, по нашему мнению, не свидетельствует в пользу создания албанского алфавита Маштоцем¹. Можно заключить, что кавказско-албанский алфавит не соблюдает армянский алфавитный порядок строго (если соблюдает вообще?) и в то же время в албанском нигде не нарушается порядок следования букв греческого алфавита.

Исходя из простой логики, если бы автор армянского письма был бы создателем и кавказско-албанского алфавита, то он поместил бы специфические буквы албанского языка, либо после «армянской» части алфавита, либо разбросал бы их среди «армянских» букв, не нарушая порядок следования последних, т.е. кавказско-албанский алфавит был бы основан на парадигматике армянского алфавита, как последний основан на греческой, ср.: армянский, в котором имеется 21 соответствие классического греческого алфавита, т.е. буквы №№ 1-24, не считая «эписемонов» и ξ « $\sigma\iota\mu\alpha$ », которая была бы лишней в армянском алфавите. В еркатагире точно сохранены порядок следования и фонетические значения греческих букв, за исключением нескольких знаков, но и они передают фонемы с близким звучанием. В свою очередь, при сравнении армянского и кавказско-албанского алфавитов выясняется, что, как минимум, пять албанских букв находятся не «на своих местах» (не соответствуют аналогичным по звучанию армянским буквам): армянской Յ (j) соответствует албанская Ե (q); армянской Զ (z) – албанская Շ (γ); армянской Ժ (z) – албанская Ի (x /* q); армянской l (ə) – албанская Բ (\check{z}). Армянской l могут соответствовать 3 албанские буквы, но не одна из них не имеет и близкого фонетического значения: Ճ (\check{s}); Ս (o); Ծ (* \check{c}). Также представляется важным, что армянской Ժ (\check{z}) соответствует не «простая» \check{z} албанского (Բ), а фарингализованная \check{z} (Ժ). Таким образом, из 15 специфических «негреческих» букв еркатагира, 6 – не имеют точных фонетических аналогов на соответствующих позициях в албанском.

Краткий обзор парадигматики кавказско-албанского алфавита еще раз ставит под сомнения сведения армянских источников, называющих Маштоца создателем всех трех кавказских алфавитов. Если допустить аутентичность подобных сведений, то совершенно непонятно, почему Маштоц при «создании» кавказско-албанской азбуки возвращается к старой, примененной им в армянском алфавите, системе расстановки специфических букв, от которой он отказывается во время «создания» грузинского письма?

Не понятно также, почему метод построения алфавита, примененный в кавказско-албанской азбуке, а priori считается заимствованным из армянского. Точное время создания кавказско-албанского алфавита не известно и, возможно, он создан до армянского. Во всяком случае, разбрасывание специфических букв среди знаков «греческой» части алфавита выглядит более органичным для кавказско-албанского письма, т.к. в нем число специфических знаков примерно в полтора раза превосходит число букв, имеющих аналоги в греческом. В противном случае, создатель (или создатели) кавказско-албанского алфавита был бы вынужден поместить большую часть алфавита после греческой части. Помимо этого, из-за тогдашних политических реалий центральной и восточной части Южного Кавказа связь албанской азбуки с греческой не могла быть прямо продемонстрирована. То же самое можно сказать и об армянской письменности.

the Albanian alphabet was derived from the Armenian and that it is likely to have been created in the same circle, perhaps by the same person. On the contrary, Koriwn's report on the Georgian alphabet, whose internal structure is completely independent from the Armenian, raises serious doubts.

¹ Звук l (ə) в грабаре не имел дистинктивной функции. Исходя из этого, аналог этой графемы мог бы также быть употреблен в кавказско-албанском.

Отличные структурные принципы грузинской письменности объясняются либо большей политической автономией Картли от Сасанидского Ирана (напр., из всех южнокавказских стран диофизитство, которое, как правило, было официальной религиозной доктриной Византии, победило лишь в Картли. Аналогичный процесс, происходивший в Албанской церкви, был обращен вспять с применением силы, но уже при арабском господстве), либо тем, что грузинская письменность могла возникнуть в Палестине, где и были обнаружены первые датированные памятники грузинского письма.

Таблица. 1. Сравнительная таблица кавказско-албанского, армянского и греческого алфавитов

Число- значение	Албанский	Фонетичес- кое значение	Число- значение	Армянский	Фонетичес- кое значение	Число- значение	Греческий	Фонетичес- кое значение
1	Ⲁ	a	1	Ա ա	a	1	Α α	a
2	Ⲃ	b	2	Բ բ	b	2	Β β	b
3	Ⲅ	g	3	Գ գ	g	3	Γ γ	γ
4	Ⲇ	d	4	Դ դ	d	4	Δ δ	d
5	Ⲉ	e	5	Ե ե	e	5	Ε ε	e
6	Ⲋ	z	6	Զ զ	z	7	Ζ ζ	z [ʒ]
7	Ⲍ	ej	7	Է է	[ē]	8	Η η	ē [i]
8	Ⲇ	ž	8	Ը ը	ə			
9	Ⲉ	t	9	Թ թ	t	9	Θ θ	t ^h
10	Ⲋ	ç ^ç						
20	Ⲍ	j						
30	Ⲏ	ž ^ç	10	Ժ ժ	ž			
40	Ⲑ	i	20	Ի ի	i	10	Ι ι	i
50	Ⲓ	(^ç)//*š ^ç						
60	Ⲕ	l	30	Լ լ	l			
70	Ⲗ	n [~]						
80	Ⲙ	x	40	Խ խ	x			
90	Ⲛ	ž						
100	Ⲝ	ç	50	Ծ ծ	ç			
200	Ⲟ	ž ^ç						
300	Ⲙ	k	60	Կ կ	k	20	Κ κ	k
*400	Ⲑ	l [~]				30	Λ λ	l
*500	Ⲓ	h	70	Հ հ	h			
*600	Ⲕ	x//*q	80	Ձ ձ	ʒ			
*700	*Ⲗ	?	90	Ղ ղ	ʔ [ɣ]			

*800	ⵓ	ç ^ç						
*900	ⵓ	ç	100	ⵛⵛ	ç			
*1000	*ⵓ	?						
*2000	ⵓ	m	200	ⵓⵎ	m	40	Μ μ	m
*3000	ⵓ	q	300	ⵓⵓ	j			
*4000	ⵓ	n	400	ⵓⵎ	n	50	Ν ν	n
*5000	*ⵓ	?				60	Ξ ξ	ks
*6000	ⵓ	š	500	ⵓⵓ	š			
*7000	*ⵓ	?						
*8000	ⵓ	o	600	ⵓⵎ	o	70	Ο ο	o
*9000	ⵓ	*ç ^ç						
*10000	ⵓ	f						
*20000	ⵓ	*ç						
*30000	ⵓ	ç	700	ⵓⵓ	ç			
*40000	ⵓ	p	800	ⵓⵓ	p	80	Π π	p
*50000	ⵓ	γ	900	ⵓⵓ	ç			
*60000	ⵓ	r	1000	ⵓⵎ	ç	100	Ρ ρ	r
*70000	ⵓ	s	2000	ⵓⵓ	s	200	Σ σ	s
*80000	ⵓ	v	3000	ⵓⵓ	v			
*90000	ⵓ	t	4000	ⵓⵓ	t	300	Τ τ	t
*100000	ⵓ	š ^ç	5000	ⵓⵓ	r			
*200000	ⵓ	o ^ç						
*300000	ⵓ	*ç ^ç						
*400000	ⵓ	c	6000	ⵓⵓ	c			
*500000	ⵓ	w	7000	ⵓⵓ	w	400	Υ υ	ü [i]
*600000	ⵓ	p	8000	ⵓⵓ	p	500	Φ φ	f
*700000	ⵓ	k	9000	ⵓⵓ	k	600	Χ χ	x

Примечание: * (звездочка) в графе знаков кавказско-албанского алфавита обозначает не подтвержденную в палимпсесте графему; * (звездочка) в графе фонетических или цифровых значений кавказско-албанского алфавита обозначает предположительное значение графемы; знак ʃ использован для обозначения фарингализованных звуков.

а

— случаи совпадения позиций албанских, армянских и греческих букв;

*ž

— случаи однозначного несовпадения позиций албанских и армянских букв;

l

— случаи совпадения позиций албанских и армянских букв, и возможный диапазон этого совпадения;

r

— случаи совпадения позиций только лишь албанских и греческих букв;

Названия букв албанского алфавита также, по-видимому, оригинальны. Мы лишь в некоторых случаях имеем совпадение или близость с соответствующими наименованиями в арамейском, греческом, армянском или грузинском: *арам. ālaph – алб. alt*; *арам. bēth – алб. *bet*; *арам. zain – алб. žajn*; *арам. hēth – алб. hejt*;

греч. xi – алб. kiw; *греч. fi – алб. piwr*; *греч. taw – алб. çaw*;

арм. čaj/ča – алб. čaj; *арм. coj – алб. coj*; *арм. gim – алб. gim*.

*груз. en – алб. *ejn*; *груз. in – алб. ina*; *груз. hae – алб. haj* и т.д.

А.Шанидзе заметил, что некоторые названия имеют реальные значения в удинском языке: **zoq** «молодая ветка», «побег»; **қағ** «капля»; **žil** «смятение»; **so** «один», «только»; **un** «ты»; **ša** «песок» (мелкий, речной); **çaw** «блеск»; **ča** «веревка» (из шерсти); **ar** «груша» [Шанидзе, 1938, с.37]. Необходимо отметить, что некоторые из этих сопоставлений устарели; так, буква с названием **қағ** определенно передает фонему **r**, **un** – **o**, а **zoq** (вернее **zox**, как это в рукописи № 7117, хотя **q**, которой нет в фонологической системе армянского языка, могла передаваться графемой **lv x**) – предположительно **ž**¹.

Названия букв, по всей видимости, отражают арамейскую традицию, а не греческую [Гукасян, 1968, с.62]: в кавказско-албанском названия 47 букв оканчиваются на согласный, а 5 – на гласный. В названиях букв кавказско-албанского алфавита можно выделить несколько распространенных окончаний, которые присоединяются к начальному согласному или гласному, обозначающему фонетическое звучание знака, это (под звездочками даны уточненные названия албанских букв, а в скобках – согласно рукописи № 7117): -a (**ča**, **ža**, **ša**, ***ñ**a (ina)); -aj (***xaj**/qaj (haj), **čaj**, **žaj**, ***čaj** (taj), **zaj**); -ajn (**žajn**, **čajn**); -oj (***č**oj (coj), ***š**oj (soj)); -ar (***çar** (çar), **qar**, ***qar** (qar)), -ağ (***dağ** (gağ), **čağ**, ***rağ** (qar)); -an (lan, ***žan** (dan)); -iwr (**tiwr**, **piwr**).¹

¹ Как считает В.Л.Гукасян, названия албанских букв имеют и другую функцию. По его мнению, чем тверже звук фигурирует в аудите, тем более твердый звук передается этим знаком: «Составители учебника разработали очень хитроумный способ передачи названий букв. То есть, они, учитывая специфические особенности названий букв албанского алфавита, соблюдали общее правило: заменили последние буквы названий в соответствии с корреляцией обозначаемого звука-буквы» [Гукасян, 1969, с.62-63]. Так, например, в кавказско-албанском алфавите имеется три буквы, обозначенных как **q**. Первая (N 21 «qar»), по мнению В. Л. Гукасяна, обозначала преруптив, вторая (N 42 «qar»), название которой оканчивается на **ç**, – абруптив того же ряда (**q**), а третья (N 30 «qar») – **q**.

Трудно согласиться с мнением В.Л.Гукасяна. Невозможно предположить, что в XV веке составителям рукописи N 7117 могли быть известны особенности артикуляции албанских звуков. Сам В.Л.Гукасян соглашается с мнением А.Г.Шанидзе, согласно которому прототип алфавитной рукописи датируется не позже X в. [Гукасян, 1969, с.61]. Если В.Л.Гукасян имеет в виду, что названия албанских букв были изменены еще тогда (хотя это не согласуется с его словами о составителях учебника), все равно трудно предположить, что переписчики меняли названия букв по своему желанию. Тем более, нелогично сравнение таких неоригинальных названий (как предполагает сам В.Л.Гукасян) с названиями букв арамейского, греческого и других алфавитов [Гукасян, 1969, с.61-62].

Необходимо отметить, что В.Л.Гукасян непоследовательно проводит свой принцип, напр., N 6 «zarl» исследователь считает «простой» фонемой **z**, несмотря на то, что в названии этой буквы фигурирует «твердая» **ř**. Помимо этого, исходя из методов В.Л.Гукасяна непонятно предполагаемая им фонетическая квалификация следующих знаков: **e** «ejb» – **e** «en»; **ž** «žil» – **ž** «ža»; **i** «irb» – **i** «ina»; **p** «pep» – **p** «pes». Последний пример вызывает удивление; непонятно, почему исследователь считает переданный **φ** (p) знак абруптивом, а **ϕ** (p) – преруптивом.

Такое предположение выглядит оправданным в случае названий с «твердым» **ř** (= **ř**). Эта фонема была чуждой для кавказско-албанского языка и могла быть использована армянами-переписчиками в качестве некоего диакритического знака, о чем красноречиво свидетельствует пример «qar» (q) – «qar» (q). Помимо этого, **ř** встречается в названиях еще двух

Таблица № 2. Названия букв и фонемные значения кавказско-албанского алфавита

№	Рукопись № 7117	Название	Палимпсесты	Фонемное значение	А.Г.Абрамян	Г.А.Климов	С.Н.Муравьев	В.Л.Лукасян	З.Алексидзе	Й.Гилперт, В.Шульце
1	Ⲁ	alt	Ⲁ	a	a	a	a	a ^{◌̣}	a	a
2	Ⲃ	odet	Ⲃ	b	b	b	o ^{◌̣}	b	b	b
3	Ⲅ	zim	Ⲅ	g	g	g	b	g	g	g
4	Ⲇ	gaṭ	Ⲇ	d	d	d	g	γ	?	d
5	Ⲉ	ejb	Ⲉ	e	e	e	e//e ^{◌̣}	e	e	e
6	Ⲋ	zaṛl	Ⲋ	z	z	z	z	z	z	z
7	Ⲍ	en	Ⲍ	ej/e	ē	e ^{◌̣}	e ^{◌̣} //e	e ^{◌̣}	ē	ej
8	Ⲏ	žil	Ⲏ	ž	ə	ə	ž:	ž	ž	ž
9	Ⲑ	tas	Ⲑ	t	t	t	t	t	t	t
10	Ⲓ	ča	Ⲓ	č ^{◌̣}	ž	ž	č:	č	?	č [~]
11	Ⲕ	jud	Ⲕ	j	i	j	j//j:	j	j	j
12	Ⲗ	ža	Ⲗ	ž ^{◌̣}	i	?	ž	ž:	ž?	ž [~]
13	Ⲙ	irb	Ⲙ	i	i	i	i	i	i	i
14	Ⲛ	ša	Ⲛ	[^{◌̣}]/š	l	?	š:	š	š	ʃ
15	Ⲝ	lan	Ⲝ	l	l	l	l	l	l	l
16	Ⲟ	ina	Ⲟ	n [~]	x	?	i ^{◌̣} //ə	i ^{◌̣}	?	n [~]
17	Ⲡ	xejn	Ⲡ	χ	x	x	x	x	q/x ¹	x [~]
18	Ⲣ	dan	Ⲣ	ž	x	?	d	d	d	d [~]
19	Ⲥ	čaṛ	Ⲥ	*ç	ç	ç	ç	č ^{◌̣}	č?	ç
20	ⲧ	zoḥ	ⲧ	ž ^{◌̣}	ç	?	z:	z:	z?	ž [~]
21	ⲩ	қаr	ⲩ	қ	қ	қ	қ	k ^{◌̣}	қ	қ
22	ⲫ	liṭ	ⲫ	*l [~]	h	?	l ^{◌̣}	l [~]	?	l [~]
23	ⲭ	hejṭ	ⲭ	h	h	h	h	ʃ	h	h
24	Ⲭ	haj	*ⲭ	q/χ	з	?	h:	h	?	χ/q
25	Ⲯ	ar	-	-	ä	з	a ^{◌̣}	a	ā	a ^{◌̣}
26	Ⲱ	coj	Ⲱ	č ^{◌̣}	ö	?	j://j	c	c?	č [~]
27	Ⲳ	çi	Ⲳ	č	č	č	č	č ^{◌̣}	č	č
28	Ⲵ	čaj	-	-	γ	?	č:	č	?	*c [~]
29	Ⲷ	maḥ	Ⲷ	m	m	m	m	m	m	m
30	Ⲹ	қаr	Ⲹ	q	j	?	қ ^{◌̣} //q ^{◌̣}	q	q	q
31	Ⲻ	nuc	Ⲻ	n	n	n	n	n	n	n

букв: N 19 “čaṛ” < “*čaṛ” и N 6 “zaṛl”.

№	Рукопись № 7117	Название	Палимпсесты	Фонемное значение	А.Г.Абрамян	Г.А.Климов	С.Н.Муравьев	В.Л.Лукасян	З.Алексидзе	Й.Гилперт, В.Шульце
32	ⵍ	žaj	.	-	ṣ̌	?	ž/ẓ̌:	ẓ̌	č ¹ /ẓ̌	*ẓ̌~
33	ⵍ	šak	ⵍ	ṣ̌	ṣ̌	ṣ̌	ṣ̌	ṣ̌:	ṣ̌ ²	ṣ̌
34	ⵍ	žajn	.	-	ṣ̌	?	ẓ̌:/ẓ̌	ẓ̌ ^o	?	*ẓ̌
35	ⵍ	un	ⵍ	o	o	o	o	o	o	o
36	ⵍ	taj	ⵍ	*č̣ ^o	č̣	?	ɸ̣:	t ^o	?	ṭ~
37	ⵍ	χam	ⵍ	f	č̣	č̣	x://γ	q	γ	f
38	ⵍ	zaj	ⵍ	z	č̣	?	z	z	z [?]	z
39	ⵍ	čaɸ	ⵍ	č̣	č̣	?	č̣	č̣ ^o	č̣	č̣
40	ⵍ	p̣en	ⵍ	p̣	p̣	p̣	p̣	p ^o	p̣	p̣
41	ⵍ	pes	ⵍ	γ	ẓ̌	ẓ̌	p̣:	p̣	p [?]	γ
42	ⵍ	kaɸ	ⵍ	r	ɸ̣	r	q ^o //k ^o	ḳ	r	r
43	ⵍ	sejḳ	ⵍ	s	s	s	s	s:	s	s
44	ⵍ	vejz	ⵍ	v	w	w	v	v	v	v
45	ⵍ	ɸiwr	ⵍ	ɸ̣	ɸ̣	ɸ̣	ɸ̣	ɸ̣	ɸ̣	ɸ̣
46	ⵍ	soj	ⵍ	ṣ̌ ^o	ɸ̣	?	s:	s	s [?]	ṣ̌~
47	ⵍ	ion	ⵍ	o ^o	r	o ^o	i ^o //ə	r	?	ü
48	ⵍ	çaw	ⵍ	*č̣ ^o	c	?	r	ç	?	ç~
49	ⵍ	cajn	ⵍ	c	c	c	c	c ^o	c	c
50	ⵍ	jajd	ⵍ	(w)	w	w	w	w	w	(w)
51	ⵍ	piwr	ⵍ	p	p	f	p	p	p	p
52	ⵍ	kiw	ⵍ	k	k	k	k	k	k	k
35+50	-	-	ⵍ-ⵍ	u	u	u	u	u	u	u
47+50	-	-	ⵍ-ⵍ	u ^o	-	u ^o	-	-	āw	ü
14+1	-	-	ⵍ-ⵍ	a ^o	-	-	-	-	-	fa
14+5	-	-	ⵍ-ⵍ	e ^o	-	-	-	-	-	fe
14+13	-	-	ⵍ-ⵍ	i ^o	-	-	-	-	-	fi

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамян А.Г. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964, 95 с.
2. Гукасян В.Л. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана // Изв. АН Аз.ССР, №2, Баку, 1969, с.52-74.
3. Муравьев С.Н. Три этюда по кавказско-албанской (алуанской) письменности // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. т.VIII, Тбилиси, 1981, с.222-325.
4. Шанидзе А.Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки // Известия института языка, истории и материальной культуры им. Акад. Н.Я.Марра. №4, р.1, Тбилиси, 1938, с.1-68.
5. Шанидзе А.Г. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов / Труды Музея истории Азербайджана АН Аз.ССР. Т.II. Баку, 1957, с.41-42.
6. Шанидзе А.Г. Новые данные о алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита) / Труды первой конференции закавказских университетов. Баку, 1959, с.204-206.
7. Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai. Brepols, 2008, 2 vols, 530 p.

Меликов Рауф

Ведущий научный сотрудник Института истории
им. А.А.Бакиханова НАНА, доктор философии по истории
<https://orcid.org/0009-0003-0960-5735>

ДРЕВНИЕ ВЕРОВАНИЯ И ХРИСТИАНСТВО В АЛБАНИИ (до конца V в.)

Аннотация. С древних времён на территории исторической Албании существовали как местные культы, так и зороастрийские и христианские верования. После принятия христианства в начале IV в. в качестве государственной религии Албании указанные верования мирно сосуществовали. Попытки Сасанидов насильственно насадить ортодоксальный зороастризм в Албании оказались неудачными. Несмотря на принятие Алуэнских канонов (488 г.) и борьбу против язычества и зороастризма, полностью искоренить их также не удалось. Полиэтническое население Албании ещё долгое время фактически оставалось многоконфессиональным.

Ключевые слова: языческие верования Албании, распространение христианства в Албании, попытки насильственного насаждения ортодоксального зороастризма Сасанидами, Алуэнские каноны (488), многоконфессиональность Албании

Keywords: Pagan beliefs in Albania, the spread of Christianity throughout Albania, attempts of the Sassanids to forcefully impose orthodox Zoroastrianism, the Aluen Canons (488 AD), the multi-confessional nature of Albania

Панорама религиозных верований Албании была весьма пёстрой. Здесь, как и во всех других регионах Земли, существовали древние местные культы. Учитывая, что на территории исторической Албании, обитало множество как родственных, так и разноразличных племён, можно предположить существование большого количества различных местных культов. Однако при этом могли существовать и общеалбанские культы.

Одним из древнейших племён исторической Албании, известным нам из письменных источников, было племя мюков или миков (гр. *μύκοι*), отмеченное Гекатеем (VI в. до н.э.) в описании Азии: «...от мюков до реки Аракса» (Hecat., fr. 170). В «Истории» Геродота (V в. до н.э.) мюки упоминаются по соседству с утиями (Herod., III, 93; VII, 68). Этноним мюков многие исследователи сопоставляют с названием области Муган, которая впервые отмечена в пехлевийских надписях III в. н.э. в форме *Mūkan* [Касумова, 1983, с.53]. С VII–VIII вв. вплоть до начала XIII в. эта область упоминается в сочинениях арабских географов в форме Мукан (Абу Дулаф, Балазури, Ибн Хордадбех, ал-Истахри, Ибн ал-Асир и др.). Местное население название области связывало с мугами (магами), что сигнализирует о распространении здесь зороастрийских верований [Дьяконов, 1956, с.376; Меликов, 2003, с.122–124].

Другим племенем, обитавшем на территории исторической Албании, были каспии. Наиболее ранние сообщения о каспиях содержатся в арамейских документах с острова Элефантина (на юге Египта), датированных V в. до н.э. В элефантинских папирусах сохранились 14 имён собственных, принадлежащих каспиям [Меликов, 1988, с.74–75; Меликов, 2003, с.91]. Среди этих имён в связи с нашей темой особый интерес вызывают имена Атарли, Базу, Багазушта, Мисдаи, Шатибара и Шатибарзана.

Некоторые исследователи полагают, что имя Атарли – вавилонское имя собственное [Kraeling, 1953, p.164]. На наш взгляд, в первой части этого имени можно видеть иранский корень *atar-*, *atarš-* «огонь» [Меликов, 2003, с.99]. Священный огонь в зороастризме был символом ритуального очищения. Имя Базу исследователи возводят к названию мидийского племени бусов, упоминаемого у Геродота (Herod., I, 105) и связывают его с группой слов, к которым принадлежит и др.-перс. *būza-* «хмельной напиток», а культовое и традиционное использование хмельных напитков было широко распространено у иранских

народов, в том числе у западноиранских [Грантовский, 1970, с.181; Меликов, 2003, с.98–99]. Имя Багазушта происходит из мидийского языка и переводится, как «угодный богу» [Kraeling, 1953, p.158; Меликов, 2003, с.98]. У зороастрийцев под термином *baga-* «бог» обычно подразумевался Митра. В зороастризме Митра считался богом дружбы, согласия и договора. Имя Мисдаи можно с уверенностью возводить к зороастрийскому Mazda [Грантовский, 1970, с.276]. В первой части имён Шатибара и Шатибарзана представлен термин *š(y)āti-*. В Авесте этот термин определяет состояние души – «радость, блаженство, счастье» [Грантовский, 1970, с.200; Меликов, 2003, с.100–102].

Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) в своей «Географии» так описывает погребальный обряд, существовавший у каспиев: «...когда родители у них достигают возраста свыше 70 лет, их держат взаперти и морят голодом. Этот обычай менее жесток и похож на кеосский, хотя он и скифского происхождения» (Strabo XI, XI, 3). Далее Страбон пишет: «Следует упомянуть о некоторых диковинных обычаях совершенно варварских народностей, живущих около Кавказа и остальной горной страны... Каспийцы умерщвляют голодной смертью людей, которым за 70 лет, и выбрасывают их трупы в пустынные места; затем они наблюдают издали: если увидят, что птицы стаскивают трупы с носилок, то считают покойников блаженными, если же дикие звери и собаки – то менее блаженными; если трупы никто не утащит, то считают их несчастными» (Strabo XI, XI, 8). В сообщении Страбона фактически описывается зороастрийский обряд выставления трупов, которые должны быть обглоданы (очищены от скверны плоти) зверьми и птицами. Правда, его сообщение об умерщвлении престарелых людей голодной смертью вызывает сомнение. Для сравнения следует отметить слова Страбона об албанах: «старость у албанцев в чрезвычайном почёте, и не только родителей, но и прочих людей» (Strabo XI, IV, 8).

Приведённый выше анализ ономастического материала из эфандинских папирусов, а также сообщение Страбона о погребальном обычае каспиев отчётливо указывают на распространение среди каспиев зороастрийских верований.

О религиозных воззрениях албан сообщает Страбон: «Из богов они [албаны. – *Р.М.*] почитают Гелия, Зевса и Селену, в особенности же Селену...» (Strabo XI, IV, 7). По мнению некоторых исследователей, каждое из этих божеств имело свой прототип в зороастрийском пантеоне. Одно из них – Гелиос, бог Солнца (в зороастризме соответствует богу Митре), второе – верховный бог Зевс (в зороастризме соответствует верховному богу Ахура Мазде), третье божество именуется Селеной, богиней Луны (в зороастризме соответствует богине Анахите) [Тревер, 1959, с.151; Алиев, 1974, с.353; Алиев, 1992, с.164].

Страбон указывает, что святилище Селены «находится вблизи Иберии» (Strabo XI, IV, 7). Дион Кассий (II–III вв. н.э.), сообщая о походе Помпея, уточняет место зимовки римлян: «И он [Помпей. – *Р.М.*] провёл зиму в области Анаитиды [то есть, области богини Анахиты. – *Р.М.*] и около реки Кирна [Куры. – *Р.М.*]» (Cass. Dio, XXXVI, 53, 5). Таким образом, как Страбон, так и Дион Кассий говорят о храмовых областях в Западной Албании. Хотя исследователи предлагают противоречивые локализации Анаитиды, она, вероятнее всего, находилась на правом берегу Куры, в районе древнего Халхала (около совр. г. Газаха) [Меликов, 2021, с.161]. По словам Страбона, в храмовой области богини Луны (Анаитида Диона Кассия) практиковалось ритуальное умерщвление и гадание по трупу (Strabo XI, IV, 7).

Интересно, что в могильниках албанского периода на территории Азербайджана часть керамических изделий и других предметов, сопровождавших покойников, орнаментирована изображениями Луны в виде полумесяца, что подтверждает существование культа богини Луны [Алиев, 1974, с.330; Алиев, 1992, с.153]. В результате этнографических исследований в Губинском и Габалинском районах Азербайджана были выявлены древние надгробия с изображением Луны, Солнца и древа жизни, свойственные идеологии албанских племён. Элементы астральных культов албан и по сей день сохранились в верованиях населения Азербайджана и Восточной Грузии [Меликов, 2021, с.164]. Триада божеств, соответствующая Анахите, Ахура Мазде и Митре, свидетельствует о проникновении зороастрийских идеологических представлений на территории Албании ещё задолго до распространения христианства.

По сообщению Помпония Мелы (I в. н.э.), остров Талге (*Talge, talgae, talerat*) в Каспийском море у соседних насельников считался священной землёй. Помпоний Мела об этом сообщает следующее: «(Остров) Талге в Каспийском море плодороден без обработки и изобилует всяческими земными и древесными плодами; но соседние народы считают, что трогать то, что здесь родится, преступно и

святоотачественно, ибо полагают, что это предназначено богам и для богов должно быть сохранено. Несколько (островов) прилегают к тем берегам, которые мы упоминали как пустынные; эти острова также пустынные и, не имея собственных имён, называются Скифскими» (Pomp. Mela, De chor., III, 6, 58).

Птолемей (II в. н.э.) также упоминает остров Талка или Талки (*Tálka* или *Tálkη*) (Ptol., Geogr., VI, 9, 8). Плиний Секунд (I в.н.э.) этот остров называет иначе: «Во всём этом [Каспийском. – *P.M.*] море много островов, наиболее же известен один – Зазата» (Plin., Nat. hist., VI, 52). Название острова в такой форме у других античных авторов не встречается. Однако в различных рукописях «Естественной истории» Плиния сохранились и другие варианты этого названия, такие как *Zanzata*, *Tazata*, *Tuzaga* и другие. Вариант *Tazaca* более остальных близок к названиям острова у Помпония Мелы и Птолемея.

Большинство исследователей отождествляет Талге с островом (в настоящее время полуостров) Челекен в восточной части Каспийского моря [Подосинов, 2002, с.284-285]. Иного мнения придерживается С.Н.Муравьёв, который считает, что источники Плиния и Птолемея отражают ситуацию, когда уровень Каспия был выше нынешнего на 15–20 м [Муравьёв, 1988, с.235-247]. Он склоняется к тому, что острова, отмеченные Птолемеем в его сообщении: «Близ Албании лежат два болотистых острова, промежутки между которыми находится под 87°30'–45°» (Ptol., Geogr., V, 12, 8), можно видеть в двух возвышенностях, образующих оконечности хребта Харамы и Алятской гряды [Муравьёв, 1983, с.141-142]. Хребет Малый Харамы, о котором говорит С.Н.Муравьёв, расположен у границы Прикуруинской низменности и Гобустана, отделяясь от последнего долиной р.Пирсагат. А Алятская гряда пролегает в 40 км юго-западнее Гобустана. Однако Птолемей не приводит названий этих двух островов, но в другом месте своего произведения упоминает остров Талка. Возможно, он считает их разными островами.

З.И.Ямпольский отождествляет Талге с островом Пираллахы [Ямпольский, 1962, с.13-14, сл.]. По предположению К.Г.Алиева, Талга это Абшерон, а пустынные острова – острова Абшеронского архипелага [Алиев, 1974, с.311]. К.Алиев полагает, что «...на каспийской Тальге мы имеем дело со святилищем более примитивного характера [чем святилище Селены. – *P.M.*] или со своеобразным древним пиром» [Алиев, 1992, с.152]. Остров Пираллахы, как и Талге, известен в окружении пустынных островов у западных берегов Каспийского моря. На острове Пираллахы даже в XVIII–XIX вв. отмечали несколько ключей свежей и вкусной воды и плодородие почвы: «весьма хорошо приспособлена к земледелию и там, где только недавно кое-где до неё коснулся плуг, она оделась пышной растительностью злаков и мелких кустарников». А на острове Челекен (в настоящее время полуостров), расположенном у берегов современной Туркмении, преобладают пески и солончаки, препятствующие развитию большинства растений. Помимо этого, остров Пираллахы был местом религиозного паломничества до XIX–XX вв. [Ямпольский, 1962, с.13–14]. Название острова также свидетельствует о том, что здесь находился пир божества. Таким образом, представляется верным утверждение З.И.Ямпольского о том, что Талге должен отождествляться с островом Пираллахы.

К этому же времени относится начало распространения христианства в Албании. Согласно албанской традиции, просветителем Албании считается апостол Елисей (Елиша, Егишэ), ученик апостола Фаддея. Он проповедовал сначала среди маскутов в области Чола, а затем в гаваре Ути. Впоследствии, прибыв в Гис, построил там церковь. Как отмечает албанский историк: «На этом месте была основана наша, Восточного края церковь» (Моисей Каланкатуйский, I, VI). Описанные здесь события относятся ко второй половине I в. н.э. Этот период распространения христианства в Албании Ф.Мамедова именует апостольским или сиропильским, когда христианство проповедовалось на сирийско-арамейском языке, как апостолами и их учениками, так и сирийскими миссионерами, и полагает, что этот период продолжался до IV в. [Мамедова, 2005, с.525]. Христианство распространялось в Албании наряду с сохранением древних культов. Можно предположить, что элементы этих культов сохранялись в местной вариации христианства.

Погребальные обряды, археологически засвидетельствованные на албанских памятниках, также могут служить источником для изучения культов и верований, бытовавших на этих территориях. Среди интересных погребений особенно выделяются разнотипные погребения, обнаруженные в Мингячевире.

В 1949 г. С.М.Казиев обнаружил в местности Галагет около Мингячевира два срубных погребения, датированных II–III вв. н.э. В одном из них находился женский скелет, который помимо погребального инвентаря, состоящего из украшений, железного ножа, кинжала и длинного меча, сопровождали три черепа, лежащих под ногами погребённой. Это погребение С.М.Казиев условно назвал «могилой амазонки».

В другом срубе был обнаружен скелет, у ног которого находился другой скелет в сильно скорченном виде и с трещиной в височной части черепа. Эти обстоятельства дали возможность С.М.Казиеву предположить существование «погребального обычая умерщвлять другого человека ударом в висок и класть у ног погребённого» [Казиев, 1949, с.96].

Среди вскрытых в Мингячевире (Галагет) в 1946–1953 гг. более 300 кувшинных погребений интерес для нас представляет погребение № 17, обнаруженное на правом берегу р.Куры, в подземном склепе из сырцовых кирпичей, перекрытом деревянными брусьями. Размеры погребального комплекса составляли 3×5 м, в отличие от обычных погребений размером 2×3 м [Ионе, 1955, с.54]. Скелет в погребальном кувшине лежал на боку в скорченном положении. Это погребение датируется концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Ионе, 1955, с.54–56]. Богатый погребальный инвентарь, включавший оружие, украшения и т.п., свидетельствует о богатстве погребённого, принадлежавшего к военной знати [Ионе, 1955, с.61]. Центральное погребение сопровождалось двумя костяками выючных животных (вероятно, верблюда и лошади) и скелетом человека, обнаруженным около центрального захоронения на грунте, в необычном для погребений положении – он находился почти под кувшином, лежал на грудной клетке, лицом вниз, его руки были подогнуты. Этот факт свидетельствует о том, что в Мингячевире на рубеже нашей эры погребения племенной знати сопровождалось насильственным умерщвлением зависимых людей или рабов [Ионе, 1955, с.62].

Во II в. н.э. в Мингячевире (Галагет) появляются немногочисленные погребения в деревянных срубах, перекрытых деревянными настилами, которые отличаются богатством погребального инвентаря. Как мужские, так и женские погребения сопровождаются несколькими другими костяками, расположенными внутри камеры, но вне сруба (вокруг него) в сидячем положении. По мнению Г.М. Асланова, центральные погребения принадлежали зажиточным лицам или военной знати, а захороненные в сидячем положении – слуги или рабы. Погребения этого типа существовали во II–III вв. н.э., а затем исчезли, по-видимому, слившись с катакомбными [Асланов, 1955, с.64–71].

В Дербендском могильнике (датируемом I–II вв.) в погребениях №№ 9–11, связанных единой могильной ямой и представляющих единое коллективное захоронение, центральное погребение сопровождалось захоронением черепов. Погребение № 9 представляет собой грунтовую могилу с каменной обкладкой, в которой находился труп мужчины в вытянутом на спине положении, в сопровождении богатого погребального инвентаря, а также захоронения конского черепа и фрагментов конского скелета. Под ногами костяка мужчины, в овальном углублении, лежало пять человеческих черепов и конечностей, многие из которых преднамеренно сломаны (погребение № 11). Рядом лежал череп собаки. Ещё один человеческий череп находился у изголовья погребённого в нише, сделанной в каменной обкладке. Слева от погребённого мужчины находилось грунтовое погребение женщины в вытянутом на спине положении (погребение № 10). Единственной находкой в погребении № 10 было кольцо со вставкой из голубой пасты [Гаджиев, 1985, с.46]. А.А.Кудрявцев полагает, что этот комплекс представляет собой захоронение знатного покойника в сопровождении жены или наложницы, а также каких-то зависимых людей – рабов или пленных, убитых в день похорон господина [Кудрявцев, 1982, с.60].

Сходство некоторых деталей захоронений, особенно положение черепов под ногами умершего, зафиксированное в Мингячевирском (погребение № 11) и Дербендском (погребения № 9, 11) могильниках, причём в синхронных погребениях, позволяет предположить идентичность идеологических представлений и погребального ритуала у различных племён Албании [Гаджиев, 1985, с.48].

В 1884 г. Д.Б.Шульц обнаружил близ сел. Сартачалы (совр. дер. Сартичала Гардабанского муниципалитета Грузии) многочисленные могилы римского времени. В одном погребении в каменном ящике к ногам вытянутого на спине костяка было положено девять черепов, погребальный инвентарь отсутствовал [Шульц, 1907, с.3-4]. Следует отметить, что в древности эта территория была северо-западной окраиной Албании, либо сопредельным с Албанией районом Иберии.

По мнению большинства исследователей вышеуказанных погребений с человеческими жертвоприношениями, эти погребения могли принадлежать знатым или привилегированным людям племени (вождям, представителям родоплеменной аристократии или жрецам). Умерщвлёнными же были, вероятно, жёны (или наложницы) и рабы. М.С.Гаджиев, соглашаясь с мнением предыдущих исследователей, также

считает, что они принадлежали знатным людям племени. Наряду с этим он полагает, что погребальный обычай, зафиксированный в скифских курганах с сопровождающими погребениями женщин, а также помещением умерщвлённых в ногах погребённого, имеет прямую параллель в Дербендском могильнике [Гаджиев, 1985, с.50-51]. По его мнению, на форму обряда человеческих жертвоприношений, выразившуюся в захоронении черепов рабов, а не их целых костяков, возможно, повлиял известный обычай отсечения головы у врагов, распространённый у скифов, алан, персов, парфян [Гаджиев, 1985, с.52]. Затем М.С.Гаджиев делает вывод о том, что время возникновения, как и некоторые детали этого погребального обряда, приходится на период активных связей местного населения с сармато-аланским миром. По его мнению, вероятно, что на внешнее оформление этого обряда могли оказать влияние духовные представления и обряды сармато-алан, связанные с военными обычаями и с поклонением богу войны [Гаджиев, 1985, с.54-55].

Однако, судя по имеющимся примерам, погребения с человеческими жертвоприношениями широкого распространения на территории Албании не имели. Поэтому можно предположить, что эти погребения непосредственно связаны с вождями или военными предводителями племён сармато-аланского круга.

Уже с первых десятилетий своего существования государство Сасанидов приступило к обширным завоеваниям. В 252–253 гг. шаханшах Шапур I (241–272) совершил поход на Южный Кавказ и, как указано в надписях жреца (в то время – хербеда) Картира, его войска дошли до «Иберии, и Албании, и Баласакана, и дальше до Албанского [Дербендского. – *Р.М.*] прохода» [Луконин, 1969, с.87–88]. С этим походом связана попытка насильственного насаждения ортодоксального зороастризма в Албании. Судя по победной надписи Шапура I на так называемой «Каабе Зороастра» (составлена около 262 г. [Касумова, 1994, с.3]), расположенной в местности Накш-и Рустам, Шапур I поручил Картиру организацию храмов огня и жреческих общин в Иране и завоёванных областях. В одной из надписей, обнаруженных в местности Сар-и Мешед (составлена около 290–293 гг. [Касумова, 1994, с.3]), говорится о том, что Картир «...в Армении, Грузии и Албании – всюду учредил священные огни, назначил магов служить им».

Однако народы Южного Кавказа, зороастрийские культы которых отличались от ортодоксального зороастризма, во второй половине III в. поднялись на борьбу против Сасанидов. По мнению Ф.Мамедовой, манихейство и маздакитское движение, начавшиеся в Иране, распространились и на Албанию [Мамедова, 2005, с.377]. Раннесредневековый автор Агафангел сообщает, что армянский царь Хосров для войны против шаханшаха Шапура «собрал албанское и иберийское войска, открыл ворота алан и стражу Чора, впустил войска гуннов». Вскоре к нему присоединились также лпины, чилбы, каспы и другие племена из этих краёв с множеством отважных и храбрых, хорошо снаряжённых всадников (Агафангел, Житие и история святого Григора, 19). Судя по всему, Сасанидам не удалось насадить ортодоксальный зороастризм в Албании.

После заключения Нисибинского договора (298 г.) с Римской империей в государстве Сасанидов начался длительный внутренний и внешнеполитический кризис. Страны Южного Кавказа оказались в сфере влияния Римской империи, что привело к изменению религиозно-идеологической ситуации в регионе. В 303 г. император Диоклетиан издал эдикт против христиан с повелением разрушать христианские храмы и сжигать их священные писания. Такая ситуация в Римской империи благоприятствовала распространению христианства в государстве Сасанидов [Гаджиев, 2022, с.674]. Сасанидские шаханшахи охотно предоставляли убежище христианам, подвергавшимся гонениям в Римской империи, надеясь, что оставшиеся там христиане станут их союзниками в тылу у римлян [Мамедова, 2005, с.350–351].

После подписания Медиоланского эдикта (313 г.), провозгласившего религиозную терпимость в Римской империи, в Албании (как в соседних Армении и Иберии) при царе Урнайре христианство было объявлено государственной религией. В Албании начался второй (грекофильский) период распространения христианства, связанный с именем Григория Просветителя. Однако грекофильский период был кратковременным, так как вскоре Албанская церковь становится на путь этнического албанского развития, в связи с развитием албанской литературы [Мамедова, 2005, с.525–526]. При всём том, первоначально христианство не получило повсеместного распространения, среди основной части простого населения продолжали бытовать древние верования. По мнению Ф.Мамедовой, христианство, было воспринято

царём, двором, знатью и частью населения Албании. Однако большинство населения оставалось верной своим старым языческим верованиям, а часть – маздеизму [Мамедова, 2005, с.349].

Из «Истории албан» Моисея Каланкатуйского следует, что даже после принятия христианства в Албании здесь существовали ведьмы, колдуны, языческие (а также зороастрийские) жрецы, секты персторезов и отравителей. Хотя албанские цари (Урнаир, Ваче II, Вачаган III) вели борьбу против язычников и зороастризма, но в силу определённых политических обстоятельств то переходили в зороастризм, то вновь возвращались в христианство.

После принятия христианства в качестве государственной религии в Римской империи (Никейский собор 325 г.) шаханшах Шапур II (309–379) стал усматривать в христианских странах Южного Кавказа идеологических сторонников Рима. В 330-х гг. Сасаниды начали преследования христианских священников, утвердили смертную казнь за исповедование христианства и отказ от принятия зороастризма. Персы оказали помощь восставшему против албанского царя населению «великого города-крепости Албании» Цри, захватили город, умертвили христианских священников, а также инициировали убийство просветителя Албании Григориса, который вёл миссионерскую деятельность среди маскутов [Гаджиев, 2022, с.676]. Однако с середины IV в. Шапур II, опасаясь ослабления позиций Сасанидов в стратегически важных для них странах Южного Кавказа, вновь вернулся к веротерпимости на Кавказе.

В 40-х гг. V в. многие знатные албаны, в том числе правители Албании, – сын сасанидской царевны, дочери шаханшаха Йездигерда II (439–457) – царь Ваче II (середина V в. – 462 г.), а также будущий царь Вачаган III (487–510) приняли зороастризм. Албанский историк так описывает эти события: «Во времена надменного Йазкерта [здесь Йездигерд II. – *Р.М.*] дьявол возжёт и всё раздувал в нём мысль упразднить христианскую религию. Строжайшее повеление пришло в Алуанк: отречься от христианской веры и повиноваться учению могов – огнепоклонству... Персидское войско... вторглось в нашу страну. А также... многочисленная конница. И кроме всего этого, они привели с собой ещё триста наставников [могов. – *Р.М.*] и разобщили страну... По велению царя [шаханшаха. – *Р.М.*] они принуждают всех, говоря: «Если вы по доброй воле примете нашу веру, то удостоитесь от него [шаханшаха. – *Р.М.*] наград и почестей и будете освобождены от царских податей, но если вы не сделаете этого добровольно, то мы имеем повеление построить капища в селениях и агараках, возжечь в них огонь-врам [«огонь Бахрама»; ср.-перс. *ātaxš Wahrām*. – *Р.М.*] и поставить могов и мопетов служителями веры в вашей стране. Тот, кто упрямится, будет казнён, а жена и дети его будут изгнаны [из страны. – *Р.М.*]» (Каланкатуйский, II, II).

В качестве подтверждающего факта следует отметить, что погребальные памятники Албании IV–V вв., особенно на её окраинных территориях, в большей степени имеют языческую погребальную обрядность, а некоторые типы погребений (напр., кувшинные захоронения) могут рассматриваться как вариации зороастрийской погребальной традиции [Халилов, 2003, с.358–359; Хәлілов, 2009]. Кстати, христианские захоронения указанного периода в Албании, например, сырцовые гробницы и катакомбы в Мингячевире [Асланов, 1963, с.18; Vahidov, 1965, s.117–118] обнаруживают значительные отклонения от догматической обрядности [Халилов, 2003, с.359].

Албанский историк сообщает о возвращении около 447 г. из «страны хонов» в Албанию сасанидского войска под командованием марзбана Чора Мирсебухта, которое пришло «разрушать церкви Албании». По информации хроники города Карка де бет Селох (V–VI вв.), войска Йездигерда II в области Чол подчинили местных царьков, изгнали христиан и построили город Шахристан Йездигерд, который надёжно идентифицируется с крупным городищем Торпах-кала, расположенным в 25 км южнее Дербенда, где, очевидно, размещалась и резиденция марзбана [Гаджиев, 2022, с. 681–682].

Непомерный налоговый гнёт, резко ухудшивший положение народных масс, и массовые антихристианские репрессии стали главными причинами (наряду с политическими факторами) антииранского восстания 450–451 гг. в странах Южного Кавказа под руководством Вардана Мамиконяна [Тревер, 1959, с.201–202]. В ходе восстания разрушались или преобразовывались в церкви храмы огня, подвергались пыткам и казням их служители, а зороастрийских жрецов (могов), прибывших в Албанию, восставшие «предавали мечу, выставляя трупы их на съедение птицам небесным и зверям земным» (Каланкатуйский, II, II).

По сведениям албанского историка, насильственное обращение Йездигердом албанского царя Ваче II в «веру магов» и нежелание последнего быть вероотступником послужили причиной очередного антииранского восстания, начавшегося уже после смерти шаханшаха [Каланкатуйский, I, X]. Однако, по мнению К.В.Тревер, «едвали следует сомневаться в том, что основными могли быть причины политические» [Тревер, 1959, с.214], а не религиозные: Ваче воспользовался междоусобицами в Иране после смерти шаханшаха Йездигерда II (своего дяди) и начавшейся борьбой за трон между сыновьями Йездигерда, своими кузенами Хормиздом (457–459) и Перозом (459–484). В ходе этого противостояния царь Ваче около 462 г. отрёкся от престола, несмотря на просьбу Пероза не оставлять престол [Каланкатуйский, I, X].

Албанский историк сообщает также об очередных попытках насаждения зороастризма в марзбанский период в Албании (462–484) шаханшахом Перозом, который «хотел уничтожить все царства земли, разрушить церкви, упразднить религию христианскую и прочно утвердить иступлённое поклонение дэвам во всём своём царстве. И потому его нечестивой рукой немало было пролито невинной крови блаженных и святых страдальцев христовых. Неисчислимо множество невинных было истреблено мечом злодея. Даже женщины с детьми в слезах и рыданиях были угнаны в полон в чужие края, на горькое рабство. Он погубил [души. – *Р.М.*] многих нахараров Армении, Иверии и Алуанка, обратя их в веру могов, поклоняющихся дэвам, кого насилуем, а кого, наделив дарами и великой властью княжеской. Во многих местах он [Пероз. – *Р.М.*] построил капища и усилилось служение скверным богам [перед. – *Р.М.*] огнём... Вачаган [будущий албанский царь Вачаган III (487–510), брат Ваче II и сын Йездигерда II – *Р.М.*] против своей воли был вынужден принять религию могов» (Каланкатуйский, I, XVI).

В 482 г. картлийский царь Вахтанг Горгасал начал военные действия против Сасанидов. Восставших поддержали Албания и Армения. Противостояние продолжалось до 485 г., когда преемник Пероза шаханшах Валаш (484–488) пошёл на значительные уступки, заключив со знатью Южного Кавказа договор, согласно которому права и привилегии местной знати и христианского духовенства сохранялись в неприкосновенности; были приняты взаимные обязательства не обращать насильно христиан в маздеизм, а зороастрийцев в веру Христову [Гаджиев, 2022, с.684]. Албанский историк по этому поводу пишет: «Божественное провидение внушило царю [персидскому], и царь персидский Валаршак [Валаш, или Балаш. – *Р.М.*] повелел, чтобы каждый твёрдо держался своей веры, по своей собственной воле, и чтобы никого насильно не обращали в мога. Услышав об этом, благочестивый и боголюбивый царь Вачаган [царь Албании Вачаган III. – *Р.М.*] с великой радостью и ликованием поспешил в церковь Божию» (Каланкатуйский, I, XVII). Можно считать, что с этого времени жёсткое религиозное противостояние между зороастризмом и христианством в государстве Сасанидов фактически прекратилось [Гаджиев, 2022, с.684].

Это положило начало новому этапу христианизации Албании. «Благочестивый царь Вачаган отвратился от грешных деяний и злого пути, творил множество всевозможных добрых дел. ...Своими увещеваниями и наставлениями он убеждал исповедовать истинного Христа нахараров своей страны, совершенно осквернивших разум и души свои омерзительной верой могов, а тела – распутным развратом. ...И тех, кто после благодати купели спасения перешёл в огнепоклонство, он склонил к раскаянию. А тех, кто с малых лет следовал по пути гибели, он приказал просвещать в купели спасения» (Каланкатуйский, I, XVII).

Такая ситуация, благоприятствовавшая распространению христианства на Кавказе, стала возможной не только из-за сложного политического положения Ирана и противодействия насильственному обращению в зороастризм, но и вследствие того, что в 484 г. сирийская церковь в Иране на своём соборе приняла осуждённое в Византийской империи несторианское вероисповедание, а христианские церкви Южного Кавказа, придерживавшиеся умеренного монофизитства, фактически противопоставили себя византийской халкидонской (диофизитской) церкви. Официально же разрыв произошёл немного позже – на I Двинском соборе (506 г.), на котором Армянская, Албанская и Грузинская церкви отвергли решения IV Вселенского (Халкидонского) Собора 451 г. [Гаджиев, 2022, с.684-685].

Вачаган III Благочестивый проводил активную политику распространения христианства, искоренения язычества и зороастризма. Албанский историк сообщает: «[Вачаган] установил строгие наказания и пени тем, кто строил капища или занимался колдовством, или поклонялся каким-нибудь скверным кумирам,

кто не хранил в целостности и незыблемости порядки христианские. А если колдуны и чародеи, и жрецы... всё же продолжали те же гнусные дела, то, подвергая ужасным пыткам, избивая прутьями, на привязи, приводили их к царскому двору, и царь их тяжко наказывал. Таким образом, многих из колдунов, чародеев и жрецов он велел калечить или изгонять [из страны], или обращать в рабов, а ещё многих поучал и, совершая христианское крещение, обращал на путь познания Бога» (Каланкатуйский, I, XVII).

Важнейшим событием в религиозно-политической жизни Албании стал созванный Вачаганом III Алуэнский собор (488). Причинами организации собора явились как религиозные, так и социальные противоречия – между духовенством и населением, внутри духовенства, между знатью и простонародьем. На Алуэнском соборе были приняты государственные постановления, скреплённые перстнями-печатами царя и албанской церковной и светской знати (Каланкатуйский, I, XXVI). Этот единственный сохранившийся в «Истории албан» юридический документ также является основным памятником церковного права Албании.

Ряд канонов Алуэнского собора (X–XIII) был направлен против языческих и зороастрийских представлений, очевидно, широко распространённых среди населения. Так в X каноне говорится: «Никто не смеет взять в жёны родственницу в третьем колене или жену брата». Этот канон, узаконивающий брак только с четвёртой степени родства, запрещал кровнородственные браки. Этот канон свидетельствует о существовании в Албании таких форм брака, предписываемых зороастризмом. Так, албанский царь Ваче II, бывший племянником шаханшаха Йездигерда (сыном его сестры) и кузеном Пероза, был женат на племяннице Пероза, т.е. на двоюродной, а возможно, на родной сестре (Каланкатуйский, I, X).

Нормы семейно-брачного права (а также уголовного и судебного) содержит XI канон Алуэнского собора: «Того, кто бросает жену без причины и берёт [другую] жену без венчания, или того, кто обращается к волхвам [т.е. к зороастрийским магам. – *Р.М.*], а также убийцу и беззаконника, следует связать и привести к царскому двору и осудить на смерть через пытки». Данный закон, приравнивающий немотивированный развод, незаконный брак и обращение к магам, к убийству человека был направлен на внедрение и укрепление христианских правовых норм и моральных принципов.

Согласно этим канонам, приверженность язычеству и зороастризму каралась смертной казнью и обращением в рабство. Таким образом, среди мер наказания за данный деликт мы видим те же кары, которые были предусмотрены указами Шапура II и Йездигерда II при насаждении зороастризма в странах Южного Кавказа. Как кажется, вышеуказанные жестокие и взаимосоразмерные меры наказания за религиозные преступления, видимо, не являлись постоянно действующими и приобретали силу закона при обострении албано-сасанидских, христианско-зороастрийских взаимоотношений, как это и наблюдалось в начале правления Вачагана III [Гаджиев, 2022, с.687].

Албанский историк сообщает о борьбе Вачагана с язычниками: «Вачаган повелел собирать детей колдунов, чародеев, жрецов, персторезов, отравителей и отдавать их в школы, обучать божественной вере... [Затем] он взялся разыскать, обличить и расследовать дела злой секты персторезов и отравителей, ибо это были секты, губящие людей... Ибо с давних времён, как слышал Вачаган, существовало это злодеяние в Алуанке. Предыдущие цари Алуанка или не могли схватить их, или просто пренебрегали ими. А проклятые и злые персидские марзбаны хоть часто и ловили их, но ослеплённые взятками, отпускали их на волю... Были и другие обряды беспочитания... Царь хватал их и, [подвергая] страшным пыткам, истреблял в своей стране. Он искоренил в Алуанке и других вредных суеверов и разбойников» (Каланкатуйский, I, XVIII).

По мнению Ф.Мамедовой «среди религиозных систем позиции христианства до VII в. включительно были доминирующими, но не всеобщими, политеизм [как и зороастризм – *Р.М.*] не был изжит» [Мамедова, 2005, с.159]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в указанный период население Албании было как полиэтничным, так и многоконфессиональным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı, 2009, 180 s.
2. Vahidov R.M. Torpaqçalada arxeoloji tədqiqatların yekunları / Azərbaycanın maddi mədəniyyəti, c.VI, Bakı, 1965, s.201-212.
3. Алиев К. Античная Кавказская Албания. Баку, 1992, 238 с.
4. Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н.э. – I в. н.э.). Баку, 1974, 363 с.
5. Асланов Г.М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК, вып.60, 1955, с.63-72.
6. Асланов Г.М. Материальная культура Мингечаура I–VII вв.: автореф. канд. дисс. Баку, 1963.
7. Гаджиев М.С. К социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Сб. ст. «Древние культуры Северо-Восточного Кавказа», Махачкала, 1985, с.44–58.
8. Гаджиев М.С. Религиозная жизнь в Кавказской Албании: христианство и зороастризм // Вестник древней истории, 2022, №3, с.672–699.
9. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. Москва, 1970, 396 с.
10. Ионе Г.И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием // КСИИМК, вып.60, 1955, с.54–62.
11. Казиев С.М. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 году // Изв. АН Аз.ССР, 1949, №9, с.90-105.
12. Касумова С.Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Города Ирана. Баку, 1994, 128 с.
13. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М.: Изд-во «Наука», 1982, 174 с.
14. Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Москва, 1969, 244 с.
15. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
16. Меликов Р. Албанский храм богини Луны // Сб. ст. «Этнокультурное наследие Кавказской Албании», №2, Баку, 2021, с.156–166.
17. Меликов Р. Племя каспиев по античным и древневосточным источникам // «Проблемы истории, филологии, культуры», вып. XIII, Москва-Магнитогорск, 2003, с.217–229.
18. Меликов Р. Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV вв. до н.э.). Баку, 2003, 198 с.
19. Меликов Р.С. Каспии – воины и кораблестроители (на основе арамейских источников) // Доклады АН Аз.ССР, т.XLIV, 1988, №5, с.74–77.
20. Муравьев С.Н. Птолемева карта Кавказской Албании и уровень Каспия // Вестник древней истории, 1983, №1, с.117–147.
21. Муравьев С.Н. Пять античных свидетельств в пользу «Птолемеевой» трансгрессии Каспия / Сб. ст. «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 год». М., 1988, с.235–247.
22. Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. Москва: Индрик, 2002, 488 с.
23. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.
24. Халилов Дж.А. Раннесредневековая Албания в IV–VII вв. Погребальные памятники / «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века». Москва, 2003, с. 358–359.
25. Шульц Д.Б. Обзор могильников Закавказья и древние пути передвижения народов // Известия Кавказского отделения Московского Археологического Общества. Вып. II, Тифлис, 1907, отдел II, с.2-9.
26. Ямпольский З.И. Древняя Албания: III–I вв. до н.э. Баку: АН Аз.ССР, 1962, 381 с.

Пашаева Махаббат

*Руководитель Центра исследования мультикультурализма UNES,
главный научный сотрудник Института археологии, этнографии и
антропологии НАНА, доктор исторических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-4856-600>*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ХРИСТИАНСКИХ МИССИОНЕРОВ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Аннотация. Представленное исследование, основанное на античных источниках, историко-топонимических материалах XIX–XX вв. и отчетах археологическо-этнографических экспедиций, посвящено одному из основных периодов христианского прошлого Азербайджана – деятельности первых христианских миссионеров в Кавказской Албании. В исследовании представлена дорожная карта передвижения миссионеров из Сирии и Иерусалима в Албанию, мифы и легенды об апостолах Варфоломее, Фаддее, особенно Елисее, основавшем первую церковь в Албании, и его учениках; о сирийском миссионере Георгии, прозванным в народе пророком Джарджисом. Рассмотрены сохранившиеся в исторической памяти следы легенд, существовавших у местного населения о первых христианских миссионерах. В исследование включены рассказы и поверья, связанные с храмами Комрат, Кала Гергес, Чотари, а также монастырями Урекванк/Урекан, Худаванг, Амарас, Св. Елисей, связанными с первыми христианскими миссионерами и их последователями.

Ключевые слова: Албания, апостолы, миссионерство, христианство, святилище.

Keywords: Albania, apostles, missionary work, Christianity, shrine

Азербайджан входит в число стран, где возникли первые христианские общины. Государство Кавказская Албания (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.), расположенное на пересечении важных торговых путей между Востоком и Западом, делало эти земли с древнейших времен центром политико-идеологических процессов. Полиэтническая и поликонфессиональная среда Албании, а также экономические, политические и культурные отношения с Ближним Востоком были благодатной почвой для христианской миссии. В этой связи, хотя первые христианские миссионеры, отправившиеся в дальний путь из Иерусалима, Сирии на территории Кавказской Албании, столкнулись с сильными языческими традициями местных племен на Кавказе и во многих случаях были убиты здесь, смешанные с зороастризмом языческие верования не могли создать серьезного препятствия новой религии.

Христианство проникло на эти территории со времен Иисуса Христа и его апостолов. В Кавказской Албании можно проследить процесс формирования раннеапостольского периода христианства. По караванным путям сирийцы, шедшие из Месопотамии, Ирана в страны Кавказа – Грузию, Албанию, помимо торговли на этих землях, распространяли и новую идеологию – христианское учение. Хотя местное население в Албании было невероятно привязано к языческим культам, первые христианские миссионеры ценой суровых гонений, испытаний и даже смерти смогли распространить здесь христианство. Это подтверждается как источниками, так и историко-этнографическими данными [Каганкатвацци, 1861, I, 4–6; Мхитар Гош, 1960, с.8; Мамедова, 1986, с.217].

В частности, труд «История албан» М.Каланкатуйского является бесценным источником для изучения христианства в Кавказской Албании и деятельности первых христианских миссионеров в этом государстве. В произведении Каланкатуйского сохранились сведения, позволяющие проследить деятельность миссионеров из Сирии в Албании [Каганкатвацци, 1861, I, 14; II, 29–30].

Появление христианства на территории Кавказской Албании связано с именами апостолов Варфоломея, Фаддея и особенно Елисея, ученика Фаддея. Варфоломей, первый проповедник христианства,

пришедший в Албанию, был одним из 12 апостолов, известным как 4-й после Андрея, Петра и Филиппа. По преданию, Варфоломей, проповедовавший христианство в городах Малой Азии, продолжил свою миссионерскую деятельность в Иране и Индии. Одна из основных причин установления тесных религиозных и торговых отношений между Индией и Албанией с древнейших времен была связана с распространением в этих государствах зороастрийской религии. Многие зороастрийские храмы располагались в Кавказской Албании. К этим храмам вели караванные пути из Индии и Ирана. Этими караванными путями, по-видимому, Варфоломей пришел в древнюю Албанию.

Миссионерская деятельность апостола Варфоломея была тесно связана с албанской провинцией Сюник. В источниках приводятся сведения о том, что Варфоломей переправился через реку Араз с территории Атропатены и начал свою деятельность в селении Ордубад Сюникской области [Каганкатвацци, 1861, I, 4, Мамедова, 1986, с.223]. Из исследований известно, что апостол Варфоломей был распят вниз головой в 71 г. в храме Арта, религиозном центре языческих жрецов в городе Альбане или Албанополе, где на западном побережье Каспийского моря были очень сильны традиции огнепоклонничества [Никоноров, 2005, с.50; Мамедова, 2005, с.535]. Город Альбана отождествляется с нынешним Баку, а церковные источники указывают на то, что место мученической смерти апостола Варфоломея находилось на территории Ичеришехер, у подножия Девичьей башни [Никоноров, 2005, с.50]. При археологических раскопках вокруг Девичьей башни были обнаружены остатки древнего храма [Ахундов, 1986, с.72]. Позднее на месте распятия Варфоломея была построена албанская церковь [там же].

Вторым апостолом, являвшемся основоположником христианства в Албании, был святой Елисей, ученик апостола Фаддея. Поскольку Фаддей, отправившийся из Иерусалима с миссией распространения христианства в Албании, был убит по дороге, его ученик Елисей должен был продолжить его миссию. В христианской литературе, особенно в албанской христианской традиции, Елисей известен не только как ученик Фаддея, но и как святой. Было определено, что миссия Елисея по распространению христианства в Албании имела место примерно в 51–62 гг. [Мамедова, 2005, с.532]. Согласно источникам, Елисей, основавший первую церковь на албанских землях, получил благословение от Иакова, брата Иисуса. Елисей был одним из самых почитаемых албанами святых, потому что он фактически основал первую албанскую церковь на албанских землях. Албанская церковь всегда считала святого Елисея своим апостолом и покровителем [Каганкатвацци, 1861, I, 6, 28; II, 30, 42, 48; III, 8, 23]. На основании сведений Каланкатуйского об Елисее можно сказать, что святой Елисей был не только учеником апостола Фаддея, но и одним из свидетелей жизни и религиозной миссии Иисуса Христа [Каганкатвацци, 1861, II, 48].

Миссионерский путь Елисея из Иерусалима в Албанию, особенно упомянутые в его маршруте топонимы и их локализация, – один из самых интересных и спорных вопросов в изучении истории восточного христианства. Следует отметить, что *Чола – страна Маскут, Ути, Согарн, Гис, Зергуни и Хоменк в землях Албании*, куда Елисей отправился со своей христианской миссией топонимы, хотя их локализация в известном смысле объяснена и подтверждена в научной литературе [Никоноров, 2005; Ибрагимов, 1999, с. 174; Мамедова, 2005, с.251], долина Зергуни, последнее пристанище святого Елисея и место, где он был убит, а также местность топонима Хоменк, до сих пор остаются неизученными.

По сведениям албанского источника, Елисей, построивший церковь в Гисе, на обратном пути пересек долину Зергуни и отправился к месту, где находились святыни невежественных язычников, приняв там мученическую смерть. Убийцы бросили тело святого Елисея в канаву в месте под названием *Гоменк/Хоменк* [Каганкатвацци, 1861, I, VI]. Сопоставление источников, топонимических и археологическо-этнографических материалов повышает вероятность того, что долина Зергуни, где было упомянутое албанским автором святилище идолопоклонников, находится вблизи села Зараган Габалинского района. Следует отметить, что местное население называет данное село Зарган/Зергуни, как и в тех же источниках. По результатам археологических и этнографических исследований, проведенных в Габалинском районе в 60-х гг. XX в., албанским автором упоминается *долина Зергуни, где находится святилище язычников* [Каганкатвацци, 1861, I, VI]. Можно сказать, что Габала находится на территории села Зараган.

Анализ топонимии региона также свидетельствует о том, что эта местность была местом поклонения древних язычников. Этимология топонима Куткашен, бывшего названия Габалинского района, объясняется древними тюркскими языками. Так, слово *Кут* в древнетюркских верованиях имеет такие

значения, как душа, духовно-моральная сила, судьба [Çeribaş, 2021, s.1188; Kirişcioğlu, 2007, s.234-238]. *Кутку/утку* известен, как Бог жертвоприношения в тюркской мифологии [Karakurt, 2011, s.221]. В азербайджанских диалектах «шен» употребляется в значении праздничного, оживлённого места жительства. В этой связи топоним Куткашен может трактоваться, как обитель духов или дом бога жертвоприношения-Кутка. Результаты археологических раскопок подтверждают вышеизложенное. При археологических раскопках 60-х годов прошлого века в Габале (прежнее название Куткашен) были обнаружены следы пепла, вероятно, остатки ритуала поклонения огню [Qaziyev, Babayev, 1967, s.39]. По данным этнографического опроса, проведенного в этом регионе в то время, местное население говорит, что в прошлом в этой местности находилось *капище* [Qaziyev, 1962, s.46]. Сопоставление всех этих доводов археологическо-этнографических, а также топонимических материалов дает основание говорить, что долина Зергуни, где было языческое святилище – последнее пристанище миссионерского пути Елисея в Албании, находится в селе Зараган Габалинского района.

Что касается локализации места, где был убит Елисей – Гоменк/Хоменк, то следует отметить, что по результатам научной экспедиции, проведенной нами в Габалинском районе в 2017–2019 гг., можно сказать, что этим местом является село Бум, расположенное недалеко от села Зараган [Paşayeva, 2019]. По результатам этнографических полевых исследований стало известно, что в лесном массиве при въезде в село Бум на древнем кладбище находится пир - место поклонения воде, называемый местными жителями Елсуй баба. Это древнее святилище в селе Бум веками было священным местом в Габалинском районе. Из источников XIX и начала XX вв. известно, что с XIX в., полагая, что святой Елисей был убит близ села Бум, люди из окрестных сел, особенно из села Нидж, где компактно жили удины, не реже одного раза в год посещали село Бум и чтити память Елисея [Яновский, 1848, с. 165; Арутинов, 1905, с. 73-96]. Из отчетов научной экспедиции, проводившейся в этом районе в 1963 г., известно также, что на святилище была каменная табличка с выбитыми словами: «Это памятник могущественному и святому Елисею» [Qaziyev, Hesabat, 1963, s.11]. До начала XX века здесь был большой поток посетителей [Qaziyev, 1962, s.46].

Проведенные нами в 2017–2019 гг. этнографические полевые исследования в селе Бум подтвердили, что это древнее албанское святилище, связанное с Елисеем, до сих пор остается главным святилищем села [Paşayeva, 2019]. Жители села помнят, что это святилище связано со святым Елисеем. Жители села Бум считают святым участок древнего кладбища, расположенного в нижней части села, в лесу, особенно место долины, разделяющей его на две части, где, как они верят, святой под именем «Елисей Баба» был убит. Это святилище в настоящее время считается главным святилищем села и в народе известно как *Елсуй* (Елисей) Баба. В Азербайджане существует традиция добавлять слова ата или баба к имени святого, в честь которого названо святилище. То, что это святилище называется Елсуй Баба, свидетельствует о том, что Елисей воспринимался местным населением, как святой человек. Близлежащий родник считается священным. Люди приходят сюда, чтобы найти исцеление. По поверью, воду из родника можно только пить, но мыть лицо и руки запрещено, так как это считается неуважением к этому святому месту. По материалам экспедиции в этом районе также были обнаружены остатки жертвенника и подземного сооружения. По сведениям, зафиксированным в 1960-е годы, посетители затыкали платком отверстие, ведущее в подземное сооружение, и если воздух внутри выдувал платок, то верили, что их мечты сбудутся [Qaziyev, 1962, s.46].

Из источников XIX и начала XX веков, а также историко-этнографических исследований видно, что в XIX в. Нухинский уезд, охватывающий северо-западный регион Азербайджана, был богат памятниками и легендами, связанными с Елисеем. Святилища, несущие следы древних албанских верований, такие, как Кала Гергес (Огуз), Чотари (р.Габала, с.Нидж), Комрат (р.Габала, с.Дизаглы), святилище Елсу (р.Габала, с.Бум), Киш (р.Шеки, с.Киш) непосредственно связаны с миссионерской деятельностью Елисея в Албании. Это связано с тем, что Елисей распространял христианство в этих областях. В регионе до сих пор живы в памяти людей верования, связанные с мифом о Елисее. *Кала Гергес* (Огуз), *Кала Цисик*, *Комрат* (р.Габала, с.Дизаглы), древние албанские храмы, такие как *Чотари* (Габала, Нидж), являются основными местами поклонения как удин-христиан, так и мусульманского населения региона в религиозные праздники.

Святой Елисей был одним из самых почитаемых святых в Албании, так как он фактически основал первую албанскую церковь на албанских землях. Елисей вспоминается в христианском мире только в связи с Албанией и считается святым в Албании. Подчеркивая особое влияние Елисея среди албан, албанский

автор пишет, что местное население всегда считало его своим апостолом и защитником [Каганкатвацци, 1861, I, 6, 11, 17, 32; II, 7]. Первая христианская церковь Киш, основанная Елисеем в Албании, является одной из древнейших апостольских церквей не только на Кавказе, но и во всем христианском мире. В XIX – начале XX вв. Р.Эфендиев также подчеркивал, что эта церковь «*восходит ко временам апостолов*». [Эфендиев, 1928, с.3]. Традиция принесения «бескровной жертвы» [Каганкатвацци, 1861, I, 6], т. е. милостыня, о которой упоминал албанский автор в VII в., до сих пор сохраняется в храме Киш.

В Огузе албанский храм, который у мусульманского населения называется святилище Гала, а у удинов Кала Гергес (Большая церковь), является одним из святилищ имени святого Елисея. По сообщению Рашид бека Эфендиева, этот храм был построен на могиле Елисея. После убийства Елисея местное население похоронило здесь Елисея и его учеников [Эфендиев, 1903, с.4]. Следует отметить, что святилище, называемое удинами *Кала Гергес* (Большая церковь), то есть святилище Гала, имеющее такое же значение у азербайджанцев, одинаково значимо как для мусульман, так и для христиан региона.

Автор XIX в. Бежанов удийского происхождения писал, что в этой церкви, расположенной в Огузе, удины совершают обряды и жертвоприношения почти во все праздники [Бежанов, 1892, с.213-262]. Наибольший наплыв посетителей в церковь приходится на Пасху. В каждом из этих храмов как христиане, так и мусульмане совершают различные религиозные обряды и приносят жертвы. Такой жертвенник в настоящее время остается во дворе церкви Чотари. На этом камне местные жители и сегодня совершают жертвоприношения либо во время религиозных праздников, либо в церемониях, связанных с бытовыми традициями.

В христианстве Албании наряду с мифом об апостоле Елисее среди местного населения бытовали легенды о судьбах учеников Елисея. В XIX – начале XX вв. такие авторы, как Бархударян, А.А.Арутинов, А.О.Яновский записали бывшие среди местного населения предания о местах захоронения учеников св.Елисея [Бархударян, 1893, с.217-218, 281; Арутинов, 1905, с.5; Яновский, 1848, с.165].

Ходят легенды, что один из учеников святого Елисея был убит в *Кала Сисик (Большой цветок)*, холмистой местности к юго-востоку от Варташена (современный Огуз), другой был убит в Нидже и там, где они похоронены, построены церкви [Яновский, 1848, с.165], а третий ученик апостола был похоронен в Комрате [Бархударян, 1893, с.217; Эфендиев, 1903, с.8-9]. Гора Комрат, где, как считается, похоронен один из учеников Елисея, является одной из самых известных святынь Габалинского района. Комрат является местом паломничества всех азербайджанцев вне зависимости от их вероисповедания. Древние албанские надгробия с изображением Солнца сохранились вокруг горы Комрат. Эта древняя албанская святыня является одним из самых посещаемых удинами мест поклонения. Во все религиозные праздники удины совершают здесь обряды и приносят жертвы.

Автор XIX в. А.Яновский отмечал, что имелись слухи о том, что в Нидже был убит один из учеников Елисея, и там была построена церковь [Яновский, 1848, с.165]. В начале XX в. Арутинов также писал, что в Нидже были убиты ученики Елисея [Арутинов, 1905, с.73-96]. Следует отметить, что удины – единственный албанский этнос, компактно проживающий в селе Нидж и исповедующий христианство и до сих пор сохранивший память о св. Елисее и предания о строительстве древнего албанского храма на месте, где его ученики были убиты. Церковь, которая сейчас известна, как церковь Чотари, была построена на земле, когда-то принадлежавшей семье Чотари, поэтому постепенно она была переименована в церковь Чотари.

Следует отметить, что канонизация Елисея не зафиксирована ни в одной другой христианской общине. В источниках имя Елисея фигурирует только в событиях, связанных с Албанией. Елисей был одним из самых почитаемых албанами святых потому, что он основал первую церковь в Албании. Поэтому большинство албанских христианских храмов на территории Азербайджана связаны с именем Елисея. Большое количество церквей и монастырей было построено в честь святого Елисея в Шекинском, Габалинском и Огузском районах Азербайджана, а также в Ходжавендском, Тертерском и Кяльбаджарском районах Карабаха и Зангезура. Многие церкви и монастыри, такие как Монастырь св. Елисея (Тертерский район), Агогланский монастырь (Лачинский район), Худавенгский монастырь (Кяльбаджарский район), Амараский монастырь (Ходжавендский район), считающиеся жемчужинами албанского зодчества, связаны с именами апостолов и их преемников. В источниках встречаются различные легенды, связанные с мифом о св.Елисее в албанских религиозных местах таких, как монастырь Святого Елисея (р.Тертер, с.Талыш),

монастырь Урекванк/Урекан, монастырь Святого Елисея (р.Ходжавенд, с.Чартар). Каланкатуйский пишет: «Кости и череп святого Елисея, заложившего основу христианства в Албании и принявшего мученическую смерть в долине Зергуни, изначально находились в месте под названием Урекан [Урекванк], но затем кости были перевезены оттуда в церковь святого Нерс Михра/Джирвишдик [в монастырь святого Елисея. – П.М.]» [Kalankatuklu, 1861, I, 7]. По этой причине монастырь, который изначально назывался Нерс Михр/Джирвишдик, позже стал называться монастырем Святого Елисея. Основываясь на этих сведениях, автор XIX в. Бархударян пишет, что череп апостола Елисея был привезен в монастырь Урекванк и захоронен там во времена правления Вачагана III. Источник пишет, что череп святого Елисея был захоронен под алтарем церкви Урекванк. Кости апостола были погребены в монастыре, воздвигнутом Вачаганом III в честь святого Елисея [Бархударян, 1895].

Монастырь Святого Елисея, расположенный в селе Чартар Ходжавендского района, был построен в честь св. Елисея, первого католика Албании. Из надписи, датированной 1124 г., обнаруженной на территории церкви, известно, что это место было одной из важнейших святынь провинции [Бархударян, 1895, с.107]. Как и во всех албанских храмах эту святыню посещало, как христианское, так и мусульманское население региона. Согласно древней легенде, в то время, когда апостол Елисей проповедовал христианство в Албании, христианство на этих землях распространял и другой ученик апостола Фаддея, Дади, на могиле которого был построен монастырь Дадиванк/Худаванк [Никоноров, 2005, с.50; Православная Энциклопедия, 2001, с.458]. Монастырский комплекс Худаванк является одним из первых христианских храмов на Южном Кавказе, одним из самых ранних албанских христианских религиозных памятников апостольской эпохи. В источниках упоминается, что он был основан Дади – учеником Фаддея, который был одним из апостолов Иисуса [Бархударян, 1895, II, с.215].

Считается, что надгробие Григория, одного из проповедников христианства в Албании в IV в., находится в храме Амарас, расположенном в деревне Джутчу Ходжавендского района. Автор XIX в. Бархударян писал, что в храме под алтарем находилось древнее захоронение. Это было надгробие св.Григория Просветителя, патриарха и католика Кавказской Албании. Местонахождение надгробия св.Григория считалось в народе главным святилищем. К святыне приходили как христиане, так и мусульмане. Сюда приезжали азербайджанцы даже из самых отдаленных селений [Бархударян, 1895, с.229]. Большая каменная плита под алтарем храма была местом паломничества [Ямпольский, 1962, с.228]. Храм Амарас также посещали как христианское, так и мусульманское население, и считалось, что болеющие лихорадкой и бесплодные женщины могли там излечиться [Ямпольский, 1962, с.35]. Петухов резали внутри и у входа в храм. На надгробии внутри храма было много остатков свечей и перьев зарезанных петухов [Ямпольский, 1962, с.228]. Среди местного населения Карабаха существовало поверье, что больные, взяв землю с места захоронения святых, излечатся. Даже плодородие земли Амарас часто связывали с захоронением здесь св.Григория [Göyüşov, 1975, с.23].

Одним из святилищ, существовавших в Кавказской Албании со времен распространения христианства и до сих пор посещаемых азербайджанцами, является святилище пророка Джарджиса в Бейлаганском районе. Эта святыня, освященная в Азербайджане именем пророка Джарджиса, связана с именем Георгия, миссионера, проповедовавшего христианство в Албании в начале III–IV вв. Согласно поверью, в этом святилище в Бейлагане покоится сирийский миссионер святой Георгий. Сообщается, что он прибыл в Албанию в качестве миссионера из Сирии и был убит зороастрийскими жрецами за-за попытки распространить христианство в Бейлагане, известном, как албанская провинция Пайтаракан. Имя сирийского миссионера, известного в христианском мире как Св. Георгий/Георгиус, было изменено под влиянием арабского языка и дошло до нас в форме Джарджиса. Есть много сирийских церквей, названных в честь этого сирийского миссионера, настоящее имя которого Джарджис ибн Анак: в Мосуле, где он родился, в Афинах (Греция) и в регионах Турции таких, как Урфа, Мардин и Диярбакыр.

Согласно распространенной среди народа легенде, связанной со святыней пророка Джарджиса, которая существует со времен распространения христианства в Кавказской Албании и до сих пор посещается азербайджанцами, стрелы выпущенные в святого Георгия не нанесли ему вреда, а упали в колодец. В настоящее время каждый день к этой святыне, где, как считается, находится могила пророка Джарджиса, приходят сотни посетителей-мусульман, и они приносят в этом храме жертвоприношения в надежде

на исполнение их желаний. Эту святыню в народе также называют «Пир-святыня цепи». Платок набрасывают на петлю на конце цепи, которая висит в середине купола в святилище. Если платок зацепился, то люди верят, что их желания сбудутся.

Сохранение следов деятельности первых христианских миссионеров Кавказской Албании в албанских храмах и святилищах, в памяти народа, посещение древних албанских храмов населением Азербайджана вне зависимости от религиозной принадлежности, почитание этих святынь как христианским, так и мусульманским населением является подтверждением того, что азербайджанский народ не забыл свои албанские корни и является приемником этнокультурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Göyüşov R. Amaras-Ağoğlan / Red. K.M.Məmmədžadə. Bakı: Elm, 1975, 98 s.
2. Qaziyev S., Babayev İ. Arxeoloji tədqiqatların nəticələri / Hesabat 1967: AMEA Arxeologiya, Etnoqrafiya və Antropologiya İnstitutunun arxivindən götürülmüşdür.
3. Qaziyev S.M. Qəbələ mahalının qədim tarixindən / Вопросы истории Кавказской Албании. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1962, с.75-105.
4. Paşayeva M. Etnoqrafik tədqiqatların nəticələri. Hesabat. 2019 http://www.sdf.gov.az/development/uploads/grantlar_uzre_meqale_eif-ketpl-2015—1—25/hesabatlar/54_yekun_hesabat.pdf.
5. Əfəndiyev R. Nuxa qəzasında olan asarü-ətiqələr haqqında. Bakı, 1928, 24 s.
6. Axundov D.A. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азерб. Госуд. изд-во, 1986, 312 с.
7. Арутинов А.А. Удины (материалы для антропологии Кавказа). Т.ХХІІІ. М.: Тип. С.П.Семенова, 1905, 134 с.
8. Бархударян М. Агвания и ее соседи. Тифлис, 1893, 304 с. (на арм. яз.)
9. Бархударянц М. Арцах. СПб., 1895, 461 с. (на арм. яз.)
10. Бежанов. Краткие сведения о селе Варташен и о его жителях / СМОМПК. Вып.ХІV, І. Тифлис. 1892, с.213-262.
11. Каганкатвацци М. История агван / Перевод с армян. К.Патканова. СПб.: тип. Импер. Академии наук, 1861, 376 с.
12. Мхитар Гош. Албанская хроника/ Предисл., пер. и коммент. З.М.Буниятова. Баку: АН Аз.ССР, 1960, 34 с.
13. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. – VIII в. н. э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
14. Мамедова Ф. Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005, 800 с.
15. Никоноров А. История христианства в Кавказской Албании. Баку: Нурлан, 2005, 204 с.
16. Ибрагимов Г. Христианство у цахуров / Альфа и Омега. № 1(19), М., 1999, с.174.
17. Эфендиев Р. Кабалинский магал / СМОМПК. Вып.32. І. Тифлис, 1903, с.1-9.
18. Православная Энциклопедия. М., 2001. Т.І, с.458.
19. Яновский А. О древней Кавказской Албании // ЖМНП, ч.3. СПб, 1848, с.161-203.
20. Ямпольский З.И. Древняя Албания III–I вв. до н.э. Баку: АН Аз.ССР, 1962, 389 с.
21. Deniz Karakurt. Türk Söylence Sözlüyü, Açıklamalı Ansiklopedik Mitoloji Sözlüyü 2011, s.221
22. Mehmet Çeribaş. Türk Kültüründe Kut İnancı ve Kut Aktarma Yolları Motif Akademi Halkbilimi Dergisi, 2021, Cilt: 14, Sayı: 36, 1185-1206.
23. Kirişçioğlu M.F. Saha Yakut Türklerinin Kut Sür İnancı. Uluslar Arası Büyük Türk Dil Kurultayı, Bishkek, Kırgızistan, 25-30 Eylül 2007, s.234-238.

Сафаров Рафик

*Ведущий научный сотрудник Института истории
им. А.А.Бакиханова НАНА, доктор философии по истории, доцент
<https://orcid.org/0009-0005-6487-8394>*

ПОЛОЖЕНИЕ АЛБАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЕНА ИНОЗЕМНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье на основе первоисточников и специальной научной литературы рассматривается проблема состояния Албанской церкви в периоды иностранного влияния. Автор применил методы междисциплинарного исследования. В персидский период началось сокращение ареала распространения христианства в Албании. Арабское господство в течение VIII–X вв. подвергло албанскую паству культурно-идеологическому влиянию: исламизации, григорианизации и грузинизации. В Кызылбашской державе в XV–XVII вв. на канонической территории Албанской церкви в Чухурсааде и Капанате начал свою деятельность Эчмиадзинский католикосат. Русское завоевание способствовало массовому переселению армян на каноническую территорию Албанской церкви, т.е. в Чухурсаадскую и Карабахскую области, Капанат и частично в Ширванскую область, арменизации албан-монофизитов и полной ликвидации Албанской Автокефальной церкви.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Албанская церковь, албаны-монофизиты, арменизация, григорианизация

Keywords: Caucasian Albania, Albanian Church, Albanians-Monophysites, Armenization, Gregorianization

Введение. Вера, как составляющая этнической доминанты каждого этноса, включает в себе большое практическое значение и смысл. В жизни народов религии и верования, как известно, занимают значительное место. Вероисповедание является основополагающим элементом духовности и, кроме того, пронизывает многие другие сферы жизнедеятельности этносов и людей их составляющих.

Распространение христианства на Южном Кавказе, в том числе в Албании / Арране, местная традиция связывает с проповедью апостолов Елисея, Варфоломея и Фаддея. Албанская церковь – апостольская, самая древняя на Кавказе и одна из ранних во всем христианском мире. Провозглашение христианства государственной религией в Армении и кавказских странах – Грузии и Албании состоялось в начале IV в. В том же веке албанский царь Урнаир был крещен вместе со своими приближенными. Христианство было провозглашено в Кавказской Албании государственной религией, но далеко не сразу получило повсеместное распространение, встретив сильное сопротивление приверженцев традиционных местных культов и зороастризма. Судя по материалам I Двинского Собора 506 г., албанский являлся официальным языком Церкви [Книга посланий, 1901, с.51].

Албанская Апостольская Автокефальная церковь в V–VIII вв. насчитывала более 12 епископств / епархий. Церковно-административное деление Албанской Церкви практически соответствовало историческим границам Албанского государства, а епархиальные границы в своем территориальном размежевании согласовывались с политико-административным делением государства на области, провинции (наханги) и махалы (гавары). Церковь Албании, будучи автокефальной, располагала епархиями во всех областях и почти во всех провинциях страны. Тем самым канонические границы Албанской Церкви охватывали Сюнию, Дашир-Лори и Камбисену. Все эти земли находились в церковной юрисдикции Албанского католикоса. Среди религиозных систем позиции христианства до VII в. включительно были доминирующими, но не всеобщими, политеизм не был изжит.

Распространение зороастризма и переселение иранских племен в Албанию.

При Сасанидах уже в III в. «младоавестийский» зороастризм стал официальной государственной религией, насильственно насаждаемой на завоеванных территориях [Касумова, 1983, с.102]. Начало распространения зороастризма в Албании связано с именем сасанидского шаханшаха Шапура I (243–273). В победной надписи Шапура I на Ka'ba-i Zardust' («Кааба Зороастра») в местности Накш-и Рустам (составлена около 262 г. [Касумова, 1994, с.3] среди стран, входивших в состав Сасанидского Ирана, упоминаются Албания и Албанские ворота (Дербендский проход). В ней сообщается, что Шапур I поручил хербеду Картиру организацию храмов огня и жреческих общин в Иране и завоеванных областях и странах. В одной из надписей, обнаруженных в местности Сар-и Мешхед (составлена в 290–293 гг. [Касумова, 1994, с.3]), говорится о том, что уже ставший магупатом (верховным жрецом) храма Ахуры, Картир «...в Армении, Грузии и Албании – всюду учредил священные огни, назначил жрецов служить им» [Меликов, 2017, с.14-15].

В 40-х гг. V в. многие знатные албаны, в том числе правители Албании, – сын сасанидской царевны, дочери шаханшаха Йездигерда II – царь Ваче II (середина V в. – 462 г.), а также будущий царь Вачаган III (487–510) приняли зороастризм. Моисей Каланкатуйский в своем произведении «История албан» так описывает эти события: «Во времена надменного Йазкерта [сасанидский шаханшах Йездигерд II (439–457). – *Р.С.*] дьявол возжег и всё раздувал в нем мысль упразднить христианскую религию. Строжайшее повеление пришло в Албанию: отречься от христианской веры и повиноваться учению могов – огнепоклонству...» [Каланкатуйский, II, II]. Сведения албанского историка о посылке магов в страны Южного Кавказа подтверждает и раннесредневековый армянский автор Егише [Егише, 1853, II].

В 461 г. сасанидский шаханшах Пероз (459–484) упразднил царскую власть в Албании и сделал ее своей областью, которой управлял назначенный им марзбан. Албанский историк сообщает также о последующих попытках насаждения зороастризма в Албании: «...царь персидский Пероз [сасанидский шаханшах Пероз-Фируз (459–484). – *Р.С.*] ...хотел уничтожить все царства земли, разрушить церкви, упразднить религию христианскую и прочно утвердить исступленное поклонение дэвам во всем своем царстве... Он погубил [души. – *Р.С.*] многих нахараров Армении, Иверии и Албании, обратил их в веру могов, поклоняющихся дэвам, кого насилем, а кого, наделив дарами и великой властью княжеской. Во многих местах он построил капища и усилилось служение скверным богам [перед. – *Р.С.*] огнем. Множество ересей злородного дьявола, умножившись, терзало несчастных людей страны Албании. Обвиняя их в намерении восстать, этот прескверный [Пероз. – *Р.С.*] томил их в оковах и тюрьмах, вынуждал их против воли обратиться в религию могов. Вместе с ними и Вачаган [будущий царь Албании Вачаган III Благочестивый (487–510). – *Р.С.*] против своей воли был вынужден принять религию могов...» [Каланкатуйский, 1861, I, XVII].

Известно, что сасанидские шаханшахи проводили в приморской Албании грандиозное строительство по укреплению северных границ империи от вторжений кочевников. В связи с участвовавшими набегами тюркских степняков с севера, вначале гуннов, потом булгар, а в дальнейшем сабир, возведение укреплений в Дербенде было начато еще Йездигердом II [Касумова, 1994, с.25]. Шаханшах Кавад I (488–531) и его сын Хосров Ануширван (531–579) построили многочисленные укрепления у выходов из ущелий, образуемых горами Кавказа на побережье Каспия, и около 570 г. завершили возведение Дербендских ворот [Касумова, 1994, с.27]. В целях укрепления фортификационных сооружений в албанских провинциях Базкан, Хурсан, Ширван, Чола и Дербенд было расселено ираноязычное население из Азербайджана и соседних областей Ирана.

Хотя Моисей Каланкатуйский пишет о том, что в Албании верх одерживало христианство, распространение зороастризма приобрело довольно широкий размах в южных и восточных провинциях Албании, включая Нахчыван и другие провинции Сюнии. Так, взошедший на трон Албании и вновь принявший христианство Вачаган III Благочестивый повелел «жителям Арцаха, страны [провинции. – *Р.С.*] труднодоступной, находящейся под его властью, оставить обряды идолопоклонства и жертвоприношения, и поклонения скверным кумирам...» [Каланкатуйский, 1861, I, XVII]. Особенно сильны были позиции зороастризма в области Пайтакаран (древняя Каспиана; в пехлевийских надписях – Баласакан, в некоторых армянских источниках Каспк, Казбк, Парск, Багасакан или Баласакан). По мнению С.Б.Ашурбейли, к территории Пайтакарана в IV–V вв. относились области между низовьями рек Куры и Аракса с главным городом под тем же названием, юго-восточная часть Ширвана по побережью Каспийского моря, включая Апшеронский

полуостров и часть Мугани [Ашурбейли, 1983, с.32]. Большой наплыв зороастрийцев способствовал еще большему расширению ареала распространения зороастризма в Албании, что привело к сокращению приверженцев христианства особенно в восточных, приморских провинциях Албанской страны.

В истории Христианской церкви этнические особенности народов Восточного Средиземноморья выразились в религиозном расколе. Албания в V–VI вв. оказалась втянутой в догматическую борьбу монофизитов с диофизитами, распирающей христианское Средиземноморье. После упразднения царской власти Албания в течение 463–487/488 гг. и 510–629 гг. входила в состав Сасанидской державы. Сасанидские цари стали подвергать гонениям христиан правоверного толка и поддерживать в своем государстве различные секты и ереси, боровшиеся с официальной церковью [Мамедова, 1986, с.234-235]. Начало обострения противоречий между Армянской и Албанской церквами с одной стороны и Греческой – с другой было на руку Ирану в его вековой борьбе с Византией. Армянская церковь по существу прекратила иерархические отношения, как с Византийской, так и с Римской церквами. Нет нужды останавливаться здесь на сути теологических споров, скажем только, что монофизитское григорианство было сразу же объявлено ересью и по существу отвергнуто христианством [Гюрюн, 1993, с.42]. В результате в 551 г. на Двинском соборе Албанская церковь, как и Армянская, порвала с Византийской имперской церковью, стала юридически автокефальной. Монофизитский толк восторжествовал в этих странах при активном содействии Сасанидов. Раскол Албанской церкви на монофизитов и диофизитов лишь только усилился. Падение политического влияния Сасанидов на Южном Кавказе сопровождалось и крушением церковной гегемонии монофизитов. В конце VI–начале VII в. в связи с усилением на Южном Кавказе политического влияния Византии Албанская церковь совместно с Грузинской церковью приняла диофизитство.

Политический суверенитет Албании обеспечил автокефальность ее Церкви. Приобретая самостоятельность, великокняжеский род Михранидов, правивший в Албании (629–705), больше придерживался союза с Византией и диофизитского толка христианства. Национальные особенности сирийцев, египтян, армян, входивших в состав Византийской империи, проявились в религиозном расколе и отпадении от Православной церкви. При отсутствии собственной государственности национальная церковь у армян оставалась единственным учреждением для выражения национальной самобытности и политических устремлений.

Албанская церковь в период арабского завоевания. Арабская экспансия и распространение ислама ознаменовали начало заката зороастризма, ареал его влияния стал резко уменьшаться, как и ареал распространения христианства в Албании и Армении. В борьбе с Византией вначале персы, а потом арабы, умело использовали антигреческие настроения армян, которые служили одним из элементов оплота на византийской границе. В странах Азербайджанского наместничества армяне оказались единственным народом, поддержавшим арабов в борьбе с Византией. Не менее острая борьба с Хазарией, союзницей Византии, лишь повышала этнополитическое значение армян в глазах персов и арабов. Позже арабы, недовольные самостоятельной политикой местной династии Михранидов (в частности, ее верностью византийскому православию), отстранили ее от власти. Арабский халифат в 705 г. ликвидировал самостоятельность Албании.

Утвердив свою власть на Южном Кавказе, халифы с 20-х гг. VIII в. поставили албанских католиков в зависимость от монофизитской Армянской церкви. Армяне хотя не граничили с Хазарией, но контроль халифата за халкедонитским движением в Грузинской и Албанской церквах осуществлялся через армянского католика; последний очень ловко, хотя и весьма нечестно, воспользовался борьбой албанских диофизитов с монофизитами [Алекперов, 1960, с.88-90; Буниатов, 1965, с.95-97]. О деятельности армянского католика Ильи и о его доносе халифу на албан подробно описано в сочинении албанского историка Моисея Каланкатуйского [Каганкатвази, 1861, с.239-241]. Армянский католик через арабов принуждал к подчинению Грузинскую и лишил самостоятельности Албанскую церковь. Армянский католик при содействии Армянской церкви сделал Албанскую церковь монофизитской, иерархически подчинив ее монофизитской Армянской церкви [Аннинский, 1900, с.111-115].

Оккупация арабами Южного Кавказа с середины VII до конца X вв. открыла новый этап в церковной и этно-конфессиональной истории Албании. Основной опорой халифата в захваченных странах была

арабо-мусульманская военная колонизация территории и исламизация населения. В период VIII–XII вв. в условиях отсутствия албанской государственности и наличия этнической разношерстности Албании большая часть албанского населения вынужденно или добровольно перешла в лоно исламской религии и пополнила мусульманскую общину на кавказской окраине Халифата. В таких условиях национальная Церковь у албанских христиан оставалась единственным учреждением для выражения национальной самобытности и политических устремлений. Однако после свержения албанского католикоса Нерсеса Бакура (689–706) агваны [албаны. – *Р.С.*] продолжали находиться в подчинении армянскому католикосу в течение 137 лет, по всей видимости, до католикоса Георгия II (876–897) [Аннинский, 1900, с.154].

Армянская церковь в этот период стремилась к григорианизации Албанской церкви с целью ее культурно-идеологической ассимиляции. Такое поведение Армянской церкви было результатом политики арабской администрации, благосклонно относившейся к армянскому католикосату, ведущему в то время идеологическую борьбу против враждебной арабам Византии [Алекперов, 1960, с.88-90; Бунятов, 1965, с.94-95; Велиханова, 1987, с.52-53]. Этими обстоятельствами объясняется факт объединения южно-кавказских стран в единую административную область «Арминия», входившей в состав Азербайджанского наместничества, т.е. в северную четверть ал-Джарби.

Политико-географические границы Албании (Аррана) и соответственно каноническая территория Албанской церкви начали изменяться в арабскую эпоху. Арабы придерживались Сасанидского принципа деления государства на четыре части по странам света. В северную четверть (ал-Джарби или ал-Джадй по-арабски) входили Азербайджан, Рей, Демавенд, Арминия [Ибн Хордадбех, 1986, с.106], а также Джазира (Диар Бакр, Диар Раба и Диар Мудар) и временами Иклим ас-Сугур (Пограничная область) [Тер-Гевондян, 1977, с.151-155]. В Арминию с начала VIII века были объединены все христианские страны ал-Джарби – Армения, Иберия (Картли) и Арран (Албания). Наместник Севера сидел в Азербайджане, который являлся центральной областью Северного или Азербайджанского куста в сасанидскую эпоху [Колесников, 1970, с.93-98]. Наместник обеспечивал безопасность границ и следил за исправным поступлением налогов.

Из военно-стратегических соображений арабские эмиры Арминии разместили свою резиденцию в албанском городе Дебил (так по-азерийски и по-персидски, по-арабски – Дабил, по-гречески – Товин, по-армянски – Двин), расположенном на границе Азербайджана, Аррана и Армении [Бунятов, 1965, с.380-381, карта; Велиханова, 1987, с.74, карта]. Мусульманские авторы приводят традиционно заимствованное арабами у византийцев условное деление Арминии на четыре части: Арминия I, Арминия II, Арминия III и Арминия IV. Согласно Ибн Хордадбеху и сведениям других арабских авторов, I арабская Арминия включала в свои пределы Арран вместе с Сисаджаном (Сюнией) и Тифлисом, а также с Бардой, Байлаканом, Кабалой и Ширваном. Судя по этим данным, I Арминия арабского административного объединения не была собственно армянской, а включала в основном те земли, которые считаются собственно Арраном. В составе III арабской Арминии арабы объединили наряду с Бусфурраджаном (Васпураканом) и прочими армянскими провинциями албанский Дебил (Двин).

Итак, к I Арминии относятся земли Аррана, в том числе включающего Сюнию, Лори-Памбак и Гардман (с Дилиджаном), т.е. значительную часть территории современной Армении. Согласно приведенным данным, III и IV Арминия включала территорию собственно Армении, к тому же III Арминия охватывала и часть юго-западной окраины исторической Албании. Как видно арабское деление Арминии на четыре части отражает не только административно-политические, но географические и этнографические границы бывших стран Южного Кавказа, за некоторыми исключениями. Прежде всего, это Двин и некоторые юго-западные районы Аррана по военно-политическим мотивам и из-за национальной политики арабов, включенные в состав III Арминии. Начиная с IX в., арабская Арминия, как административное название, упраздняется [Велиханова, 1987, с.57], однако все описанные страны остаются в составе Северной четверти с центром в Азербайджане.

В период ослабления власти Халифата в Азербайджанском наместничестве на землях Аррана стали создаваться новые политические образования: азербайджано-мусульманские эмираты такие, как Дебилский (Двинский), Тифлисский, Дербендский, Ширванский и ряд других мелких владений. Каноническая территория Албании в Сюнийской области была разделена между Двинским эмиратом и армянским

Ширакским (Анийским) княжеством, общая граница которых проходила по реке Занги [Сафаров, 2003, с.94; Сафаров, 2008, с.47]. Таким образом, к Шираку отошли Сюнийские земли между Занги и нижним течением Западного Арпачая. Наряду с ними среди остатков албанских христиан образовались Хачынское, Лори-Даширское [Юзбашян, 1988, с.72], Эретское и другие княжества. Албанские христиане Куро-Аракского междуречья практически во всей своей массе придерживались монофизитского толка восточного христианства. Они составляли большинство от всей массы албанских христиан. Остальная часть – албанские христиане левобережья Куры – исповедовали диофизитский толк, т.е. православное христианство. На северо-западных землях их проживания и оформилось Шекинское (Эретское) княжество с центром в Нухе на месте Шекинской провинции и части области Камбисены в бывшем Албанском государстве. По Эрети проходила граница между грузинскими и албанскими христианами.

С конца X в. и до создания Азербайджанского государства Ильденизидов в 1136 г. Эрети подвергалось давлению со стороны то Кахетинского княжества, то Картлийского царства. К середине X в. большая часть албанского населения Эрети отказалась от монофизитства (армянской ереси) и перешла в византийское православие. В результате этого население Эрети в культурном отношении оказалось тесно связанным с Восточной Грузией, что и предопределило его вхождение в лоно Грузинской Церкви. Албанское население большей части Камбисены (Камбизана) и западной части Эрети в этническом отношении подвергалось грузинизации.

Таким образом, в результате арабского завоевания и образования Арабо-мусульманской цивилизации албанское население и соответственно албанская паства в течение VIII–X вв. подверглись тройному удару, т.е. культурно-идеологическому влиянию: исламизации, григорианизации и грузинизации.

Восстановление самостоятельности Албанской церкви. Уже с конца IX в. Албанский католикос вместе с периферийной Сюникской митрополией отделился от Армянской церкви и восстановил свою автокефалию [Orbelian, 1864, Ch.LII, p.159]. Александр Аннинский четко и ясно подчеркивает, что «Сюнийский митрополит Иаков стал обращаться за святым миром к архиепископу, или католикосу агванскому [Албанскому. – P.C.] Сагаку, а не к армянскому католикосу» [Аннинский, 1900, с.152-153]. Вскоре после смерти Иакова (958) умер и Кагик, католикос албанский. Однако сочувствие к греческому православию в Албании, в том числе и в Сюнии, не исчезло и после этого. Таковы же, по-видимому, были и преемники Вагана (965–970); по крайней мере, при католикосах Стефане III (970–972) и Хачике (972–992) сюнийские митрополиты не обращались к армянскому католикосу за утвердительными грамотами [Аннинский, 1900, с.156].

Армянская церковь в начале X в. разделилась на два католикосата: Анийский и Ахтамарский. В первой половине и середине XI в. оба армянских патриарших престола греками были перенесены в Малую Азию, что еще более укрепляло независимое положение Албанской церкви.

Во время византийского наступления курдские Шеддаиды, окрепнув в Арране, захватили в 1022 г. Двинский эмират, оставаясь его правителями до 1130 г. [Minorsky, 1953, p.6-8, 15-16, 50-52]. В тоже время, воспользовавшись полным ослаблением Багдадского халифата, Византия во второй половине X в. разрушила арабскую систему укреплений в областях Тавра и Евфрата и вышла к границам мусульманских и христианских княжеств Арминии. В результате агрессивных действий против грузин и армян в период 1021–1065 гг. греками поочередно были захвачены в 1022 г. Васпураканское, в 1045 г. Ширакское и в 1065 г. Ванандское княжества. Устрашенный агрессивными действиями противника васпураканский князь по настоянию императора вместе с 90 тыс. подданных армян выселился в Каппадокию [Микаелян, 1952, с.58]. Как отмечает А.Аннинский, «Первою заботою греков по взятии Ани было изгнание большей части армянских военачальников и вельмож и распушение армянского войска» [Аннинский, 1900, с.171]. Матфей Эдесский мрачными красками рисует это время и с величайшей ненавистью отзываясь о греках. По его словам, всякого, кто только пользовался славою знаменитого воина, греки хватили и выкалывали глаза или топили; других удаляли из Армении и селили среди греческого населения. В это время погибло много знатных армянских родов. Оставшийся народ был обременен непомерными налогами. Брали не только деньгами, но и мальчиками, которых обращали в евнухов [Matthieu, 1958, p.114; Аннинский, 1900, с.172]. Вслед за принудительным переселением анийских армян в Каппадокию, началась массовая миграция

армян. Туда же перешел и ахтамарский католикос [Аннинский, 1900, с.169]. В 1050 г. греки перевели католикосский престол из Ани в малоазиатский город Сивас [Bournoutian, 1982, p.10-17]. Через 100 лет вновь сменилось местонахождение центра Армянской григорианской церкви. Католикосский престол в 1147 г. был перенесен в армянское княжество, основанное переселенцами в Киликии (1080–1375).

Такое положение вещей еще более гарантировало Албанской церкви независимость и свободу отправления культа. В XI–XV вв. каноническая территория Албанской церкви оставалась прежней. Этнополитические процессы VIII–XV вв. привели к тому, что территории, находящиеся под юрисдикцией церкви Кавказской Албании, были населены уже помимо азербайджанцев-мусульман как собственно албанами, так и другими христианскими народами (армянами в Чухурсааде (бывшей Сюнии), грузинами в Камбисене) [Православная энциклопедия, 2000, с.455-464].

Эчмиадзинское патриаршество. В процессе тюркимано-азербайджанского этногенеза, начиная с XIV в. одним из вновь образовавшихся государств этого народа было государство Каракоюнлу, владевшее помимо всего прочего азербайджанским вилаетом Чухурсаад. Этот вилает сформировался на месте бывшей Сюнийской области Албании.

Прошли столетия, как армянский народ лишился всех атрибутов государственного существования. Лишь Армянская церковь оставалась национальным символом армян. Поэтому даже Армянская церковь, утратив единство, распалась на несколько патриархий, оспаривавших друг у друга первенство в национально-духовной жизни армянского народа. В религиозной жизни армян произошло значительное событие, последствия которого в будущем отразятся на судьбе Албанской церкви, этнической истории албан-монофизитов и этнополитическом положении Чухурсаада.

Это немаловажное обстоятельство заключалось в очередной смене географического месторасположения католикосского престола армян, оказавшихся объектом политического воздействия европейцев. Все возрастающее среди киликийских армян влияние Римско-католической церкви усилилось настолько, что вызвало волнения и недовольство у тех армян, которые стремились сохранить независимость своей Церкви. С целью избавления своей Церкви от влияния Ватикана, армянское духовенство с позволения главы государства Джаханшаха Каракоюнлу в 1441 г. перенесло католикосский престол в селение Учкильса (Учмуэдзин) азербайджанской области Чухурсаад, т.е. в Сюнийскую епархию Албанской церкви [Аннинский, 1900, с.213-214, 249-257]. В этом селе находятся известные древние албанские храмы Учмуэдзин. Оба названия – Учкильса и Учмуэдзин – значат по-азербайджански «три церкви» и «три муэдзина»; муэдзин («взывающий») – человек, провозглашающий азан, т.е. объявляющий о начале богослужения и призывающий к молитве с минарета мечети. В переносном смысле название «Учмуэдзин» означало три церковные колокольни, как бы трех пастырей, возвещающих о богослужении. Из обоих названий только Учкильса отмечена в списках османских фискальных переписей (Тахрир дефтерлери / Tahrir defterleri) XVI в., например, в Кратком реестре Иреванского эялета (провинции) 1590–1595 гг. [İrəvan, 1996, s.163]. Но среди армянского населения, потянувшегося в Учкильсу вслед за патриаршим престолом, село стало называться Учмуэдзином по названию трех церквей и возведенного там монастырского комплекса. В первой трети XVIII в. название «Учмуэдзин» отмечено в Пространном реестре Иреванской ливы (провинции) 1724–1727 гг. в несколько искаженном виде – «Ичмиезин». Таким образом, на основе приведенных фактов можно с уверенностью утверждать, что название «Эчмиадзин» более позднее форма, образовавшаяся из переделанного на армянский лад названия «Учмуэдзин» [Сафаров, 2008, с.86, прим. 131]. В дальнейшем с подачи армян в европейской и русской историко-географической номенклатуре село Учкильса стало называться на армянский лад Эчмиадзином.

Следует отметить, что тюрко-мусульманское (азербайджанское) население с XI в. становится преобладающим не только в отдельных провинциях, но и в Северном Азербайджане в целом и в Чухурсааде в частности. Древнейшие насельники региона албаны, приверженцы христианства монофизитского толка, продолжали составлять немалую часть жителей западных провинций древней Албании – Карабахских провинций Лори, Памбака, Казах-Шамшадилля, Гянджи; Сюникских провинций Капанат-Зангезура, Нахчывана, Гейчи, христианское население некоторых махалов Иревана также состояло из албан. С того времени, когда с позволения азербайджанского государя Джаханшаха Каракоюнлу в 1441 г. последовало

утверждение армянского патриаршего престола в Учкильсе (Эчмиадзине), в населении области начинает возрастать армянский элемент. Это событие ознаменовало очередной этап армянского проникновения в азербайджанскую область Чухурсаад. Вообще азербайджанские властители областей – бейлербеи проявляли большую инициативу в заселении своих вилаетов армянскими податными людьми, способными в земледелии, торговле и ремесле. Эти меры имели практическое значение для пополнения количества облагаемого населения [Папазян, 1972, с.57].

Со второй половины XV в. у армян существовало четыре враждовавших друг с другом патриаршества – Киликийское, Ахтамарское, Эчмиадзинское и Константинопольское, а позже добавилось еще пятое – Иерусалимское. Османская империя в XVI в. лишила Кызылбашскую державу всех малоазиатских владений с армянским населением, и тогда Эчмиадзинское патриаршество в борьбе за паству направило усилия на ограничение прав Албанского католикосата в Северном Азербайджане и Ахтамарского патриаршества в Южном Азербайджане.

Благосклонное отношение к армянам во все времена проявилось и в вопросе выбора ими нового места для обоснования армяно-григорианского патриархата. Эчмиадзинский патриарший престол после 1441 г. начал новый этап подчинения Албанской церкви. В этом вопросе Кызылбашское правительство также благосклонно относилось к действиям Эчмиадзинского католикоса. В течение почти 1000-летнего скитания армянский патриархат неоднократно менял свое местопребывание, и лишь в XV в., найдя на азербайджанской земле долгожданный приют, существует поныне. Однако сфера деятельности армянских патриаршеств продолжала сохраняться, главным образом, в Малой Азии, т.е. вне пределов азербайджанского Южного Кавказа. Тогда армянская паства потянулась в Чухурсаад. Эчмиадзинский католикос, армянские монастыри, богатые купцы выкупали наследственные земли у азербайджанцев и заселяли их армянами. Нередко монастырские земли освобождались от всякого рода налогов. Кызылбашское правительство часто отдавало предпочтение армянам в земельных спорах и других тяжбах. Отдавалась не только земля. В руки предприимчивых армян была отдана внешняя торговля шелком и другими ценными товарами Кызылбашского государства. Армянами пополнялось население городов Иревана, Нахчывана и Джульфы.

Скупка церковных земель и монастырских поместий армянским духовенством, переселение армян отразились на истории албан-монофизитов и положении Албанской церкви. В 60-х гг. XVI в. Эчмиадзинскому католикосату при попустительстве Кызылбашского шаха Тахмасиба Сефеви удалось отнять у Албанской церкви уделы (епархии) Нахчыван, Гейчу (Гегаркуни), Капан, Акстафу и Лори [Симеон, 1958, с.89]. Первыми подверглись конфессиональной григорианизации и языковой арменизации албаны Чухурсаада, затем Капаната. Однако сами христиане Северного Азербайджана монофизитского исповедания подчеркивали свою этническую принадлежность к албанам. В документах XVIII в. собственную идентичность они выражали через хороним и топоним «Албания (Агвания)» и этноним «албаны» [Эзов, 1898, с.162, 166, 317, 326, 378]. Невзирая на указы азербайджанских шахов о переходе той или иной епархии или удела в руки Эчмиадзинского патриаршества, Албанские католикосы вели независимую религиозную политику, лишь временами признавая первенство Эчмиадзина [Арутюнян, 1958, с.10]. Несмотря на официальное признание Османским и Кызылбашским государствами прав Армянской церкви, она ко времени русского завоевания не располагала никакими епархиями на азербайджанских территориях на Южном Кавказе.

Накануне русских завоеваний на Южном Кавказе церковная юрисдикция Албанского католикоса распространялась на монофизитскую паству Ширванского, Карабахского вилаетов и некоторые части Кахетии и Картлии в Борчалы и Лори с двумя средневековыми албанскими монастырями Ахпат и Санаин [Бархударянц, 1907, с.169; Раффи, 1991, прим. с.87; Каганкатвацци, 1861, с.363]. В 80-х гг. XVIII в. у русского правительства существовал «план об основании Албанского царства» [АВПРИ, 1779-1783, л.224]. Причем в возможных планах российской дипломатии в то время совершенно не предусматривалось сохранение целостности канонической территории Албанской церкви. Однако после подписания трактата с Картли-Кахетинским царем Ираклием в 1783 г. российские замыслы 1780-х гг. в отношении проектируемой «Албании» более не реализовывались.

Полная ликвидация Албанской Автокефальной церкви. Явное предпочтение Эчмиадзинского католикосата Албанскому было подтверждено в рескрипте о присоединении Грузии от 12 сентября 1801 г., адресованным императором Александром I главноуправляющему в Грузии и на Кавказе генерал-лейтенанту Кноррингу. 11-й пункт инструкции предписывал: «...привлекать к себе нацию армянскую всякими обласканиями. ...к утверждению вообще поверхности христиан...оказывая покровительство Араратскому Патриаршему монастырю Эчмиадзину, содержать с главою церкви онаго приятнейшие сношения» [Акты, 1866, №548, с.436]. Во время завоевания азербайджанских ханств и султанств Россия начала лишать Албанский католикосат его епархий и паствы и подчинять в церковном отношении армянскому патриархату Эчмиадзина.

На Кавказе в первой четверти XIX в. подавляющая часть армяно-григориан состояла из местных албан. Колониальная политика российского царизма, проводимая исключительно в интересах пришлых армян, да и с их подачи, предусматривала проведение скорейшей деэтнизации местного христианского населения, т.е. поздних албан с целью их арменизации. Условия Туркманчайского договора 1828 г. положили начало организованному переселению армян из Кызылбашской державы в Северный Азербайджан. Таким образом, впервые в этнической истории Карабаха на его территории массово расселяются этнические армяне.

Заручиться поддержкой армян можно было при условии иерархического подчинения их в религиозном отношении прорусски настроенному Эчмиадзинскому католикосу. В этих целях русское правительство пошло на ряд уступок и снисхождений по отношению к Эчмиадзинскому католикосату, что привело к созданию для него и его паствы исключительного положения, которое было регламентировано законом 1836 г. По этому закону Албанское патриаршество было окончательно упразднено, а паства Албанской церкви подчинена Эчмиадзинскому католикосату [Мамедова, 1986, с.238-239]. Согласно Положению об управлении делами Армяно-григорианской церкви в России от 11 марта 1836 г. районы проживания русских армян были разделены на шесть духовных епархий: Иреван, Карабах, Ширван, Грузию, Астрахань и Новую Нахичевань и Бессарабию [Полное, 1837, №8970, с.194-200; Парсамян, 1972, с.81-82]. Земли первых трех епархий ранее подлежали церковной юрисдикции Албанского католикосата. Первые четыре епархии в основном соответствуют пределам бывших кавказских вилаетов Кызылбашского государства.

Заключение. В результате политические интересы подтолкнули Россию к кардинальному шагу: в 1836 г. власти принимают решение о полной ликвидации Албанской Автокефальной церкви, действовавшей на территории Северного Азербайджана и передаче ее имущества Армянской церкви. В таких условиях албаны-монофизиты, ассимилированные в языковом отношении, лишаются последнего оплота своей этнической идентичности – национальной церкви. Как следствие резко ускоряется процесс деэтнизации местного монофизитского населения – потомков кавказских албан. За сравнительно короткий срок часть превращается в армян и идентифицируют себя таковыми; часть приняла православие (грузинизировалась), часть – исламизировалась. Исключение составили удины (потомки албанского этноса *уди*), поселившиеся на левобережье Куры и сохранившие по сей день свое албанское этническое самосознание и приверженность албанским христианским корням в вероисповедании.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. İrəvan əyalətinin icmal dəftəri / Araşdırma, tərcümə, qeyd və əlavələrin müəllifləri Z.Büniyatov və H.Məmmədov (Qaramanlı). Bakı: Elm, 1996, 186 s.
2. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1960, 249 с.
3. АКАК. Т. I / Под ред. Ад.Берже. Тифлис, 1866, X, 816 с.
4. Аннинский А. История Армянской церкви (до XIX века). Кишинев, 1900, 324 с.
5. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ): Ф.5, оп.5/1 (1779–1783), д.591, ч.1.
6. Арутюнян П.Т. Предисловие к кн.: Симеон Ереванци. Джембр. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958, Ч.1, с.4-35.
7. Ашурбейли С.Б. Государство Ширваншахов. Баку: Элм, 1983, 294 с.
8. Бархударянц М. Албанская страна и ее соседи. Т.И. Тифлис, 1907 (на арм. яз.).
9. Буниатов З.М. Азербайджан в VII–IX веках. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 383 с.
10. Велиханова Н.М. Изменение исторической географии Азербайджана в результате арабского завоевания / Историческая география Азербайджана. Баку, 1987. с.46-87.
11. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т.ХI. 1836. СПб., 1837.
12. Гюрюн, Камуран. Армянское досье / Пер. с тур. И.Ахундова. Баку: Язычы, 1993, 376 с.
13. Ереванци С. Джембр. Памятная книга / Пер. С.С.Малхасянца. Под ред. и с предисл. П.Т.Арутюняна. Прим. С.С.Малхасянца и П.Т.Арутюняна. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958, 400 с.
14. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исследов., указ.и карты Н.Велихановой. Баку, 1986, 428 с.
15. История Егише Вардапета. Борьба Христианства с учением Зороастровым в пятом столетии, в Армении / Пер. с арм. П.Шаншиева, Тифлис, 1853, II.
16. Каганкатваци М. История агван / Пер. с древнеармян. К.Патканова. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1861, 376 с.
17. Касумова С.Ю. Среднеперсидская эпиграфика Кавказской Албании (Дербент). Города Ирана. Баку: Элм, 1994, 124 с.
18. Касумова С.Ю. Южный Азербайджан в III–VII вв. Баку: Элм, 1983, 168 с.
19. Книга посланий. Тифлис, 1901 (на арм. яз.).
20. Колесников А.И. Иран в начале VII века / Палестинский сборник. Вып.22. Л.: Наука, 1970, 144. с.
21. Мамедова Ф.Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э.– VIII в. н.э.). Баку: Элм, 1986, 284 с.
22. Меликов Р. Зороастрийские верования на территории Албании / Османовские чтения. Сборник материалов II Международной научной конференции (г.Махачкала, 12 октября 2017 г.). Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017, с.12-22.
23. Микаелян Г.Г. История Киликийского армянского государства. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1952, 536 с.
24. Папазян А.Д. Аграрные отношения в Восточной Армении в XVI–XVII веках. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1972, 316 с.
25. Парсамян В.А. История армянского народа. 1801–1900 гг. Кн.1. Ереван: Айастан, 1972, 398 с.
26. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т.I: «А–Алексий Студит», 752 с.
27. Раффи. Меликства Хамсы: 1600–1827. Материалы для новой армянской истории / Пер. с арм. Л.Казаряна. Ереван: Изд-во «Наири», 1991, 240 с.
28. Сафаров Р.Ф. Изменение этнического состава населения Иреванской губернии в XIX–XX веках. Баку: Сада, 2008, 254 с.
29. Сафаров Р. Место Чухурсаада в исторической географии Азербайджана (к постановке проблемы) // Азербайджан и азербайджанцы, 2003, №1-2, с.91-103.
30. Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1977, 323 с.
31. Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб, 1898, XVI, CLII, 512 с.
32. Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988, 298 с.
33. Bournoutian G.A. Eastern Armenia in the last decades of Persian rule. 1807–1828 (A Political and socio-economic study of the Khanate of Erivan on the Russian conquest). Malibu, California, 1982, XVIII, 200 p.
34. Chronique de Matthieu d'Edesse 962-1136, avec la continuation de Grégoire le Prêtre jusqu'en 1162. Paris, 1858, 546 p.
35. Minorsky V.F. Studies in Caucasian history. L., 1953, 178 p.
36. Orbelian Stephannos. Histoire de la Siounie / Trad. de l'Armenien par M.Brosset. Livr. I. St.-P., Tiflis, Leipzig, 1864.

Сеидова Гюльчохра

*Заведующая отделением кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу; доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала ДГУ в г. Дербент; научный консультант ГБУ РД «Музей истории мировых культур и религий» (г.Дербент, Российская Федерация)
<https://orcid.org/0000-0003-2382-7564>*

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ И ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ

Аннотация: Рассматривается история распространения христианства в средневековом государстве Кавказская Албания, включающем территории большей части нынешнего Азербайджана, части юга Дагестана и Грузии. Здесь существовала самостоятельная, имеющая апостольское начало, Албанская церковь, а сама проповедь началась в Дербенте, бывшем не просто частью христианского мира Кавказской Албании, но и длительное время местом пребывания её патриаршего престола. Из 26-ти племен, некогда составлявших албанский союз, сохранилась одна народность, сохранившая верность христианству – удины. Албаны одними из первых на Кавказе (в 313 г.) приняли христианство как государственную религию, сохранили свою веру и этническую идентичность. Сегодня удины стремятся к своему самоопределению в религиозном и каноническом отношениях.

Ключевые слова: Кавказская Албания, христианство, удины, апостольская церковь
Keywords: Caucasian Albania, Christianity, Udins, apostolic church

Изучение наследия Кавказской Албании в наши дни, в условиях обострения противоречий религиозного и национального характера вкупе с неизбежным влиянием процесса глобализации приобретает особую значимость. Особенно с учетом того, что наш регион – пограничная зона между христианским и мусульманским, славянским и тюркским мирами [Сеидова, 2014, с.121-122]. Изучение исторического и культурного прошлого Кавказской Албании восполняет общую картину сложения исторических судеб народов Закавказья, выявляя их взаимное культурное воздействие. Безусловно, что это древнее государство, существовавшее с античных времен до раннего средневековья, сыграло важную роль в истории кавказских народов, и немаловажно, что проповедь началась в Дербенте, что определяет наше стремление обратиться к истории христианства в нашем городе [Сеидова, 2020, с.11-17]. На территории Азербайджана, в разных районах найдены христианские базилики V–VI вв., а из актов Вселенских и Поместных Соборов известны имена епископов в Албании. Большой удачей является тот факт, что сохранился полный список албанских католикосов и имена иерархов, которые представлялись на Вселенских Соборах, чьи мощи пребывают в одноименных монастырях. Албанское конфессиональное единство бытовало с IV в. н.э. по XIX в., а его главной консолидирующей силой была Албанская патриаршая автокефальная церковь и албанское патриаршество.

До прихода арабов в Закавказье, приведшее к упразднению Албанской государственности и угасанию Албанской церкви, в период средневековья Кавказская Албания охватывала почти всю территорию современного Азербайджана, южные районы Дагестана и Алазанскую долину Грузии. Как отмечает директор Центра исследования Кавказской Албании Ф.Мамедова: «Стратегическое положение, занимаемое Албанией (наличие Кавказских проходов), географическое положение Албании, Грузии, Армении, сложившиеся внешние и внутривосточные ситуации в каждой из них способствовали стабильной безопасности албанских границ. Территория Албании с III в. до Р.Х. по VIII в. по Р.Х., т.е. в течение 1000 лет

(за небольшим исключением) оставалась приблизительно в одних и тех же пределах» (Рис. 1) [Мамедова, 2001, с.16].

Как пишет современный исследователь христианства на Кавказе, иеромонах Алексий (Никоноров): «Начиная с IV в., в Албании имеется уже своя самостоятельная Церковь с трехстепенной иерархией, с достаточным числом епископских кафедр, со своим монашеским институтом, богослужением, догматикой, каноникой, т.е. всей литургией – общественным служением Церкви. Историю Христианства в любом народе можно и даже следует рассматривать как часть истории Вселенской Церкви, более того, историю Христианства отдельного региона оправдано рассматривать как часть истории нации». Этот же автор сообщает, что согласно церковному преданию, пять святых апостолов посетили Южный Кавказ: четыре из числа двенадцати: Андрей, Матфей, Варфоломей, Иуда Фаддей и один из семидесяти – Фаддей, а в Кавказской Албании проповедовал веру Христову апостол Варфоломей [Никоноров, 2012, с.10, 41](Рис. 2).

Рис. 1. Конференция в г. Дербенте

Рис. 2. Село Нидж

Вторым апостольским источником христианского благочестия здесь, по мнению албанского историка Моисея Каланкатуйского, был святой Елисей: «...по вдохновению Святого духа, Елисей рукополагается рукой святого Иакова, брата Господня, бывшего первым патриархом Иерусалима. Елисей, получив себе в удел Восток, направив путь из Иерусалима в Персию, заходит к маскутам, избегая Армении, и начинает проповедовать в Чога, и, уча многих в разных местах, заставил их познать спасение. Оттуда он прибыл в область Ути, в город Согарн с тремя учениками» [Каганкатвацци, Кн.1, гл.6]. Четвертая глава этой книги повествует о том, что затем «...святой первосвятитель прибыл в Гис, устроил церковь и принес бескровную жертву. На этом месте возникли первые церкви наши, митрополия и просвещение» [Каганкатвацци, Кн.1, гл.4] (Рис. 3).

По сведениям исследователя П.К.Услара: «Самый ранний период, получивший название сирофильский, или апостольский, связан с именами сирийского миссионера, апостола Фаддея и его ученика святого Елисея, впервые проповедовавшего в Кавказской Албании идеи христианства» [Услар, 1992, с.15]. Определенно существуют различия в архитектуре храмов, символах креста, элементах христианства, представителях духовных глав и католикосатской линии. На основании приведенных данных складывается впечатление о развитой церковной организации, богослужении, учреждении новых епископатов при условии сохранения старых.

Наследию Кавказской Албании в Азербайджане был посвящен целый ряд научных конференций, в работе которых нам посчастливилось участвовать. Неизгладимое впечатление оставило посещение посёлка Нидж в Габалинском районе, государственных историко-архитектурных заповедников «Юхары баш» в Шеки и Киш (Рис. 4).

**ДРЕВНИЙШЕЕ СКАЗАНИЕ
О
КАВКАЗЪ**

Сочиненъ
БАРОНОМЪ П. К. УСЛАРОМЪ

Съ историческимъ вступлениемъ, извлеченномъ изъ трудовъ А. В. Зернова и изъ рукописей, принадлежавшихъ извѣстному К. В. Писареву.

Издано въ Санктъ-Петербургѣ у Губернскаго Печатнаго Дѣла при участіи Императорскаго Географическаго Общества.

СПЕЦИАЛЬНАЯ
ТАБЛИЦА
1861.

Портрет П.К.Услара

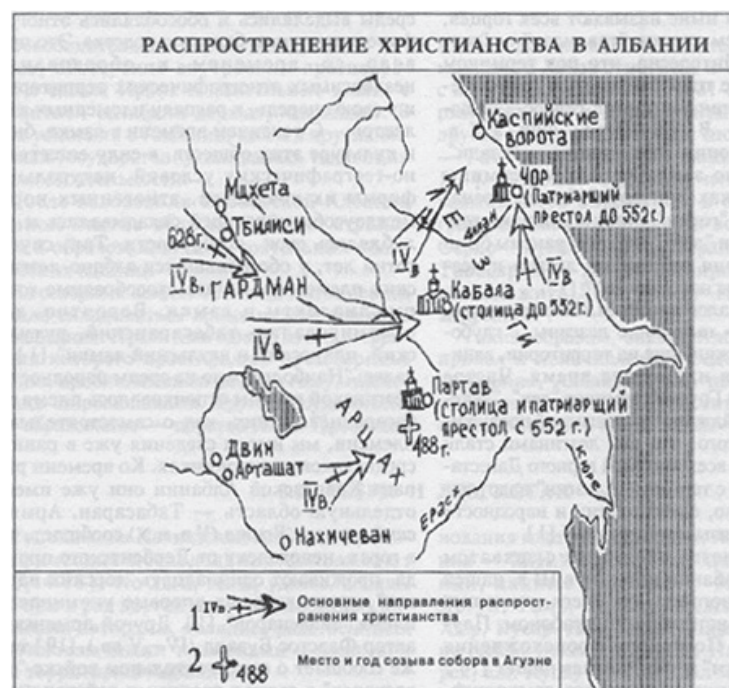

Рис. 3. Карта распространения христианства в Албании

Рис. 4. Село Киш

Все увиденное позволяет говорить не просто о визуальном сходстве христианских памятников на территории Азербайджана и южного Дагестана, но и о несомненном единстве традиций. При обращении к историческому наследию Азербайджана необходимо воздать должное монографии академика З.Буниятова «Азербайджан в VII–IX веках», где на основе албанских, византийских, грузинских, армянских, арабских и сирийских источников впервые в истории науки освещена история христианства в Кавказской Албании, Албанской церкви, её структуры и албанской литературы [Буниятов, 1965]. Серьезный вклад в изучение этого вопроса вносит монография К.В.Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании», в которой со ссылкой на «Анналы» Тацита указывается, что «...мы узнаем, что в первое десятилетие I в. в Албании правили местные цари. Узнаем об их мирных взаимоотношениях с Римом, о направленном ими к Августу посольстве, которое просило, по-видимому, договора о «дружбе», узнаем и о том, что албаны занимали среди кавказских народов не последнее место, поскольку они упомянуты в надписи первыми» [Тревер, 1959, с.115-116]. Данные «Очерки» охватывают период с IV в. до н.э., со времени первого засвидетельствованного письменными источниками их выступления на исторической арене, и до VII в. н.э. Выдающийся историк-востоковед А.Е.Крымский посвятил теме Кавказской Албании две статьи. Первая из них – «Страницы из истории северного или Кавказского Азербайджана» (Классической Албании), опубликована в 1934 г. и посвящена древнему городу Кабала, а вторая посвящена Шеки. Он писал, что «Кабалака» проникла в греко-римский мир, несомненно, через тех историков – дееписателей «великого триумвира – Помпея», которые сопровождали его в римском походе 66–65 гг. до н.э. на Албанию или получали сведения от других очевидцев, участвовавших в походе [Крымский, 1938, с.369-384]. По мнению выдающегося азербайджанского историка Аббас Кули Ага Бакиханова, Албания на севере ограничивалась Ширваном и Дербентом [Бакиханов, 1991, с.18-19].

Хотя завоевание Закавказья арабами и положило конец государственности Албании, но отнюдь не ее культурной жизни или духовной сферы, в частности, связанной с миссионерской деятельностью. Свидетельством этой деятельности служат обломки плиты с буквами «албанского» алфавита, обнаруженные в дагестанских сёлах Хуштада, Нижнее Гаквари, Тлондода и Верхнее Лабкомахи. Особой ценной обладает находка, обнаруженная близ городища VI–VII вв. в селении Верхнее Лабкомахи, – небольшая табличка, заполненная албанским алфавитом [Закарьяев, 1978, с.57-60] (Рис. 5).

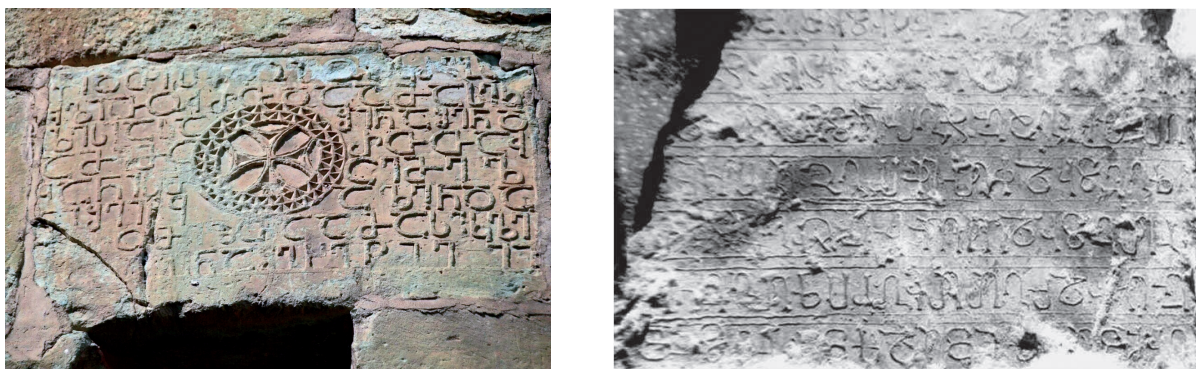

Рис. 5. Албанские плиты

В начале VI в. царь Вачаган Благочестивый повелевает об обучении грамоте молодежи из всех областей Албании [Тревер, 1959, с.308]. Как полагает дагестанский историк И.Г.Ибрагимов, расцвет албанской письменности приходится на V–VII вв., а уже после VII в. это письмо постепенно выходит из обихода в связи с тем, что Албанская церковь окончательно попала под контроль Армянской церкви, в которой древнеармянский язык являлся официальным [Ибрагимов, 2013, с.103]. Хотя к середине VII в. Кавказской Албании удалось ненадолго освободиться от персидского владычества, но вскоре вслед за этим последовали арабские завоевания. Если ранее проповедь христианства на территориях юга нынешнего Дагестана осуществлялась преимущественно албанскими и грузинскими миссионерами, то с VIII в. началось распространение византийского православия. Тем не менее, «...часть дагестанских и хазарских христиан сохраняла приверженность Албанской Церкви, к югу от Дербента, в древних албанских землях» [Гасанов, 2008, с.40].

О факте существования албанского языка, албанской письменности сообщают Страбон, Ипполит Римский, Моисей Каланкатуйский, Корюн, Себеос, Хоренаци, «Книга писем», Захарий Ритор, Хетум, многие арабские авторы. Но документальное подтверждение это получило благодаря поистине бесценной находке член-корр. АН Грузии З.Н.Алексидзе. В монастыре святой Екатерины на горе Синай в 1996 г. им был обнаружен грузино-албанский палимпсест (М/8т-13, М/5ш-50). Ученый отмечает: «Обнаружение полного Лекционария с албанским письмом на албанском языке является прямым указанием на наличие в Албании развитой христианской письменности... Лекционарий может иметь только тот народ, который обладает полным текстом Библии на родном языке. Привлекает также внимание тот факт, что обнаруженные в албанском Лекционарии некоторые чтения не встречаются в древнейших армянских и грузинских Лекционариях. Это обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что албанский Лекционарий не является переводом с какого-нибудь из этих языков, а составлен самостоятельно на основе утерянного в настоящее время греческого Лекционария» [Алексидзе, 2001](Рис. 6).

Рис. 6. Монастырь Св. Екатерины. Синай

Исследования языка позволяют делать вывод, что он ближе всех к удинскому из числа сохранившихся по сегодняшний день кавказских языков, как в лексическом плане, так и по фонетическим и грамматическим формам. Приобретение книги «Албанский Палимпсест» в двух томах при поддержке Совета правления «Общественного объединения поддержки сохранения культурного наследия Шеки» стало поистине бесценным даром для возрожденной Албано-удинской христианской общины. Перевод ее осуществлен на шесть языков: удинский, русский, грузинский, армянский, греческий, английский и сирийский. Это дает шанс для реконструкции древнеалбанского языка в качестве языка богослужения путем

сопоставления литературно зафиксированного текста, как с современным удинским, так и группой южно-дагестанских языков.

Как известно, сама проповедь началась в Дербенте. В одном из списков «Дербенд-наме» приводятся сведения о принятии христианства жителями Дербента в 335 г. «...от имени какого-то Несманшаха» [Козубский, 1906, с.12]. Уже в начале второй половины V в. в результате политики албанского царя Ваче II Дербент был превращен в один из оплотов христианства на Восточном Кавказе и в главный центр борьбы против «учения магов» [Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А, 2013, с.20]. Древний город был не просто одним из центров христианства, но и длительное время местом пребывания её патриаршего престола. В течение значительного периода времени здесь находилась резиденция католикоса (патриарха) страны, перенесенная позднее в Партав (552 г.). Даже согласно мнению же академика В.В.Бартольда, патриарший двор оставался здесь вплоть до 733 г. [Бартольд, 1963, с.672]. Азербайджанский исследователь Т.М.Мамедов также полагает, что резиденцией албанских католикосов первоначально был город Чога, близ Дербента [Мамедов, 1993, с.127]. Патриарх дагестанского востоковедения, профессор А.Р.Шихсаидов считает: «Возможно, что Чога не переставал быть рассадником христианства и после перенесения патриаршего престола» [Шихсаидов, 1969, с.23]. Наличие в раннесредневековом Дербенте христианских памятников, включающих в себя огромный христианский храм V–VII вв., свидетельствует о высоком месте христианского духовенства в социальной структуре Дербента того времени. Не подлежит сомнению, что даже после переноса из Дербента патриаршего престола, позднее (после 551 г.), раннесредневековый город в V–VII вв. оставался одним из важнейших христианских центров Восточного и Северо-Восточного Кавказа, в котором была очень крупная епископальная кафедра [Козубский, 1906, с.48-51]. По-видимому, к этому периоду широкого распространения христианской идеологии можно отнести два значительных памятника монументальной культовой архитектуры Дербента: крестообразное центрально-купольное сооружение в цитадели и одно из наиболее крупных зданий средневекового города, приспособленное арабами в VIII в. под Соборную мечеть (Джума-мечеть). Первое сооружение стали отождествлять с христианскими древностями города лишь в последние годы [Кудрявцев, 1980, с.127-128], а аналогичные предположения в отношении второго высказывались целым рядом исследователей еще с XIX в. [Березин, 1850, с.143; Бестужев-Марлинский, 1958, с.321] (Рис.7).

Очень близкие параллели форма крестово-купольного сооружения в цитадели Нарын-кала, долгое время считавшееся водохранилищем, имеет с некоторыми христианскими сооружениями западно-византийской архитектуры Италии, например, с памятниками V в. Равенны [Golasanti, 1926, p.1], где явственно прослеживается полная аналогия планировки сооружения в нашем городе (Рис. 8).

Рис. 7. Джума мечеть

Рис. 8. Крестово-купольный храм

В ознаменование роли Дербента, как одного из самых значительных христианских центров Кавказской Албании, 14-15 ноября 2013 г. здесь прошла Всероссийская научно-практическая конференция «1700-летие принятия христианства в Дербенте, как государственной религии Кавказской Албании». Древний город принял серьезный десант учёных из Москвы, Санкт-Петербурга, Баку, Омска, Ставрополя, Махачкалы, Краснодара, Владикавказа и других городов. С особым интересом и живым откликом были выслушаны выступления гостей из Баку Роберта Мобили и Ризвана Гусейнова. Председатель Албано-удинской христианской общины Азербайджана Р.Мобили, показывая, что сегодня в Республике делается многое для сохранения и восстановления албанского культурно-исторического и религиозного наследия, в своем докладе отметил: «Ближайшие и отдаленные культурные и политические последствия и результаты этого события неопределимы» [Мобили, 2013, с.107]. На научных форумах во многих странах Европы, в частности, немецком Штутгарте им была высказана позиция о необходимости преодоления последствий колониальной политики царской России в Закавказье в начале XIX в., приведшее к подчинению христианского населения восточной конфессии власти Армяно-григорианской церкви через Эчмиадзин.

Роберт Мобили, Ризван Гусейнов в Дербенте

Как известно, основанием для этого послужил рескрипт царя Николая I от 11 марта 1836 г., подписавшего «Положения об Армяно-григорианской церкви», которым фактически и юридически была упразднена Албанская церковь, а её имущество передано Армянской. Тем не менее, несмотря на все эти исторические перипетии и катаклизмы, одному из азербайджанских этносов – удинам удалось сохранить свою этничность, язык, обычаи, традиции и приверженность христианству Кавказской Албании. Удинская церковь сегодня является составной и неотъемлемой частью Албанской церкви, а удины, соответственно, – правопреемниками этого наследия [Мобили, 2013 (1), с.234-236]. Другой гость из Баку – Ризван Гусейнов в своем докладе отметил: «В наши дни приобретает особую актуальность тема изучения наследия древней Кавказской Албании, существовавшей в виде государственных образований (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.) свыше 1000 лет, а затем еще около 1000 лет в виде небольших полунезависимых образований вплоть до XVIII в.» [Ахундов, Гусейнов, 2013, с.72-80].

Надо воздать должное и другим представителям Азербайджана: профессору З.Кули-заде, Р.Г.Фатуллаеву-Фигарову, Ф.Ахундову, А.Салимовой, Р.Алиевой, чьи статьи стали несомненным украшением сборника, вышедшего по материалам конференции в Дербенте. Наша нынешняя встреча также должна внести свою лепту в стирание «белых пятен» в вопросе изучения проникновения и развития христианства на Кавказе. Представляется, что этот вопрос изучен пока ещё не в должной мере и объёме, а ведь христианство – одна из трёх монотеистических религий, получивших распространение на Кавказе вообще, и на Северо-Восточном и Восточном Кавказе в частности, в очень ранний период, что само по себе весьма значимо. Обращение к истории древних государств Кавказа, исторического пути проникновения христианства в регион и дальнейшее развитие Церкви представляет значительный интерес для исторической науки, философии, религиоведения, культурологии и других сфер гуманитарного знания.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Алексидзе З.Н. Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе / Бакинско-Азербайджанская епархия РПЦ / Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе (eparhia.ru) / Дата обращения: 11.03.2023.
2. Ахундов Ф., Гусейнов Р. Гандзасар – жемчужина Кавказской Албании / 1700-летие принятия христианства в Дербенте, как государственной религии Кавказской Албании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Дербент, 14-15 ноября 2013 г.) / отв. ред. Г.Н.Сеидова. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2013, с.67-73.
3. Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991, 304 с.
4. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т.2. Ч.1. М., 1963, с.651-774.
5. Березин И. Путешествия по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е. Казань: Универ. типография, 1850, 534 с.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Соч. Т.2. М., 1958, 740 с.
7. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX веках. Баку: Изд-во АН Аз.ССР, 1965, 404 с.
8. Гасанов М.Р. Дагестан и народы Кавказа в V–XV веках. Махачкала, 2008.
9. Ибрагимов И.Г. Дербент – крупнейший христианский центр Кавказской Албании / 1700-летие принятия христианства в Дербенте, как государственной религии Кавказской Албании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Дербент, 14-15 ноября 2013 г.) / отв. ред. Г.Н.Сеидова. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2013, с.91-94.
10. Иеромонах Алексей (Никоноров). История христианства в Кавказской Албании / 2-е изд. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2012, 192 с.: ил.
11. Закарьяев А.А. Албанская письменность // Советский Дагестан, 1978, №4, с.57-60.
12. Каганкатвацци М. История агван / Перевод с древнеармян. К.Патканова. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1861, 376 с.: Кн.1., гл. 6 и гл. 4.
13. Кудрявцев А.А. О месте духовенства в социальной структуре феодального Дербента / Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М, 1985.
14. Кудрявцев А.А. О христианстве в Дербенте / X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.
15. Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А. Дербент в истории раннего христианства на Северо-Восточном и Восточном Кавказе / 1700-летие принятия христианства в Дербенте, как государственной религии Кавказской Албании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Дербент, 14-15 ноября 2013 г.) / отв. ред. Г.Н.Сеидова. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2013, с.19-29.
16. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В.М.Сорокина, 1906, 280 с.
17. Крымский А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Кабала. Шеки / Сб. «Памяти академика Н.Я.Марра». М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938, 369-384.
18. Мамедов Т.М. Кавказская Албания в IV–VII вв. Баку: Маариф, 1993, 216 с.
19. Мамедова Ф. Об исторической географии Кавказской Албании, Армении и албанском этносе // The History of the Caucasus. The scientific-public almanac. The Caucasus Albanian research center. Issue №1, august 2001. Baku, 2001, с.16-21.
20. Мобили Р. (1). Место и роль удин в Албанской (Кавказской) церкви / European Applied Sciences: modern approaches scientific reseaches (Европейские прикладные науки: современные подходы в научных исследованиях). 18-19 февраля 2013 г. Штутгарт (Германия), 2013, с.234-236.
21. Мобили Р. Удины и Албанская церковь / 1700-летие принятия христианства в Дербенте, как государственной религии Кавказской Албании. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Дербент, 14-15 ноября 2013 г.) / отв. ред. Г.Н.Сеидова. Махачкала: Изд-во «АЛЕФ», 2013, с.95-100.
22. Сеидова Г.Н. Из истории христианства в Дербенте как части Кавказской Албании / Conference on History Cultural Heritage of Ethnos of Caucasian Albania in the context of Human Rights. Baku. June, 10-11. 2014. Qafqaz Albaniyasının tarixi və mədəni irsi insan hüquqları kontekstində. Beynəlxalq konfransın tezislər toplusu. Bakı-2014.

23. Сеидова Г.Н. Христианство в Кавказской Албании / Вторая Международная научно-практическая теологическая конференция «История христианства Херсонеса и древней Тавриды: истоки и наследие». 9 декабря 2019 г. Севастополь // Вопросы культурологии, 2020, №3.
24. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. – VII в. н.э.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.
25. Услар П. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе / Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.2. Тифлис, 1869, с.4-6.
26. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969, 252 с.
27. Golasanti A. L'Arte Bizantino in Italia. Milano, 1926, p.1 (<http://udi.az>. от 12.07.2012. Дата обращения: 4.12.2019 г.).

Шалбузова Назира

Младший научный сотрудник

Института археологии, этнографии и антропологии НАНА

<https://orcid.org/0000-0003-0454-2977>

ПРИМЕРЫ ИЗ КЛАССИЧЕСКИХ АЛБАНСКИХ ТРАДИЦИЙ: ИСТОРИКО–ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ КРЫЗОВ/ГРЫЗОВ И УДИН

Аннотация. В статье, наряду с исследованием классических албанских традиций в различных аспектах, кратко затронут вопрос языкового фактора на примере большинства сходных слов в языках этносов, хотя географически и не близко друг к другу находящимся, чтобы показать, что это сходство не случайно, что эти этносы исторически близки, относятся к одной языковой семье и с древних времен населяли территорию Азербайджана.

Ключевые слова: албанские традиции, дохристианские верования, грызы, удины, язык

Keywords: Albanian traditions, pre-Christian beliefs, the Kryts, the Udis, language

Из истории известно, что в период Кавказской Албании (IV в. до н.э. – начало VIII в. н.э.), отражающей тысячелетнюю историю Азербайджана, существовали разноязычные албанские племена, сыгравшие важную роль в этногенезе азербайджанского народа. Исследования показали, что в Кавказской Албании проживали тюркские, кавказские и иранские этносы. Эти народы, играющие важную роль в этническом формировании азербайджанского народа, сумели сохранить свои этнические названия полностью или в частично искаженном виде до настоящего времени, смогли сберечь албанские традиции в своих мировоззрениях, обычаях и верованиях. Наряду с тюркскими народами, удины, ингилойцы, лезгиньны, хыналыгцы, грызы/крызы, являющиеся потомками албанских племен таких, как уди, гелы, херы, гаты, леги, объединившихся в Союз албанских племен, сохранили свою албанскую идентичность в различных направлениях и отразили ее в надгробиях, храмах, памятниках, обрядах, даже в названиях и значениях своих родов. Исследования по происхождению, истории и этнографии крызов/грызов и удин дают основание говорить о том, что эти этносы являются одними из албанских племен, считающихся главными создателями античной и средневековой культуры Кавказа.

Грыз/Крыз является этнонимом и основным селом крызов/грызов, говорящих на языке, принадлежащего к шахдагской подгруппе лезгинской группы кавказской языковой семьи. Топоним крыз впервые встречается в источниках X века. Свои села они называют «ггарез», себя – «ггаразар» (ар² - один из суффиксов множественного числа, употребляемых в крызском языке, другие -би, -иб, -ни, -ри, -р, -ар, -яр, -им, -ым, -имби, -рим, -мби) [Саадиев, 1969, с.111-119 ; Хидиров, 2006], их деревни называются «ггараза кум», а их язык «ггараза мез». Хотя существуют различные предания о топониме грыз/крыз, наиболее подходящей и подтвержденной сельским населением версией является та, что приставка «Г», означающая «возвышение», «высота», «возвышенность», в сочетании со словом «рыц», означающим «равнина» употребляется в форме «грыц», что означает «равнина на высоте». Это слово также соответствует географическому положению села. То есть грыз – этноним, данный позже, и то, что другие этносы, упоминая о них, использовали компоненты «хер» и «ер» справедливо формирует мнение исследователей о том, что эти народы являются потомками древних албанских племен хары [Гейбуллаев, 1985, с.83-86; Пашаева, 2015, с.150-151]. Попробуем обосновать свое мнение, показав приставку «Г» в составе других слов, употребляемых в крызском языке. Как мы уже упоминали, в крызском языке и диалектах выражение слов,

употребляемых в одном и том же значении, меняется в зависимости от направления и места. Например, в грузском языке существует 14 форм слова «есть» в зависимости от использования. Например: в зерне есть ячмень – *гялик мых чиджи* (указывает на содержащееся внутри); под деревом есть лист – *дар гяник беш киджи* (то, что лежит под); на горе есть снег – *белля хадю йюз гиджи* (то, что лежит сверху). Как видно, во фразе «на горе лежит снег» элемент «г» использовался как выражение здесь высоты в значении слова «есть». В грузском языке известно множество вариантов слова «который», и если мы рассмотрим эти варианты, то увидим значение выражения «высокий, возвышенный» с элементом «г» (гйи, хяйи, вйи, чийи, тсийи, кийи). Итак, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что значение топонима возникло в грузском языке позже, по географическому положению. Тот факт, что хапыты, субэтнос грузин, называют себя «хер» также показывает, что эти народы являются одними из древних албанских народов.

Помимо безымянных могил на древнем кладбище в селе Грыз Губинского района, наши исследования многих других древних погребальных памятников показывают, что большинство могил здесь относятся к XII–XIII вв. Следовательно, как отмечают Г.Гейбуллаев, М.Пашаева и многие ученые, грузы переселились на нынешнюю родину своих предков позже. Эти племена пересекли заснеженные горные перевалы и обосновались в северо-восточной части Азербайджана. В источниках XIX в. имеется много сведений о дороге, проходящей через горные перевалы из северо-западной части Азербайджана в район Хыналыг [Гейбуллаев, 1985; Пашаева, 2015, с. 152]. Подтверждает наше мнение и тот факт, что на территории шахдагских сел отсутствуют христианские храмы. Хотя территории, населенные удинами и грузами, проживающими в северо-западной части Азербайджана, не близки, сходство слов в лексике показывает, что шахдагские народы действительно мигрировали из северо-западной части Азербайджана в северо-восточную. Так, до начала XIX в. часть удин проживала в Карабахском, Газах–Товузском регионе, но теперь известно, что они компактно проживают в селе Нидж Габалинского района и Огузском районе, а грузы проживают в районах Губа–Хачмаз–Худат. Несмотря на небольшую численность носителей грузского и удинского языков, им удалось сохранить свой язык и историко-этнографическую идентичность до наших дней. Например – у грузин *йин*, а у удинов *ян* (мы), *вин-ван* (вы), *мез-муз* (язык), *арфар-афар* (гутаб), *мух-му* (ячмень), *могул-мугул/мухул/мунхул* (метла), *нис^а-хусми* (сыр), *йеч-е^с* (яблоко), *мех-мяг, мях* (дуб), *медж-медж* (крапива) и т.д. [Мобили, 2010; Хидиров, 2006]. Язык является тем зеркалом, в котором так или иначе отражаются история, мировоззрение, обычаи и традиции народа. Наличие слов из тюркского языка в лексике обоих этносов, а также общие традиции являются результатом сосуществования этих народов с незапамятных времен. О родственных связях и языках грузин и удин можно найти сведения и в исследованиях таких авторов, как М.Ихилев, Н.Яковлев, Н.Марр и др. [Ихилев, 1969, с.105; Яковлев, 1930, с.28, 67; Марр, 1920, с.44].

Темой нашего исследования также является изучение наименований родов грузин – одного из албанских племен и особенностей этих названий, связанных с албанской культурой и верованиями, а также упоминания в названиях некоторых родов таких, как Масахар, Шамлияр, Бабаси того факта, что их деды были родом из города Дамаска в Сирии [Şal buzova, 2021, s.27-28]. Из историко-этнографических источников известно, что первые миссионеры прибыли из Иерусалима и Сирии в Кавказскую Албанию в I в. н.э. для распространения идей христианства. В источниках указывается, что христианство перешло в Албанию из Сирии, а религиозная литература впервые была переведена на албанский язык с сирийского. Как отмечала Фарида Мамедова распространение христианства в стране прошло два разных этапа: на первом этапе, то есть в период апостолов в страну стали приезжать первые христианские миссионеры, апостолы и ученики апостолов из Иерусалима и Сирии, и в результате образовались христианские общины [Мамедова, 2019, с.10-11]. Также можно увидеть исторические корни конфессиональных отношений кавказских албан с Востоком, сведения о посещении кавказскими албанцами Иерусалима в V–XIII вв., приобретении отсюда многих священных реликвий, строительстве албанских христианских храмов в Иерусалиме [Гаджиева, 2019, с.143-150]. Из археологических и эпиграфических исследований также ясно, что разностронные отношения между Азербайджаном и Сирией существовали с древних времен [Рзаев, 1976, с.197]. Следовательно, если удины смогли уберечь свои христианские традиции, то грузы, как и другие албанские племена, смогли сохранить только те моменты, которые связаны с христианством в названиях упомянутых родов, которые трансформировались, приняв исламскую религию.

Хотя албанская культура претерпела определенные трансформации из-за различных религий и культур, ряд богатых традиций этой культуры сохранился в различных формах до наших дней. Из трудов Моисея Каланкатуйского, Страбона и многих авторов известно, что албаны до христианства поклонялись Луне, Солнцу, воде, земле, деревьям и горам. Поклонение силам природы встречается как у кавказоязычных, так и у тюркских народов Алтая и Сибири. Были проанализированы характерные для албанской культуры астральные верования, символические знаки, связанные с силами природы, отражение этих знаков на надгробиях и священных местах и их значения. На протяжении всей истории в традициях и мировоззрении всех народов, проживающих в Азербайджане, пережитки древней системы верований сочетались с образом мышления более поздних религий и сохранялись в уникальной форме. Как видно из надгробных памятников, найденных в разных регионах Нашей страны, включая территории шахдагских этносов, с древности албаны поклонялись Солнцу, Луне, небу и силам природы, а обнаружение на могильных плитах фигур полумесяца и Солнца подтверждает существование в Азербайджане в III тыс. до н.э. древних верований, связанных с культом Луны и Солнца [Геюшев, 1984, с.29]. Некоторые символические знаки, связанные с астральными верованиями и природными силами, можно найти на руинах мечети Абу-Муслима в селе Грыз, а также в мечетях и надгробиях в одноименных селениях Хыналыг и Джек.

На надгробиях, зафиксированных во время наших этнографических поездок в село Грыз Губинского района, можно увидеть фигуры Солнца, различные символы, а также арабские надписи, несущие следы албанского мировоззрения. На одном надгробном памятнике (Рис. 1) имеется написанное по-арабски выражение «Смерть подобна содержимому чаше, каждый ее вкусит, а могила это дверь, каждый ее откроет», а края могилы украшены символами Солнца. Знаки Солнца (Рис. 2-3), изображенные вместе с надписями на руинах мечети Абу-Муслима, подтверждают, что эти верования всегда сохранялись наряду с исповедованием христианства и ислама. Орнаменты, символы Солнца и наименование родов на этих зданиях, построенных на крутых скалах, а также знаки Солнца шахдагских сел являются доказательством того, что исторические корни возникновения этих селений уходят в глубокую древность. Хотя символ на мечети Абу Муслима в селе Хыналыг до конца не прочитан и не переведен, однако, по словам жителя села Юсифа Шабанова, он означает «восход Солнца» или «создание новой истории». Еще одной древней традицией кавказских албан является наличие безымянных надгробий, которые мы находим на старых кладбищах в деревнях грызов. Также можно найти знаки различной формы вместе с фразами на стенах усыпальнице Пир-Джалала, которая находится на некотором удалении от территории села Грыз (Рис. 4-5).

Из фразы «Клянусь Солнцем моего отца Джебу-хана» в «Истории албан» понятно, что поклонение Солнцу в традициях тюркских и кавказских народов, проживающих в Азербайджане, стало одной из характерных черт азербайджанского народа [Kalankatuklu, 2006, s.181]. Кроме того, типичные для Кавказской Албании надгробия с растительными и зооморфными узорами, а также символические знаки, связанные с астральными верованиями и природными силами, показывают совместимость религий. Как в письменных источниках, так и в археологических и историко-этнографических исследованиях во многих регионах Нашей страны можно найти следы поклонения Луне. Верования, связанные с культом Луны, также нашли отражение в традициях. В Губа-Хачмазском регионе с этими верованиями связана традиция носить невесте украшение из золота в виде Луны и звезды, а в северо-западном регионе Азербайджана – бесплодной женщине, переходить ручей при свете Луны в ее фазе полумесяца.

Мы также являемся свидетелями следов культа Луны и Солнца древней албанской веры у населения северо-западного региона Азербайджана, особенно христианских традиций удинского народа. Удины называют воскресенье «днем Солнца» и всей семьей наблюдают восход Солнца в этот день. Фестиваль Ветивер, на котором удины плетут крестообразные украшения, символизирующие Солнце, из полевых цветов в середине лета, также является праздником, проводимым в честь Солнца. Обряды наших предков в отношении красного цвета, который в древних погребальных традициях является символом огня и Солнца, также подтверждают сказанное нами. В результате археологических раскопок, проведенных в различных районах, следы очагов, красная краска (темная охра), найденная на погребальном инвентаре, и солнцевидные каменные изделия являются доказательством сказанного. Все это связано с пожеланием, чтобы последний дом наших предков был светлым, и фраза «да наполнится светом могила» и традиция соболезнования являются выражениями, производными от этой веры. Следы верований в то, что люди начнут новую жизнь после смерти, также как возрождается природа, заход и восход Солнца и

Луны, можно увидеть и в распространенном в траурных обрядах Азербайджана плаче «Ты родился, как Луна, ушел, как Солнце» [Paşayeva, 2016, s.85].

Следы культа Солнца нашли отражение и в старинных свадебных традициях. У шахдагских народов, верящих в защитные свойства огня, символизирующего Солнце, при переселении невесты из отчего дома ей дают уголь, а лицо покрывают красной фатой. В народе известно, что белый и желтый – это символы Луны, а красный – символ Солнца. В целом, как и в других регионах Азербайджана, в селах Шахдага невесты окружены огнем, костром, печью, что является указанием на следы культа Солнца. Поклонение огню является одной из форм поклонения Солнцу, т.е. одним из его проявлений, получившем статус официальной религии и имеющим свои правила и ритуалы [Yağubqızı, 2016, s.33]. Кроме того, обычай народов Шахдага подвешивать петуха к украшенной ветке во время свадебных церемоний также является пережитком культа Солнца. Поскольку петух вообще возвещает восход Солнца, он занимает особое место, как символ Солнца и благословения в свадебных обрядах немногочисленных народов Шеки–Закатальского региона. Например, есть удинская традиция посылать в дом невесты жареного петуха и 3 яйца, аварская традиция приносить в дом жениха живого петуха и т.д. По сути, богатые и древние традиции албанской культуры сохранились в сегодняшних свадебных традициях Азербайджана и других народов, населяющих Азербайджан.

Как и во многих странах мира, в Азербайджане культ дерева стал священным. С античных времен и до наших дней культ дерева считался священным у народов мира с разными верованиями и взглядами, занимал важное место в системе верований удинских и шахдагских народов. Каланкатуйский писал в своем труде «История албан», что у албан есть обычай приносить жертвы дереву, окропляя кровью жертвы листья дерева и свешивая с его ветвей шкуры и черепа. Ссылаясь на сведения Сагалаева, Бахтияр Тунджай отметил, что гунны приносили коня в жертву дереву и подвешивали его голову и шкуру на ветвях [Тунсау, 2013, s.190]. Азербайджанцы и удины, проживающие в Огузском районе Азербайджана, также зажигают свечи под старым лесным деревом, и никто не осмеливается срезать сухие ветки этого дерева. В «Истории албан» отмечалось, что те, кто собирал сухие ветки лесных деревьев для своих целей, были наказаны деревом. В бытовых легендах азербайджанских тюрков есть рекомендации не выбрасывать ветки деревьев, даже когда они сухие. Наряду с растительными и зооморфными изображениями, на надгробных памятниках в шахдагских селах прослеживаются символ полумесяца и изображение древа жизни. В исламскую эпоху наиболее почитаемый в искусстве мотив кипариса нашел отражение в его широком использовании, особенно на надгробиях [Seher, 2014, s.60]. Так что поверье о дереве существовало во всех религиях. Распространенный в азербайджанских свадебных обрядах обычай «украшение ветвей» на самом деле несет на себе отпечаток культа дерева и представляет собой древо жизни. По этой причине не плодоносящая ветвь не украшалась. Хотя понятие древа жизни, которое было связано с религиозными представлениями племен ранней бронзы, утратило свое первоначальное значение, оно до сих пор сохраняется, как атрибут свадебных обрядов.

Из албанских летописей известно, что в Кавказской Албании существовала традиция траурного пения. Кроме того, традиция оплакивания и восхваления умерших в траурных обрядах, проводимых у кавказских албан, присутствует и в траурных обрядах всех этнических групп, проживающих в Азербайджане, а также христианских удин и ингилойцев. В албанских церковных канонах с этим связаны погребальные панихиды и плач скорбящих, а также древние проповеди. Примером этого является элегия поэта Давдака по поводу смерти албанского правителя Джаваншира. Как известно из истории, у албан имущество умерших хоронили вместе с ними. Во многих регионах Азербайджана традиция раздачи одежды и вещей усопших или передачи их в дар мечетям является пережитком этого обычая. Согласно Страбону, труп приносили в надлежащее место для албанской церемонии очищения, и все проходили мимо него, чтобы очиститься. Согласно суеверию, нехорошо перепрыгивать через человека, потому что все земные болезни и недуги могут передаваться людям. Это суеверие до сих пор осталось в традициях азербайджанцев, и прыгать через лежащего на земле человека – нехороший знак [Vəkirova, 2013, s.132]. Это убеждение до сих пор живет в сознании и других этнических групп, проживающих в Азербайджане.

В результате письменных и сравнительных исследований были изучены этногенетические и этнические связи гызов и удин, как по языковому фактору, так и по верованиям. Эти факторы доказывают общие традиции древнеалбанского этноса, их общие этногенетические корни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Arslan Seher. "Türklerde ağaç kültü ve "hayat ağacı" / Uluslararası Sosyal ve Eğitim Bilimleri dergisi, vol.1, no.1, 2014, s.59-71.
2. Bəkirova E. Azərbaycan Albaniyasının qərb torpaqları antik dövrdə: tarix üzrə fəlsəfə doktoru disser. Bakı, 2013.
3. Cavadov Q.C. Azərbaycanın azsaylı xalqları və milli azlıqları (Tarix və müasirlik). Bakı: Elm, 2000, 440 s.
4. Kalankatuklu M. Albaniya tarixi. Mxitar Qoş. Alban salnaməsi. Bakı: "Avrasiya press", 2006, 296 s.
5. Məmmədova F. Azərbaycanın (Albaniyanın) siyasi tarixi və tarixi coğrafiyası (e.ə. III əsr – eramızın VIII əsri). Bakı: Azərənəşr, 1993, 262 s.
6. Paşayeva M.T. Azərbaycanda qədim alban tayfalarının izləri // Multikulturalizm 1. 2016. s.83-89.
7. Tuncay B. Etnoqonik mitlər. Bakı: Nurlan, 2013, 308 s.
8. Şalbuzova, N.V. Qızlar: Qafqaz Albaniyası və Yaxın Şərq əlaqələri kontekstində / Elmi araşdırmalar tezislər toplusu. Cild: 1, sayı 2. Beynəlxalq elmi jurnal. 1.518 yüksək impakt faktorlu. Bakı, 2021, s.26-30.
9. Yaqubqızı M.Y. Azərbaycan folklorunda tolerantlıq və multikulturalizm (Şəki–Zaqatala bölgəsində yaşayan xalqların və etnik qrupların folklor örnəkləri əsasında). Bakı: Elm və təhsil, 2016, 184 s.
10. Бежанов. Краткие сведения о селе Варташен и о его жителях / СМОМПК. Вып.XIV, I. Тифлис, 1892, с.213-262.
11. Гаджиева У. Конфессиональные взаимоотношения кавказских албан с Востоком // Şərq araşdırmaları, 2019, №1. Tarix və siyasi elmlər, s.143-150.
12. Гейбуллаев Г.А. К происхождению кризов // ДАН Аз.ССР, 1985, №3, с.83-86.
13. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании. Баку: Элм, 1984, 192 с.
14. Ихиллов М.М. К вопросу о происхождении народностей лезгинской группы // Уз Даг. фил. АН СССР, серия общ. наук, кн.2. Махачкала, 1969, с.68-106.
15. Мамедова Ф. Албанское этнокультурное наследие Азербайджана // Этнокультурное наследие Кавказской Албании, Баку, 2019, с.10-24.
16. Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа (классификация народов Кавказа). Петроград: Тип. Росс. АН, 1920, 64 с.
17. Мобили Р.Б. Удинско-Азербайджанско-Русский словарь. Баку: Изд-во «Леман», 2010, 368 с.
18. Пашаева М.Т. К этнической истории «Шахдагских народов»// Albania Caucasia. I. Отв. ред. А.К.Аликберов, М.С.Гаджиев. ИВ РАН, Москва, 2015, с.148-153.
19. Рзаев Н.И. Искусство Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. Баку, 1976, 256 с.
20. Саадиев Ш.М. Об устойчивых элементах словарного состава кризского языка // Аз.ССР ЕА-нын Хəбəрлəри, Баки, 1969, №1, s.111-119.
21. Хидиров В.С. Глагол в кризском языке (типологическом исследовании в сравнении с глагольными категориями в лезгинских языках). Баку: Мутарджим, 2006, 368 с.
22. Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Тифлис: Заккнига, 1930, 68 с.
23. Shalbuzova N.V. On the history and surnames (clans) of the Shahdag ethnic groups // Ethnocultural Heritage of Caucasian Albania, Bakı, 2019, p.129-136.

Рис. 1. Надгробие в селе Грыз (фото Н.Шалбузовой)

Рис. 2-3. Знаки, изображенные на остатках мечети Абу Муслима

Рис. 4-5. Знаки и надписи, изображенные на усыпальнице Пир-Джалала и у входа в нее

Рис. 6-7. Знаки, которые мы зафиксировали на столбах и стене мечети Абу Муслима (село Хыналыг)

Чепайтене Раса

Профессор Европейского Гуманитарного университета, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории Литвы (г. Вильнюс, Литва)
<https://orcid.org/0000-0002-8023-7870>

РОЛЬ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ПРОЦЕССАХ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Долгое время гражданское общество мало интересовалось и не участвовало в процессах сохранения культурного наследия, оставляя эту работу профессионалам в области истории, антропологии, культурологии, реставрации и т.д. Эта тенденция в постсоветских странах сохраняется и по сей день. Цель статьи – выявить, какими правами и возможностями обладают сейчас местные сообщества, и как это влияет на их деятельность в сфере сохранения наследия. В статье обсуждается понятие «сообщество наследия», а также значительное место уделяется различным «хорошим» и «плохим» практикам, проблемам и вызовам, с которыми сталкиваются активисты по охране природы и местные жители, работающие с ценностями природного и культурного наследия

Ключевые слова: культурные ценности, сообщество наследия, местное сообщество, изучение наследия, пост-советские страны

Keywords: cultural values, heritage community, local community, heritage studies, post-Soviet countries

Введение. На протяжении веков человеческие общества были и остаются создателями, потребителями и хранителями духовных и материальных ценностей, которые впоследствии передаются будущим поколениям. Лишь с середины XIX в. эта специфическая деятельность стала все больше формализоваться и в итоге, во второй половине XX в., превратилась в развитую дисциплину охраны культурного наследия (*heritage studies*), охватывающую как практические технологические, так и социально-гуманитарные аспекты данной области [Gentry, Smith, 2019, pp.1-21]. Но более пристальный анализ ее развития и, особенно, нынешнего состояния, показывает своеобразный парадокс. При становлении дисциплины наследия и развитии уровня ее профессионализации и специализаций, локальные сообщества – создатели и первые хранители культурных богатств – все чаще отстранялись от прав на их владение и процессов управления, а эти ценности все больше переходили в руки соответствующих государственных институций и экспертов [Shyllon, 2016, pp.55-68]. Как следствие уменьшался или вовсе исчезал интерес местных жителей к этим объектам и явлениям, либо они становились лишь туристическую индустрию на месте обслуживающим персоналом.

Эти неблагоприятные эффекты отчуждения местной культуры от способов и средств ее сохранения особо заметны в странах с ярко выраженной политической вертикалью и развитым бюрократическим аппаратом, как это было в СССР, где любые инициативы на местах часто становились предметом изначального недоверия, контроля, или даже пресечения со стороны властных органов. Но и во многих других странах ресурсы культурного наследия и право на владение и управление ими до начала XXI в. чаще всего рассматривались с точки зрения их культурной, политической или экономической значимости и выгоды для государства или бизнес структур. Тем временем гражданское общество, с редкими исключениями, в сохранении местного наследия принимало участие лишь незначительно, оставляя эту работу экспертам и чиновникам. Также замеченному отчуждению способствуют и процессы глобализации и распространения массовой культуры. Такие тенденции в некоторых странах сохраняются до сих пор.

Какие могут быть способы и возможности решения данного рода проблем? В статье будет дана попытка ответить на эти вопросы, более подробно проанализировав роль и существующие права местных сообществ в процессах селекции, сохранения и интерпретации культурных и природных ценностей.

Эволюция становления понятия «сообществ наследия». «Сообщества наследия», как самостоятельный субъект, принимающий активное участие в охране культурных ценностей, и проблематика их прав и возможностей в процессах изменения окружающей среды на локальном (особо городском) и национальном уровнях, стали предметом всеобщего внимания относительно недавно. Еще в середине XIX в. в странах Западной Европы и Северной Америки в попытках сохранения древних архитектурных строений и исключительных памятников природы, как и в формировании дискурса о наследии, главную роль играли незначительные группы любителей старины – прежде всего представители аристократии и интеллигенции. Но, благодаря распространению романтизма и идеологии национализма, в конце XIX в. набирающей силу повсюду в Европе, и не только, исторические памятники стали восприниматься как материальные свидетельства прошлого, как символы национальной идентичности и предмет коллективной гордости, из-за чего государства стали их охранять и выделять средства на их поддержку и реставрацию [Leon, 1934, pp.2-52]. Поэтому данную сферу в свои руки постепенно начали перенимать и регулировать политические, юридические и административные институты и процедуры, подтолкнувшие развитие дисциплины охраны наследия в сторону все большей профессионализации и тем самым бюрократизации. Появились эту область регламентирующие законодательные положения, административные структуры и исследовательские институции [Choay, 1988, p.82-116]. Лишь в конце XX в., особо с всеобщем распространением идей сохранения реликтов нематериальной культуры [Smith, Akagawa, 2009, p.1-9], происходят важные изменения в восприятии того, что же из себя представляет культурное наследие и как его охранять.

Таким образом, эволюция дисциплины наследия прошла несколько важных этапов становления, во время которых менялось как само восприятие объекта охраны, так и разрабатывались качественные подходы к его осуществлению – от решения прежде всего узкотехнических задач по консервации или реставрированию исключительных исторических памятников, через формирование более научного подхода и этических принципов определения границ и форм вмешательства в их субстанцию, до внедрения комплексно-структурного подхода к сохранению не только аутентичности формы, но и функции памятников [Ashworth, 1995, p.15; Ashworth, 1997, p.97-107; Jokilehto, 1999]. В этот процесс, наряду с архитекторами-реставраторами, начали включаться и проектировщики городов, экологи, антропологи, менеджеры туризма и пр. специалисты, поскольку цели охраны наследия все больше охватывали и потребность в регенерации и реабилитации местностей, благодаря разностороннему их использованию и соответствующей интерпретацией и презентацией. Вследствие этих качественных сдвигов и переломов в понятии самого объекта охраны, понемногу происходил и переход от сохранения «старого» к «не очень старому» (до современных произведений), от «величественного и впечатляющего» к «более мелкому и повседневному», от «монументального» к значительно более широкому определению «культурной ценности», включающей признание целостности особенностей природных, культурных и городских ландшафтов [Чепайтене, 2010, с.124].

Сегодня дисциплина наследия является самостоятельной областью научных исследований и интегральной частью процессов территориального планирования и управления. Акцент ставится на экономическом использовании природно-культурных ресурсов. При помощи т.н. процесса «упаковки» они превращаются в продукт массового потребления, продаваемый на рынке индустрии туризма [Albert, 2007, p.26-32]. Т.е., конечно, продается не сама ценность, а тот особый опыт, который посетитель этих мест, объектов или зритель традиционных практик получает при взаимодействии с ними. Охрана культурных ценностей сегодня становится комплексной и multidисциплинарной деятельностью, которая, опираясь на специфические законодательные положения, местную политику и профессиональную этику, осуществляется на локальном уровне как составная часть местного управления, направленного на удовлетворение коллективных, прежде всего публичных, потребностей [Ashworth, 1997, p.92].

Поскольку политическая власть на разных уровнях пытается заручиться признанием и уважением граждан и формировать их коллективную идентичность, управление объектами культурного наследия тоже становятся одной из сфер, при помощи которой государство легитимирует свою власть, укрепляет моральный авторитет и повышает престиж на международном уровне. Но локальные сообщества часто имеют мало общего с государственной системой охраны культурного наследия или структурами власти. При помощи конкретных артефактов, традиций, объектов и местностей они, прежде всего, осуществляют познание своих исторических корней, укрепляют коллективную идентичность и привязанность к конкретному месту – малой родине, городскому кварталу и пр. Они также склонны отдавать предпочтение сохранению и передаче будущим поколениям традиций и обычаев, празднованию местных праздников, юбилеев и дат, связанных с важными для них событиями, историческими личностями и т.д. В итоге на уровне взаимодействия государственных институций и местных жителей иногда возникают конфликты и недоразумения, ведущие к обустороннему недоверию. В богатых странах, имеющих сильное гражданское общество, эти конфликты и проблемы решаются или хотя бы смягчаются путем доброжелательной поддержки местных сообществ в процессах сохранения их локальных культурных особенностей и ценностей. Градостроители или управленцы культурными объектами также в своих проектах склонны учесть мнение и особенности психологии местных жителей.

Таким образом, от элитарного восприятия наследия и специализированных агенств и агентов его охраны, которые на первое место ставили решение технологических проблем [Чепайтене, 2010, с.118-124], специалисты пришли к идеи все большего включения материальных и нематериальных особенностей местной культуры во все сферы жизнедеятельности человека. *Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО (1972 г.)* сделала первый шаг к тому, чтобы расширить поле гражданской деятельности в сфере охраны наследия, и начала разрабатывать методики привлечения и более активного участия местного населения в самых разных процессах, связанных с объектами Всемирного наследия, находящегося на территории их проживания, что должно было обеспечить повышение общей ответственности за них. Руководство по выполнению *Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия* также призывало государства работать по принципу, основанному на правах человека, включая права на интеллектуальную собственность, тем самым обеспечивая сбалансированное участие широкого круга заинтересованных лиц обустороннему – правообладателей, менеджеров, местных и региональных органов власти, местных сообществ, коренных народов, негосударственных организаций и пр. [World Heritage Committee., 2019]. А, с появлением концепции устойчивого развития, охрана наследия стала опираться не только на подходы и методы гуманитарных наук, но обращается и к социальным наукам, и, особо, к наукам о природе. Также стал меняться и круг лиц, которые включаются в процессы сохранения и передачи культурных и природных ценностей – этому способствует радикальное переосмысление самой роли наследия для общества. Наследие уже становится не узко специализированной сферой деятельности, а частью урегулирования самых разных социальных, культурных, политических и экономических процессов.

С другой стороны, в сфере сохранения наследия ни одно государство, даже самое богатое, не имеет возможности полностью выполнять обязательства, которые она на себя взяла перед обществом для сохранения всего массива экспертами отобранных и в реестры охраны включенных ценностей, как и обеспечить финансовые затраты, необходимые для их поддержки, консервирования, реставрирования или регенерации. Поэтому в современной сфере управления культурными ресурсами много надежд уделяется на повышение самосознательности и социальной ответственности граждан за природные и культурные ценности, с которыми они напрямую взаимодействуют в своей повседневной жизни. Установка на демократизацию всего данного процесса неизбежно ведет к расширению доступа к управлению и предоставлению больших прав самым разным заинтересованным группам и лицам. Культурное наследие воспринимается как общий и делимый ресурс, способный объединять людей и сообщества, особо при формировании коллективной идентичности, усилению лояльности государству и распространению ценностей гражданской солидарности. Поэтому в европейской практике работы с наследием все больше поощряются инициативность местных сообществ, активно разрабатываются новые способы и виды их включения в вышеупомянутые процессы.

Качественное изменение роли местных сообществ в процессах управления наследием подтверждается и рядом международно значимых документов, как, например, *Рамочной Конвенцией Совета Европы о значении культурного наследия для общества*, принятой в португальском городе Фаро в 2005 г. В этой Конвенции было введено понятие «сообществ наследия», а также она закрепила право этих сообществ на участие в процессах управления наследием на местах. *Конвенция Фаро* таким образом сделала большой шаг в сторону определения статуса и юридических прав сообществ в самых разных механизмах управления культурными ценностями, а также на международном уровне укрепила важность и значимость их работы с наследием. Понятие «сообществ наследия» *Конвенция Фаро* определяет как группу людей, ценящих своеобразные аспекты прошлого, которые они хотели бы сохранить и передать будущим поколениям на местах, в рамках своей общественной жизнедеятельности [Council of Europe..., 2005]. Из данной формулировки следует, что «сообщества наследия» не определяются лишь территориальной привязанностью – т.е., под «сообществом» рассматривается коллективы людей на более глобальном уровне, имея в виду всех тех любителей прошлого, которые придают значение тем или иным объектам и элементам конкретного материального и нематериального наследия, независимо от места их рождения и проживания. Несмотря на неограниченность и неопределенность данного понятия, все же оно способствует появлению дискурса о сообществах, которые не ограничиваются лишь профессионалами и специалистами в данной сфере, а включают и других, самых разных, заинтересованных лиц и группы. Вторым существенным нововведением *Конвенции Фаро* является то, что она не только амбициозно утверждает о необходимости вовлечения всех членов общества в процессы, связанных с наследием, но также подчеркивает и их прямую ответственность за него – коллективную или индивидуальную.

Но тут надо четко разделять понятия «местного сообщества» и «сообщества наследия», которые могут отнюдь не совпадать, хотя часто на практике и пересекаются. Если, как уже упоминалось, согласно *Конвенции Фаро*, «сообщества наследия» – это люди, которые осознанно и целенаправленно ассоциируют себя с конкретными объектами и элементами наследия и осуществляют деятельность по их сохранению и развитию, необязательно будучи привязанными к этим местностям физически, то местные сообщества находятся в другом положении. Они, прежде всего, характеризуются прямой принадлежностью к территории, на которой находятся объекты наследия, или проживают в охраняемых зданиях, обладая при этом эмоциональной привязанностью к этому месту. В дискурсе продуктивной деятельности местных сообществ в отношении объектов наследия психологическая связь, как и привязанность к месту, является важным, если не важнейшим аспектом. Местные сообщества смотрят на объекты наследия и их окружающие территории не с профессиональной перспективы определения и оценки историко-культурной ценности, а с перспективы аффективной, духовной ценности прежде всего для себя, как человека или коллектива, связанного с этим конкретным местом. Но их самосознание по отношению к более когнитивному восприятию ценности и важности этих территорий и объектов не обязательно развито, как и готовность защищать их при наличии разного рода угроз. Все же в виду того, что местные жители напрямую связаны с объектами наследия, ежедневно накапливают и переживают свой опыт самого разного взаимодействия с ними, считается, что они могут работать с наследием на более глубоком уровне – не только осваивая специализированные исторические или технические данные о нем, но и отталкиваясь от своих собственных ощущений и местных знаний, которых зачастую не хватает специалистам ради того, чтобы полностью освоить социальное значение данных объектов, местностей или традиционных культурных практик.

Такой, более демократический и инклюзивный, подход является довольно важным и в процессе переосмысления наследия как общего и делимого ресурса, который может и должен способствовать консолидации людей и обществ в контексте глобализации. Местные сообщества в таком случае выступают в роли заинтересованных социальных акторов, а не только в роли пользователей и бенефициариев, что развивают более открытый диалог с другими социальными участниками данного процесса, как и разносторонние практики работы с наследием. Одним из наглядных примеров того, как может работать вовлечение местных жителей в управление культурным наследием, является проект «World Heritage Citizens Dialogue», который возник в 2016 г., во время разработки интегрированного плана управления ценностью Всемирного наследия – центра старого города Регенсбурга. Жители и представители различных групп гражданского общества были приглашены на форум для обсуждения развития этой территории. По итогам

участия в обсуждениях со специалистами, более 70 жителей города предложили свои идеи относительно сохранения и развития исторического центра, определили важные проблемы и пути их решения. И около 50% предложений граждан были приняты и учтены в ходе составления плана. Кроме того, в ходе общественного обсуждения были избраны два представителя местного сообщества, которые вошли в рабочую группу по разработке финальной версии плана развития данной территории [*Community Involvement...*, 2017, p.65-66]. Другой пример – в 2010 г. в Испании был реализован проект, направленный на восстановление 54 романских церквей и монастырей, акцентирующий внимание на идее о том, что если наследие может стать ресурсом для развития местных территорий, оно должно цениться и признаваться местным населением. Вместе с проведением работ по реставрации отобранных объектов, организаторы проекта проводили ряд мероприятий с местными жителями, которые позволили им повысить свою осведомленность о культурном наследии региона, а также помогли найти пути более эффективной адаптации восстановленных церквей не только с религиозной, но и социальной и культурной перспективы для жизни локального населения [Sani Lynch, Visser, 2015, p.14].

В настоящее время уже можно говорить о том, что, благодаря более эффективному менеджменту в сфере культурного наследия и вовлечения местных сообществ в самые разные процессы устойчивого развития, в странах Западной Европы, Северной Америки и Азии конфликты между сообществами смягчаются, и вовлечение местных жителей в управление наследием происходит в большей степени безболезненно [*People-Centred...*, 2021; Ubertazzi, 2022, Lee, 2023, p.126-138].

Конфликты вокруг наследия. Но, как уже упоминалось, при стремлении соответствовать международным рекомендациям находить наиболее эффективные и верные решения в интересах защиты наследия и развития местных сообществ, разного рода противодействие и диссонансы все же неизбежны. Они прежде всего потенциально коренятся в отношениях власти/подчинения, завязываемых между государственными структурами и местными сообществами, и часто определяются вопросом – следует ли более тесно вовлекать местных жителей в механизмы управления культурными и природными ценностями на локальном уровне, или нет? В то время как местные сообщества, чаще всего, стараются получить как можно больше прав и влияния в процессах принятия их напрямую касающихся городских решений, то есть, перейти к модели с низу вверх (*bottom-up*), представители муниципальных и национальных властей в сфере управления культурой прежде всего стремятся к сохранению права на принятие решений и усиления своего авторитета, а именно к применению модели сверху вниз (*top-down*). Каждая заинтересованная сторона также имеет свои надежды, планы и стремления, которых хотят добиться, опираясь на свои потребности и возможности, и, как им кажется, пользу для самих объектов наследия. Они, естественно, могут не совпадать со взглядами и интересами другой стороны. В условиях, когда сфера наследия полностью подвластна государственным институтам, интересы местных сообществ чаще всего игнорируются или подавляются, несмотря на их статус и роль не только как группы, которая так или иначе напрямую задействована в этих процессах, но и как людей, психологически и территориально связанных с объектами и элементами культурного наследия. Когда речь заходит о сохранении какого-то здания или дерева в нетронутом виде или спасении его от сноса/вырубки, то всегда встает вопрос: *для кого* он ценен, *кто* его защищает и *кто* обладает данным объектом? Стоит отметить, что трудности, с которыми на местах часто сталкиваются попытки прямого применения *Конвенции Фаро*, как и других подобных документов, заключается и в вопросе, каким образом плавно перейти от прекрасной теории к не всегда такой же прекрасной практике [Diaz-Andeu, 2017, p.2-6].

Градозащитная деятельность часто становится полем самого разного рода конфликтов и недовольств. Они могут возникать как: 1) между градозащитниками и владельцами объектов (например, государством или частным собственником); 2) между градозащитниками и местным сообществом, которое в повседневной жизни является потребителем данного объекта, например, в плане цен на недвижимость или перспективного для развития городского квартала; 3) внутри самого градозащитного сообщества по поводу формирования и механизмов работы с данным объектом, местным сообществом и т.д.

При более пристальном анализе данной темы в постсоветских странах, включая страны Балтии и Беларусь, становится ясно, что применение этих международных положений в управлении конкретными

объектами и территориями наследия затруднено тем, что этот, инклюзивный и открытый для участия общества подход все еще не является приоритетным в развитии этого сектора, несмотря на принятие на законодательном уровне всех формальных деклараций о правах местных сообществ в сфере охраны культурных ценностей. В действительности эти положения применять трудно, а иногда даже невозможно. Например, из-за специфики политического режима, Беларусь идет по пути, который практически исключает местные сообщества из поля управления наследием не только на уровне официальных документов, но и на практике. Там все еще преобладает восприятие культурного наследия как исключительно сферы государственной деятельности в рамках применения экспертно-ориентированной модели. Эта модель работы с культурными ценностями *top-down* отдает предпочтение процессам, которые, как следствие, не способствуют к развитию социальной ответственности граждан. Наоборот, несанкционированный активизм в этой области, даже если следует самым искренним побуждениям и целям, нежелателен для государства или им даже наказывается. Поэтому межинституциональное взаимодействие в такой ситуации чаще всего происходит на уровне не всегда эффективной бюрократической переписки. Государство, не позволяющее разделить право управления в любой сфере деятельности с заинтересованными группами общества, твердо держит их рычаги в своих руках, в том числе и в сфере управления наследием. Эти, с советских времен сохранившиеся, установки, практики и обычаи замораживает ситуацию, когда управление наследием воспринимается лишь как сфера деятельности узкого круга администраторов и экспертов, что идет в разрез с нынешними мировыми тенденциями. Но даже в таком положении вещей негосударственные инициативы все же умудряются реализовать некоторые новые подходы, связанные с вовлечением непрофессиональных, но заинтересованных лиц и сообществ на прямую работу с наследием [Стурейко, 2017, с.62-77].

Несмотря на декларации и обязательства государства следовать принятым международным принципам вовлечения местных сообществ в процессы управления культурными ценностями, в Литве также было не мало случаев, когда попытки более активного вмешательства местных сообществ и активистов в проекты развития, осуществляемые на их территории, с целью сохранить конкретные здания или места, т.е. попытки применения модели *bottom-up*, не всегда увенчались успехом [Daubarytė, 2015, p.113-128]. Наоборот, они иногда сталкиваются и с прямыми угрозами как со стороны девелоперов этих проектов, так и со стороны бюрократических структур и процедур. А иногда даже с судебным преследованием, имеющим целью показательным образом сдержать местных жителей от подобных действий в будущем, как это было со случаем решения сноса кино-театра «Лиетува» в Вильнюсе в 2005 г. Но в данном примере преобладают скорее коммерческие интересы, а не чисто бюрократическая логика. Так что можно констатировать, что доступ местных жителей к реализации своих прав и интересов в сфере наследия на постсоветском пространстве до сих пор остается довольно ограниченным, несмотря на подписание странами эту деятельность поощряющих международных документов разного уровня и статуса. Данные примеры показывают, что одним из препятствий на пути к реализации прав местных сообществ на управление их наследием является отсутствие у них четко обозначенных юридических прав, соответствующего представительства на законом основании в качестве одних из главных действующих лиц в процессах управления культурным наследием, и, что немало важно, нужного опыта, как и успешных результатов такой деятельности.

Выводы. Опираясь на разные примеры вовлечения местных жителей в управление наследием, можно отметить, что западные практики указывают на попытки перейти от простого консультирования местных граждан по вопросам наследия к более решительным действиям, которые позволили бы разделить ответственность за культурное наследие между всеми заинтересованными группами. Тем временем говоря об опыте работы с наследием, преобладающем в странах Центрально-Восточной Европы, можно заметить, что оно тут все еще воспринимается не как катализатор социально-экономического развития общества, а как одна из тягот для государственного бюджета и как ресурс для бесцеремонного коммерческого использования. Но, благодаря таким факторам как европейская интеграция, в некоторых постсоветских странах произошли довольно существенные изменения в культурном секторе, в том числе и в восприятии роли культурного наследия для общества. Проекты, реализуемые государственными

институциями в сфере культуры с привлечением местного населения, или проекты, инициированные местными сообществами, либо некоммерческими общественными организациями, все еще могут сталкиваться с определенными проблемами и препятствиями, описанными ранее. Однако это не преуменьшает их усилия, а является фундаментом для дальнейшего действия.

Новый, инклюзивный подход к наследию был во многом сформирован *Конвенцией Фаро*, которая акцентирует внимание не столько на защите и реставрации определенных памятников, но прежде всего, направлена на удовлетворение основных нужд локальных сообществ и выявления ценности наследия для них. Таким образом, из узконаправленной и специфически профессиональной области охрана культурного наследия, хотя и не без трудностей, все больше мигрирует в поле сотрудничества более широкого круга заинтересованных лиц, обществ и организаций. С другой стороны, можно говорить и о том, что так называемая привязанность к месту и повседневный опыт взаимодействия локальных сообществ с их наследием позволяет разрабатывать и практиковать и новые творческие методы, которые все больше опираются не на формальные подходы и научные знания, а на эмоции, ощущения и опыт самих местных жителей [Smith, 2021].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стурейко С. Беспокойные камни. 9 эссе для нового понимания архитектурного наследия. Гродно: ЮрСаПринт, 2017, 288 с.
2. Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010, 296 с.
3. Albert Marie-Therese. The MUMA-Project – An Integrated Approach to Heritage Management. *Training Strategies for World Heritage Management* (ed. by M.-T. Albert, R. Bernecker etc.). Deutsche UNESCO-Kommission e. V., 2007, pp.26-32.
4. Ashworth Gregory J. From History to Heritage – from Heritage to Identity. In *Search of Concepts and Models. Building a New Heritage. Tourism, Culture and Identity in the New Europe* (ed. by G.J. Ashworth and P.J. Larhkam), London: Rutledge, 1994, pp.13-30.
5. Ashworth Gregory J. Conservation as Preservation or as Heritage: Two Paradigms and Two Answers. *Built Environment*, 1997, vol.23, no.2, pp.92-102.
6. Choay Françoise. *L'allégorie du patrimoine*. Paris: Editions du Seuil, 1988.
7. *Community Involvement in Heritage Management Guidebook* (ed. by M. Ripp and M. Göttler). Regensburg, 2017.
8. Council of Europe, *Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society* [online]. 2005. [03-17-2021] <<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680083746>>.
9. Daubaryté Kristina. The Influence of Location and Community on the Appreciation of Significant and Large-Scale Architectural Heritages. *How to Assess Built Heritage? Assumptions, Methodologies, Examples of Heritage Assessment Systems* (ed. by B. Szmygin). Florence-Lublin, 2015, pp.113-128.
10. Diaz-Andreu Margarite. Heritage Values and the Public. *Journal of Community Archaeology & Heritage*, 2017, vol.4, no.1, pp.2–6.
11. Gentry Kynan, Smith Laurajane. Critical Heritage Studies and the Legacies of the Late-Twentieth Century Heritage Canon. *International Journal of Heritage Studies*, 2019, pp.1148-1165.
12. Jokilehto Jukka. *A History of Architectural Conservation*. Butterworth-Heinemann, 1999.
13. Lee Sujeong. Community-Centred Sustainable Heritage Management. Reality and Challenges in Practice. *Routledge Handbook of Sustainable Heritage* (ed. by K. Fouseki, M. Cassar, G. Dreyfuss and K. Ang Kah Eng). London: Routledge, 2023, pp.126-138.
14. Léon Paul. Les principes de la conservation des Monuments historiques. Evolution des doctrines. *Congrès archéologique de France*, XCVIII session, 1934, pp.2-52.
15. *People-Centred Methodologies for Heritage Conservation. Exploring Emotional Attachments to Historic Urban Places* (ed. by R. Madgin and J. Lesh). London: Routledge, 2021.
16. *Group under the Same name (Work Plan for Culture 2015-2018)* [online], 2015, c.14. [04-01-2021] <<https://www.interarts.net/publications/mapping-of-practices-in-the-eu-member-states-on-participatory-governance-of-cultural-heritage-to-support-the-omc-working-group-under-the-same-name-work-plan-for-culture-2015-2018/>>.
17. Shyllon Folarin, Cultural Heritage and Intellectual Property: Convergence, Divergence and Interface. *A Companion to Heritage Studies* (ed. by W. Logan, M. Nic Craith and U. Kockel). Wiley Blackwell, 2016, pp.55-68.
18. Smith Laurajane, Akagawa Natsuko. Introduction. *Intangible Heritage* (ed. by L. Smith and N. Akagawa). London: Routledge, 2009, pp.1-9.
19. Smith Laurajane. *Emotional Heritage. Visitor Engagement at Museums and Heritage Sites*. London, Routledge, 2021.
20. Ubertazzi Benedetta, *Intangible Cultural Heritage, Sustainable Development and Intellectual Property. International and European Perspectives*. Springer, 2022.
21. World Heritage Committee, *Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* [online]. 2019, c.10. [03-17-2021] <<https://whc.unesco.org/en/guidelines/>>.

АРХИТЕКТУРА

Адгезалова Алия

Младший научный сотрудник Научного Центра албановедения
Института археологии, этнографии и антропологии НАНА

<https://orcid.org/0000-0001-5879-6337>

О КРЕСТОВЫХ И ТРЕХЗАЛЬНЫХ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМАХ В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ (В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ)

Аннотация. В раннем средневековье в северо-западных регионах Кавказской Албании были построены многочисленные христианские культовые сооружения. Раннехристианское зодчество тесно связано не только с традициями строительного искусства, но и с непосредственным влиянием архитектурно-планировочных структур существовавших видов архитектуры предшествовавшего периода античности. Архитектурная форма, встречающаяся в раннесредневековых зальных церквях Албании, получила распространение в более поздний период и стала характерной чертой албанских церквей. Ранний тип христианского храма со сводчатым залом – трехнефная базилика. В раннесредневековом купольном зодчестве Кавказской Албании крестообразное строение плана применялось в различных вариантах. В настоящее время на территории Азербайджана сохранились развалины крестово-купольных храмов.

Ключевые слова: Кавказская Албания, храм, церковь, религия, алтарная апсида

Keywords: Caucasian Albanian, temple, church, religion, altar apse

В начале IV в. Кавказская Албания вступает в новый этап истории, на котором большое значение имел фактор принятия христианства в качестве государственной религии.

В IV–VII вв. на территории Албании шло интенсивное строительство христианских храмов, особенно в периоды правления албанского царя Вачагана III Благочестивого (487–510 гг.) и Джеваншира (637–684 гг.). М.Каланкатуйский, автор труда «История албан», сообщает: «Благочестивый Вачаган III из рода Аршакидов построил на востоке столько церквей, сколько дней в году».

В дохристианские времена албанские племена поклонялись различным небесным светилам, греческим богам и богиням, а также огню. Как известно, в Албании были построены храмы в честь богини луны Селены. Первые христианские церкви в Албании были возведены задолго до принятия христианства в качестве официальной государственной религии в стране [Мамедова, 2004, с.34]. Христианство распространилось в Кавказской Албании в I в. н.э. после проповеднической деятельности св. апостола Елисея. По этой причине Албанская церковь называется апостольской [Хәлілов, 2011, с.29].

Большинство первых албанских церквей были построены из дерева. Позднее вместо деревянных церквей были построены каменные и кирпичные. Албанское архитектурное искусство всегда отличалось уникальным сложным колоритом, техникой, неповторимой красотой и стилем. Это привлекающее внимание новшество было интересно своим содержанием. Церковные постройки, типичные для раннего периода христианства в Албании, состояли из однефных храмов с вытянутым молельным залом (например: Киш, Мазымгарай и др.).

Как отмечали Д.Ахундов и многие исследователи, в Албании также был распространен образец особой постройки, именуемой круглыми храмами (например: Лекит, Кильсядаг и др.). На то была причина. Строительство круглых храмов в Албании восходит к раннехристианской эпохе, и, по мнению исследователей, эти храмы были построены албанцами, поклонявшимися Солнцу, т.е. во времена, когда христианство еще не было полностью принято, а именно когда христианство было смешано с поклонением небесным светилам. Наибольшее распространение в албанской христианской архитектуре приобрели часовни,

служащие небольшими молельнями в стороне от караванных путей. Они могли быть как с алтарями, так и без них; как правило, их стены украшали камни с изящными узорами. Самыми сложными постройками албанского периода считались базилики и монастыри.

Некоторые сохранившиеся архитектурные памятники претерпели столько изменений, что утратили большую часть своего прежнего облика [Геюшев, 1984, с.81]. Во время археологических раскопок в разных районах Азербайджана были обнаружены остатки архитектурных построек. Эти находки позволяют высказать определенные представления о ранних христианских архитектурных сооружениях. Следует отметить, что географическое положение Албании и благодатные условия природы, различные строительные материалы (камень, глина, породы дерева) позволяли мастерам страны создавать любые сооружения: от строительства простой церкви до зданий с более сложной композицией.

В результате ряда проведенных исследований Р.Б.Геюшев разделил христианские храмы Албании на 4 группы: 1) однефные зальные храмы; 2) круглые храмы; 3) трехнефные базилики; 4) часовни (кельи). Однако в результате исследований был добавлен новый тип храмов – пещерные храмы и создана 5-я группа [Геюшев, 1984, с.120].

Всесторонняя научная информация об этих памятниках была опубликована до 2011 г. в трудах Д.А.Ахундова и Г.Г.Мамедовой. М.Халилов в 2011 г. дает свою классификацию: 1) однефные прямоугольные; 2) трехнефные базилики; 3) крестовые (свободный крест); 4) круглые; 5) трехзальные; 6) пещеры; 7) наполовину врытые в землю; 8) переносные храмы в шатре (скиния) [Хәлілов, 2011, s.85].

В данной статье будет затронут вопрос об албанских христианских крестовых (типа свободный крест) храмах, расположенных в северо-западном регионе Азербайджана. Районы, расположенные в этом регионе, богаты христианскими памятниками, относящимися к албанскому периоду, в частности храмы с крестообразной планировочной структурой. Памятники этого типа создавались в виде креста снаружи и внутри. Считается, что крестовые храмы появились в связи с христианскими мучениками [Хәлілов, 2011, s.133; Мамедова, 2004, с.41]. Г.Мамедова считает, что «генезис и эволюция простых крестообразных памятников ничего общего не имеет с зально-сводчатыми церквями» [Мамедова, 2004, с. 41].

Как правило, трехнефные базилики, построенные после VII в., имели две или одну пару колонн. Крыши обычно остроконечные, а центральный неф не приподнят. В этой связи большой интерес представляют три культовых сооружения, расположенных в местности под названием Пипан в селе Юхары Тала Загатальского района (Рис. 1-2). Одно из них представляет собой храм с крестообразной планировочной структурой, напоминающей мавзолей, а остальные представляют собой постройки, упоминаемые в научной литературе, как «трехцерковная базилика». По мнению исследователей, причиной создания такого типа церквей является расширение религиозных обрядов, необходимость молиться несколько раз в день и запрет на богослужение в одном и том же месте поклонения [Мәтмәдова Г., Мәтмәдова З., 2013, s.260-261; Гаджиева, 2011, с.73]. Храмы с этим типом архитектурного стиля также можно найти в культовых сооружениях христианской эпохи Грузии. В научной литературе Г.Чубинашвили называл эти храмы трехцерковными базиликами и отмечал, что они строились до X в. [Мамедова, 2004, с.91-92]. Научная мысль, высказанная авторами более ранних исследований была повторена М.Халиловым, который подчеркивает, что эти храмы произошли от трехнефных базилик и считает более правильным называть такие типы храмов трехзальными, а не трехцерковными базиликами [Хәлілов, 2011, s.161].

Г.Чубинашвили отметил, что помимо Грузии подобные храмы можно найти и в других местах (Сирия, Балканы и др.). Не случайно большинство трехцерковных базилик, зарегистрированных в настоящее время на границе Республики Грузия, являются храмами, некогда существовавшими в области Камбисена исторической Кавказской Албании [Мамедова, 2004, с.91-92].

Купольная архитектура, начавшая складываться в V–VII вв., способствовала повторному распространению уже сформировавшихся типов с небольшими изменениями вплоть до конца раннего средневековья. Строились купольные базилики и залы, небольшие храмы типа «свободный крест», и в то же время начали формироваться крестово-купольные храмы с кельями на четырех сторонах.

Некоторые образцы храмов Кавказской Албании позднего этапа раннего средневековья представлены храмами типа «свободный крест», которые отличаются строением купола, но общностью архитектурных элементов.

Один из таких храмов находится в лесу у горы, в местности под названием Пипан в Загатале (Рис. 1-2). Этот крестово-купольный храм построен из речного камня в виде отдельно стоящего креста и имеет прямоугольную апсиду с горизонтальными выступами в каждом углу. Восточная стена апсиды со стороны фасада сложена из речного камня. В углах стен храма были найдены звукорегулирующие сосуды. А.Карахмедова отмечает, что в XII в. храм был капитально отреставрирован. Сходство с памятниками Херсонеса и Равенны в Малой Азии позволяет отнести этот памятник Южного Кавказа к VI–VII вв. [Карахмедова, 1986, с. 19-20].

К северу, в 1 км от крестообразного храма находится относительно хорошо сохранившийся небольшой храм. Особый интерес представляет храм, отмеченный, как трехцерковная базилика (VII–VIII вв.), состоящая из прямоугольного однефного зала и коридора, окружающего его с трех сторон. А.Карахмедова и Г.Г.Мамедова проводили исследования данного памятника. А.Карахмедова отмечала, что ширина центрального зала составляет 3,2 м [Карахмедова, 1986, с.20]. Г.Г.Мамедова проводила исследование и обмер позже и подробнее: центральный зал (3,4х6,5 м) состоит из относительно высокой полукруглой алтарной апсиды с восточной стороны и глубоких ниш по бокам [Мамедова, 2004, с.88]. Незначительные расхождения (в 2 см.) оправданы на сильно заросших растениями и расположенных в труднодоступных местах памятниках. Арка, поддерживаемая двумя пилястрами на стене, поддерживает коробчатый свод зала. Западный вход храма не совпадает с центральной симметрией. Здание освещается небольшими окнами с восточной и западной сторон. Под главным залом расположен еще один такой же подвал, освещенный окнами с восточной и западной сторон на высоте трех метров. С севера и юга к молельному залу на всю длину этого зала присоединяются две арочные комнатки. Продолговатые строения комнаток, их арочные крыши, опирающиеся на две пилястры, напоминают боковые нефы трехнефных базилик. Уровень полов смежных комнаток значительно ниже пола основного зала. Отсутствие связочного материала на стыках стен указывает на то, что основная и боковая части памятника относятся к разным периодам. Коридор на западе, где находится лестница, ведущая в храм, отделен от соседних комнаток арочным проходом. Храм построен из речного камня и известкового раствора. Этот храм имеет двухскатную крышу, типичную для христианских храмов базиликального типа. Пространственная структура постройки имеет разную высоту. Высокая часть в центре (около 6,5 м), относительно низкая в западной части и более низкие комнатки в боковых частях сменяют друг друга. Если посмотреть на первоначальную структуру храма, то архитектурный стиль простой и без украшений, типичный для раннехристианских памятников [Мамедова Г., Мамедова З., 2013, с.260; Карахмедова, 1986, с.20-21]. Для регулировки акустики по углам стен храма расставлены глиняные кувшины. При осмотре местности можно увидеть следы каменного забора и других построек. А.Карахмедова отмечает, что основание этого храма можно отнести к раннему средневековью, а строительство галерей к VII–VIII вв. [Карахмедова, 1986, с. 20-21].

Руины третьего храма были обнаружены на расстоянии 3 км от храмов Пипан, на вершине очень высокой горы, в лесистой местности под названием Буховлу (Рис. 3). От храма Буховлу остались только обвалившиеся стены, а крыша полностью разрушена. По своим размерам этот храм больше двух других и имеет большой арочный зал с парой пилястр в центральной части. В отличие от второго храма, пилястры имеют Т-образную форму и поддерживают не только арку, но и продольные своды стены. Этот храм имеет один неф, полукруглую апсиду и галерею с трех сторон. Его структура прямоугольная. Внутреннее помещение (12,4х5,5 м) разделено пилястрами, также сложенными из кирпича. Своды сохранившихся стен сложены из кирпича размером 25х25х4 см. В апсиде две круглые и две прямоугольные полки. Большие круглые полки расположены на высоте 1,5 м от пола. Размеры остальных полок 1,4 и 1,3 м, а апсида храма выше пола. В результате расчистки восточной части галереи стали видны апсиды [Карахмедова, 1986, с.21]. В углу апсиды алтаря, в стене, две круглые кельи. Прямоугольная полка и стена, прикрывающая галерею, расчищены с северной стороны. Они были добавлены после того, как галерея была построена. Связь с коридорами, окружающими центральный зал, осуществлялась через проемы в северном, южном и западном направлениях. Проход не разделен и, как видно из плана, построен как трехсторонний коридор [Мамедова Г., Мамедова З., 2013, с.261]. При осмотре территории храма были обнаружены руины и других построек. Памятник построен из речного камня и кирпича, а крыша покрыта черепицей. В результате исследования А.Карахмедова относит памятник к VII–VIII вв. [Карахмедова, 1986, с.21].

Однако М.Халилов отмечает, что памятник относится к 50-60-м гг. X в., учитывая, что при строительстве храма Буховлу в качестве строительного материала использовался обожженный кирпич мелкой квадратной формы [Xəlilov, 2011, s.164].

Купольная архитектура, начавшая складываться в V–VII вв., способствовала повторному распространению уже сформировавшихся типов архитектуры с небольшими изменениями вплоть до конца раннего средневековья. Строились купольные базилики и залы, небольшие храмы типа «свободный крест», и в то же время начали формироваться крестово-купольные храмы с кельями на четырех сторонах.

В Кавказской Албании отдельные образцы храмов позднего этапа раннего средневековья представлены храмами типа «свободный крест», которые отличаются общностью архитектурных элементов и различным строением купола [Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013, s.161-162].

Наиболее уникальным примером храмов этого типа является албанский храм, расположенный в селе Габиздере (Рис. 4). На севере села Габиздере Загатальского района, в месте слияния рек Кильсячай и Мауровчай, находится разрушенный храм. Эта церковь находится в равнинной части горы, в лесу, по дороге в Дагестан [Карахмедова, 1986, с.22; Гаджиева, 2011, с.83]. При возведении стен церкви в качестве строительного материала использовался речной камень, а для крыш – кирпич. По Г.Г.Мамедовой, двери и окна храма облицованы тесаным камнем, а по А.Карахмедовой двери, окна и полки сделаны из известняка [Мамедова, 2004, с.95; Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013, s.262; Карахмедова, 1986, с.22]. Храмовое помещение имеет длину 7,7 м и ширину 6 м, а его стены сложены из плоского речного камня. Крыша храма сложена из кирпичей размером 21x21x5 см, нижняя часть стен церкви сложена из прямоугольных кирпичей размерами 40x21(23)x5 см и 36x23x5 см. В восточной стене левого крыла храма есть небольшая полка [Карахмедова, 1986, с.22]. Постепенно разрушаясь, купол храма упал. Вход в этот однозальный храм с южной стороны, а его освещение осуществляется через окна, расположенные на западной стене храма. Г.Мамедова отмечала, что алтарная апсида расположена в восточном направлении, полукруглая изнутри и пятиугольная снаружи, согласно А.Карахмедовой, алтарная апсида имеет девять выступов [Мамедова, 2004, с.95; Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013, s.262; Карахмедова, 1986, с.22]. Алтарь освещается тремя небольшими окнами, расширяющимися внутрь. Этот тип освещения встречается во всех храмах вплоть до начала XX в. Восточное крыло церкви намного длиннее остальных за счет алтарной апсиды. Карниз храма, типичный для средневековых храмов, состоит из пяти рядов кирпичной кладки, расположенных друг над другом. Эта небольшая церковь в Габиздере является одним из самых оригинальных образцов храмов типа «свободный крест» [Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013, s.263].

Г.Мамедова считает, что храм в Габиздере относится к VIII–IX вв. [Мамедова, 2004, с.97], В.Керимов считает, что храм в Габиздере относится к V–VI вв. [Керимов, 2008, с. 30-32], а М.Халилов считает, что храм в Габиздере относится к VII–VIII вв. [Xəlilov, 2011, s.139].

В селе Орта-Зейзит, расположенном в северной части Шекинского района, сохранились остатки одноименного храма (Рис. 5) [Карахмедова, 1986, с.19; Керимов, 2008, с.18; Гаджиева, 2011, с.83; Məmmədova G., Məmmədova Z., 2013, s.263]. Храм Зейзит имеет крестообразную структуру и представляет собой небольшое и слегка вытянутое здание. Все крылья креста в церкви имеют прямоугольную форму кроме восточного крыла. В восточном крыле креста в храме имеется полукруглая апсида. Причина, по которой западное крыло длиннее восточного, заключается в том, что входная дверь находится в западном крыле [Мамедова, 2004, с.97]. В апсидной части храма три окна и по одному в каждом из крыльев креста. Высота окон в храме 1,5 м, а ширина одного из них достигает 0,4 м. По углам креста воздвигнуты пилястры, состоящие из прямоугольной плиты с капителями, шириной до 0,5 м. Вход в храм находится в западном крыле, который длиннее остальных крыльев. Ширина имеющейся здесь двери составляет 0,9 м, а высота – 1,8 м. [Керимов, 2008, с. 14-15]. А.Карахмедова упоминает, что храм имеет небольшую крестово-купольную, относительно выступающую пятигранную апсиду и утверждает, что крылья креста в храме переходят в арочные пристенные полки [Карахмедова, 1986, с.19]. Г.Мамедова считает храм Зейзит церковью типа «свободный крест» [Мамедова, 2004, с.97]. В.Керимов, соглашаясь с А.Карахмедовой, считает этот храм крестово-купольной церковью [Керимов, 2008, с. 14-15].

Заключительный этап раннесредневековой архитектуры Кавказской Албании был представлен несколькими известными образцами церковей типа «простой крест», отличавшихся общностью композиции

в постройках, а также планировочной структурой. Мы знаем, что церквей с простым крестообразным планом строилось довольно много в разных провинциях Кавказской Албании, а также в других христианских странах. На Южном Кавказе этот тип культовых сооружений стал особенно широко распространяться с VII в. Как мы уже упоминали выше, создание церквей типа «простой крест» глубоко связано с крестообразными языческими памятниками. Интересно, что гробницы, являющиеся образцами исламской архитектуры Азербайджана более поздних периодов, имеют крестообразный план. Например, склепы гробниц Барды (1322 г.), Шарафана (XIII в.), Ашагы Вейсалли (XIV в.), Хачин Дербендли (XIV в.) выполнены в виде креста. Ярким примером может служить гробница Шакир-ага XIV–XV вв. на Абшероне, имеющая не только крестообразный склеп, но и план. Если расположение алтаря в восточном крыле албанских храмов типа «простой крест» позволяет ему быть относительно длиннее, то в крестообразных мусульманских гробницах все стороны креста обычно строились одинакового размера [Мамедова, 2004, с.190-199].

Поскольку албанское архитектурное искусство раннего средневековья было коренным образом связано с традициями античности, появление простых или сложных вариантов христианских памятников не было связано с периодом, а зависело от важности того или иного здания, места постройки, понесенных затрат и т.д. Христианские храмы строились в основном на основе базилик, сводчатых залов и круглых зданий античности. В отличие от них новыми типами храмов были среднекупольные, крестообразные («простой крест») и трехзальные храмы. Тот факт, что памятники одного типа имеют широкие хронологические рамки, позволял связывать их с разными другими типами, в результате чего появлялись новые типы и новые храмы, построенные в смешанном стиле. Например, тип храмов, называемый купольной базиликой, был создан из синтеза базилики и купольных построек.

На первом этапе типы храмов были простыми, окон было мало, и, по мнению специалистов, таким образом древние архитекторы пытались создать атмосферу «божественной тьмы». На наш взгляд, наличие у храмов такой конструкции служило увеличению возможности их защиты.

Крестово-купольная композиция использовалась и в албанско-христианской архитектуре в более поздние периоды. Стойбище Чудуллу (XVI век) в Загатальском районе и храмы Курмюк, которые были основаны в I–III вв., но перестроены в XIX в., также относятся к этому типу архитектуры.

Хотелось бы отметить, что строительство крестово-купольных церквей в Кавказской Албании началось с V–VI вв., а по всей стране этот процесс получил распространение с VIII в. Церкви этого типа имели в общем плане форму креста. Эти храмы имели боковые помещения в четырех углах и были увенчаны высоким куполом, построенным в центре креста.

В целом анализ упомянутых в статье храмов показывает, что это крестообразные или крестово-купольные местные албанские храмы. Существовавшие в более поздние периоды храмы образовались на основе крестово-купольных местных албанских храмов и имеют архитектурные элементы, характерные для Албании.

О древнейших архитектурных образцах и традициях Кавказской Албании сведений очень мало. Это связано с малочисленностью источников того периода, а также с тем, что церкви, построенные в более поздние периоды, строились в старых культовых сооружениях, а в некоторых случаях непосредственно на самом храме. Вообще албанские памятники и архитектура всегда выделялись среди памятников других стран того периода своим разнообразием, богатством и монументальностью. Потому что церкви и монастыри Кавказской Албании тесно связаны с историей Азербайджана и являются ее главной составляющей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Xəlilov M.C. Albaniyanın xristian abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: “Xəzər Universiteti” nəşriyyatı, 2011, 344 s.
2. Məmmədova G., Məmmədova Z. Orta əsr memarlığı (VIII–XIV əsrlər). II cild. Bakı: “Şərq-Qərb” Nəşriyyat Evi, 2013, 316 s.
3. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 192 с.
4. Гаджиева С.Х. Архитектура Шеки-Загатальской зоны Азербайджана (историческая левобережная Кавказская Албания – северо-западный регион Азербайджанской Республики). Баку: Элм, 2011, 254 с.
5. Карахмедова А.А. Христианские памятники Кавказской Албании (Алазанская долина). Баку: Элм, 1986, 27 с.
6. Керимов В. Храм Зейзит Кавказской Албании. История, архитектура, археология. Баку: Элм, 2008, 120 с.
7. Мамедова Г.Г. Зодчество Кавказской Албании. Баку: “Чашыюглу”, 2004, 224 с.

Рис. 1. Внешний вид крестового храма Пипан (VII–VIII вв.).
Село Юхары тала, Загатальский район

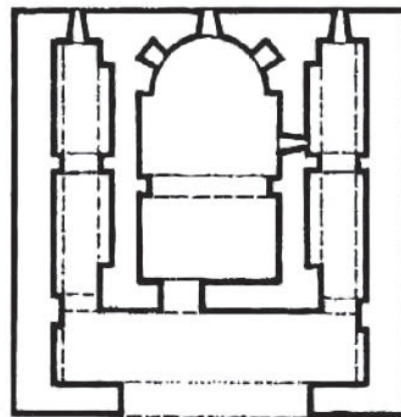

Рис. 2. Внутренний вид и план трехзального храма Пипан [Мамедова, 2004, с.91]

Рис. 3. Внешний вид и план храма Буховлу (VII–VIII вв.). Закатальский район [Мамедова, 2004, с.94]

Рис. 4. Храм Габиздере и план храма (VI в.). Закатальский район [Мамедова, 2004, с.40]

Рис. 5. Внешний и внутренний виды, план храма Орта Зейзит. Шекинский район [Мамедова, 2004, с.98]

Гарабаглы Ризван

*Член-корреспондент Международной Академии восточной архитектуры,
ведущий научный сотрудник Института архитектуры и искусства НАНА,
доктор философии по архитектуре, доцент*

ЗАНГЕЗУРСКАЯ ВЕТВЬ КАРАБАХСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. В Азербайджане XII–XIII вв. считаются периодом возрождения империи Великих Сельджуков. Ведущие художественные орнаменты архитектуры от Гянджи до Казвина в Азербайджане получили известность под названием «сельджукский стиль» или «сельджукский архитектурный декор» и нашли отражение в научной литературе. Эту тенденцию можно наблюдать в архитектурных памятниках Карабаха и одновременно Зангезурского района.

Период XIII–XV веков Карабахской архитектурной школы, считающейся наивысшей ветвью Арранской архитектурной школы, связан с именем мастера-зодчего Али Маджаддина. В ходе исследования выяснилось, что стилистическая особенность его архитектурной школы красной линией проходит от Анатолии до Нахчывана, современной Армении, Зангезура, Карабаха и Бейлагана. Позже (XVI–XVIII вв.) в Карабахе и Зангезуре появились новые строительно-архитектурные формы. Это также связано с именем талантливого архитектора Шейха Бахаэддина. Следует отметить, что памятники архитектурной школы Шейха Бахаэддина помимо Зангезура можно встретить в Иреване, Карабахе и Гяндже. Влияние архитектурной школы Шейха Бахаэддина продолжалось до конца XVIII в. За этой архитектурной школой последовала школа Кербалаи Сефихана Карабаги, талантливого зодчего Востока. В то время, как эклектика западной архитектуры сильно повлияла на все регионы Азербайджана в XIX и XX вв., она не смогла оказать даже незначительного влияния на архитектуру Карабаха и Зангезура. В этом также измеряется сила и влияние Сефиханской архитектурной школы.

Ключевые слова: Архитектурные школы, архитектурная традиция, архитектурный стиль, архитектурная особенность

Keywords: Architectural schools, architectural tradition, architectural style, architectural uniqueness

В Азербайджане XII–XIII вв. считаются периодом возрождения империи Великих Сельджуков. В это время произошел подъем в политике и экономике империи, а также в ее культуре, искусстве и особенно в архитектуре. Неслучайно ведущие художественные орнаменты архитектуры от Гянджи до Казвина в Азербайджане получили известность под названием «сельджукский стиль» или «сельджукский архитектурный декор» и нашли отражение в научной литературе [Arseven, 1984, s.395]. Это положение ярко проявилось не только в Азербайджане, но и в тюркском искусстве, а также в архитектуре и искусстве Средней Азии, Ирана и Ирака. Эту тенденцию можно наблюдать в архитектурных памятниках Карабаха и Зангезура. К таким памятникам относятся Бугукарское святилище (VIII в.) с один-

надцатью помещениями в Мегринском районе, святилища-пири Чинар, Хасан, Албанди, Глейтан, Бахаджи, караван-сарай Шах Аббаса, расположенный на Карчеванской (Гирхчиванской) равнине и другие памятники. Однако в этом вопросе исключительное значение имеет и личный творческий почерк мастеров, возглавляющих местную архитектурную школу. Конечно, это уже не общерегиональная архитектура, а творчество отдельных мастеров-архитекторов и возглавляемые ими архитектурные школы. Безусловно, что хотя архитектурная школа, которой руководил тот или иной мастер, имеет свою специфику, они также были непосредственно связаны с региональной архитектурной школой. В связи с этим период XIII–XV веков Карабахской архитектурной школы, считающейся наивысшей ветвью Арранской архитектурной школы, связан с именем мастера-зодчего Али Маджаддина (Рис. 1). Конечно, для предоставления более полных сведений о школе этого зодчего следует научно проанализировать традицию созданного им архитектурного наследия, технику строительства и своеобразие стиля. Наряду с этим важно также следить за творческой биографией архитектора в хронологическом порядке. Сразу отметим, что сведения о жизни данного архитектора у нас очень скудные, потому что надпись с именем зодчего сохранилась только на одной гробнице. Эта гробница находится в селе Мамедбейли Зангиланского района (Рис. 2).

Рис. 1. Зодчий Али Маджаддин. XIII век. Автор Р.Гарабаглы

Рис. 2. Общий вид гробницы Мамедбейли, надпись на портале и эстамп надписи

К сожалению, как и в Турции, Средней Азии, Иране и Ираке, мы до сих пор не нашли второй надписи с именем Али Маджаддина в Зангезурском, Карабахском и Нахчыванском регионах. В связи с этим мы попытались прояснить формирование его архитектурной школы, изучая и анализируя художественную связь между гробницей в селе Мамедбейли и памятниками в других районах.

В ходе исследования выяснилось, что стилистическая особенность его архитектурной школы красной линией проходит от Анатолии до Нахчывана, современной Армении, Зангезура, Карабаха и Бейлагана. Было даже подтверждено, что Али Маджаддин хорошо изучил существовавшие до него Тюркскую и Нахчыванскую архитектурные школы, обогатился ими и новаторски использовал в своем творчестве. Мы видим это проявление архитектуры в многочисленных караван-сараях, мечетях, гробницах в Анатолии, (гробницах Момина Хатун, Юсифа ибн Кусейра) в Нахчыване, гробнице Пир-Хусейна (Рис. 3) в селе Джа-

фарабад в Западном Азербайджане (ныне Армения), Селима в Даралеязе (Рис. 4), Агкенд (Рис. 5), Сыныгских караван-сараев (Рис. 6), Демирчилер в Губадлинском районе (Рис. 7), в восьмиугольных гробницах в селе Гурджулар, святилище-пире Ших баба в селе Шихлар Джебраильского района, восьмиугольных и круглых гробницах в селах Худаярлы и Даг Тумас, «Шейх Баби Ягуб» в селе Баби Физулинского района (Рис. 8), Аргалы села Ахмедальлар (Рис. 9), гробницы Мирали в селе Вейсаллы (Рис. 10), гробницы в селе Шарифан Зангиланского района и, наконец, гробницы Яхья ибн Мухаммеда в селе Мамедбейли, на которой написано имя зодчего.

Рис. 3. Гробница Пир-Хусейна

Рис. 4. Общий вид надписи и интерьера Селимского караван-сарая

Рис. 5. Караван-сарай Агкенд и его интерьер

Рис. 6. Сыныгский караван-сарай Рис.

7. Гробница Демирчилер

Рис. 8. Гробница шейха Баби Ягуба. XIII век

Рис. 9. Гробница Ахмедалылар

Рис. 10. Общий вид гробницы Мирали

Конечно, было бы неправильным заявлять, что период строительства вышеназванных памятников совпадал с одним и тем же временем, и исходя из их архитектуры, они были построены Али Маджаддином. Однако по тем или иным конструктивным и архитектурным особенностям, а также тому, что они построены в одном месте и в одно и то же время, эти памятники можно отнести к архитектурной школе Али Маджаддина.

Научный анализ многочисленных памятников, упомянутых и неупомянутых выше, показывает, что, хотя Али Маджаддин обогатился архитектурой различных областей, он был в основном одним из творцов, которые сохранили сельджукский архитектурный стиль. Это проявляется во всех упомянутых выше памятниках. Их художественные архитектурные детали и особенно сталактиты типа «Три листа» на портале и карнизе подобны карнизам и порталам караван-сараев, мечетей и гробниц, построенных вдоль Аксарай-Кайсери, Конья-Аксарай, Каратай-Малатия и других анатолийских дорог. Его почерк, а точнее его «подпись» (печать), отмечающую местонахождение архитектурного произведения, можно увидеть на всех вышеназванных памятниках.

Интересно, что гробница Пир-Хусейна XV в. в селе Джафарабад, расположенном на территории современной Армении, является самой величественной гробницей, сохранившей творческий стиль архитектурной школы Али Маджаддина. Весь карниз этой гробницы окаймлен сталактитами, типичными для архитектурной школы Али Маджаддина. Следует отметить, что подобная дальновидность архитектора прослеживается и в работах мастеров, живших и творивших после него. Примером тому могут служить уникальные порталы шейха Бахаэддина, зодчего, жившего и творившего примерно через четыре века после Али Маджаддина (Рис. 11), или величественные и восьмиугольные каменные колонны талантливого зодчего Кербалаи Сефихана Карабаги, жившего и творившего в Карабахе через шесть веков после Али Маджаддина (Рис. 12).

Рис. 11. Архитектор шейх Бахаэддин

Рис. 12. Архитектор Кербалаи Сефихан Карабаги
Автор Р.Гарабаглы

Исследования показывают, что в XIII в. не только Зангезур и Карабах, но и вся азербайджанская архитектура переживала застой. Это также было связано с монгольским нашествием. Однако после монгольского нашествия (1239 г.) архитектура Зангезура и Аразбарской зоны Карабаха вновь возродилась в связи с появлением архитектурной школы Али Маджаддина, вступила в период развития, и ее влияние оставалось сильным до XV в. После этого (XVI–XVIII вв.) в Карабахе и Зангезуре появились новые строительно-архитектурные формы. Это же было связано с именем талантливого архитектора Шейха Бахаэддина.

Следует отметить, что памятники архитектурной школы Шейха Бахаэддина можно найти в Зангезуре, Иреване, Карабахе и Гяндже. Зангезурские караван-сарай, мосты; мечеть Шах Аббаса в Иреване (Рис. 13) и ряд окрестных мечетей, караван-сарай, бани, дворцы, жилые и другие общественные здания; мечеть Шах Аббаса (Рис. 14), баня (Рис. 15), караван-сарай (Рис. 16) в Гяндже; караван-сарай Шах Аббаса в селе Гаргабазар Физулинского района (Рис. 17); Джума-мечеть в селе Яных Товузского района (Рис. 18) являются памятниками архитектурной школы Шейха Бахаэддина. Богато украшенный портал и центральные купола на главном фасаде этих памятников идентичны памятникам в Гяндже и Иреване. Исследования показывают, что этот строительно-архитектурный стиль чувствуется и на памятниках, построенных позже. Озан в Гяндже (Рис. 19), мечеть Газахлар, мечеть села Гызылхаджилы Геранбоя (Рис. 20) относятся к той же категории памятников.

Следует отметить, что влияние архитектурной школы Шейха Бахаэддина продолжалось до конца XVIII в. Далее здесь появилась новая архитектурная школа. Эта архитектурная школа связана с именем талантливого зодчего Востока Кербалаи Сефихана Карабаги [Qarabağlı, 1995].

Кербалаи Сефихан Карабаги, сын каменщика Султан Гусейна, родился в Карабахе в 1817 году и умер в Шуше в 1910 году. Похоронен на кладбище «Мирза Хасан» в Шуше – рядом с могилами сыновей. Слово Кербалаи в начале имени архитектора, прожившего почетную жизнь в 93 года, было присвоено после его посещения Кербелы, а слово Карабаги после того, как он создал в Карабахе свою архитектурную школу. Первые годы учебы и работы архитектора прошли в Шуше. Некоторое время он был ближайшим помощником своего отца и был хорошо знаком с секретами народной архитектурной традиции. Талантливый архитектор в молодости прославился не только в Карабахе, но и на всем Востоке. Именно по этой причине Сефихан Карабаги был приглашен в 1870 г. в Одессу и построил там мечеть «Татары» для мусульман, а в 1880 г. был приглашен в Ашхабад на обратном пути из Кербелы и построил мечеть «Карабахлар».

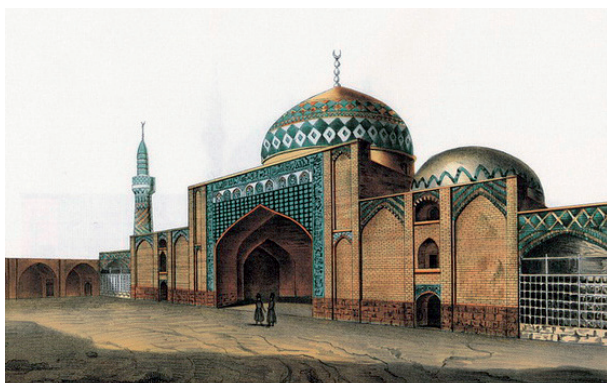

Рис. 13. Мечеть Шах Аббаса в Ереване

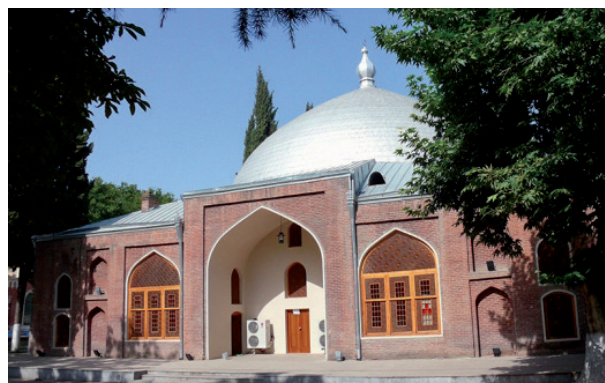

Рис. 14. Мечеть Шах Аббаса в Гяндже

Как известно, Карабах, являющийся неотъемлемой частью Азербайджана, на протяжении истории становился полем боя многих иноземных захватчиков. В связи с этим его экономике и памятникам культуры был нанесен большой ущерб. Однако, несмотря на это, в Карабахе до наших дней сохранились жилые дома дворцового типа, караван-сарай, мечети и другие специально построенные здания с красивой архитектурой. Большое количество таких зданий было построено известным архитектором Кербалаи Сефиханом Карабаги и его строительными бригадами в XIX и начале XX вв. Исследование творческой деятельности архитектора показало, что он был близко знаком с предшествовавшей ему народной архитектурой и стилем работы архитектурных школ, действовавших в мусульманских странах. В то же время он освоил прогрессивные традиции местного народного зодчества. На таком прочном фундаменте знаний архитектор создал свою уникальную архитектурную школу. Обладая утонченным вкусом и врожденным талантом, Сефихан привносил что-то новое в каждое построенное им здание, и в то же время уделял особое внимание климатическим условиям места, где были построены эти здания, а также всем требованиям, вытекающим из понятий время и место. Использование архитектором каменных колонн одинаковой формы во всех его постройках и конструктивная, а не декоративная красота интерьеров, а также установка

здесь специальных стеклянных окон и балконов для женщин относятся к характеристикам его творчества. Конечно, деятельность богатая такими архитектурными качествами Сефиханской архитектурной школы не ограничивается только Карабахом. Как было сказано выше, его архитектурные памятники сохранились в соседних с Азербайджаном странах. Безусловно, идея художественной композиции Карабахской архитектурной школы Кербалаи Сефихана оказала определенное влияние на архитектуру этих стран. С другой стороны, в то время как эклектика западной архитектуры сильно повлияла на все регионы Азербайджана в XIX и XX вв., она не оказала даже незначительного влияния на архитектуру Карабахского региона. В этом также измеряется сила и влияние Сефиханской архитектурной школы.

Рис. 15. Баня Чокек в Гяндже

Рис. 16. Караван-сарай Шах Аббаса в Гяндже

Рис. 17. Караван-сарай Шах Аббаса в селе Гаргабаза Физулинского района

Рис. 18. Мечеть села Яных Товузского района

Рис. 19. Мечеть Озан в Гяндже

Рис. 20. Мечеть села Гызылхаджилы Геранбойского района

ЛИТЕРАТУРА:

1. Arseven S.E. Türk Sanatı. Gem Yayınevi, İstanbul, 1984, s.395.
2. Qarabağlı R.S. Memar Kərbəlayi Səfixan Qarabaği. Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 1995, 80 s.
3. Qiyasi C.Ə. Nizami dövrü memarlıq abidələri. Bakı: Işıq, 1991, 264 s.
4. Məmməd zadə K.M. Azərbaycan da inşa at sənəti (IV–XVI əsrlər). Bakı: Elm, 1978, 210 s.
5. Nemətova M.S. Azərbaycan da pirlər. Bakı: Azər nəşr., 1992, 104 s.
6. Усейнов М.А., Беретаницкий Л.С., Саламзаде А.В. История архитектуры Азербайджана. М.: Госстройиздат, 1963, 396 с.

Рагимов Керим

*Заведующий кафедрой кристаллографии, минералогии
и геохимии Бакинского Государственного Университета
<https://orcid.org/0000-0002-9658-4105>*

Мобили Роберт

*Председатель Албано-удинской христианской религиозной общины Азербайджана,
старший научный сотрудник НИЛ «Комплексной геологической и геофизической
исследований» Бакинского Государственного Университета
<https://orcid.org/0000-0002-4163-2392>*

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И КЛАДОЧНЫХ РАСТВОРОВ ДРЕВНИХ АЛБАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАРАБАХА

Аннотация. В статье исследуется вопрос датировки вяжущих материалов, который в последнее время существенно заинтересовал историков, археологов и реставраторов. Прогресс в развитии исследования датировки и анализа кладочных растворов албанских памятников позволяет резко уменьшить погрешность результатов.

Рентгеновские дифрактограммы извести, гипсовых вяжущих растворов, современного цемента и армянского красного туфа, взятых со стен древних албанских памятников на освобожденных от армянской оккупации территориях Карабаха, позволяют показать возможности инновационных минералогических, петрографических, физико-химических методов исследования датировки и строительной технологии, реставрации и научного обоснования фальсификации и арменизации албанских храмов в результате армянского вандализма.

Ключевые слова: Албанские памятники, археологическая минералогия, методы, фальсификация, церковь.
Keywords: Albanian monuments, archaeological mineralogy, methods, falsification, church

Технология создания строительных и кладочных материалов древних памятников широко исследуется методами рентгенофазового анализа, спектроскопии, электронной микроскопии и термического анализа с начала нашего века. Изучение карбонатсодержащих вяжущих растворов на древних исторических памятниках многих стран мира методом инфракрасной спектроскопии позволило получить много информации о минералого-геохимическом составе используемой извести, ее генезисе, технологии обжига известняка, времени и температуры обжига [Археоминералогия и ранняя история минералогии, 2005, с.15]. Строительные материалы исторических памятников, технологии их производства широко изучаются различными физическими методами исследования, рентгенофазовым анализом, инфракрасной спектроскопией, электронной микроскопией и методами термического анализа. Исследование древних албанских памятников на освобожденных территориях инновационными минералогическими, петрографическими, физико-химическими методами способствует не только изучению культурного наследия, восстановлению и охране памятников, но и научному обоснованию фальсификации памятников в результате армянского вандализма.

Освобожденные земли Карабаха богаты древними историческими памятниками христианского наследия Албанской Апостольской церкви и их исследование является основной целью данной работы.

Современными комплексными физико-химическими методами изучен минеральный состав вяжущих растворов и строительных материалов и с учетом структурных особенностей выявлен кристаллохимический механизм процесса твердения. Данными исследованиями могут быть получены следующие результаты: установление фазовых составов вяжущих материалов и на их основе изготовление рецептов для реставрации древних памятников, выявление методов изготовления вяжущих составляющих, использованных в древних сооружениях; установление кристаллохимического механизма процессов твердения и проявления вяжущих свойств; уточнение возраста древних памятников современными физико-химическими методами; выявление внесенных новых элементов и крест-камней в албанских церквях на освобожденных землях Азербайджана. Впервые нами изучено применение меловых и известковых растворов с добавлением кварца и полевых шпатов при строительстве албанских церквей региона [Чирагов, Алиева и др., 2003, с.92].

По результатам предварительных рентгенографических и рентгеноспектральных исследований вяжущих материалов ряда древних албанских памятников этой местности (монастырский комплекс Худавенг и его стены, крестообразный храм Агоглан в Лачинском районе, четырехгранные церкви в селах Туг и Хунерли в Ходжавендском районе и др.), минералогический состав вяжущих материалов в основном состоит из кальцита, кварца, полевых шпатов и различных глин.

Ремесленники того периода использовали аналогичные известковые растворы при строительстве других памятников средневековья, а также албанских христианских памятников.

При приготовлении кладочного раствора этих памятников использовались известняк и травертин. В процессе горения известняк распадается на углекислый газ – CO_2 и негашеную известь (CaO). Последний при закалке водой образует Ca(OH)_2 . При высыхании гашеная известь вступает в реакцию с CO_2 атмосферы, образуя раствор CaCO_3 . Гашеная известь, полученная в процессе разложения кальцита, соединяется с углекислым газом воздуха, затвердевает и снова превращается в карбонатно-кальциевый кладочный раствор. Эта реакция очень важна для определения возраста памятников ^{14}C -радиоуглеродным методом. Все неорганические атомы углерода в растворе, образующемся по указанной модели, образуются за счет поглощения углекислого газа из атмосферы. Если обмен с атмосферой прерывается в результате секвестрации углерода и затвердевания раствора, то определение возраста углерода в растворе соответствует определению возраста здания. Весь неорганический углерод, образующийся таким образом в воздухе, состоит из атмосферного CO_2 , и после фиксации не происходит обмена с атмосферным углеродом. Срок строительства такого здания можно определить по темпам снижения в результате динамики количества ^{14}C в воздухе (погрешность 30-40 лет). Распространение вяжущего раствора по строительному материалу происходит в виде диффузии. Для определения новообразованного CaCO_3 в растворе можно использовать методы ТЛ (термолюминесценции) и ЭПР (электронного спинового резонанса), которые пока используются редко [Вагнер, 2006, с.92]. Историки, археологи, богословы и реставраторы могут использовать результаты исследований, проведенных этими методами, при оценке священных религиозных памятников.

В настоящее время изучение креплений и строительных (кладочных) материалов является основным показателем при определении возраста исторических памятников. В качестве строительных материалов древние мастера использовали местный известняк, травертин, песчаник, а также отложения и речные камни близлежащих рек. Сегодня, когда албанское христианское наследие фальсифицируется и приписывается Армяно-григорианской церкви, повторение возраста, минерального состава и технологий производства материнского раствора создает трудности из-за ряда проблем.

Изучение карбонатных растворов древних памятников Азербайджана позволяет учесть многие практические вопросы при их реставрации: твердость кладочных растворов должна быть ниже твердости кладочных камней и кирпичей; способность кладочных растворов поглощать воду и водяные пары должна быть больше показателей кладочных элементов или близка к ней. Эти растворы должны собирать воду и различные соли и выступать в качестве общего защитного материала для строительных конструкций и т.д.

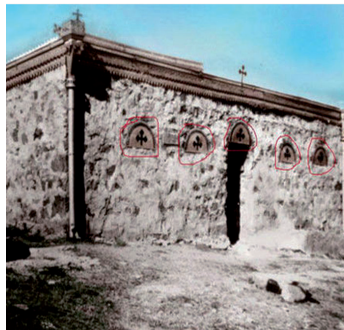
«В изучении истории Албании не было никакого принуждения. Историки разных стран изучали историю Албании, но известно одно: историей и судьбой Кавказской Албании больше, чем кто-либо другой, должны заниматься азербайджанцы. В этой области они несут ответственность перед мировой наукой».

Выдающийся кавказовед, российский историк Ю.И.Крупнов

«..Армяне, искусственно григорианизируя коренных албан, называют земли Азербайджана, где они когда-то укрылись, «Хай землей». Однако исследователи отмечают, что даже памятники христианской эпохи не соответствуют ни армянской религии (григорианству), ни армянской культуре и происхождению. Таким образом, историко-археологическое и архитектурное изучение албанско-христианских памятников на территории Азербайджана помогает прояснить многие черты христианства».

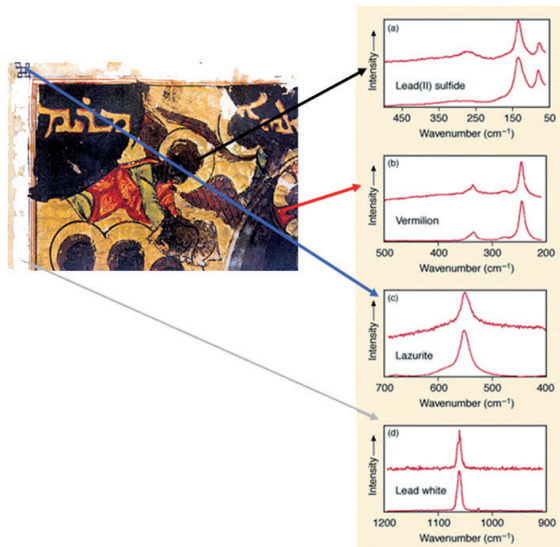
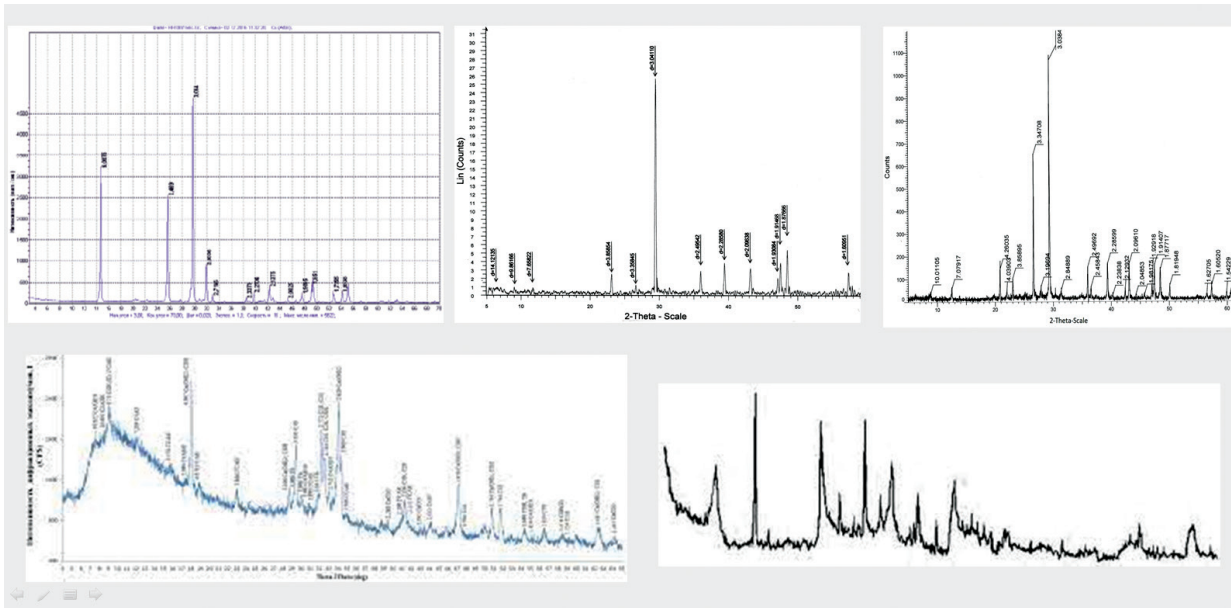
Грузинский историк А.Чавчавадзе

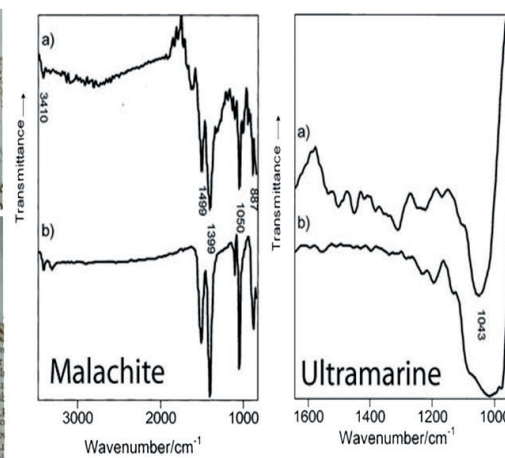

Кельбаджарский район. Село Шихавенд. Храмовый комплекс

Рентгеновские дифрактограммы извести, гипсовых вяжущих растворов, современного цемента и армянского красного туфа, взятых со стен различных памятников

Спектроскопический анализ FTIR настенных росписей и образцов культурного наследия

ЛИТЕРАТУРА:

1. Археоминералогия и ранняя история минералогии / Материалы международного семинара. Сыктывкар, 2005, 194 с.
2. Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории / Пер. с англ. М.П.Горадецкого и др. М.: Изд-во «Техносфера», 2006, 576 с.
3. Чирагов М.И., Алиева И.Н., Рагимов К.Г., Широнова А.Ф., Мобили Р.Б. Минералого-геохимические особенности строительных материалов некоторых древних сооружений Габалы, Шеки, Гаха и кристаллохимический механизм карбонатизации известковых растворов / Вестник Бакинского университета, №1, Баку: Изд-во БГУ, 2003, с.92-98.

Халилов Мубариз

Ведущий научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории

Джафарова Эльмира

Ведущий научный сотрудник Института археологии, этнографии и антропологии НАНА, доктор философии по истории, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-2212-5344>

КИЛВАРСКИЙ ХРАМ

Аннотация. Статья посвящена христианскому храму, расположенному в селе Килвар Шабранского района. Название села связано с килварами, входившими в состав христианского населения Албании. Считается, что килвары обратились в христианство в албанский период. До недавнего времени килвары, говорившие по-армянски, общались также на татском и азербайджанском языках. Храм Килвар мог быть построен самое позднее в конце XV – начале XVI вв.

Ключевые слова: христианство, храм, археологические исследования, места дверей и окон, эпиграфические материалы

Keywords: Christianity, temple, archaeological research, door and window openings, epigraphic materials

Христианское население, поселившееся в селе Килвар (184 чел.), упоминается еще в 1831 г. в «Камеральном описании Губинской провинции», составленном коллежским регистратором А.Хотяновским [Хотуановски, 2008, с.366-369]. Среди мужчин и женщин этого поселения, входившего в Шешпаринскую область и жители которого были христианами, помимо христианских (армянских) имен, также были зафиксированы тюркские имена Агаси, Гарагеде, Ахбуган, Бабаи (Бабай), Худабахыш, Бахши, Гыйгюль и другие мужские имена. А также Алтаран (Алаторан), Ахтаран (Ахторан), Назан, Ханум, Назлы, Оглангерек, Анагыз, Айторан, Кетан и другие женские имена можно привести в качестве примера. Имя Оглангерек можно даже выразить как предложение из двух слов. Это женское имя изначально принадлежало туркменам. Принимая во внимание вышеизложенное, можно предположить, что христиане – килвары также говорили на азербайджанском языке.

Первые археологические исследования христианских памятников на территории села Килвар были проведены Р.Б.Геюшевым еще в советское время. Он вскрыл группу христианских грунтовых могил и описал некоторые примечательные особенности храма Килвар [Геюшев, 1984, с.106, 117].

В христианских могилах в лесу на севере села обнаружены скелеты, обращенные на юго-восток, вытянутые на спине со скрещенными руками в области живота. В могиле № 11 найден железный нож. Это слегка изогнутое удлиненное лезвие сужается к рукоятке и кончику наверху. Длина лезвия 17 см, ширина 1,5-1,7 см. На основании сопоставления с аналогичными материалами нож относится к VIII–X вв. [Геюшев, 1984, с.117]. Это кладбище может свидетельствовать о том, что примерно в те века здесь была церковь.

На восточной стене храма Килвар большой интерес представлял гравированный камень, зафиксированный Р.Б.Геюшевым [Геюшев, 1984, с.106]. Учитывая, что этого камня в настоящее время не существует, считаем важным заострить внимание на нем. Этот серый туф местного происхождения имел длину 1,6 м, ширину 0,7 м и толщину 0,2 м. В верхней части композиции, обрамленной геометрическим узором кладки, изображен крест, солнце слева от креста, полумесяц справа от креста, под крестом повернутый вправо всадник, а перед ним повернутый вправо пеший. Конный воин, сидящий в седле, держит в левой

руке уздечку, а в согнутой правой руке длинное копьё. Длина изображения копья 0,56 м. С левой стороны, на талии, имеется изображение меча. На голове всадника треугольный шлем с выпуклым гребнем. Высота изображения человека перед всадником 0,21 м. Этот бородатый мужчина носит длинную одежду. На голове конусообразный шлем, обе руки за спиной. Р.Б.Геюшев предполагает, что это изображения воина на коне и его пленника [Геюшев, 1984, с.106]. Можно предположить, что храм Килвар мог быть построен по приказу того покойного конного воина. В то же время следует указать, что в 704/5 г. на Партавском (Бардинском) церковном Соборе, проходившем под председательством албанского католика Симеона I, был принят закон, пункты 4-5 которого запрещали всадникам и другим воинам владеть церквями и монастырями [Хәлілов, 2009, s.240].

Войти в храм можно через 3 двери, расположенные в северной, южной и западной стенах, каждая с одним входом (План 1, 4; Рис. 1, 2). Места для дверей были в середине стен. Эти входы были в виде вытянутой прямоугольной формы, а их верхней части был придан полукруглый, несколько подковообразный вид. Высота северной двери 2,90 м, ширина 1,65 м, толщина стены 1,13 м. Ширина западной двери 1,65 м, толщина стены 1 м. Ширина южной двери 1,60 м, толщина стены 1,30 м.

Зал освещается окнами. Над каждой дверью круглое окно (План 2, 3). Было сделано еще 2 места для окон, по 1 справа и слева от каждой двери. Полукруглая верхняя часть этих окон находится на уровне круглого окна, а прямоугольная часть доходит до подковообразной части двери. Ширина такого окна с правой стороны южной двери 0,98 м, а с левой стороны 0,95 м, толщина каждого окна 1,20 м. С другой стороны продолговатых оконных проемов на северной и южной стенах на том же уровне и такой же формы выполнена имитация оконных проемов, имеющая функцию архитектурного украшения (место окна с кирпичной внутренней отделкой). Все места окон, в том числе их имитации, обрамлены кирпичной рельефной прямоугольной рамой. Нижняя горизонтальная часть рамы круглых окон относительно широкая и длинная, выступает за границы рамы в стороны.

На внешней стороне стен, где расположены входы в храмы, есть различные элементы. На поверхности оконных имитаций северной стены ромбический узор, состоящий из трех элементов, выполнен за счет различного расположения кирпичей в раме. В отличие от южной стены, в северной стене на уровне верхней, подковообразной части дверного проема карниз отделяет часть стены, где расположено окно и его имитации, от нижней части той же стены, что почти такой же высоты. Этот выпяченный кирпичами карниз обрывается только в районе южной двери храма (План 2, 3). На поверхности части северной стены ниже карниза под каждым окном и его имитацией окаймлена вдавленными линиями прямоугольная область, выполняющая функцию архитектурного украшения. При этом прямоугольная область под оконными имитациями длиннее в поперечном направлении, чем соответствующая площадь под окном той же высоты. Карниз изгибается от северной стены к западной на том же уровне, где обрывается только у двери, а затем доходит до южной стены. Западная стена отличается от северной и южной стен отсутствием имитации окон, при этом здесь имеются продолговатые окна. Причина этого в том, что западная стена относительно короткая.

Исследования показывают, что на определенном этапе строительно-реставрационных работ проводилась реконструкция восточной стены храма. Так, нижняя часть круглого окна апсиды, располагавшаяся между двумя продолговатыми окнами (по одному в протезисе и диаконнике), позже была разобрана. Оштукатуривание боковых сторон расширенной вниз части окна подтверждает, что низ окна не был разрушен, а был сделан в таком виде мастером. Это могло быть сделано с двумя целями: 1) увеличить освещенность апсиды; 2) сделать дополнительный вход для прямого доступа к апсиде снаружи. На восточной стене имитации окон нет по той же причине, что и на западной стене. Обрушение нижней части восточной стены, как и южной стены храма, и то, что они до определенного уровня остаются под землей, не позволяет уточнить тот или иной элемент постройки.

При строительстве храма Килвар использовались прямоугольные обожженные кирпичи размерами 27x12x5 см, 25x12x5 см и др. [Хәлілов, Сәфәрова, 2017, s.296]. Обожженные кирпичи похожих размеров известны из памятников раннего средневековья Мингячевира (27,5x17,5x6,5 см) [Хәлілов, 2009, s.48] и средневекового Сандыктепе I (25x14x6 см, 23x15x6,5 см). Внутренняя сторона стен храма была побелена известью после оштукатуривания, а внешняя сторона стен не была оштукатурена.

Храм Килвар имеет полукруглую апсиду в восточной части здания, не выходящую за прямоугольную границу, как в других христианских храмах, протезис, расположенный в северной части, и диаконник, расположенный в южной части. Оба этих пастофория были прямоугольной формы. Зафиксировано 2 надписи, выбитые на прямоугольных плитах, расположенных над каждым из мест дверей протезиса и диаконника, выходящих в зал [Хәлілов, Сәғәрова, 2017, s.295]. 7-строчная надпись над входом в протезис была разрушена и стала неразборчивой. Напротив, хорошо сохранилась 9-строчная армянская надпись над входом в диаконник. Над каждым из мест дверей протезиса и диаконника есть ниша. Верхняя часть этих ниш полукруглая, а нижняя прямоугольная.

Длина диаконника 3,65 м, а ширина 1,60 м. Дверь комнаты открывается на запад, а продолговатое окно на восток. Высота входа в диаконник вместе с надписным камнем 2,10 м, высота двери 1,75 м, ширина 1,07 м, толщина 0,55 м. Места окон имеют ширину 0,97 м и толщину 1,10 м.

Протезис имеет длину 3 м и ширину 1,65 м. Продолговатое окно комнаты открывается на восток, а дверь на запад. Высота входа вместе с надписным камнем 2,30 м, высота двери 1,95 м, ширина 1,20 м, толщина 0,55 м. Места окон имеют ширину 0,97 м и толщину 1,10 м.

Длина апсиды алтаря 3,60 м, ширина 2,70 м. Ширина оконного проема апсиды на восток 1 м, толщина 1,10 м. На каждой из северной и южной стен апсиды расположены ниши, обращенные друг к другу. Южная ниша шириной 1,20 м, высотой 1,10 м, глубиной 0,25 м, северная ниша шириной 1 м, высотой 1,20 м, глубиной 0,25 м.

Длина храма от западной двери до апсиды 10,75 м, общая длина интерьера, включая апсиду, 14,35 м, ширина 7 м.

Близко к южной стене зала возведена прямоугольная колонна из обожженного кирпича. Эта колонна, предназначенная для удержания барабана, имеет размеры 0,65x0,85 м. Верх колонны перекрыт 2 арочными пролетами [Хәлілов, Сәғәрова, 2017, s.296]. Расстояние от колонны до западной двери 2,65 м, а от северной стены до колонны 4,30 м. Ширина прохода между колонной и южной стеной 1,30 м, а ширина прохода между северной стеной 4,30 м.

От кровли храма сохранились только внешняя поверхность круглого барабана с 8 гранями и внутренняя поверхность. В барабане имеется 8 мест окон, соответствующих каждой грани [Хәлілов, Сәғәрова, 2017, s.296]. Окна обрамлены выпуклыми рамами из кирпича. Относительно более широкие такие выпуклые рамы также обрамляют грани. Верхняя часть окон полукруглая, а нижняя прямоугольная (Рис. 2).

Принимая во внимание, что группа христианских захоронений, обнаруженная близ храма Килвар, в научной литературе относится к концу XV – началу XVI вв. [Dostiyev, 2001, s.234-235], в качестве предварительного вывода к этому периоду можно отнести нижнюю границу хронологических рамок храма. Эти хронологические рамки можно расширить до XVIII века. Считается, что христианские памятники в Килваре принадлежат килварскому этносу, принявшему христианство в албанский период и присоединившемуся к албанскому племенному союзу.

Килвары участвовали в различных походах в составе армии маскютского правителя Санесана, состоявшей из кочевых и полукочевых племен. Предполагается, что позже они стали татами [Гейбуллаев, 1991, с.186]. Племя Килвар впервые упоминается в исторических письменных источниках в связи с политическими событиями, происходившими в 337 и 450-451 гг. [Тревер, 1959, с. 191, 211]. В то же время считается, что этноним килвар отражен в названии села Килвар Шабранского района [Гейбуллаев, 1991, с. 71]. Еще в 985/6 г. арабский автор Мугаддаси писал, что большинство населения города Шабран составляют христиане [Минорский, 1963, с.111]. В произведение «Тарих ал-Баб», составленном в 1106 г., рассказывая о событиях 1067 г., показано, что в это время были разграблены селения близ города Шабран, население, проживающее в селениях, взято в плен, дома сожгли, а людей распяли. В этом историческом источнике распятые крестьяне названы союзниками мусульман [Минорский, 1963, с.59, с.111]. В.Ф.Минорский пришел к выводу, что это население близ Шабрана состояло из христиан [Минорский, 1963, с. 111].

В селе Азад Гейгёльского района обнаружен памятник, очень похожий на храм Килвар. Особенно интересно то, что и здесь храм был построен в местности, где имеются христианские могилы [Хәлілов, 2009, s.131-132]. Найденные в этих могилах материалы относятся к III–VII и XIII–XV вв. [Хәлілов, 2009, s.132]. Кроме того, интерьер знаменитого храма Агоглан очень похож на внутреннюю структуру храма, расположенного

в селе Азад. Интерьер храма Килвар почти повторяет интерьер храма, расположенного в селе Азад (план 5). Учитывая, что название храма Агоглан уже упоминается в историческом письменном источнике, датированном 844 г., можно предположить, что храм, расположенный в селе Азад, мог существовать в IX в. также, как и храм Агоглан.

На основании приведенных сведений можно утверждать, что христианское население проживало в этом регионе еще в IV–XI вв. Исследования проводились авторами в христианском храме позднего средневековья, расположенном на территории села Килвар Шабранского района. Впервые дано подробное описание этого памятника, а по результатам обмеров составлены планы. Исследуемый храм построен из жженого кирпича прямоугольной формы различных размеров, относится к типу прямоугольных, одностолпных христианских храмов. К албанским храмам, подобным храму Килвар, относятся, как уже упоминалось, храм Агоглан и храм, расположенный в селе Азад Гейгельского района. Следует отметить, что таты-христиане проживали в селе Килвар до конца XX в.

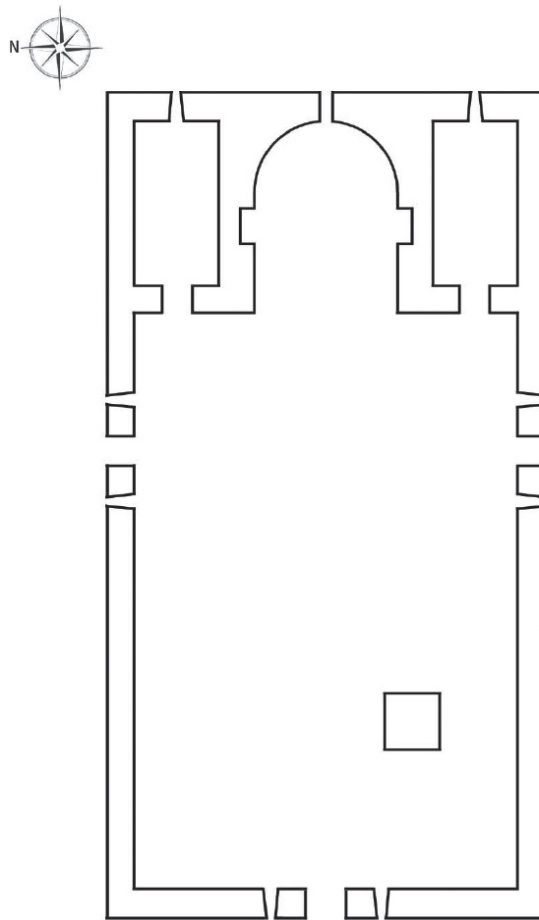
Рис. 1. Вид церкви Килвар спереди

Рис. 2. Фрагмент интерьера церкви Килвар

ЛИТЕРАТУРА:

1. Dostiyev T.M. Şimal-Şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə. Bakı, 2001.
2. Xəlilov M.C. Albaniyanın xristian abidələri (IV–X əsrlər). Bakı: “Xəzər Universiteti” nəşriyyatı, 2011, 344 s.
3. Xəlilov M.C. Albaniyanın qəbir abidələri (IV–X əsrlər). Bakı, 2009, 180 s.
4. Xəlilov M.C., Səfərova E.B. Quba, Şabran və Xaçmaz rayonlarında tədqiqatlar // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016, Bakı, 2017, s.291-297.
5. Xotyanovski A. Quba əyalətinin kameral təsviri. Bakı: Sabah, 2008, 752 s.
6. Геюшев Р.Б. Христианство в Кавказской Албании (по данным археологии и письменных источников). Баку: Элм, 1984, 192 с.
7. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев. Том I. Баку: Элм, 1991, 552 с.
8. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Изд-во вост. лит., 1963, 265 с.
9. Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959, 389 с.

Масштаб: 1:100

План 1. Церковь Килвар (М.Дж.Халилов, Э.Б.Джафарова)

*Книга сверстана и отпечатана
в издательско-полиграфическом центре «Мутарджим».*

Подписано к печати 24.10.2023.
Формат: 60x90 1/8. Объем: 14,5 п.л. Тираж 200.

«Mütərcim» TƏRCÜMƏ
VƏ NƏŞRİYYAT-POLİQRAFIYA MƏRKƏZİ

Az 1014, Bakı, Rəsul Rza küç., 125/139b
Tel./faks (+99412) 596 21 44

ИЗДАТЕЛЬСКОПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР "Мутарджим"

Az 1014, Bakı, ul. Rəsul Rza, 125/139b
Тел./факс: (+99412) 596 21 44

e-mail: mutarjim@mail.ru
www.mutercim.az